

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

ХАБАРОВ

Annotation

Книга писателя-историка Л. Дёмина рассказывает о жизни и судьбе знаменитого российского землепроходца Ерофея Павловича Хабарова (?—1671).

- [Хабаров. Амурский землепроходец](#)
    -
    -
    - [2. В Великом Устюге](#)
    - [3. Дорога в Мангазею](#)
    - [4. Житьё в Мангазее и на Нижнем Енисее](#)
    - [5. Посещение столицы](#)
    - [6. Дорога на Лену](#)
    - [7. Пушной промысел на Лене](#)
    - [8. Начало Якутского воеводства и злоклучения Ерофея Хабарова](#)
    - [9. Якутский воевода Францбеков и его взаимоотношения с Хабаровым](#)
    - [10. Поход на Амур](#)
    - [11. Вниз по Амуру](#)
    - [12. Раздоры в рядах первопроходцев](#)
    - [13. Донос дьяка Стеншина.](#)
    - [14. Вынужденная поездка в Москву](#)
    - [15. В кругу семьи](#)
    - [16. Беспокойное время на Киренге](#)
    - [17. Встреча с сибирским воеводой Годуновым](#)
    - [18. Последняя поездка в Москву](#)
    - [19. Заключение](#)
    - [СЛОВАРЬ](#)
    - [ХРОНОЛОГИЯ](#)
-

Хабаров. Амурский землепроходец

Ерофей Павлович
ХАБАРОВ
ок. 1605 – 1671

*Из энциклопедического словаря.
Изд. Брокгауза и Ефрона,
Т. LXXII, СПб., 1897*

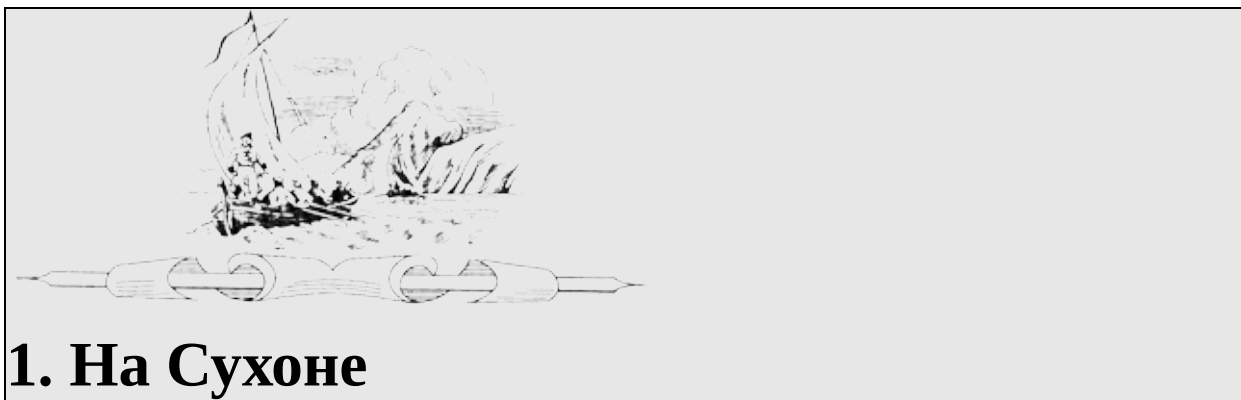
абаров (Ерофей Павлович) — «добытчик и прибыльщик» XVII в. Х., уроженец Сольвычегодска, в 1638 г. поселился на пустой земле при впадении р. Киренги в Лену и устроил там соляную варницу и мельницу, а также завёл земледелие и распахал 60 десятин, обязавшись отдавать в казну десятую часть жатвы. Но якутский воевода П.П. Головин взял вместо десятой пятую часть, а спустя некоторое время отобрал всю землю, хлеб и соляную варницу, а самого Х. посадил в Якутск «за пристава», откуда он был отпущен, по челобитной, на родину лишь в 1645 г. Через четыре года Х., с разрешения якутского воеводы Д.А. Францбекова, отправился с 70 охотниками «для покорения земель, лежащих по Амуру» в Даурскую землю; в следующем (1650) году он привёз в Якутск чертёж этой земли, образцы хлеба и расспросные речи туземцев, содержащие в себе рассказы о богатствах, получаемых из Китая, и своими рассказами о «богатстве и изобилии Даурской земли» привлёк новых охотников. С ними он добыл «много хлеба и скота», утвердился на зиму в Албазине, победоносно ходил на дауров, пленил и облагал их ясаком. В 1651 г. ему удалось покорить нескольких даурских князьков, живших вниз от Албазина по Амуру, и добраться до Ачанского улуса, где, зазимовав, он выдержал три осады от дюгеров, ачанов и маньчжур, после чего поплыл назад вверх по Амуру. На пути ему приходилось вступать в борьбу с отпавшими от него его прежними сообщниками (Поляковым, Чечигиным и др.), а также с гиляками. Встретивший Х. в августе 1653 г. у

устьев р. Зеи московский дворянин Д.И. Зиновьев, которого послали из Москвы для награждения Х. золотыми червонцами, служилых людей 200 новгородок, а охочих — 700 московок, вследствие требования Х. показать ему государев указ, по которому действительно указано Зиновьеву «всю Даурскую землю досмотреть и его Х. ведать», схватил его за бороду и прибил, а затем, по заявлению недовольных и врагов Х., произвёл «розыск». Так как последние обвиняли Х. в нерадении о пользах казны государевой, закабалении служилых людей, вероломном отношении к туземцам и опустошении всего Амурского края, то он сменил его и повёз в собой в Москву, подвергая на пути всевозможным притеснениям. В Москве, в Сибирском приказе, присудили возвратить Х. все вещи, несомненно ему принадлежавшие и отнятые Зиновьевым, а затем, вследствие челобитной, в которой он упоминал о своих заслугах по устройству пашни на Лене и по покорению Даурской земли, о хлебе, отнятом П.П. Головиным, и о пожалованных, но не отданных ему деньгах, его пожаловали «в боярские дети» и назначили управителем приленских деревень от Усть-Кути до Чечуйского волока. После этого о Х. мы имеем лишь одно сведение: в ноябре 1667 г. он подал в Тобольске воеводе П.И. Годунову челобитную, в которой просил вновь отпустить его в Даурскую землю «для городовых и острожных поставок и для поселенья и хлебной пахоты...», но просьба его не была исполнена.

**АМУРСКИЙ
ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

1. На Сухоне

Деревня Дмитриево Вотложенского стана рассыпалась избами по возвышенному берегу Сухоны. За избами тянулись поля и огороды, окаймлённые зубчатой кромкой леса, ельниками и осинниками. Бывало, что из леса в надежде полакомиться на обывательских огородах выходили кабаны и сохатые. Тогда местные жители старались спугнуть и изгнать зверье, крича и грохоча кастрюлями и вёдрами.

Среди местных жителей в деревне обитало несколько семей Хабаровых. Смутные предания доносили, что предки нынешних Хабаровых пришли на Сухону из новгородской земли. Было это в стародавние времена. Ещё до самозванщины, до нашествия поляков, до царствования Бориса Годунова и блаженного царя Фёдора Ивановича, во времена царя Ивана Васильевича, прозванного Грозным. Когда грозный царь учинил жестокий погром Новгорода, уцелевшие его жители, охваченные страхом, бежали в северные земли. Они поднялись вверх по реке, миновали Онежское озеро и реку Вытегру. Откуда перебрались волоком в Ковжу, впадающую в Белое озеро. Миновали его, а потом верховья Щексны малыми реками и озёрами, преодолевая волоки, вышли в Кубенское озеро. А из Кубены держали дальнейший путь по реке Сухоне. Приглянулась Сухона и её берега беглецам из новгородской земли, да и местные обитатели встретили их приветливо. На берегу Сухоны и облюбовали место беглые по соседству с небольшим поселением, называвшимся Дмитриевым.

С тех пор род Хабаровых разветвился. У сыновей первого поселенца выросли свои сыновья, пошли внуки, правнуки. Один из них — Павел Хабаров — крепкий прижимистый хозяин и достойный глава семейства. Выращивал и ячмень, разные овощи, держал обширную пасеку, промышлял охотой и рыбной ловлей, разводил всякий скот. По мере необходимости нанимал работников из устюжской голытьбы. С устюжанами поддерживал тесные связи, снабжал их копчёной медвежатиной и свинными окороками, мороженой рыбой, мёдом, битой птицей, мукой. Чтобы удобнее было поддерживать деловые связи с городом, пришлось Павлу Хабарову поставить на окраине Великого Устюга избу с амбарами, где постоянно обитал кто-нибудь из его сыновей или работников.

Была ранняя зимняя пора. Стоял лёгкий морозец, сковавший реки ледяным покровом. Присыпанные снегом сосны и осины высились на горизонте белой зубчатой стеной. Ерофей, старший из сыновей Павла Хабарова, возвращался с охоты. Его сопровождал брат Никифор. Ерофею Павловичу с ту пору было два с половиной десятка лет. Рослый, плечистый, с окладистой русой бородой, он выглядел истинным богатырём. Никифор был помоложе, ещё ходил в холостяках. Не такой рослый, мускулистый и плечистый, как старший брат, но похожий на него лицом и светло-русый цветом волос, он казался уменьшенной копией Ерофея.

Возвращались братья с богатой добычей: посчастливилось напасть на большой выводок куропаток. Ерофею удалось подстрелить ещё и зайца-беляка. За плечами у каждого из братьев были пристроены луки и колчаны со стрелами.

Ерофей Павлович уже три года как был женат. Жену свою Василису, статную светловолосую красавицу, под стать мужу, которая год назад родила дочку Наталью, он высватал в Великом Устюге. Никифор ещё семьёй не обзавёлся и только заглядывался на девиц. Отец не торопил его с женитьбой.

— Чем порадуете, сыне? — встретил их Павел Хабаров и, дотошно осмотрев добычу, сказал неопределённо:

— Ну, ну... Не с пустыми руками вернулись к отцу. И это хорошо.

Сыновья привыкли к тому, что отец был скуп на похвалу. Если они и заслуживали добрых слов, он воспринимал это как должное и отмалчивался, а за промахи нещадно их ругал и сердито хмурился. Ерофей и Никифор стали разоблачаться, а Василиса перетаскала всю добычу охотников в холодный погреб.

— Садитесь за трапезу, сыны, — сказал Павел, — а утром вас ждут

дела.

— Какие ещё дела, отец — поинтересовался Ерофей.

— Завтра и узнаешь. Не лезь наперёд батьки в пекло, — строго высказался Павел.

Отужинали быстро, за столом не засиживаясь. Давала о себе знать усталость после долгого хождения по лесу. Никифор по молодости и холостячеству не имел собственной постели и спал на полатях вместе с детворой, вповалку с братьями и сёстрами. А Ерофей с женой спали за занавеской на широкой кровати — топчане. Рядом была подвешена люлька с дочкой.

Утром за завтраком Павел произнёс будничным голосом:

— Слышь, Ерошка... Снаряжайте с Никифором обоз. Отправитесь в Устюг. Свезёте купцу Худякову и промышленнику Югову припасы. На выручку закупите... Запомни или лучше запиши... Ты ведь у нас грамотей.

Павел Хабаров перечислял ровным монотонным голосом длинный перечень нужных покупок:

— ...два новых хомута вместо износившихся. Два топора. Отрез тонкого сукна, хорошо бы тёмно-синего или тёмно-вишнёвого, на новые парадные кафтаны. Куль соли и ещё...

Наконец перечень закончился, и Павел принялся за распоряжения:

— С большим обозом вам вдвоём не управиться. Возьмите в помощь Доната.

Это был нанятый работник Хабаровых.

— Снарядите шесть подвод, — продолжал старший Хабаров. — Загрузите их мукой, бочонками с мёдом, брагой, морожеными тушами кабанов и баранов, битой птицей. Сбудешь всё это добро Худякову и Югову. Смотри, не просчитайся при расчёте. Пусть Никифор с Донатом возвращаются домой, а ты останешься в Устюге.

— Зачем я должен остаться в Устюге?

— Стало быть, должен... Ты слушай, не перебивай. Пообтирайся среди купцов, промышленников, владельцев лодейного двора. Разузнай, разнюхай, чего им надобно. Что им потребно? И дай мне знать.

— А коли им потребно столько всяких припасов, сколько мы не соберём?

— Всё равно дай мне знать. Чего в нашем хозяйстве не найдём, отыщется у соседей, в других селениях, выселках. Ежегодно из Устюга уходят за Каменный пояс многие ватаги промысловых людей, государевых служак. Идут в Тобольск, дальние острожки и зимовья. Все должны запастись харчем в дорогу. Смекаешь, сын?

Весь обоз состоял из шести санных упряжек с тремя сопровождающими во главе с Ерофеем Хабаровым. По две упряжки на одного ездового. Отец был скуп, прижимист. Разбрасываться людьми не хотел. Решил, что трое мужиков на маленький обоз — в самый раз: за санями с ездовым на привязи будет двигаться вторая упряжка без ездового.

Павел Хабаров проследил, как обоз спустился с берега на лёд Сухоны, и произнёс последнее напутствие:

— Сыны мои, коней берегите. Не гоните галопом. Переночуйте у свояка.

Сваяк жил в прибрежном селе на полпути между Дмитриевым и Великим Устюгом. Ночевали у него в тесной курной избе, наполненной ребятишками. Расстелили на полу полушубки и заснули до рассвета. Лошадей не выпрягали.

Прощаясь с гостями, свояк, худощавый долговязый мужик средних лет с клинообразной рыжей бородой, предупредил старшего из братьев:

— Держи ухо остро, Ерофеюшка.

— Пошто я должен держать ухо остро? — переспросил Ерофей Павлович.

— Лихие людишки шалют на дорогах.

— Лихим людишкам дадим отпор, — спокойно ответил старший Хабаров.

Однако тревога закралась в сердце у каждого путника, каждый из них настороженно смотрел по сторонам в оба.

Предостережение свояка оказалось не лишним. Когда обоз отъехал от места ночлега вёрст на десяток, со стороны лесистого берега Сухоны раздался оглушительный свист. Из прибрежных зарослей скатились по склону берега два мужика в драных, выдавших виды полушубках. Впереди щуплый человек с редкой бородёнкой. На небольшом отдалении от него — крепкий верзила, который казался главным лицом. Малорослый мужичонка заговорил, вернее, забормотал скороговоркой:

— Поделитесь, люди добрые, чем Бог послал, с бедолагами-горемыками.

Второй незнакомец неподвижным монументом стоял поодаль и помалкивал.

Мысль Ерофея Павловича срабатывала молниеносно. Он сообразил, что щуплый мужичонка, конечно, не атаман ватаги, а лишь на подхвате у него, а командует, скорее всего, плечистый верзила. С ним-то и надо поступить как с главным противником: сокрушить неожиданным сногшибательным ударом. Если на берегу ещё притаились члены

воровской ватаги, они все окажутся в замешательстве. Итак, смелее действуй, Хабаров.

— Возьми на себя ту малявку, а я беру на себя вон того... — шепнул брату Ерофей и, нащупав в кармане полушубка увесистый кастет, приблизился к долговязому, произнёс невозмутимо: — Поделиться, говорите?

Не успел тот понять что-либо, как сильный удар кастетом обрушился на темя атамана. Ерофей был сильным человеком и обычно выходил победителем в кулачных боях с односельчанами, однако никогда не злоупотреблял своей недюжинной силой и первым в драку не лез. Шапка хоть и смягчила силу его удара, но всё же атаман потерял сознание и упал. Ерофей Павлович стал вязать вожжами поверженного противника, а Никифор тем временем управился с малым. Тот оказался увёртливым и даже успел выхватить из-под полы нож, попытался пырнуть Никифора, однако не ранил его, а только порезал полушубок. На помощь младшему Хабарову подбежал Донат. Вдвоём они скрутили и связали мужичонку.

К тому времени на высоком берегу показались ещё трое членов воровской шайки. Они размахивали руками, что-то угрожающе выкрикивали. Возможно, что другие члены воровской ватаги скрывались в лесу.

— Жди нападения, Ерофей Павлович, — сказал с тревогой Донат.

— Нападения не будет. Не посмеют, — спокойно возразил Ерофей. Он властно махнул рукой мужикам и зычно завопил: — Эй вы, божьи угодники. Слышите меня? Коли отважитесь приблизиться к нам, конец вашему атаману. Придушу его, яко щенка шелудивого.

Для пущей убедительности он помахал кистенём, который на всякий случай припрятал в санях под сиденьем. Разбойные люди на берегу стали переговариваться меж собой, но спуститься к обозу не решились. Связанного вожжами рослого атамана и щуплого мужичонку бросили на передние сани поверх мешков, и обоз тронулся. Некоторое время три мужика по берегу сопровождали обоз, но поотстали, а потом и вовсе исчезли. Нападать не решились.

До Великого Устюга оставалась малая часть пути, когда связанный по рукам и ногам атаман пришёл в себя и взмолился:

— Мил человек, отпустил бы ты меня, Христа ради.

— За какие такие добрые твои дела я должен отпустить тебя, злыдня и разбойника? — возразил Ерофей Павлович.

— Отпусти. Разве я покрал у тебя что?

— Не покрал, так собирался со всей своей воровской шайкой

поживиться нашим обозом. По глазам вижу.

— Что же нас с Микешкой дальше-то ждёт?

— А ничего хорошего не ждёт. Уже это как воевода решит.

— Помилуй нас, мил человек. Тебе-то какой прок от того, что нас повесят?

— Самый прямой прок: двумя разбойниками на белом свете меньше станет. Подумал бы, тать непотребный, перед судом Божиим — как ты дошёл до жизни такой, до душегубства.

— Не от хорошей жизни, не от радостей. От нужды горемычной.

Плечистый атаман долго плакался, жаловался на горькую судьбу. Был он когда-то справным хозяином, владел землёй, усадьбой, да влез в долги к жадному купчине. Тот с помощью приказных отобрал у должника хозяйство, землю, сделал его кабальным. Не выдержав кабалы и нищеты, должник подался в бега, скотил шайку из таких же обиженных. Она грабила богатых купцов, промышленников, бедноту старалась не трогать.

Ерофею Павловичу наскучили жалобы пленника, но жалобщика он не перебивал и даже проникся к нему сочувствием, раздумывал, отдавать ли пленника в руки властей. Подумав, сказал властно:

— Помолчал бы лучше, златоуст великий. Бог рассудит твои прегрешения. А я тебе не судья, — сказал Ерофей Павлович властно и развязал обоих пленников. — Сгиньте, злыдни поганые. И не попадайтесь в мои руки ещё раз. Коли попадётся, башку откручу обоим. Понятно?

Освобождённые от пут сползли с саней, потягивались, разминая затёкшие конечности, и, ещё не уверовав в своё освобождение, не высказывая радости, засемили к берегу. Микишка несколько раз оглянулся в сторону обоза.

— Пошто ты освободил этих разбойников? — спросил с упрёком Никифор.

— Не захотел брать грех на душу, — ответил Ерофей, — по велению высвободил, оба могли угодить в петлю.

— Туда им и дорога, — возразил Никифор.

— Пошто, братец, такая лютость? Разве не прав был этот человек, когда изрёк: не от хорошей жизни, мол, выходили они на большую дорогу. Пусть Господь будет им судьёй.

К вечеру обоз достиг Великого Устюга. Взошла луна — большой медно-красный диск с выщербленными краями. В окнах и оконцах домов тускло светились огоньки свечей, лучин и масляных плошек. Врезались в небо многочисленные купола и шпили церквей, увенчанные крестами. За гладкой каменной стеной сгрудились палаты воеводы, присутственные

места, избы гарнизона. Город обрамляли рассыпанные в беспорядке избы посада. Здесь обитель ремесленного люда, мастеровых с лодейного двора, мелких торговцев и всякой голытьбы.

Обоз не стал направляться к городским воротам, охраняемым казаками-стражниками с алебардами и бердышами, свернул в лабиринт извилистых улочек посада и через некоторое время достиг избы Хабаровых. Дорога к ней братьям была знакома по неоднократным поездкам в город. Изба, как и большинство строений посада, топилась по чёрному, но срублена была добротнo — из вековой лиственницы, на высокой подклети, — а на задворках её высились амбары, хлевы, баня. Павел Хабаров неоднократно повторял сыновьям:

— Разбогатеем, переберёмся в Устюг. Усадьбу я возводил с думами о будущем.

Обоз был встречен громким гавканьем двух рыжих собак-лаек с острыми лисьими мордами. Но узрев в прибывших своих, собаки умолкли и стали ласкаться к Ерофею.

Заслышав скрип полозьев и конское ржание, из дома по крутой лестнице спустился во двор постоялец Игнат Свирина, корабельный мастер с лодейного двора, принадлежащего богатому промышленнику Югову, на которого трудилось не менее двух десятков корабелов.

Прижимистый Павел Хабаров держал постояльца не без малой для себя выгоды. И двор в устюжском посаде был под надёжным присмотром, и юговский корабельный мастер платил за проживание исправно, принося Хабарову доход.

Обоз едва въехал в просторный двор, как Игнат поспешил захлопнуть тяжёлые тесовые ворота и задвинуть засов. Ерофей с Никифором и Донатом распрягли коней, отвели их в конюшню. Сани с добром оставались во дворе под охраной собак. Только после этого Ерофей и его спутники вошли в дом. Наспех закусили они ломтями хлеба со свиным салом из дорожных припасов, выпили по жбану холодного хлебного кваса, предложенного Игнатом, и, усталые, не избежавшие дорожных происшествий, отправились на покой в одну из горниц. Семья Игната Свирина никогда её не занимала. Эта горница пустовала, готовая в любое время принять хозяев.

2. В Великом Устюге

Притомившиеся с дороги, Ерофей Павлович и его спутники проснулись поздно, когда солнце уже высоко поднялось над горизонтом. С улицы слышались чьи-то крики, звон бубенцов проезжавших мимо подвод. Со стороны лодейного двора доносились визг продольных пил и перестук топоров.

Первым проснулся Ерофей, прислушался к уличным звукам, окрикнул спутников:

— Подымайтесь, лежебоки. Хватит дрыхнуть...

Наспех позавтракали. Ерофей распорядился, чтобы Донат задал корм лошадям, сам же вместе с братом Никифором отправился в город по делам.

Сперва посетили дом промышленника Югова.

— Влас Тимофеевич давно отбыл на лодейный двор, — такими словами встретил их привратник, охранявший юговскую усадьбу.

Дом Югова, срубленный из толстой сосны, выделялся среди окрестных строений посадка. Не дом — внушительные хоромы в два этажа на подклети с витыми колонночками. Мезонин был разукрашен затейливой резьбой. Сразу видно, что обитает здесь один из именитых богатеев города. Влас Тимофеевич не только промышлял пушного зверя, а точнее — содержал ватагу промысловиков и охотников, отправлявшихся во главе со своими предводителями за Каменный пояс, в Мангазею, на Обь и Иртыш. Ещё он содержал лодейный двор, где опытные и искусные корабелы мастерили лодки, ладьи, дощаники. Изделия юговских корабелов находили широкий спрос у местного купечества и промышленных людей.

Власа Югова братья Хабаровы встретили на берегу Сухоны у недостроенного дощаника, белевшего своей бортовой обшивкой. Промышленник зычным голосом распекал старого корабела, чем-то не угодившего ему.

— Отдохни малость, Влас Тимофеич, — остановил его Ерофей. — Низкий поклон тебе от родителя нашего.

— А, это ты, Ерофеюшка, с братцем своим, — отозвался Югов. — Мы вот всё трудимся в поте лица.

— Бог в помощь!

— С чем пожаловали?

— Со всякими припасами, кои потребны тебе.

— Видишь, сколько народа надобно прокормить, да и у меня самого семейка немалая. Стало быть, всё потребно. Старшенького моего снаряжаю на промысел. Сами-то вы не намереваетесь за Каменный пояс податься? В Мангазею хотя б?

— Поразмыслить надобно.

— Поразмысли, коли так.

— С батюшкой посоветоваться бы надо. Он у нас всему голова.

Югов принялся дотошно расспрашивать, с каким товаром братья прибыли в Великий Устюг, и внимательно слушал Ерофея, когда тот перечислял ему содержимое обоза.

— Так, так... добро, — говорил, кивая головой, Югов, — корабелов кормить надо. Да и в Тобольске мой приказчик сидит, торгует всяким товаром. Опять-таки сынка старшего в Мангазею на промысел собираю. Ему и его людишкам припасы потребны. Всё у тебя забираю. О цене сговоримся, не обижу.

Ерофей договорился с Юговым о продаже ему большей части доставленных продуктов.

— Привези добро ко мне во двор. Найдёшь дорогу? — спросил промышленник.

— Найду, конечно. Не впервой, — ответил Ерофей.

Влас Тимофеевич удалился к другому дощанику, а рядом с братьями оказался Игнат Свирин.

— Интересуетесь трудами рук наших? — спросил он.

— Интересуемся, — сдержанно ответил Ерофей. — Почему дощаник с такой низкой посадкой?

— Рассчитан для плавания по мелководью. Коли купеческий караван держит путь в Сибирь, то в самый раз их испробовать в плавании.

Игнат пустился в пространные рассуждения. Небольшие плоскодонные суда подымались вверх по Вычегде до того места, где в неё впадал правый приток Сысола. Затем шли Сысолост до её верховьев, которые близко подходят к верхней Каме. Далее спускались по Каме до впадения в неё реки Чусовой, чьи мелкие притоки, стиснутые кручами Каменного пояса, близко подходят к притокам Туры. А она — приток Тобола. При впадении этой реки в Иртыш стоит город Тобольск — местопребывание сибирского воеводы. Нелёгко путь до Тобольска: преодолеваешь мелководья, пороги и перекаты, волоки. Однако никакие препятствия и перегрузки не останавливают русского человека на пути в Сибирь-матушку. Преодоление нелёгкого, утомительного пути сулит купцу или промышленнику немалые прибыли, а ради этого можно не пожалеть и

сил своих.

Вернулся Влас Тимофеевич, сказал Ерофею:

— Жду вас с вашим добром. Завозите на мой двор. И хочу побалакать с тобой. Дело есть, Ерофеюшка.

— Какое дело?

— Узнаешь. Всему своё время.

Сперва братья посетили усадьбу купца Худякова, державшего лавку в гостином дворе. Договорились поставить ему две подводы продуктов. Худякова Ерофей Павлович откровенно не любил. Купец был прижимист, мелочен, норовил обсчитать при расчёте. Можно было бы весь запас продуктов сплавить только Югову, человеку добропорядочному и не столь мелочному, но отец имел какие-то свои виды на Худякова и не хотел прерывать с ним связей, хотя и называл его за глаза канальей и мошенником.

В Тобольске Худяков держал торговую контору со своим приказчиком. С купцом Ерофей не без труда договорился о продаже ему содержимого двух подвод. Худяков долго плакался, говоря о каких-то ценах, и пытался обсчитать Хабарова, но тот уже был тёртым калачом. Когда подводы прибыли к худяковской усадьбе и начались расчёты, Ерофей Павлович несколько раз дотошно пересчитал деньги, переданные купцом, и, обнаружив недочёт, с укоризной сказал ему:

— Ошибочка у тебя вышла, не хватает двух гривен. О чём мы с тобой договорились?

— Это по слабости зрения, оно подвело. Вот тебе две гривны.

Четыре гружёных подводы доставил Ерофей на двор Югова. Как наставлял отец, Ерофей протянул Власу подарок — увесистый бочонок с мёдом.

— Прими, батюшка, медок отменный — гостинец от нашей семьи.

— Благодарствую, — ответил Югов и охотно принял бочонок.

Подводы быстро разгружали. Туши кабанов и баранов, а также битую птицу снесли в холодный погреб, муку — в амбар. Влас Тимофеевич рассчитался с Ерофеем, не торгуясь. Напомнил предварительный уговор со старым Хабаровым.

— А теперь прошу к столу, братцы. За столом и потолкуем, — сказал Югов, приглашая Хабаровых в дом. Юговское жилище было просторным, и обогревали его несколько печей. Правда, на их изразцовую облицовку Влас Тимофеевич не расщедрился. Изразцовыми печами могли похвастать только воевода, наиболее богатые и именитые купцы.

— Не взыщите, — чем богаты... — сказал Югов, приглашая братьев

Хабаровых к столу.

Хозяин явно приbedнялся. На большом столе, покрытым пёстрой камчатной скатертью, появились жбан медовухи, блюда с медвежьим окороком, маринованными грибками, разной снедью. Кроме гостей и хозяина за столом сидел старший хозяйский сын Герасим, мужик лет тридцати, уже давно ставший отцом семейства. У стола суежилась, подавая кушанья, одна из дочерей Власа Татьяна, девица на выданье.

— Позаботься, Татьяна, о человеке Хабаровых, — сказал Югов дочери. — Как его кличут?

— Донаткой кличут нашего человека, — пояснил Ерофей.

— Слыхала? Распорядись, чтоб Донатку накормили. Угощайтесь, братцы.

Влас Тимофеевич собственноручно налил каждому по кружке медовухи, положил в тарелки по большому куску окорока. Лишь после обильной трапезы Югов заговорил о деле.

— Что-нибудь слышали о Мангазее?

— Малость слышали, — сдержанно ответил Ерофей, — город на берегу Студёного моря за Каменным поясом, куда приплывают на кочах промышленные и торговые люди из Архангельска.

— Вот и неправильно! Гераська, объясни-ка гостям, где лежит город Мангазея. Ты же плавал туда.

Герасим сдержанно произнёс:

— Батюшка прав. Довелось плавать до Мангазеи... Сей град стоит вовсе не на Студёном море, а на реке Таз. А сия речка, да будет вам известно, впадает в Тазовскую губу, что есть ответвление губы Обской. А до Студёного моря ещё плыть, да плыть.

— Слышали, братцы? — перебил сына Югов. — Не ведали об этом?

— Где нам ведать? — ответил Ерофей. — Нам в эту самую Мангазею не довелось покуда плавать.

— А хотелось бы?

— Отчего бы не хотеть. Я ведь уже не юнец желторотый, а зрелый мужик. Хотелось бы на самостоятельную дорогу выйти, из-под родительской опеки высвободиться. Батюшка-то наш, Павел, что греха таить, крутоват.

— Заметно. Выходи на самостоятельную дорогу, Ерофеюшка. Пора.

Влас Тимофеевич умолк и принялся усердно разгрызать кусочек медвежатины. Покончив с ним, возобновил разговор.

— А ты, Ерофей, хотел бы отправиться в Мангазею?

— Отчего бы не хотеть? — ответил, не задумываясь, тот. — Всё же

любопытно край неведомый своими очами узреть. И братцу моему было бы также любопытно.

— Вестимо, — сдержанно отозвался младший Хабаров.

— Вот, вот... не только любопытно, но и доходно, — весомо изрёк старый Югов. — Поступал бы ты, Ерофей, ко мне на службу.

— О какой службе говоришь?

— Снаряжаю команду промысловиков под началом моего Герасима. Отправляю ту команду в Мангазею.

— По какой нужде?

— Бить пушного зверя: песца, лисицу черно-бурую, горноста и особенно соболя.

— Понятно. Дело стоящее.

— Истинно стоящее. Так согласны поступить ко мне? Был бы у Гераски правой рукой.

— Не знаю, что и ответить тебе, Влас Тимофеевич. Надо с батюшкой посоветоваться. Он у нас всему голова, — уклончиво ответил Ерофей.

— Как батюшка решит, — поддержал брата Никифор.

Потом братья Хабаровы Власа Тимофеевича поблагодарили за хлеб-соль и отправились побродить по лавкам гостиного двора, чтобы купить товары, заказанные отцом. Выбор товаров у устюжских купцов был превеликий, здесь можно было разжиться на все случаи жизни. Покупками братья загрузили целые сани.

На следующий день Ерофей Павлович объявил своим спутникам:

— Отправляйтесь, други мои, домой со всеми покупками. Поклон родным передайте, а я пока побуду в Устюге, как наказывал батюшка. Оставлю себе одну лошадь.

Ерофей подумал, что Никифор с Донатом без надёжного сопровождения могут подвергнуться в пути нападению со стороны лихих людишек, которые и добро горазды пограбить, и воспользоваться санями с лошадьми, да и запросто пришибить ездовых. Такое в здешних краях случается. Поэтому он постарался разузнать, не отправляется ли в сторону Вологды по ледовой дороге, сковавшей реку Сухону, большой купеческий обоз. Оказалось, что такой обоз в сопровождении десятка вооружённых конных всадников выходил из Великого Устюга в ближайшие дни и вёз в основном сибирскую пушнину, которую купцы-промышленники отправляли в столицу. Дав напутствие брату не отставать от купеческого обоза, Ерофей проследил, как сани тронулись в путь, съехав с пологого берега на лёд реки.

Проводив Никифора с Донатом, он дождался прихода с лодейного

двора Игната, с которым завёл разговор. Из него Ерофей Павлович узнал, что воеводская канцелярия, что помещается рядом с хоромами воеводы, постоянно вербует подходящих мужиков для государевой службы за Каменным поясом. Разношёрстный люд клюнул на воеводскую приманку: вас, мол, ждёт край невиданных и неизведанных богатств, возможность стать состоятельными людьми, достичь высоких казачьих чинов. В канцелярии появились усердные служаки, искавшие приключений, всякая неудачливая голытьба и жаждущие быстрого обогащения. Неведомая им сибирская земля, расстилавшаяся за Каменным поясом, манила всех несметными богатствами, бескрайними просторами, загадочностью. Поступавшие на службу верстались ватагами и отправлялись нелёгкой дорогой на восток. Часть служилых оседает в Тобольске, где обитает главный сибирский воевода. Он держит при себе надёжный гарнизон. Остальные расселяются по городам и крепостям края, отправляются на дальние реки, открывают новые, ещё неизведанные земли.

Кроме государевых служилых людей, повёрстаных в казаки, идут за Каменный пояс обозы торговых и промышленных людей, не повязанных государевой службой. Одна из целей — Мангазея. Мангазейских обитателей Герасим снабжал мукой и другими продуктами, промышленял вместе со своими служивыми людьми разного пушного зверя. В первую очередь стремились брать соболя. На мех этого зверька велик спрос в Первопрестольной среди царского окружения, боярства и богатого купечества.

Игнат проговорился, что состоит в родстве с подьячим из воеводской канцелярии Максимкой Крутилиным: сей Максимка, или Максимиан, женат на Игнатовой племяннице Елизавете. Он ведёт предварительные беседы с желающими поверстаться в сибирское казачье войско, старается выявить увечных, физически неполноценных, подозреваемых в причастности к преступлениям, не имеющих грамоты от волостного тиуна. Если человек подходящий и бумаги его в порядке, подьячий направляет просителя к главному дьяку воеводской канцелярии. Тому принадлежит окончательное право принять человека на государеву службу или дать ему от ворот поворот. Выглядит такая чёткая система внушительно, но это только самообман.

Тобольск всегда досаждал устюжскому воеводе бесконечными требованиями — давай людишек. Пополнение требуется на дальние реки, в новые крепости. Это прорва ненасытная. Поэтому не приходится быть особо придирчивым в отборе людей. Если человек говорит, что грамота от волостного тиуна у него была, да он по оплошности выронил её в пути,

либо кто-то её выкрал у сонного, дьяк делает вид, что верит таким рассказам. Конечно, скорее всего это обман, самое беспардонное враньё, но мужик, видать, здоровый, выносливый, руки у него на месте, такой в Сибири приживётся. Пусть Бог ему будет судья, коли соврал. Среди таких мужиков попадаются и беглые холопы, и ушкуйники с большой дороги. Воевода как-то сказал о таких: «По ним петля плачет или арестантская изба. Так не лучше ли нам избавиться от них, да спровадить в Сибирь? Не беда, если сгинут в просторах сибирских».

Видя, что Ерофей заинтересовался его рассказом, Игнат предложил:

— Не хотел бы сам потолковать с Максимкой? Могу пригласить его как-нибудь вечером.

— Сделай одолжение, Игнатушка. Пригласи, — охотно согласился Хабаров.

Подьячий оказался худым и долговязым человеком с сивой бородёнкой клинышком и смахивал на пономаря. Он попытался держаться высокомерно, напыщенно.

— Максимиан Крутилин, — представился важно.

— Кто я таков, твой родич Игнатий небось тебе говорил. Не стану повторять, — сказал в ответ Ерофей.

После предложенной кружки медовухи Максим оживился и стал словоохотлив.

— Приходят к нам всякие. У меня на них глаз намётан, — говорил он. — Вот этот человек вроде бы положительный, на вид здоровяк, мыслит трезво. К тому же грамотей. И бумаги в порядке. С ним и особого разговора нет. Вношу его в реестр и препровождаю к дьяку с моим мнением: «сей вполне годен».

— Не все же так легко проходят?

— Вестимо не всё. Вот встанет у моего стола другой. Глазёнки воровато бегают по сторонам. По роже вижу, что человечиска с нечистой совестью. Вглядываюсь в его бумаги. Что-то здесь не то. Явно не по форме составлены. Почерк корявый. В каждом слове ошибка. Хороший волостной писарь так не нацарапает. Расспрашиваю. В ответах слышу несуразицу. Что бы следовало с таким поделать? Посадить бы в арестантскую избу да учинить допрос. А не лучше ли отправить в Сибирь за тридевять земель? Пусть там трудится на благо Русской земли да встанет на путь истинный. Вот и доложу я свои соображения дьяку.

— И что тебе говорит дьяк?

— Похвалил. Правильно, говорит, рассуждаешь. Сделал вид, что поверил его бумажке, хотя она, видать, и поддельная. И в Сибирь с первой

же партией. Одним мошенником в нашем воеводстве станет меньше. Вот так и живём, Ерофей Павлович. А ты не желал бы поверстаться в сибирские казаки? — спросил неожиданно подьячий. — Мужик ты видный, из хорошей семьи, да и рассудительный. Скоро бы до десятника дослужился. А там, глядишь, и сотник, атаман... Коли проявишь себя, не задержится твоё продвижение в чинах.

— Благодарствую за лестное предложение. Такие предложения не принимаются поспешно, без обдумывания. Надо присмотреться, с батюшкой посоветоваться.

— Как тебе угодно, Ерофей. Заходи в приказную избу. Поглядишь, как мы народ для Сибири отбираем.

— Коли приглашаешь, приду непременно, — пообещал Ерофей Павлович.

Своё обещание Хабаров выполнил, пришёл в приказную избу, где толпился народ, а подьячие за столами усердно скрипели перьями. Однако прежде чем войти туда, Ерофей оглядел центральную площадь города, которую окружали полукольцом внушительные постройки. К воеводской канцелярии примыкали палаты воеводы — двухэтажное здание с башенками, срубленное из толстой сосны. Палаты охраняли стражники с бердышами. К воеводским палатам примыкала гарнизонная изба. Напротив, через площадь возвышался главный городской собор, увенчанный куполами-луковичками. Среди жителей шли разговоры, что вместо бревенчатого будет возводиться каменный собор. Нищие побирушки облепили паперть. Рядом с храмом стоял дом протопопа, соборного настоятеля.

Подьячий Крутилин встретил Хабарова приветственным жестом. Приказал мальчишке-рассыльному принести для гостя табурет.

— Присаживайтесь, Ерофей Павлович. Посмотрите, как мы трудимся.

Хабаров, усевшись в стороне, стал присматриваться к Крутилину, как видно, старшему среди подьячих, а тот дотошно расспрашивал каждого из вереницы ходяков, просившихся на государеву службу в Сибири, некоторые ответы записывал, тщательно обмакнув перо в медную чернильницу.

— Значит, прозвание твоё Фрол Пинегин.

— Истинно, Фрол Пинегин. Родом с Пинеги. Оттого и прозвание такое.

— А пошто решил податься за Каменный пояс? Разве на Пинеге плохое житьё?

— Да нет... На житьё грех жаловаться. Хочется дальние края посмотреть, послужить государю нашему.

— Похвально, коли захотелось послужить государю. А со здоровьем как?

— Не жалуясь.

— Ну и слава богу. Так и запишем. Шагай теперь вон в ту дверь к дьяку, самому главному над воеводской канцелярией. Кто следующий?

К столу подошёл мужичонка не первой молодости, с впалой грудью и редкой бородёнкой. Подьячий критически оглядел его и хмыкнул. Было заметно, что этот посетитель Крутилину явно не понравился.

— А тебя что привело ко мне, божий угодник? — с ехидцей в голосе спросил подьячий.

— Так ведь... Коли прямо сказать...

— Так и говори, не мычи.

— Известное дело... Житуха наша на Сухоне несладкая. Тиун поборами задавил. Опять же извозная повинность...

— А ты бы хотел барином жить? Без поборов, без повинностей?

— Кто бы об этом не мечтал? Может, за Каменным поясом житуха станет слаще?

— Может, и станет. Посмотри и сравни. Всё от тебя будет зависеть. Как государю нашему станешь служить. Хороший служака сумеет службу с прибыльными промыслами сочетать. Такой не только сытно заживёт, но ещё и деньгу в кошелек отложит. Так верстать тебя на государеву службу или нет?

— А что ещё остаётся?

Вереницей проходят люди. Разные люди, с разными помыслами. Больше молодых, стремящихся вырваться из-под родительской опеки, готовых открывать и осваивать новые земли, сибирские просторы. А приходят и людишки, явно желающие уйти от суда, затеряться в бескрайней Сибири. Как с такими поступить? Подьячему после раздумий приходит единственная мысль: следует от них избавиться, отправить за пределы воеводства, за Каменный пояс, а уж там его судьба будет на совести тобольского воеводы или иных сибирских администраторств. Так-то!

Ерофей Хабаров насмотрелся на разных ходоков, вызывавших симпатии своим стремлением к неизведанному и откровенную неприязнь из-за явной их корысти и желания уйти от ответственности за дурные поступки. Наслушался он их бесед с Крутилиным. Подивился его долготерпению и умению находить выход из, казалось бы, самой

запутанной ситуации.

В Великом Устюге Ерофей Павлович встречал немало людей, пожелавших податься в Сибирь, и понял, что большинство из этих людей, задавленных поборами, деспотизмом тиуна, рвались к лучшей жизни. Казалось им, что Сибирь и государева служба принесут избавление от поборов властей и бедности.

В ожидании весны, когда вскроются реки и станут судоходными, новоявленные казаки приобщались к разным работам, чтоб не даром кормиться за государев счёт. Многие трудились на воеводском лодейном дворе, где строились ладьи, дощаники для будущих караванов, устремлявшихся в Сибирь, становились грузчиками, плотниками. Другие за некую мзду в пользу казны поступали на службу к частным лицам, промышленникам, купцам, мастерам-умельцам. К весне число людей, пополнявших сибирское казачество, росло и росло.

Людей, возвращавшихся из-за Каменного пояса и разочаровавшихся в сибирском житие, Хабаров встречал редко. Переселенцы в основной своей массе всё же приживались в Сибири, втягивались в казачью службу, успешно занимались промыслами, растекались по необъятным сибирским долам, уходили на дальние реки. Возвращались единицы, либо явные неудачники, либо покалеченные и израненные в схватках с диким зверьем или же немирными инородцами.

Общение с различными людьми не заставило Ерофея Павловича проникнуться желанием верстаться в казаки и отправляться за Каменный пояс в составе очередной партии государевых людей. По складу своего характера он предпочитал самостоятельность. Службе и участию в военных походах под началом какого-нибудь казачьего сотника или атамана Хабаров предпочитал самостоятельный промысел, охоту на пушного зверя.

С большим интересом он расспрашивал собеседников о северной Мангазее, центре обширного промыслового района, допытывался и у Герасима Югова, которому уже доводилось промышлять пушного зверя в районе Мангазеи, наняв для этого опытных охотников.

— Интересуешься Мангазеей, Ерофей? — спросил он напрямую, выслушав Хабарова.

— Интересуюсь.

— А коли так, поступай ко мне. Будешь моей правой рукой. Как вскроются реки, отправимся туда.

Ерофей не ответил немедленным согласием, а продолжал расспрос.

— На первых порах Мангазейский край был богат пушным зверем, — отвечал Герасим, — а как хлынула туда волна промысловиков, но зверя,

особливо соболя, сильно поубавилось.

— Есть ли тогда смысл отправляться туда?

— Пока есть. Пушного зверя хоть и поубавилось, но всё же он не перевёлся. На нашего брата хватит. Так согласен завербоваться ко мне в отряд?

— Подумаю.

— Ишь, какой ты тугодум.

— А Мангазея-то большой город?

— Скорее поселение, но об этом тебе лучше расскажет отец Досифей. Инок Михайло-Архангельского монастыря, самого старого в городе.

— При чём тут какой-то монах? Я же Мангазеей интересуюсь.

— А он и есть живая история Мангазеи. С первого дня её основания был настоятелем тамошнего храма. Тебя в ту пору ещё на свете не было. При нём Мангазея сгорела дотла вместе с храмом. Досифей — он в ту пору ещё не был монахом — подымал церковь из пепелища. А уж после, как овдовел, состарился, он решил принять монашеский сан. Посети его, порасспроси.

Ерофей Павлович последовал совету Герасима. Расположение Великого Устюга он знал хорошо и без расспросов добрался до Михайло-Архангельского монастыря.

Город вытянулся длинной полосой вдоль левого берега Сухоны. Несколько ниже города эта река сливалась с другой рекой, Югом, вместе они образовывали Двину. Ерофей Павлович знал, что Югов прозывался так потому, что его отец проживал прежде в выселке на берегу реки Юг, пока не переселился с семьёй в Великий Устюг. Так его и стали прозывать Юговым. Это прозвание передалось его сыновьям и внукам.

Юго-восточная, сравнительно небольшая часть города, напоминающая своими очертаниями остроконечный треугольник, составляла крепость-городище. Здесь находились воеводский двор, тюрьма, амбары с государственными припасами, сторожевая изба, пороховой погреб.

Из городища через Спасско-Городищевские ворота можно было попасть в основную часть города — посад. Наиболее важные деловые постройки, торговые ряды, гостиный двор, таможенная изба, другие учреждения воеводства тяготели к берегу Сухоны. Основная часть посада застроена обывательскими домами, в которых обитают купцы, ремесленники, чиновный люд, духовенство, разная городская гольтьба. По всему городу разбросано много храмов, все деревянные. Пора каменного строительства ещё только приближалась. Большинство храмов было

небольших. Редко основной подкупольный барабан дополнялся по краям малыми барабанами, увенчанными луковками.

Возле торговых рядов толпился разношёрстный народ, подъезжали санные подводы с товарами. Хабаров миновал оживлённую часть города и вышел в его северную часть к Архангельским воротам, к бревенчатой стене. За воротами открывалась снежная равнина, скрывавшая белым слоем луга и огороды. Дорога упиралась в скованный зимним льдом ручей. За мостом оказались потемневшие от времени ворота монастыря.

Монаха Досифея Хабаров отыскал в келье за молитвой. В ней пахло расплавленным воском, перед иконами мерцали лампы. Обитатель кельи, одряхлевший, сгорбившийся, поседевший старец, приходу посетителя обрадовался: как-никак это внесло разнообразие в монотонную монашескую жизнь. Заговорил бойко, оживлённо:

— С чем пожаловал, сын мой?

— Да вот, отец Досифей... Наслышан я, что довелось тебе послужить в Мангазее.

— Это верно, довелось.

— Намереваюсь и я податься в Мангазею. Не расскажешь ли, что ждёт меня там?

— Край сей суров, стужа зимняя зело лютая. Летом гнус донимает. Но коли будешь трудиться в поте лица, со всеми напастями справишься. Господь благоволит к трудолюбивым. Я ведь прибыл на реку Таз, когда только закладывалось городище. Это было ещё в правление государя Бориса Фёдоровича Годунова, а спустя время до нас дошли слухи о самозванце, и о нашествии поляков, и о Великой смуте. Своими руками я первый храм мангазейский рубил, взяв в руки топор. Правда, храмом его трудно было назвать. Часовенка убогая. А вот когда потом население города стало расти, то среди прибывших отыскались и добрые плотники. Возвели отменный храм. Напоминал он устюжские церкви — шестигранный столп, увенчанный луковкой. А когда народу ещё поприбавилось, появился и второй храм.

— Поведай, отче, что же больше всего привлекает людей в Мангазею?

— Пушной зверь, особливо соболь. Время охоты там длится с поздней осени до ранней весны. При мне там собиралось до тысячи промысловиков. Из Мангазеи они расходились вверх по Тазу и его притокам, шли на восток к Енисею.

— Слышал, Мангазея пострадала от большого пожара.

— Ещё как пострадала! Почти вся выгорела. Помню это, будто вчера

случилось. Тогда царём на Москве был молодой Михаил Фёдорович из рода Романовых, а у нас, в Мангазее, в ту пору уже две сотни домов стояло, две церкви, а из жителей большой отряд стрельцов и казаков. А когда приходило время для охоты, все промысловые люди покидали город, уходили в поисках зверя. В городе тогда оставались только духовенство и малая часть отряда.

— Отстроилась ли Мангазея после пожара?

— Вроде бы и отстроилась, да вот только не тот теперь город, не тот. И людей, что на промысел туда наезжают, поубавилось. Видишь ли, мил человек, на реку Таз всякие припасы доставлять дорого. Да и пушного зверя в округе стало меньше прежнего. Теперь промысловики стремятся на Енисей, в другие неведомые края.

— А что ж тебя заставило покинуть Мангазею?

— Жену потерял. Хворь её прихватила. Детки выросли, на ноги поднялись и разъехались. Старший сынок дьяконом служит в церкви на подоле Тобольска. А я, как видишь, обветшал. Настало время Богу послужить, грехи замаливать. За долгую жизнь грехов-то накопилось немало.

— Значит, не советуешь податься в Мангазею? — спросил в завершении Ерофей.

— Нет, отчего же? Зверье там ещё не перевелось. Только сил и времени придётся тебе затратить поболее, чтоб вернуться с хорошей добычей. Бог тебе в помощь, мил человек.

Поблагодарив монаха за беседу, приняв его благословение, Ерофей Павлович покинул монастырь. Он встречался со многими устюжанами, расспрашивал их о Мангазее, о промыслах.

Из рассказов он узнавал, что Мангазея стоит на границе безлесной тундры и лесной полосы и то что некоторые промысловики стремятся выйти на Енисей, низовья его были ещё слабо освоены. Чтоб попасть к Енисею, они поднимаются правыми притоками Таза до самых их верховьев, преодолевают волоком небольшие расстояния до верховьев речек, впадавших в нижний Енисей.

Как смог выяснить Ерофей Хабаров, путь в Мангазею был не из лёгких и не обходился без жертв. Чтобы добраться из Великого Устюга до Мангазеи выбирали один из трёх путей. Первый путь, наиболее опасный, был связан с плаванием по Студёному морю, то бишь Северному Ледовитому океану. Для этого надлежало прежде всего на речном судне достичь Архангельска, там перебраться на морское судно и преодолеть Белое море, а далее плыть морями Баренцевым и Карским до побережья

полуострова Ямал. Морская часть пути заканчивалась у его западного побережья. Это была наиболее трудная и опасная часть пути. Идти Карским морем, большую часть года скованного льдом, мореходы опасались и старались этого избегать, плыли мелкими, реками, речками и озёрами Ямала, преодолевая мелководье и волоки, пока не выходили в Обскую губу. Её ответвление — Тазовская губа и впадающая в неё река Таз, наконец, приводили к Мангазее.

Путь этот был едва ли не роковым по следующим причинам. Суда с глубокой посадкой, на которых было бы относительно безопасно пускаться в морское плавание, никак не могли преодолеть мелководные водоёмы Ямала. А пригодные для таких водоёмов суда с мелкой посадкой становились негодными для плавания по бурным северным морям. Поэтому таким путём отваживались плавать лишь немногие смельчаки.

Неудобным оказался и второй путь. Те, кто выбирал его, подымались вверх по реке Вычегде, затем шли против течения по одному из левых притоков, а преодолев водораздел волоком, оказывались в бассейне Печоры. Добирались до её верховьев, подымались к склонам Каменного пояса, северного Урала. Через Каменный пояс шли, используя олени и собачьи упряжки. С волока попадали в одну из рек Обского бассейна. Сложность этого пути заключалась в том, что его значительная часть проходила по малонаселённой и безлюдной местности, а кроме того, выбравшим его предстояло миновать протяжённый волок через Уральский хребет. Пользовались и этим путём мало.

Основным и наиболее используемым стал третий, южный путь, что подтверждают и официальные документы, где можно найти свидетельства об этом. Шёл он сперва Северной Двиной до впадения в неё правого притока Вычегды, потом направлялся вверх по Вычегде. Миновав Соль Вычегодскую, вотчину богачей, предпринимателей Строгановых, выходили путешественники к левому притоку Вычегды, речке Сыsole, и шли по ней до Кайгородка, пройдя земли, населённые зырянами и пермяками. У Кайгородка начинался волок, который приводил путников к верхней Каме. По ней спускались до города Соликамска, центра соляных промыслов. Возле этого города входили в камский приток Усолку и подымались по нему и другим малым рекам Камского бассейна. За перевалом у Павдинского камня текли малые речки, которые могли привести путника в более полноводную реку Туру, приток Тобола. Последний впадал в Иртыш вблизи административного центра Сибири, Тобольска.

Этим путём обычно шли пополнения для Тобольска и других

сибирских городков. Этим же путём двигались обозы купцов и промышленников до своей цели, в частности, до Мангазеи. Стремившиеся туда должны были пройти низовья Иртыша до впадения его в Обь... спуститься широкой полноводной Обью до впадения её в Обскую губу, дойти до её ответвления, Тазовской губы, и наконец-то достичь Мангазеи. Долог и нелёгко был сей путь, но им пользовались значительно чаще, поскольку проходил по обжитым местам и был уже неплохо освоен.

Об этом-то Ерофей Хабаров и узнал от собеседников и принял решение: коли решится отправиться в Мангазею, то пойти южным путём. Бродил Ерофей Павлович по лавкам гостиного двора, торгующим пушниной и по торговым рядам. Заговаривал с приказчиками, интересовался ценами на соболя, черно-бурую лисицу, песца. Он заметил, что меха находили покупателя не слишком быстро. Спрос здесь на них был невелик, полки в лавках ломались от нераспроданного товара. Гольтьбе ценная пушнина была не по карману, поэтому она и обходила лавки стороной, а богачей в этих краях было немного.

Ерофей перезнакомился со многими торговыми людьми.

— Смотрю на тебя, мужик. Не впервой заглядываешь в мою лавку. Купил бы что-нибудь... — обратился к Хабарову владелец лавки, Бонифатий Голубов. — Глянь-ка, каков соболь! Да и лисица отменная.

— Гляжу и дивлюсь.

— А коли дивишься, почто не покупаешь?

— Другая цель у меня. Присматриваюсь, как идёт твоя торговля. Сам собираюсь отправиться на промысел. Хочу поразмыслить, стоит ли овчинка выделки.

— Это кому и как повезёт. И хватит ли у тебя терпения и выдержки. Промысел пушного зверя требует сноровки да меткости. Можешь ли ты метким выстрелом малому зверю в глаз угодить? Пушнина — не манна небесная, сама с неба не свалится.

— Вестимо. На такое и не надеюсь. Сам промышлял аль на купца работал?

— Сам набрал свою небольшую ватагу.

— И успешно промышлял?

— Как тебе сказать... Отправляясь на промысел, в долги влез. Задолжал промышленнику Югову. Знаешь такого?

— Ещё бы не знать. Батюшка мой Власу Тимофеевичу припасы съестные поставляет.

— Ох уж мне этот Власька...

— Чем он тебе не угодил?

— Мягко стелет, да постель его зело жестка. На ней все бока отлежишь. Едва в долговую кабалу не попал к Югову.

— Выкарабкался однако ж?

— Долгов мне насчитал... Пришлось добрую половину заготовленной пушнины в счёт погашения долга сему лиходею отдать. Покрученикам жалованье выплатил. А что мне осталось? С гулькин нос. Видишь, не зело разбогатеешь на такой торговле.

— Промышлял-то где?

— Попытался было обосноваться в Мангазее. Да там все окрестные урочища облюбовал сынок юговский, да другие именитые промышленники. Пришлось мне со своими подручниками податься на Енисей, где не так людно.

— Может быть, и моя дорожка туда ведёт?

— Не горячись, земляк. Здраво поразмысли сперва, стоит ли с промысловым делом связываться. Особливо старайся, чтобы в долговую кабалу не влезть.

— За добрый совет спасибо тебе, мил человек. Бог в помощь тебе.

Встречался Ерофей Павлович со многими торговцами пушниной, со скорняками. В одной из лавок гостиного двора встретил её владельца, именитого устюжанина Крониду Грохотова. Хабаров его никак не заинтересовал, и Кронид надменно отмалчивался, но когда Ерофей Павлович проговорился, что подумывает, не последовать ли примеру других промышленников и не отправиться ли в Мангазею, купец оживился и стал разговорчив.

— Коли интересуется тебя пушной промысел, берись за дело, — сказал он. — Поступай ко мне на службу. Мне нужны здоровые, молодые мужики. В накладе не останешься.

— Как батюшка решит, — уклончиво ответил Ерофей.

— Вот и скажи своему батюшке... Служить Крониду Грохотову каждый за честь сочтёт. Конторы моего торгового дома встретишь и в Архангельске, и в Вологде. Дружим домами со Строгановыми. Слышал о такой фамилии?

— Слышал, конечно.

— Сам-то откуда родом? Из каких?

— Родом из деревни Дмитриеве, что на Сухоне. Там у батюшки моего хозяйство. Снабжает припасами устюжских именитых людей, Власа Югова и Худякова. Люди в Устюге известные.

— Стало быть, твоя семья не из голытьбы.

— Да вроде бы.

— Такие мне подходят. Подумай над моими словами.

3. Дорога в Мангазею

Февраль подходил к концу. Лютые зимние месяцы миновали. И хотя весна ещё не давала о себе знать, и крепкий лёд по-прежнему сковывал реки, днём на солнцепёке на дорогах образовывались лужицы, которые с наступлением сумерек покрывались коркой льда. Весна обещала быть ранней.

Ерофей Павлович засобирался домой. Купил перед отъездом гостинцев для малых ребятишек, братьев и сестёр. Их в семье Павла Хабарова был целый выводок. Показал кузнецу лошадь, тот посоветовал сменить расслоившуюся подкову на правом переднем копыте.

Выехал из Великого Устюга рано поутру, спустившись на лёд Сухоны. Памятуя о неприятном происшествии, Хабаров хотел пристать к какому-нибудь обозу, направлявшемуся в сторону Вологды, но, как назло, в последние дни в этом направлении ни один обоз не выходил из города. И Ерофей Павлович рискнул отправиться в путь один, спрятав из предосторожности под полушубок кинжал, а под охапкой сена — кистень. Дорога, казалось, не предвещала неприятностей. Сперва по берегам Сухоны мелькали частые деревни и выселки, потом пошли лесные опушки, подступавшие к самому берегу.

Начали сгущаться сумерки, когда с левого берега раздался оглушительный свист. Было ясно, что свистит не один человек, а целая шайка. Хабаров непроизвольно перекрестился, ожидая худшего. Худшее и случилось. По крутому откосу съехал на лёд плечистый верзила в выдавшем виды полушубке, а наверху выстроилась вереница мужиков. «Лихие людишки, — подумал Хабаров. — А верзила в драном полушубке, кажется, мне знаком». Тем временем верзила быстрым шагом направился к саням.

«Вот те на. Это тот самый ушкуйник, который повстречался нам по дороге в Устюг, — подумал Хабаров. — Плохо моё дело. Я один, а их — не менее десятка».

— Ну, здравствуй, мужик, — сказал вызывающе верзила. Он подошёл к саням, крепкой хваткой взял лошадь за узду и остановил её. — Узнаешь?

— Узнаю.

— Старый знакомый, а я не ведаю, как тебя прозывают. Назвался бы.

— Ерофей Хабаров, коли тебе сие интересно, — стараясь сохранять спокойствие, сказал он.

— Ерофей Хабаров, — отчётливо повторил ушкуйник. — А я... пусть буду для тебя Кузька по прозвищу... А впрочем, прозвище тебе знать не обязательно. Их у меня несколько.

— Кузьма, значит. И с чем пожаловал?

— Да вот... Хотел низкий поклон тебе отвесить и выказать благодарность. Оказывается, ты добрый человек. Отпустил меня на все четыре стороны, а мог бы и воеводским приставам передать, чтоб вздёрнули меня на высоком дереве.

— Мог бы, да не захотел этого делать.

— Что ж так?

— Не душегуб я. Наверное, Кузьма, не от хорошей жизни ты в разбой подался. И не я, ни приставы, ни сам воевода, тебе не судья. Бог тебя рассудит и воздаст за дела твои.

— А ты хорошо рассуждаешь, Ерофеюшка. Ребята мои советовали тебя придушить и в прорубь спустить. А я полагаю — негоже.

— Это уж как тебе будет угодно.

— Угодно, чтоб ты ехал скорее своей дорогой.

— Спасибо тебе. Коли есть желание выслушать меня, то скажу...

— На путь истинный наставлять станешь?

— А ты хотел бы всю жизнь по лесам бродяжничать, да на большую дорогу с кистенём выходить?

— А что ты предлагаешь мне взамен?

— Не хотел бы в Сибирь, в Мангазею податься на промысел? Свою ватагу завести. Пушного зверя промыслить. Человек ты, как я погляжу, здоровый, дерзкий, наверное, находчивый. Промысловая служба наверняка пришлась бы тебе по душе.

— А если соглашусь? Где тебя найду?

— В городе спросишь церковь Иоанна Богослова. Это наш приходский храм. А там каждый тебе покажет усадьбу Хабаровых.

— А что мне со своей братвой делать?

— Одного ещё мог бы взять. А остальные пусть сами позаботятся о себе. Могут поверстаться на казённую службу в Сибирь. Сам узрел, как это делается. Либо уйти за Каменный пояс с какой-нибудь промысловой командой.

— Ишь ты какой скорый! всё за нас решил.

— Сами решайте, а теперешняя житуха доведёт вас каждого до петли.

— Стращаешь, Ерофейка.

— А это понимай как знаешь.

Кузьма оглушительно свистнул. Ему отозвались все его сообщники. Атаман проворно взобрался по крутому склону на высокий берег. И мига не прошло, а он и вся его команда исчезли, словно их и не было. Ерофей Павлович взялся за поводья и продолжил свой путь.

Ночевал Хабаров снова у свояка. О встрече с ушкуйниками и их атаманом Кузькой рассказывать ему не стал, ничего не сообщил по возвращении домой и отцу.

Павел Хабаров встретил старшего сына сдержанно и сразу же приступил к деловому разговору.

— По возрасту ты зрелый мужик, Ерофейка. Пора бы тебе за самостоятельное дело браться.

— И я так думаю, — в тон ему ответил Ерофей.

— Это хорошо, что ты так думаешь. И каковы твои намерения?

— Своими глазами видел, как люди из воеводской канцелярии верстают мужиков на государеву службу в Сибирь.

— Такая служба тебя манит?

— Нет, батя. Я этого не могу сказать. Не по мне она, такая служба. Хотел бы самостоятельность обрести. А коли ты казаком сибирского войска стал, над тобой поставлен десятник, над десятником — сотник, над ними — атаман. А над всем казачьим войском стоит воевода. Над каждым рядовым казаком несть числа начальников.

— И что же ты надумал, коли казачья служба не по тебе?

— Предпочёл бы стать вольным промысловиком. Промышлял бы пушного зверя. Расспрашивал я многих промышленных людей, и Югова тоже. Сынок его собирается податься по весенней воде на Мангазею.

— Хочешь к его людям присоединиться?

— Вовсе нет. По моему разумению, сие негоже.

— Что же, по твоему разумению, гоже? — с ехидцей поинтересовался Павел Хабаров.

— Хотелось бы самостоятельность проявить, ни от каких хозяев не зависеть.

— Ишь ты, каков самостоятник выискался.

— Промысел пушного зверя дело прибыльное. К чему делиться прибылью с теми же Юговыми?

— Почто такая уверенность в прибыльности?

— Обошёл все лавки гостиного двора. Узрел, как купцы наживаются на продаже пушнины. Особливо в цене соболю, горностаю, чернобуряю

лисица. Большущие партии пушнины идут в Первопрестольную. Там на неё великий спрос.

— Значит, в Мангазею рвёшься? Люба тебе она?

— Люба. Сознаюсь. А коли тесно станет на Мангазейской земле, подался бы на Енисей, в Таймырскую землю. Сия земля ещё мало исхожена промысловиками.

— Почто так разумеешь?

— Со многими промышленными людьми толковал. От них и узнал о тамошних краях. И призадумался.

— Вижу сын, даром в Устьюге не сидел, попусту времечко не терял.

— А зачем же ты наказывал мне в Великом Устьюге осесть, к торговым и промышленным людям присмотреться, пораспрашивать их.

— Вижу, заинтересовала тебя промысловая жизнь. Что скажешь, сынок, коли соглашусь отпустить тебя в эту самую Мангазею?

— Благое дело сделаешь, отец. Сын твой неизведанные земли узрит, с добычей домой вернётся. Коли судить по словам промышленных людей, добыча пушного зверя — прибыльное дело.

— Прибыльное, говоришь?

— Уверен в этом.

— Снаряжение-то небось недёшево обойдётся?

— Да уж не без того, отец. На это денежки потребны и немалые.

— И где рассчитываешь сии немалые денежки найти? С неба они волшебным дождичком не польются, твой карман не наполнят. А я, батька твой, не такой богач, как Власька Югов или скупердяй Худяков.

— Знаю, что не такой. Но ведь и не голодранец, а владелец справногo хозяйства. Верю, что сына родного не обидишь. Снабдишь денежками по мере сил своих.

— Чем богаты, тем и рады. Дам тебе, сколько мне по силам. Но ведь тебе придётся охотничье снаряжение, припасы покупать, подручникам жалованье выплачивать. А это расходы немалые, наверное, в десять раз больше того, что я могу тебе дать.

— Знаю, батюшка. Нужда заставит к богатому человеку обратиться за помощью, взять у него денег под проценты. Приду с поклоном к тому же Югову.

— Учти, Власька мужик с двойным дном. Хитрец великий.

— Что значит «с двойным дном»?

— А то, сынок, и значит. Посмотришь, с одной стороны, Влас простецкий, общительный, к столу пригласит, а в тайниках душонки его скрыты жадность да расчётливость. Станешь его должником, все соки из

тебя высосет, половину твоей добычи заберёт за долги. Хорошо, если половину, а то и больше. Великий скупердяй он.

— А говорят, что он всё-таки лучше других богатеев, того же Худякова.

— Значит, другие купчины ещё хуже. Корыстнее.

— О чём же мы договорились с тобой, отец? Отпускаешь меня в Мангазею на промысел?

— А что ещё остаётся нам с тобой делать? Ты — зрелый мужик. Борода, вон, как у нашего дьякона. Пора тебе на самостоятельную дорогу выходить. Препятствовать не буду. Как семья на твой выбор посмотрит... Соберём совет.

Ерофей знал, что отец для всей семьи глава, которому подчинялись беспрекословно, перечили ему редко. Было такое бесполезным делом: как сказал старший Хабаров, так тому и быть. Ерофей понимал, что отец согласился с его намерением и препятствовать ему в отъезде в Мангазею не собирался, так как выбор сына считал разумным и полезным. Однако, чтоб придать более весомый характер своему согласию, отец решил устроить семейный совет — скорее для проформы, — ведь решающее слово на совете всё равно будет принадлежать ему, главе семьи. Он позвал на совет жену Аграфену, сыновей, Ерофея и Никифора, невестку Василису, Ерофееву жёнку.

— Обсудим дела семейные, дорогие домочадцы, — начал торжественно Павел Хабаров и, выдержав паузу, продолжал: — Сынок мой старший пожелал на самостоятельный путь вступить, податься за Каменный пояс и там промышлять пушного зверя. Так? Правильно я сказал, Ерофеюшка?

— Истинно глаголешь, отец, — отозвался Ерофей.

— Поведай, сынок, родным, что ты разузнал про эту самую, как её...

— Мангазею.

— Во. Слово-то какое. Легко не запомнишь, не выговоришь.

Ерофей Павлович пустился в рассуждения, передавая родным всё то, что узнал о городке на реке Таз, о тамошних промыслах, о своих беседах с промысловиками и торговыми людьми. Отец оборвал этот рассказ.

— Хватит, сынок. Мы поняли уже, зачем люди пускаются в Мангозейский край, какого зверя там промышляют. Послушаешь тебя, выходит, дело прибыльное, доходное. Так?

— Коли хорошо снарядишься, соберёшь надёжную ватагу помощников, дело сие зело прибыльное.

— Слышали, мои дорогие, что Ерофейка сгутарил? Отпустим его в

Мангазею? — обратился Павел к домочадцам.

— Как ты решишь, батюшка, — высказался Никифор.

Никто в споры с главой семьи не вступал, возражать не собирался. Только Василиса, женщина выдержанная и немногословная, всхлипнула, но слёзы удержала. Поездка Ерофея за Каменный пояс означала долгую разлуку, может быть, она продлится год, а то и два, а Василиса привязана к мужу и детей ему ещё хотела нарожать. Запричитала состарившаяся Аграфена, опечаленная долгой разлукой со старшим сыном.

— Цыц, баба, — прикрикнул на неё Павел. — Я ещё не всё вам сказал. С Ерофеем отправится на промысел Никифор. Так мне угодно. Пусть малый набирается опыта у старшего брата, берёт с него пример.

— Спасибо, батюшка, — поспешил вставить своё слово Никифор. — Низко кланяюсь тебе. Давно мечтал о дальних походах.

— Цыц! — оборвал его отец. — Помалкивай, когда старшие рассуждают. Теперь твоим наставником будет Ерофейка. Слышишь, Никишка? Во всём слушайся старшего брата. Понятно тебе?

— Понятно, батюшка.

Заметно было, что Никифор обрадовался, вырываясь из-под опеки отца, человека с крутым, нелёгким характером, если не сказать деспотичным. А с Ерофеем Никифор ладил, и они никогда не ссорились.

— А ты, Ерофеюшка, держи братца в строгости. Как старший, ты за Никифора в ответе, — наставлял отец, — спуску ему ни в чём не давай. Держи в строгости. Слышишь, Никифор? Слушайся во всём старшего брата.

Отъезд в Великий Устюг отложили до начала навигации. Пока же Ерофей Павлович трудился по хозяйству. Вместе с Никифором накололи поленницу дров, чистой берёзы. Чинили речной дощаник и лодки. А однажды отправились оба на медвежью охоту. Отыскали с помощью собак берлогу, обложили её и выкурили зверя на волю. Молодая медведица, отощавшая за зиму, трусливо пустилась наутёк под лай собак. Охота оказалась неудачной. Зато настреляли куропаток. В ближайшем лесу попался и огромный старый глухарь.

Сухона вскрылась в конце марта. Сперва ледяной покров стал покрываться трещинами и лужицами. Потом стал ломаться и дробиться. Куски льда с треском громоздились один на другой, образуя завалы и заторы. Потом под напором течения они рассыпались, и вся ледяная масса устремилась вниз по течению. Позже вскрылись малые притоки, стиснутые лесными опушками. Ещё долго по Сухоне плыли куски льда и ледяное крошево. К середине апреля река полностью очистилась ото льда.

Ерофей с Никифором опробовали дощаник. Спустили его на воду. Обнаружили небольшую течь в носовой части и законопатили её просмолённой паклей.

Павел Хабаров сам объявил сыновьям:

— Засиделись. Пора и честь знать. Отправляйтесь-ка в дорогу.

Ерофей Павлович воспользовавшись тем, что отец был в хорошем настроении и выглядел покладистым, выпросил у него в спутники Доната.

— Не скрою, жалко с Донаткой расставаться, — посетовал Хабаров-старший, — трудолюбив он, усерден. Привык я к нему. Но коли он так тебе люб, забирай. Найду ему замену среди голытьбы.

— Спасибо, отец.

Небольшой дощаник загрузили всяким провиантом, зимней одеждой, которая наверняка понадобится в холодном северном крае. Отец напоследок расцеловал сыновей и снабдил Ерофея деньгами. Не велики были те деньги, но всё же и они — подспорье.

Вслед за отцом мать обняла и поцеловала обоих сыновей, по очереди перекрестила. Василиса сдержанно прильнула к мужу, сквозь слёзы прошептала:

— Береги себя, Ерофеюшка. Я ведь опять понесла. Возрадуйся, соколик мой, будет у нас снова младенец.

— Коли понесла, возрадуемся оба, — прошептал Ерофей, обнимая и прижимая к себе Василису.

Прежде чем отпустить сыновей, Павел Хабаров сказал им как бы между прочим:

— Вот закончим весенний сев, возделаем огород переберёмся всей семьёй в Великий Устюг, а в здешней усадьбе оставим пару работников, чтоб за хозяйством присматривали, за огородом ухаживали, грядки пропалывали.

— А что, батюшка, со скотиной поделаешь? — спросил у отца Никифор.

— Не слишком велико наше стадо. Заберём его с собой в город, — ответил отец. — Воевода пообещал дать большой луг на берегу Сухоны и землю под огород. Проживём, за нас не беспокойтесь.

Ещё раз обнялись. Братья выслушали добрые отцовские пожелания. Донат поднял парус на мачте. Дощаник тронулся вниз по течению. Ребятишки, младшие братья и сёстры Ерофея и Никифора, бежали вдоль берега реки с возгласами и махали руками удаляющемуся судёнышку.

Прибыв в Великий Устюг, Ерофей Павлович добился в приказной избе грамоты на право выезда за Каменный пояс с промысловыми целями. Не

обошлось без подарков приказчикам. В грамоте было записано, вольный земледелец Хабаров Ерофей Павлов отправляется на промысел пушного зверя и с ним брат Никифор и ещё пятеро людишек, нанятых оным Ерофеем Хабаровым в помощь». Имена этих пятерых не упоминались. Пока в наличии был только один Донат, ещё четверых Ерофей намеревался нанять в Тобольске. Брата Ерофей везде представлял как своего помощника.

Те небольшие деньги, которыми снабдил его отец, были потрачены в первые же дни пребывания в Великом Устюге. Кроме денег на покупку охотничьего снаряжения и дорожных припасов, на наем небольшого отряда, требовалась немалая сумма на оплату транспорта. Подсчитав все возможные расходы и поделившись своими расчётами с братом, Ерофей услышал произвольный возглас Никифора — «Ого!»

— Придётся лезть в долговую кабалу, — произнёс Хабаров. — Хочешь не хочешь, а надо идти на поклон к Власу Тимофеевичу. Надеюсь, не откажет.

— Дай-то Бог, чтоб не отказал, — отозвался Никифор.

Встретив братьев, Югов первым делом спросил:

— Ну как, надумали поступить ко мне на службу? На днях сын отправляется за Каменный пояс. Набрал работников. Вы оба ему были бы нелишни.

— Благодарствую, Влас Тимофеевич, за лестное твоё предложение, — сдержанно ответил Ерофей. — Да только, поразмыслив, решили поступить по-другому.

— Значит, не подходит тебе служба Югову? Или брезгуешь мне служить? А сидеть со мной за одним столом не побрезговал.

— Не те слова, Влас Тимофеевич! Уважаю тебя, и батя мой тебя уважает. Но хочется свои силы испробовать, своё дело начать.

— Разбогатели Хабаровы, что ли?

— Да нет же. При прежнем достатке остались. Не равняться нам с тобой, человеком именитым.

— Знамо тебе, что дорога в дальние края, промысел, да ещё содержание целой промысловой ватаги немалых расходов потребует?

— Знамо, батюшка. У доброго человека подзайму деньжонок, дам ему кабальную запись. Напромышляю пушного зверя, должок верну. Был бы ты нашим благодетелем?

— А знаешь ли ты, что деньжонки под кабальную запись за одни только твои красивые глаза никто тебе не даст. Получаешь от меня взаймы, скажем, сотню целковых, через год возвращаешь мне полторы сотни, а

через два года, коли завершится твоя промысловая жизнь, ты должен мне возвратить уже две сотни рубликов. Ну как?

— Не знаю, что и сказать тебе...

— Учти, что я со своими должниками обращаюсь ещё по-божески. Батюшку твоего не первый год знаю, и он меня знает, а другие...

Югов не договорил. Ерофей понял, что хотел сказать промышленник. Другие богатеи, тот же Худяков, превосходили Власа по жадности и корыстолюбию. И Хабаров ответил, не найдя другого ответа:

— Готов тебе поклониться, добрый человек.

— Положим, я не для каждого добрый, но по старой дружбе с твоим батюшкой Павлом готов тебя выручить. В какой сумме нуждаешься?

— Мне бы сто или сто двадцать рубликов.

— Чтоб дело было верное, поведём речь о ста двадцати.

— Согласен.

— Добро. Пиши кабальную запись. Моё условие таково. Берёшь у меня займы сто двадцать рубликов серебром. Через год, то бишь в мае месяце 1628 года, возвращаешь мне сто восемьдесят.

На том и порешили. Поздно вечером Ерофей Павлович с братом вышли во двор своей усадьбы, для разминки решили наколоть дров для очага и за дощатой оградой услышали шорох. Кто-то подтянулся, ухватившись руками за верхний край ограды, заглянул во двор. Изношенная шапка показалась Ерофею знакомой, а когда долговязый человек легко перемахнул через ограду, в нём он легко узнал Кузьку, ушкуйника с большой дороги. Две рыжие лайки, почуяв чужака, выскочили откуда-то из-за дома и с пронзительным лаем бросились к пришельцу. Кузьма не растерялся: неожиданно встал на четвереньки и, искусно имитируя собачий лай, стал наступать на лаек. Собаки опешили от такой неожиданности и умолкли, а потом, поджав хвосты, ретировались.

— А ты, Кузьма, оказывается, усмирять собачек искусник, — сказал не без восхищения Ерофей.

— Такое усмирение — не велика мудрость. К твоему сведению, я уже не Кузьма. По-иному теперь прозываюсь.

— Как же, коли это не секрет?

— Какой тут секрет, коли на сей счёт бумагой располагаю.

Ушкуйник вынул из-за пазухи холщовый пакет, извлёк из него бумагу и протянул Хабарову.

— Читай, ежели грамотный.

— «Максим сын Карпов Черножуков, уроженец Андожской волости», — прочитал Ерофей и спросил незваного гостя: — А где эта

Андожская волость?

— А чёрт её знает.

— Выходит, липовая сия бумажка. А ты и в самом деле Максим Карпович Черножуков?

— А какое это может иметь для тебя значение? Коль по бумаге я Максимка, так и называй меня.

— Без страха ко мне явился, Максим? В городе полно стражников.

— А чего мне тебя бояться? Не волк же ты зубастый, не скушаешь. Мог однажды меня в руки приставов отдать, не отдал, однако. Видать, пожалел бедолагу. И на том спасибо.

— Отдал бы приставам, болтаться бы тебе в петле. Не пойму, зачем теперь пожаловал ко мне.

— Объясню. Несладким житьё стало у нашей шайки: то с приставами, то и со стрельцами схватились. Двое моих ватажников пришибли на месте, ещё двоих схватили и посадили в темницу. Наверное, ждёт сердешных виселица. Остальные разбежались кто куда. Скорее всего, ушли в дальние леса, в зырянские земли. А я вот стал Максимом Черножуковым.

— Как же тебе это удалось?

— Удалось, как видишь. Нашлась своя рука...

Максим что-то не договаривал, не захотел раскрывать секрет и называть имя пособника. Ерофей был почти уверен, что это кто-нибудь из подьячих воеводской канцелярии. Народ сей, как было известно Хабарову, отличался великим корыстолюбием и мздоимством.

— Вот видишь, Ерофей, своя рука указала мне дорогу в твой дом. Я даже знаю, что ты сколачиваешь ватагу и собираешься за Каменный пояс.

— И это знаешь. Своя рука-то небось отыскалась в воеводской канцелярии?

— Не всё ли тебе равно?

— Об этом ты мог узнать только от кого-нибудь из воеводского окружения.

— Мне сорока на хвосте принесла, — отозвался шуткой Максим и вдруг спросил: — Взял бы ты меня на службу, Ерофей?

— Подумаю. В ночлеге нуждаешься?

— Вестимо.

— Тогда располагайся в бане на задворках. В ней ещё не выветрилось тепло. Мы с братом сегодня парились.

— Добро. В бане так в бане. Я ведь проголодался.

— Мой человек принесёт тебе еду.

Когда Максим удалился, Ерофей спросил брата:

— Помнишь его?

— Как не помнить, — Никифор с неподдельным любопытством вслушивался в разговор Ерофея с незванным гостем, сказал с укоризной: — И охота тебе с таким связываться?

— Наверное, нужда и обиды довели его до разбоя на большой дороге. Может, ещё и приобщится мужик к полезному делу.

— Дай-то Бог. Но держи, брат, с ним ухо остро.

— Пожалуй, ты прав. Надо предупредить его, чтобы без нужды усадьбы не покидал да приставам на глаза не попадался.

Братья Хабаровы были заняты покупкой охотничьего снаряжения и припасов на дорогу. Максим, которого Ерофей Павлович согласился принять в свою команду, отсиживался дома. Из Устюга отплыл большой караван с государевыми людьми, повёрстанными в сибирскую службу. Предводительствовал ими казачий сотник, направлявшийся к новому месту службы в Тобольск. Отплывали и дощаники купцов и промышленников.

Хабаровы столкнулись с неожиданными трудностями. Вся их ватага состояла из четырёх человек, и ей было не под силу самостоятельно управляться с гружёным судном. В нелёгком пути приходилось преодолевать волоки, стремнины, мелководья, неоднократно разгружать и вновь загружать судно. Напрашивался вопрос: не нанять ли для такой цели людей. Но посильны ли такие расходы? Здравая мысль подсказывала, что можно пристать к каравану богатого промышленника и в качестве платы за проезд трудиться вместе с его ватагой.

Герасим Югов, снаряжаясь в Мангазею, пристально присматривался к Ерофею Хабарову, угадывал, о чём тот думает, догадывался о его сомнениях и в конце концов предложил:

— Не желаешь ли плыть с моим караваном?

— А какова плата за проезд?

— Станешь помогать моим людям. Перетаскивать дощаники на волоках, братья за вёсла, перетаскивать груз вручную, коли судно село на мель. Твой труд — твоя плата за проезд. А достигнем Мангазеи — шагай на все четыре стороны. Станешь вольной птицей.

Ерофей Павлович согласился с предложением Герасима Югова, владельца трёх дощаников.

Сперва шли Двиной вниз по течению. Потом вошли в Вычегду. Пришлось взяться за вёсла и подыматься вверх по этой реке. Большую остановку сделали у Соли Вычегодской, где находились палаты Строганова, первого богатея Русского Севера. Этой семье принадлежали

огромные лесные и земельные угодья, соляные варницы, широкая торговля на Русском Севере и в Сибири. Строгановы пользовались покровительством царского двора и были освобождены от всяких торговых пошлин.

О щедрости и хлебосольстве Строгановых ходили легенды. Обычно эту щедрость и хлебосольство испытывали на себе государевы люди, отправлявшиеся на сибирскую службу.

Герасим решил нанести визит старому Строганову, главе его семейства, но подумал, что являться одному к такой высокой особе не пристало и взял с собой Ерофея Хабарова, прихватив и помощника из своих людей. Когда подошли к огромным строгановским палатам, Герасим заметил:

— Зело роскошная хоромина, что скажешь, Ерофей?

— С размахом построена, — отозвался Хабаров.

Старый Строганов встретил гостей в домашнем измазанном халате, неопрятный, непричёсанный, недружелюбно сверлил посетителей тяжёлым взглядом.

— Чего нужно, мужики?

— Справляется о твоём здоровье батюшка мой, — сказал Югов, — наказал поклониться тебе и привет передать.

— Кто такой твой батюшка? Что-то запамятовал.

— Юговы мы. Батюшка лодейный двор держит. Наши струги, дощаники по всем северным рекам плавают.

— Ах, этот Югов. Теперь припоминаю. Вы все сыновья его, что ли?

— Только я его сын, — уточнил Герасим.

— Ну, ну... — неопределённо протянул Строганов. — И куда путь держите?

— В Мангазею.

— Я тоже своих людей туда посылаю. Что-то я притомился. Пойду-ка прилягу.

На этом беседа со старым Строгановым закончилась. Не пригласил сесть за стол, не угостил. Это как-то не вязалось с рассказами о строгановском гостеприимстве и хлебосольстве. Возможно, старик был сегодня не в духе или ему нездоровилось.

— Стоит ли, Герасим, впредь переступать порог этого дома? — спросил Хабаров, когда они покинули негостеприимные палаты. — Ишь, как нелюбезно нас принял, даже сесть не пригласил.

— Что поделаешь? На то он и Строганов, один из самых богатых людей на Руси, — ответил Югов. — Такому многое позволено. Человек он

с причудами, но и огромным влиянием. Ссора с ним может дорого обойтись. Очень дорого. Учти это.

Ерофей Павлович ничего не ответил на это, однако стал думать о старом Строганове с неприязнью.

Из Вычегды вышли в её левый приток Сысолу. Поднялись по этой реке до Кайгородка. Идти на вёслах с тяжёлым грузом было затруднительно. Да и река была неглубока. Несколько раз дощаники садились на мель, великих трудов стоило снять их с мели.

В Кайгородке сделали остановку. Устраняли течь в одном из дощаников. Собирались уже тронуться в дальнейший путь, как выяснилось одно досадное обстоятельство. Из ватаги Герасима Югова сбежал один из покручников. Пока караван стоял в Кайгородке, этот человек встретил в соседнем селении вдову-зырянку и напросился к ней в примачи. Узнав о бегстве новоявленного примача, Герасим разразился непотребной бранью, но, поостыв, стал действовать. Отыскал в Кайгородке нестарого ещё мужика, выразившего готовность стать членом ватаги.

Из Кайгородка можно было попасть в верхнюю Каму, преодолевая непродолжительный волок. На топких местах была проложена бревенчатая гать. Окрестные деревни, расположенные вокруг Кайгородка, облагались извозной повинностью. Груз с дощаников перегружали на телеги и доставляли к камскому берегу, а пустые дощаники волокли вручную по земле и по гати.

Кама, в которую упирался волок, была здесь совсем узкой и мелкой. Опять дощаники садились на мель, вязли в донном песке. Приходилось затрачивать невероятные усилия, чтобы сдвинуться с места. Но ниже по течению река становилась шире и глубже.

Плавание вниз по Каме обрывалось при впадении в неё левого притока реки Усолки. Вслед за верховьями Усолки шли малыми реками Камского бассейна и попадали к перевалу у Павдинского камня. Далее дорога шла по восточным склонам Каменного пояса. Этот участок невозможно было преодолевать на дощаниках: слишком мелководны и стремительны были горные речонки. Поэтому дощаники оставляли на реке Усолке на сторожевом посту местных приставов в обмен на бумагу. А этими судами могли воспользоваться должностные лица, купцы или промышленники, возвращающиеся из-за Каменного пояса. Расставшись с дощаниками, путники продолжали движение в Сибирь на телегах. Лошадей поставляли местные жители в порядке тягловой повинности, которая вызывала у них недовольство и ропот. Но распоряжение властей всё же выполнялось, хотя и со скрипом.

Величественные пейзажи открылись путникам, когда они наконец достигли Каменного пояса. Отшлифованные ветрами и дождями утёсы чередовались с пологими склонами, густо заросшими хвойными деревьями и осинниками. Вот лесной массив расступается, и в долине становится видна деревушка, что прилепилась к горным склонам. К ней жмутся луга, огороды, полосы ржи.

Дорога через Каменный пояс, особенно в летние месяцы, была оживлённой. Двигались к новому месту службы казачьи отряды, чиновный люд, караваны купцов и промышленников, шли и обычные искатели приключений, спешили гонцы с государевыми грамотами. Такие потоки разного люда текли и в одном, и в другом направлении.

Река Тура была сравнительно многоводна и доступна для речных дощаников. Здесь местный воевода в обмен на бумагу, полученную от пристава на реке Усолке, предоставил Герасиму Югову три дощаника, на которых пришли в Верхотурье обитатели Тобольска и других сибирских городов.

В Верхотурье Югов и его люди после изнурительного похода через Каменный пояс, отдыхали несколько дней. И лишь потом отправились дальше. Плыли по течению Турой, Тоболом и добрались до Тобольска.

Город строился. Возводились не только жильё, но и лавки, здания присутственных мест, амбары для товаров. Округа оглашалась разнообразными звуками: повсюду перестук топоров, визгливое пение пил. На берегу белели остовы недостроенных кораблей и лодок. Шумный гвалт стоял на базаре. Слышалась разноязычная речь. Кроме русских в городе немало сибирских татар, приходят за покупками остяки и вогулы, а иногда приезжают из южных степей пришельцы в длиннополых халатах, в остроконечных головных уборах. В ту пору город был ещё сплошь деревянным. Из дерева строились и палаты богатеев, и лавки, и присутственные места, и храмы. Каменные строения появились во второй половине века.

Плавание от Верхотурья до Иртыша не представляло больших затруднений. Плыли многоводными реками по течению. Местность была сравнительно заселённой. На стоянке можно было разжиться у жителей свежими продуктами.

В Тобольске Ерофей Хабаров завербовал в свою ватагу ещё трёх человек. Один был полукровкой, сыном местного русского и матери-татарки. Прежде он служил младшим приказчиком у тобольского торговца, да не ужился с хозяином. Два других в недавние годы уже ходили в Мангазею на промысел, а по возвращении плотничали в городе. Однако по

прошествии некоторого времени их души вновь потянулись к бродячему образу жизни охотника-промысловика. От подьячих Ерофей Павлович проведал, что тем же путём из-за Каменного пояса пришли двое воевод, Кокорев и Палицын, направлявшиеся воеводствовать в Мангазею. Их сопровождает пополнение в местный гарнизон.

Московские власти проводили в те времена своеобразную политику, касающуюся управления отдалённых воеводств. Назначали не одного, а одновременно двух воевод, располагавших равными правами. Многих такой порядок удивлял, вот и Хабаров стал расспрашивать подьячего из тобольской воеводской канцелярии, чем вызвана такая практика. Тот подумал и не сразу ответил:

— Должно, сия мера направлена против всякого лихоимства. Коли один из воевод злоупотребляет властью, замечен в делах зело неблаговидных, другой воевода может одёрнуть злоумышленника. А если это не поможет, то он вправе пожаловаться на напарника в столичный приказ.

— А если среди воевод не окажется праведника и оба окажутся мздоимцами и казнокрадами? — спросил подьячего Хабаров, но не услышал вразумительного ответа.

— Не знаю, что и сказать тебе, — невнятно пробормотал тот, — кто не без греха...

Подьячий сообщил Хабарову, что оба мангазейские воеводы хотели бы встретиться и потолковать со всеми предводителями ватаг промышленников, направляющихся в Мангазею.

Кокорев и Палицын размещались в гостевой избе рядом с палатами правителей тобольского воеводства. С первого же взгляда воеводы произвели на Ерофея Павловича очень разное впечатление. Палицын дружелюбно ответил на приветствие, а Кокорев, насупившийся и хмурый, на приветствие Хабарова не ответил и даже неожиданно прервал его.

— Чьих будешь?

— С Сухоны мы. Селение наше недалеко от Устюга, — последовал ответ.

— Не про сие спрашиваю. Чем семья занимается?

— Батя мой землепашец. Торгует с именитыми людьми Устюга, поставляет им съестные припасы.

Палицын попытался взять нить беседы в свои руки и продолжать расспрашивать Ерофея Павловича о его дальнейших намерениях. Но Кокорев, не вслушиваясь в слова Хабарова, всякий раз перебивал его и спрашивал о чём-то несущественном. В конце концов Палицын не

выдержал и попытался осадить Кокорева.

— Ты же, батенька, не главный надо мной. Мы оба с тобой на равных. Пусть Хабаров ответит мне, а ты пока помолчи. Или я помолчу, а ты расспрашивай. Иначе вразумительной беседы с промышленником у нас с тобой не получится.

— А мне и не о чем больше спрашивать, — с чувством нескрываемой обиды огрызнулся Кокорев и умолк.

Кокорев Хабарову откровенно не понравился своей надменностью, бестактной грубостью. Палицын же оказался человеком душевным, не проявлявшим дурных намерений. Вскоре Хабаров имел возможность убедиться, что воеводы между собой не ладили и частенько переругивались. Свидетелями их немирных отношений были подьячие, охотно разносившие по Тобольску сплетни на сей счёт.

Герасим Югов был вынужден задержаться в Тобольске: один из его дощаников дал течь и нуждался в починке. Тем временем рассыльный мангазейских воевод разыскал Ерофея Хабарова на постоялом дворе и сообщил, что те снова пожелали его видеть.

— Сколько в твоей ватаге людишек? — спросил Кокорев.

— Сам с братом. Да ещё пятеро покручеников. Итого семеро, — ответил Ерофей Павлович, ещё не догадываясь, к чему этот расспрос.

— Завтра отплываем. Можем взять всю твою ватагу, — предложил Палицын. — Груза у тебя много?

— Не шибко.

— Тогда размещайся на втором коче. Плавание до Мангазеи не зело обременительное. По Иртышу, по Оби, рекам полноводным, удобным для плавания, без стремнин и отмелей, далее — минуя Обскую губу. Пока что плывём по течению. Только когда пойдём по Тазовской губе и по Тазу, придётся взяться за вёсла. Здесь течение противное. Но это малая часть пути.

— Я же сговорился с Герасимом Юговым, сыном нашего промышленника.

— Югов обойдётся без твоего участия, — резко перебил его Кокорев. — У него, как вам известно, народу хватает. А путь от Тобольска до Мангазеи не ахти какой тяжёлый.

Ерофей Павлович, согласившись, промолчал. Распорядившись, чтобы люди из его ватаги перетащили весь груз на один из кочей воевод, посетил Югова.

— Не обессудь, Герасим. Воеводы распорядились, чтоб я с ватагой своей и всеми пожитками перебрался к ним. Моё дело — повиноваться

начальству.

— Не беспокойся за нас, Ерофей. Дальнейший путь наш не труден. Управимся своими силами.

— Вот и добро. Значит, не гневаешься на меня?

— С чего бы мне на тебя гневаться?

Расстались Ерофей и Герасим мирно.

Ранним утром воеводы отплыли от берега. С севера дул холодный ветерок, небо заволокли облака, моросил мелкий дождик. Остались позади строения Тобольска, кремль на возвышенности, у подножия которой раскинулся посад. На берегу сгрудились кучками зеваки, провожавшие караван, поскольку зрелище для Тобольска было обычное — в течение всей навигации сюда приплывали и отсюда отчаливали караваны судов, отдельные лодки, дощаники, — то и зевак оказалось не слишком много. Отплытие каравана никого особенно не могло удивить.

Низменные берега Иртыша густо поросли елями, соснами, лиственницами, сливавшимися в сплошную зелёную стену. Ближе к воде подступали тронутые ранней желтизной заросли тальника, ольхи. Иногда опушка тайги разрывалась прогалиной, на которой в беспорядке были разбросаны хижинки русских переселенцев или местных аборигенов, паслись стада. Чем дальше от Тобольска, тем среди населения остяков и вогулов становилось всё больше.

В месте слияния Иртыша и Оби караван был подхвачен могучим и широким потоком. Берега Оби выглядели малозаметной зелёной ниточкой. Теперь лишь изредка дымки костров и очагов местных жителей поднимались в небо. Река здесь выгибалась, образуя рукава, протоки, островки, над которыми кружились стаи диких гусей и уток. До выхода в Обскую губу караван сделал две остановки. Путники разводили костры и располагались у огня, на котором варили пищу, а те, кто оставался на дощаниках, накидывали на себя тулупы. Холодный ветер, проходивший с севера, со Студёного моря, давал о себе знать.

Обскую губу, поразившую бескрайней шириной и казавшуюся необъятным морем, обрамляли берега полуостровов Ямала и Гыданского. Невидимый левый берег терялся в туманной дымке. Караван держался правого берега, унылого, до самого горизонта здесь расстилалась тундра с редкой и чахлой растительностью, лишь кое-где пейзаж оживлялся оленьими стадами да стойбищами кочевников. Через некоторое время берег словно отодвинулся и стал резко отходить вправо: это было начало Тазовской губы. Изменилось течение. Пришлось взяться за вёсла, поскольку теперь надо было двигаться навстречу течению. Губа сузилась

до речного устья. Караван судов вошёл в реку Таз. Вот и Мангазея.

4. Житьё в Мангазее и на Нижнем Енисее

Восстановленный после опустошительного пожара городок уступал прежней Мангазее по количеству строений и жителей.

Прибытие каравана судов с новыми воеводами было встречено колокольным звоном, все мангазейские жители столпились на берегу реки. По традиции встречали прибывших с хлебом-солью.

Вместе с воеводами и их свитой вышли в городок и Ерофей с братом Никифором и пятью работниками. Братья рассчитывали начать самостоятельный промысел, чтобы не зависеть ни от каких промышленных или торговых людей.

Фаддей, один из ватажников, привлечённый Ерофеем в Тобольске, привёл весь Ерофеев отряд к дому, в котором уже останавливался однажды. В этом доме, принадлежащем псаломщику, который ещё не успел принять постояльцев, и разместилась до выхода на промысел ватажка.

Отправиться на промысел собрались как только земля покроется надёжным снежным покровом. А пока же Ерофей Павлович присматривался к Мангазее, прислушивался к рассказам старожилов. Они рассказывали, что сезон охоты на соболя здесь продолжается все зимние месяцы, с ноября по март, и к его началу в Мангазею съезжаются до тысячи человек и более, потом город пустеет, в нём остаётся лишь небольшая охрана, воеводы с чиновными людьми, да местный поп в церквушке. Это затишье продолжается до весны, когда с возвращением промысловиков с добычей Мангазея оживает. Начинает свою интенсивную работу таможня, извлекая в государеву казну десятую часть соболиной добычи. Ерофей проведал, что близкие к воеводе люди тайно скупают у промысловиков пушнину, а купцы или их приказчики втридорога продают изголодавшимся и обносившимся за зиму людям муку, крупы и всякие потребные им товары.

До отхода на промысел Ерофей Павлович имел возможность присмотреться к городку. Не город это, а скорее городишко, да и мангазейский кремль — рубленая бревенчатая стена с четырьмя башнями — окружал такое небольшое пространство, что его можно было обойти за каких-нибудь четверть часа. В одной из четырёх башен были проезжие ворота. Внутри крепости возвышались воеводские палаты — самое большое строение в городке. А ещё здесь же находились амбары с

пушминой, собранной для государевой казны, продовольственные запасы, пороховой погреб. Мангазея располагала и пушками с пищалями, которыми можно было воспользоваться в случае нападения врагов.

За городскими стенами раскинулся посад. Здесь в 60—70 домах проживали не только постоянные, но и находили приют временные жители.

Мангазею строили выходцы с Русского Севера, и строили так, как веками было принято, поэтому и дома стояли здесь на высокой подклети, и наличники окон, крылечки украшались богатой резьбой по дереву, напоминавшей кружево, посему и дома и даже звонницы трёх мангазейских церквей не отличались от знакомых Хабарову с детства образцов.

В Мангазее почитали местного угодника Василия Мангазейского, в его память возвели церковь. Хабарова и его спутников заинтересовала эта личность, и они стали расспрашивать Фаддея, чем этот угодник прославился.

— Василий — божий угодник. Его почитают мангазейцы как святого, — сообщил тот.

— За какие деяния? Расскажи, Фаддейка.

— Вам бы лучше наш хозяин об этом поведал, — отговорился Фаддей.

Псаломщик не заставил себя долго упрашивать.

— Любопытствуете, други мои, кто таков был Василий Мангазейский? Божий человек и великомученик! Оттого и чтит его церковь. Родом он из Ярославля. Поступил на службу к богатому купцу приказчиком. Сей купец торговал в Мангазее с инородцами, и был он далёк от благочестия. Человек нечестивый, разгульной жизни. Василий пытался вразумлять его, высказывал свою нелюбовь к хозяину. А купец затаил злобу на приказчика, давал ему обидные прозвища, искал случай, чтобы отомстить.

— За что же? — воскликнул Никифор.

— Уж очень разными людьми были они, хозяин и приказчик. Особенно ярился купец, когда Василий осмеливался указывать купцу на его недостойное поведение. Однажды в воскресный день, во время заутрени, когда Василий молился в церкви, какой-то злоумышленник ограбил хозяина, тот взъярился на Василия, а молва обвиняла самого купца. Все говорили, что ограбление — его рук дело, чтоб найти повод для расправы над Василием.

— И расправился?

— Ещё как! Обвинил во всём Василия и сдал его судебным

приставам. В арестантской избе беднягу люто истязали и довели до гибели, а потом гроб с его останками выбросили в болото. С тех пор почитают Василия жители Мангазеи, поклоняются ему как великомученику. Вот и вы, мои дорогие, посетите наш храм, помолитесь за божьего угодника.

Потом Ерофей Павлович спросил у брата:

— Что скажешь, братец? Как думаешь, почто пошло в Мангазее такое почитание Василия?

— Великомученик он. Таких почитают.

— Э, нет Никифор. Полагаю не в этом причина. Купчина, которому служил Василий, деспот был великий, самодур и злыдень. Таких и у нас в Устьеге можно встретить. Бедный люд таких ненавидит всей душой, а Василий Мангазейский, как бы это объяснить... Вера в святость его жертвы, почитание как великомученика — в этом выразилась ненависть к таким, как сей купчина и сочувствие в его жертве. Понятно я говорю?

— Отчего же не понять, братец? А что стало с хозяином Василия? — спросил он у псаломщика.

— Рассказывают, что вся Мангазея ополчилась против изверга. Не решался показаться на улицу. Вдогонку ему неслись улюлюканье, крики — «Убивец, палач!» Почёл за лучшее сей купчишка, убраться из города. Перебрался в какие-то дальние земли.

Ерофей с Никифором бродили по лавкам гостиного двора, протянувшегося вдоль берега. В лавках, где можно было приобрести продовольствие и всевозможные товары, кухонную утварь, ткани, разный инструмент, лыжи, орудия охоты, и даже оленьи и собачьи упряжки, толпились и местные жители, и промысловики, и наезжавшие из тундры инородцы. В лавках шла бойкая торговля и обмен. Промысловики расплачивались пушниной. Лавочники предпочитали шкурки соболя, которые имели хождение наряду с денежными знаками.

В первый же день приезда в Мангазею Ерофея Павловича предупредили о необходимости отметиться у воеводских подьячих. Один из подьячих, вооружившись гусиным пером и макая его в чернильницу, старательно выводил на листе пергамента: «Хабаров Ерофей Павлович прибыл в Мангазею для промысла пушного зверя. Прибыл сей Хабаров Ерофей с ватагой промысловиков из града Великого Устюга». Потом последовали записи в книгу имён младшего Хабарова, Никифора и каждого из пяти членов ватаги.

— С вас, братцы Хабаровы, причитается годовой промысловый оброк по пятидесяти копеек, — произнёс подьячий и ткнул пальцем в книгу. — Вот здесь извольте поставить подпись. В грамоте-то разумеете?

— Разумею, — ответил за себя и за Никифора Ерофей Павлович.

Ватажников оброком не облагали. Зато Хабаровым пришлось уплатить оброчную сумму за товары, которые они привезли с собой из Устюга и Тобольска в надежде сбыть в обмен на пушнину. Таможенный чиновник дотошно обследовал запас этих товаров и деловито произнёс:

— С вас взимается десятая доля стоимости всех ваших товаров, предназначенных для продажи в Мангазейской земле. Таков таможенный взнос в пользу казны. После его уплаты можете поступать с вашим товаром, как вам будет угодно, хотите — продавайте, хотите — меняйте на пушнину.

Ерофей Павлович и его спутники решили не засиживаться долго в Мангазее и, как только установится зимняя погода, податься в тундру на промысел. Готовясь к нему, братья приобрели на всю ватагу широкие, подбитые оленьим мехом лыжи. На таких можно легко передвигаться по снежному бездорожью. Ещё обзавелись нартами и к ним раздобыли полдюжины ездовых собак, сибирских лаек с длинной рыжей шерстью. Фаддей уже умел обращаться с такими собаками и вызвался быть за каюра.

Зима наступила внезапно. После обильного снегопада земля покрылась толстым снежным одеялом. Реки сковал прочный лёд. Ерофей Павлович собрал ватажку и спросил:

— Куда направим путь наш, други мои?

— Ты глава. Тебе и решать, — сказал степенно Донат.

— Разреши, Ерофей, слово молвить, — раздался голос Фаддея.

— Говори, Фаддеюшка.

— Многие промысловики устремляются вверх по Тазу. Я сам смог убедиться, что места сии пушным зверем оскудели. Повыбили там его.

— И что ж ты предлагаешь?

— В сторону восхода солнца протекает великая река Енисей. Там запасы пушнины ещё мало тронуты.

— У нас с братом нет пока никакого опыта в промысле пушного зверя. Иной раз, бывало, подстрелишь на Сухоне зайца или лису, но разве это опыт? Лучше бы начать с ближних мест, — возразил Фаддею Никифор.

— Но Таз исхожен промысловиками, — отстаивал тот своё мнение.

— На этой реке свет клином не сошёлся. Как я узнал, можно промышлять и на реке Нур.

Согласились на предложение Никифора, и Ерофей Павлович веско произнёс:

— Идём на Нур, други мои.

Река Нур впадала в Тазовскую губу несколько западнее устья Таза и

текла с юга почти строго на север.

С первых же дней пребывание в окрестностях этой реки принесло досадное разочарование: все они были уже исхожены промысловиками вдоль и поперёк. Там, где тундра сменилась лесотундрой, а потом тайгой, ватажка Хабарова трижды встречала промысловиков. Сперва наткнулись на крупную ватагу, потом на двух одиноких охотников. Неоднократно попадались следы кострищ, оставленные, по всем признакам, не туземцами, а русскими охотниками. Встречались и становища кочевников, как выяснялось из общения, тоже бивших пушного зверя. Охотничья добыча ватажки Хабарова была ничтожно мала: не набиралось и десятка соболей.

— Что станем делать, брат? — спросил Никифор Ерофея.

— Вперёд на юг, только на юг, — уверенно отвечал тот.

Дошли до среднего течения реки Нур и, кажется, наконец-то оторвались от соперников, но и там не могли похвастать обильной добычей. Настреляли или поймали петлями в ловушки всего десятка два соболей. Этого никак не хватало, чтобы рассчитаться с Юговым. Ватажники не скрывали своего недовольства и открыто роптали. Даже давно служивший Хабаровым Донат и тот хмурился и проговорил неодобрительно:

— Надо же... Знать бы... Не принесла радости эта Мангазея.

Один Максим отмалчивался, сердито насупившись, и лишь иногда бросал:

— Сплоховали мы, братва. Не ту дорожку выбрали.

Ерофей Павлович вынужден был менять принятое решение. Услышав слова Максима, он заметил:

— А ведь мужик прав. Сплоховали мы. Не по той дорожке шагаем. — И сказал решительно: — Хочешь не хочешь, а придётся идти на Енисей.

— Давно бы так, — поддержал Ерофея Донат.

Наняли у кочевников оленью упряжку. Ерофей рассчитался с каюром своими товарами, отдал медный котёл и ещё кое-что из своего запаса. Каюр-туземец вызвался довести Хабаровых и их спутников до Енисея — ближайшей цели ватаги. Нарты с ездовыми собаками Ерофей Павлович решил оставить при себе — пригодятся.

Преодолев невысокий водораздел между Нуром и Тазом, вышли к енисейскому левому притоку, извилистой реке Турухан, по льду которой добрались до великого Енисея.

Порывы холодного ветра с яростной силой дули с севера, со стороны Студёного моря, когда вступили путники на енисейский лёд, неровный,

торосистый. На противоположном берегу великой реки примостился городок Туруханск. Там, у местного лавочника, остановились на отдых. Каюра с оленями отпустили восвояси, а сами пару дней отсыпались после изнурительного пути. Пополнили запас продуктов и впервые за долгое время сытно поели. За продукты рассчитались с лавочником соболиными шкурками. Другой оплаты хитрый лавочник принять не захотел.

Разговорившись с лавочником, Хабаровы узнали, что после страшного пожара Мангазеи многие её обитатели устремились на восток, часть из них осела в Туруханске, в том числе и сам хозяин лавки. В последние годы жизнь, по его словам, здесь заметно оживилась. В городе вырос гостиный двор, в котором уже не менее двадцати лавок. В июне в Туруханск на ежегодную ярмарку, съезжается много торговых людей.

Огромный полуостров Таймыр, покрытый тундровой растительностью, был ещё краем нетронутых богатств. Его малочисленное туземное население сосредотачивалось в основном в долинах крупных рек, а центральная часть полуострова с невысокой возвышенностью была почти безлюдна.

Ватажка Ерофея Хабарова поднялась вверх по енисейскому притоку Курейке, оттуда по водоразделу — к Хантайскому озеру, вытянувшемуся длинной извилистой лентой. Преодолев ещё один водораздел, вышли к реке Пясине. Поход с самого начала оказался удачным. Соболь попадался часто, и добыча промысловиков быстро росла.

— Не зря решились пойти на Енисей, — говорил Ерофей спутникам.

Ватажники забыли о своих жалобах и недовольстве. После первых успехов настроение у всех улучшилось.

В последние дни снегопад прекратился и установилась ясная и солнечная, хотя и морозная погода. Кто-то увидел на снегу отчётливые соболиные следы, которые прервались у снежного холмика. Намётанным глазом охотники определили, что под холмиком скрыта нора соболя. Максим ладонями, упрятыми в меховые рукавицы, разгрёб снег и обнаружил ход в нору.

— Сетку, сетку давай, — воскликнул он.

Донат накрыл ход в соболиную нору волосистой сеткой, а Никифор высек с помощью трута и огнива огонь, поджёг сухой пучок веток. Ветки не загорелись, но чадно задымились, застилая ход в нору. Тут же из неё выскочил соболь и судорожно забился в сетке.

— Попался, голубчик, — с лёгким злорадством произнёс Донат, сворачивая тонкую шейку и бросая его и мешок.

— Это, который за сегодняшний день?

Никифор назвал цифру. Она была обнадеживающей.

— Ого! — с восторгом воскликнул кто-то из ватажников.

К началу весны ватага Ерофея Павловича могла похвастать вполне успешным промыслом. Таймырский край был щедро заселён всякой живностью. В тундре водились дикие олени, зайцы, песцы, мелкий пушной зверь, куропатки и другая птица. Охота давала возможность маленькому отряду не голодать. Удача в промысле определялась и тем, что на пути ватаги почти не встречались соперники. Лишь однажды хабаровцам возле озера Хантайского встретилась небольшая ватага промысловиков, которая тоже могла похвастать успешным промыслом.

— Не пора ли, други мои, подумать о возвращении в Мангазею? — объявил на привале у костра Ерофей Павлович. — Хорошо потрудились. Вернёмся с достойной добычей.

— Наверное, пора, — согласился Фаддей, — коли замешкаемся с возвращением, начнут таять снега, вскроются реки, раскиснут болота. Тогда уж отсюда не выберешься.

Возвращались в Мангазею другим путём, не заходя в Туруханск. Перешли Енисей севернее и поднялись вверх по самому северному из левых его притоков, Большой Хете. От её верховьев, по ровной тундре вышли к Тазу.

Настроение у всех ватажников было превосходное. Ещё бы, возвращались с обильной добычей. На берегу Енисея пришлось вновь нанять оленью упряжку. Одной оказалось мало. Наняли вторую. Только так погрузили всю добычу. При приближении к Мангазее оживился угрюмый, немногословный Максим, стал разговорчивее.

В Мангазее Ерофей Павлович наведалься в воеводский дом и, застав там только Кокорева, попытался подробно доложить ему о промысловом походе и его результатах. Кокорев нетерпеливо отмахнулся от Хабарова и прервал его:

— Знаю, знаю, с людишками на промысел ходил. Много ли соболя напромышлял?

— Слава Богу, немало.

— Расскажешь обо всём напарнику моему. Он потом мне передаст, что существенно.

Палицын внимательно выслушал Хабарова, не перебивал, поинтересовался, каковы, по мнению Ерофея Павловича, перспективы дальнейшего промысла пушного зверя в том крае, и наконец сказал многозначительно:

— А теперь, Ерофей Павлович, шагай к таможенникам. Отчитайся, а

потом приходи ко мне. Дело к тебе будет. Ты ведь у нас грамотей?

Последние слова воеводы Хабарова озадачили. Мало ли какое дело могло найтись к прибывшему из дальнего похода промышленнику? А вот с какой стати воевода спросил у Ерофея, грамотен ли он, этого Хабаров никак не мог понять.

Поселились ватажники, возвратившиеся из похода, у того же псаломщика. Узнали от него, что воеводы не ладят меж собой и, бывает, выносят сор из избы. Палицын вроде бы мужик неплохой, приветлив, людей не обижает, каждого выслушает, а вот его напарник груб, невыдержан. К тому же Кокорев зело корыстолюбив, всякий раз норовит сорвать с промышленника, возвратившегося с промыслов, немалый куш. Псаломщик предупредил Хабарова, чтобы был начеку, коли имеешь дело с этим воеводой.

Таможенный пристав придирчиво проверял привезённую добычу, пересчитал шкурки, составлявшие долю Хабаровых и каждого из ватажников. Отсчитал шкурки, которые надлежало внести в казну в качестве таможенного сбора. Какая-то недобрая ухмылка пристава, которую тот прятал в щетинистых усах, настораживала Ерофея Павловича. Казалось, эта ухмылка говорила о лживости и неискренности пристава. На следующий день он, встретив Хабарова на улице Мангазеи, с той же ухмылкой сказал:

— Зашёл бы к воеводе Кокореву.

— Могу спросить, а зачем я понадобился ему?

— Он мне об этом не говорил, но стало быть, дело есть к тебе.

Хабаров вынужден был повиноваться и направился к воеводским палатам, представлявшим собой продолговатый бревенчатый дом на высокой подклети, в которой располагались слуги и стражники. Фасад дома украшали резные карнизы и оконные наличники. К основному этажу вела наружная лестница с гульбищем. Центральную часть дома занимала просторная комната для приёмов и официальных церемоний. Из неё вели двери в правую и левую половины, где были личные покои одного и другого воеводы.

Кокорев встретил Хабарова колючим, пронизывающим взглядом.

— Много ли соболей напромышлял? — спросил воевода.

— Слава Богу. За всю добычу таможенный сбор внёс.

— И это всё?

— А что ещё с меня причитается?

— Воеводы-то о тебе заботятся, Мангазейской землёй управляют, силы свои тратят. Это ты принимаешь во внимание.

— Поясни, батюшка, что и как я должен принять во внимание?

— А ты сам не ведаешь? Не считаешь ли нужным отблагодарить воеводу за труды его неустанные?

— Ей-богу, не ведаю.

— Разумею, что добыча твоя была велика. Коли подаришь два десятка шкурок, не обеднеешь.

— Ого! Два десятка... Это же...

— Это скромный подарок, который устроил бы меня. И пусть люди твои подумают. Тебя проводит до дома мой человек. С ним и можешь передать мне подарок.

Ерофей Павлович был возмущён откровенным вымогательством со стороны воеводы, но понимал, что открыто возмущаться этим вымогательством, протестовать, выступать обличителем безнадёжно. У воеводы власть, хотя и не полная, разделённая с другим воеводой. У Кокорева есть возможность заключить ослушника в арестантскую избу и даже подвергнуть пытке. Всё, что смог сделать Хабаров в качестве протеста, — это передать воеводе не двадцать шкурок, которые Кокорев требовал, а только семнадцать, но на большее не решился.

Вымогал Кокорев соболиные шкурки и у ватажников. Те не скрывали своего возмущения. Фаддей и два других ватажника из Тобольска не пожелали оставаться на службе у Хабарова на следующий сезон. Фаддей обратился к Ерофею Павловичу с такими словами:

— Не взыщи, Ерофеюшка... не гневайся на ватажников твоих. Рады бы по-прежнему служить тебе. Да вот мздоимец, аспид окаянный на нашем пути оказался. Пусть его Господь Бог накажет.

— С чем же пришли ко мне?

— Посоветовались мы промеж собой и решились тронуться в обратный путь, как только реки вскроются.

— Поступайте, как вам совесть подсказывает. А я вами зело довольным остаюсь. И с болью в сердце расстаюсь с вами.

— И мы можем то же самое сказать.

С тревожным ожиданием Ерофей Павлович шёл на встречу с Палицыным. Задавал себе вопрос — неужели и этот окажется корыстолюбцем и вымогателем. Вроде бы не чета Кокореву. А всё же... в душу к человеку не заглянешь.

Палицын начал со слов:

— Помнится, ты говорил нам, Ерофей Павлович, что горазд в грамоте.

— Не то чтоб зело горазд, а по складам Библию аль Четьи-Минеи

прочешь сумею. И бумагу деловую составлю.

— Это хорошо, коль бумагу деловую составишь. Прочти-ка мне вот это.

Палицын протянул Ерофею Павловичу увесистую книгу в кожаном переплёте с медными застёжками. Это оказались жития святых. Текст книги был рукописный, а не печатный. Писец выписывал буквы с затейливыми завитками.

Ерофей Павлович, напрягаясь, начал читать не очень уверенно, несколько раз спотыкался, но постепенно, строка за строкой, обрёл уверенность и стал читать быстрее.

— Можешь не продолжать, — остановил его воевода, — вижу, что правду сказал. Нам нужны такие грамотеи. Отправился бы снова на Таймыр? — спросил он опешившего гостя.

— Не знаю, что и ответить, — развёл тот руками, — пребываю в раздумье. Трое моих ватажников не пожелали продолжать промысел. Настроились вернуться домой в Тобольск.

— Почто так? Разве плох был промысел на Таймырской земле?

— Промысел-то был отменный. Да вот разобиделись мои людишки на воеводу Кокорева.

— Понятно. Такой умеет разобидеть. Вымогательствовал?

— Грех на воеводу жаловаться. Всевышний оценит его прегрешения.

— Всевышний-то оценит. Боюсь, что мангазейцы взбунтуются. Ну ладно... об этом потом. Хотел бы снова в Таймырскую землю податься?

— Хотел бы. Да как без людишек? У меня остались только брат Никифор, да ещё два мужика — маловато для ватаги.

— А как посмотришь, коли предложу тебе место таможенного целовальника в дальней хетской зимовке? Человек ты грамотный, смыслённый и, видать, трудолюбивый. Будешь на государевой службе. Согласен с моим предложением?

— Не знаю, что и ответить тебе, Андрей Фёдорович. Добираться-то как туда стану? Я ведь ездовых собак имел, да избавился от них.

— Дорога к месту твоей службы станет нашей заботой. Отправишься за казённый счёт.

— Ещё дозволю спросить, воевода... Коль окажусь я на такой службе, промыслять пушного зверя уже не смогу?

— Не сможешь. Персона на государевой службе не наделена правом заниматься промыслом. У тебя будет много своих служебных обязанностей.

— Значит, конец моей промысловой жизни?

— С тобой ведь здесь брат?

— Да. Никифор.

— Вот ему и поручишь возглавлять промысловую ватагу.

— Ватага-то, почитай, рассыпалась. Из всех ватажников осталось только двое.

— Пополнишь её в Мангазее. Пусть этим займётся твой брат.

Посоветовавшись с Никифором, Ерофей Павлович ответил на предложение Палицына согласием. Получив согласие Хабарова отправиться на Таймыр в качестве таможенного целовальника, Андрей Фёдорович Палицын обстоятельно наставлял Ерофея Павловича, вводил его в обширный круг его новых обязанностей, давал практические советы. Воевода терпеливо объяснял ему, как обращаться с местными жителями, строить с ними добрые отношения и не скупиться для пользы дела на подарки. Говорил и о том, что необходимо строго следить за торговыми людьми, не допускать, чтобы они выманивали шкурки пушных зверей у коренного населения прежде сбора; в том случае если торговцы и промышленники утаили пушнину, дабы избежать таможенного сбора, целовальник вправе наложить на злоумышленника штраф, а утаённая пушнина должна конфисковываться в пользу казны.

После этих наставлений Палицын решил проверить, всё ли усвоил Хабаров.

— А теперь скажи-ка мне, Ерофей, как ты поступишь, коли торговый человек нарушил наши правила? Например, припрятал в своём дорожном скарбе пару соболей, а ты эти шкурки обнаружил, — задал вопрос воевода.

— Известное дело, сперва бы я пристыдил того торгового человека, припрятанные шкурки бы отобрал в пользу казны, а самого оштрафовал. Я прав, Андрей Фёдорович?

— Вижу, усвоил мои наставления. Вот так и действуй.

Весной 1629 года отряд во главе с Ерофеем Хабаровым вышел из Мангазеи и направился на восток. Его сопровождали два казака-стражника и брат Никифор, пополнивший свою ватажку людьми. До Енисея добирались на оленях. Верхний слой земли ещё не оттаял, а под ним залегала вечная мерзлота, не поддававшаяся ни весеннему, ни летнему солнцу. Поэтому дорога через тундру на оленях затруднений не вызывала. Приходилось лишь объезжать болотца и озёра, образовавшиеся от таяния верхнего слоя снега.

В устье Енисея застали купеческое промысловое судно — коч под парусами, — приплывшее Студёным морем из Архангельска. Ерофей Павлович показал купцу бумагу, подписанную воеводами. Бумага содержала предписание оказывать таможенному целовальнику Ерофею

Хабарову, сыну Павлову, всяческое содействие в достижении места службы на реке Пясине. Купец поворчал, пожаловался на переполненность коча, однако же Ерофея с двумя казаками и Никифора с ватажкой на коч взял. Невыполнение предписания воевод могло означать ссору с властями Мангазеи и серьёзные неприятности для купца. Судно вышло из устья Енисея, не удалялось далеко от берега, поскольку в прибрежной полосе море очистилось ото льда и на пути попадались лишь отдельные льдинки, отколовшиеся от огромного ледяного поля, всё ещё сковывавшего море к северу от берега.

Коч пришёл к устью реки Пясины. Целью пути Хабарова было Хетское зимовье на реке Хета. Она, сливаясь с другой рекой, образовывала более полноводную Хатангу. Чтобы достичь Хетского зимовья, требовалось прежде всего обогнуть морем обширный Таймырский полуостров и углубиться в Хатангский залив, врезающийся остриём вглубь материка. Купец, владелец коча, не захотел плыть далее Хетского устья.

— Не хочу с жизнью расставаться. Не желаю людей гробить, — заявил он решительно и упрямо твердил: — Плавание вокруг Таймыра опасно. Сколько мореплавателей здесь сгинуло, нашло себе могилу.

Все усилия Хабарова уговорить упрямого купца плыть Студёным морем далее ни к чему не привели, хотя Ерофей Павлович и ссылался на бумагу, подписанную воеводами. Под его напором купец всё же пошёл на уступку таможенному целовальнику.

— А ты, однако ж, упрямец... сделаю тебе уступку. Поплывём вверх по Пясине пока глубина этой реки позволит кочу пройти.

— Но мне не на Пясину надо, а на Хету, — возразил Хабаров.

— Из Пясины подымешься правым притоком, а сей приток близко подходит к средней Хете. Остаётся лишь преодолеть небольшой волок.

— Вижу, не переубедить тебя, купец. Пльвём вверх по Пясине.

Доплыли до прибрежного селения. Здесь удалось нанять проводника якута с оленьими упряжками. Якутов, откочевавших с Вилюя на Таймыр, стали называть долганями. Они говорили на своём наречье, отличавшемся от наречья жителей средней Лены. В роли проводников якуты выступали не раз, один из них и вывел караван к Хетскому зимовью. Здесь на высоком берегу стояли две избы, срубленные из выкидника, и амбары.

Навстречу каравану вышел рыжеволосый с проседью немолодой человек, сопровождаемый собаками, которые встретили Хабарова и его спутников разливистым лаем.

— Цыц, вражины! Умолкните! — прикрикнул он на собак. Псы послушались хозяина и смолкли.

— С прибытием! Я Иринея, здешний ясачный сборщик, — такими словами встретил отряд Хабарова рыжеволосый. — Вы чьих будете?

— Направлен сюда воеводами таможенным целовальником. Зовут меня Ерофей Хабаров, — представился Ерофей Павлович. — Изволь, батюшка, познакомься с сей бумагой.

Иринея неуверенно взял у Ерофея бумагу.

— Извини, человек хороший. Не разумею, что тут написано. В грамоте я не силен.

— Не велика беда, Иринея. Помогу тебе ясак собирать и отчитаться.

Так началась таможенная служба Ерофея Павловича Хабарова. Одну из изб зимовья занимала семья Иринея, жена которого долганка нарожала ему трёх ребятишек-полукровок, шумливых и непоседливых. Другую избу занимал казак-стражник, и в ней останавливались промышленные и торговые люди. Теперь население этой избы увеличилось за счёт Хабарова и прибывших с ним стражников, а также Никифора с ватажниками.

Первым делом Ерофей Павлович отдал распоряжение своим сподвижникам срубить из выкидника небольшую избу для себя. Выкидник приносила с верховьев и выбрасывала на берег река. Стены избы возвели за три дня, внутри быстро сложили из камня очаг, окно затянули рыбьим пузырём. Никифор с ватажкой не собирался долго засиживаться в зимовье и вскоре отправился на промысел. А Ерофей стал вникать в дела.

Через некоторое время зимовье посетили долгане и самоеды (так в ту пору русские называли ненцев), привезли ясак, и Ерофей Павлович пожалел, что не может изъясняться на их языках. Толмачом стал Иринея, правда, он довольно сносно говорил по-долгански, научившись этому языку от жены, а вот самоедскую речь разумел с затруднениями.

Прибывшие приветствовали обитателей зимовья и с поклонами сложили перед амбаром привезённый ясак — шкурки соболей, лисиц и медведей.

— Наши подарки белому царю, — важно произнёс старый долганин, старейшина поселения. — Пусть боги хранят белого царя.

— Доброй охоты тебе и твоим людям, — ответил в тон ему Иринея.

— Кланяемся белому царю.

— И белый царь Михаил Фёдорович шлёт тебе и твоим людям ответный поклон.

— Далеко ли живёт отсюда белый царь?

— Зело далеко. На другом конце земли нашей. В большом городе за каменной стеной. А обитает в том великом городе людишек во сто крат больше, нежели можно насчитать всех долган и самоедов.

Старейшина выразил своё удивление причмокиванием и стал расспрашивать, а каково жилище у белого царя, похоже ли оно на большую русскую избу или на туземный чум?

Ириной ответил смешком.

— Уморил, старик. Не изба и не чум. Царь наш живёт в огромных каменных палатах. Такие палаты тебе никогда и не снились.

Старейшина ещё больше изумился. Ириной бойко переводил слова долганина, оказавшись весьма опытным толмачом.

Беседа с гостями затянулась. Местный обычай располагал к беседе неторопливой. Хабаров тем временем отвлёкся от разговора и стал обследовать ясачные шкурки. Придрался только к одной — лисьей. Лисица была покусана во время схватки зверем покрупнее, очевидно, волком. Ерофей Павлович хотел было вернуть повреждённую шкурку долгану, но Ириной остановил его:

— Негоже ссориться с соседом. Отношения наши добрые, а лисью шкурку употребим. Пойдёт ребятишкам на одежку.

— Тебе видней, — согласился Хабаров.

Однако Ириной сделал старшине строгое внушение за повреждённую шкурку.

Всех гостей одарили подарками, привезёнными Хабаровым из Мангазеи. Старейшина получил медный котёл для приготовления пищи на очаге и кожаный пояс, расшитый бисером, другие стали обладателями оловянных фляг, кинжалов, разных стеклянных украшений и нескольких ниток разноцветных бус.

Невдалеке от Хетского зимовья обитал тунгусский род, который давно уже уклонялся не только от платы ясака, но и вообще от всякого общения с русскими. Род кочевал по тундре, и если поблизости оказывались промысловики или сборщики ясака, поспешно снимался с насиженного места и уходил в безлюдную тундру. Беседуя с долганским старейшиной, Хабаров пытался выяснить, где примерно может обитать этот кочующий тунгусский род.

Получивший подарки старейшина, покидая Хетское зимовье, снабдил русских друзей проводником с собачьей упряжкой. Каюр уверенно повёл упряжку вдоль левого берега Хеты, а потом вдоль её малого притока в восточном направлении. Вслед за упряжкой с проводником следовала по свежему снегу вторая — с Хабаровым и Иринеем, который погонял собак. Взяли с собой на всякий случай одного из казаков.

Сливающиеся воедино две тундровые реки образовывали южнее зимовья реку Хету. Путь надо было продолжать по берегу одной из них. В

самый разгар осени река уже покрылась коркой льда, правда, ступать на него ещё не решались. Ветер взметал раннее снежное крошево. На пути то и дело попадались крестообразные следы куропаток, а иногда и сами птицы не спеша взлетали при приближении упряжек.

Ириной превосходно ориентировался в бескрайней тундре и, кажется, безошибочно разбирался в следах, оставленных её обитателями.

— Глянь-ка... Чую, вот здесь прошёл род Тузлука, — произнёс он обрадованно.

— Кто такой Тузлук? — спросил его Ерофей Павлович.

— Старейшина рода, который мы разыскиваем.

— Откуда тебе известно, что это его следы?

— Тузлук оставляет свои следы. Видишь, вот сие след костра. А здесь стоял чум.

— Откуда тебе известно, что здесь проходил род Тузлука?

— А других тунгусских родов в этих краях нет.

На третий день пути на горизонте показались дымок и остроконечные очертания чумов.

— Они, искомые бродяги? — спросил Ириней Хабаров, указывая на них.

— Они, — уверенно ответил тот.

— Уверен?

— А кто же может быть ещё?

Тунгусы заметили приближение собачьих упряжек и засуетились. Стали поспешно собирать чумы. Хабаров приказал двигаться как можно быстрее.

Не успели сняться со стойбища тунгусы. Хабаров с Иринеем помешали им.

— Передай их старейшине, Иринеюшка, не с дурными намерениями, не со злым умыслом мы пришли, а с миром и с добром. И нечего нас бояться, убежать от нас, как от нечистой силы или чумы, — с этими словами Ерофей Павлович обратился к своему спутнику.

Ириной плохо владел языком тунгусов, но слова Хабарова всё же кое-как перевёл. Только не мог подобрать замену словам «нечистая сила» и «чума».

Поняв, о чём идёт речь, Тузлук заулыбался смущённо.

— А я думал, вороги это, — пояснил он и назвал какой-то дальний тунгусский род, с которым был во враждебных отношениях.

— Не видишь разве: друзья мы. Так и скажи басурманину, — приказал Хабаров Иринею. — Скажи ещё, что, мол, дружить с ним на

вечные времена желаем. Спроси, примет ли наши подарки, будет ли им рад?

Тузлук на слова толмача ответил утвердительно. Кто же не возрадуется подаркам?

Однако подарками Хабаров одарил тунгусский род нещедро, ведь ещё неизвестно, как сложатся с ним отношения, дойдёт ли дело до дружбы? Род был невелик — всего пять или шесть семейств. Каждый глава семьи получил по ножу и кое-какие женские украшения. Но и этому, как можно было заметить, Тузлук искренне обрадовался.

— Спроси у него, Иринеюшка, согласен ли он дружить с русскими? Согласен ли уважать белого царя, который в обиду своих друзей никогда не даст?

Иринею попытался передать примерный смысл слов Хабарова. Глава тунгусского рода не стал долго размышлять и заговорил скороговоркой:

— О, да, да... Мой род и русские, люди белого царя — всегда друзья.

— Вот и докажите нам свою дружбу, а не бегайте от нас по тундре, словно пугливые зайцы, — сказал твёрдо Хабаров и приказал: — Переводи ему всё это, Иринею.

Тузлук постарался показать своё расположение к русским. Пригласил их в свой чум, к очагу, который ещё не успел совсем загаснуть. Дал знак женщинам, чтобы подали еду. Гости расселись на олени шкуры перед огнём. Им подали на деревянных тарелках куски оленины и по чашке клюквенного сока. За неторопливой едой завязалась столь же неторопливая беседа. Говорил Ерофей Павлович. Иринею толмачил, иногда оказывался в затруднении, не зная, как передать по-тунгусски то или иное русское слово или хотя бы его приблизительный смысл. Из кожи лез вон, старался.

— Пошто чураешься нас, Тузлук? — спрашивал Хабаров. — За тридевять земель обходишь наше зимовье.

— Что значит — за тридевять земель? Не разумею. Как это сказать по-тунгусски, — спрашивал Ерофею Иринею.

— Скажи проще... Спроси, почему не заглядывает в зимовье? Мы ведь не волки лютые, не кусаемся. Гостям завсегда рады.

Смысл этого, немного изменённого вопроса Иринею кое-как передал.

— Ещё напомни ему... — продолжал Хабаров, — что, мол, обещал платить он нам ясак. Обещал ведь? Да укажи, что тех, кто исправно платит ясак, белый царь берёт под свою защиту, в обиду не даёт. Спроси, неужто он хочет, чтоб соседний род напал на его род, пограбил, увёл жён и деток?

Нет, Тузлук и все члены его рода этого, конечно, не хотели. Таков был ответ.

— А раз так, то пусть ответит, почему же не желает он сделать подарок белому царю, своему покровителю? Это ведь лишь малая толика их добычи. Малая! — убеждал Хабаров всё ещё сопротивлявшегося родового старейшину.

Долгим был разговор, утомительным, но всё же мало-помалу удалось сломить упорство Тузлука, хотя и пришлось Хабарову выслушать его жалобы на плохую охоту и на то, что зверь здесь повывелся. Было очевидно, что Тузлук приbedнялся.

— Врёшь ведь. Почему возле других становищ зверь не перевёлся? — прибег к последнему аргументу Хабаров.

С усилиями Хабарову и Иринею удалось собрать ясак с тузлукского рода. Покидая становище, Ерофей Павлович наказал:

— Не сторонись нас, Тузлук. Приходи к нам. Гостям мы всегда рады.

Когда дело уже шло к весне, в зимовье появилась ватага промысловиков с купеческого судна, зазимовавшего в устье Енисейска. Её предводитель, не старый ещё человек, представляясь Хабарову, назвался Мироном.

— Что скажешь хорошего, Мирон? — спросил его Ерофей Павлович.

— Первым делом дозволю у тебя отдохнуть, отоспаться. Уморились, гоняясь за зверьем. Отоспаться хотелось бы, прежде чем пускаться в обратный путь.

— Напромышляли-то зверья много?

— Не зело много. Ведь это как кому повезёт.

— А всё-таки? Знаешь, что заплатить нам должен таможенный сбор сполна. Коли исправно расплатишься с нами, получишь от меня бумагу.

— За платежом дело не встанет.

Мирон с охотой представил Хабарову и Иринею всю свою добычу, упрятанную в холщовые мешки, и дал им возможность пересчитать её и проверить каждую шкурку. Ерофея Павловича насторожило, что сделал это промысловик уж слишком охотно и угодливо. Чисто ли дело? Оказалось, что нечисто: в нартах Мирона днище было двойным, и в узком пространстве между днищем находился тайник, где были припрятаны шкурки соболя. И не одна, и не две, а десяток с гаком!

— А это как понять, друг разлюбезный? — строго спросил Ерофей Павлович.

— Не взыщи... Запоматовал и не указал это... Ты уж прости мой огрех.

— Бог тебя простит. А ты плати-ка штраф. Шкурки, что ты столь

хитро припрятал, мы забираем в казну.

— Помилосердствуй... Поделюсь с тобой шкурками. Не будешь внакладе! — умолял Мирон.

— Не толкай меня на мошенничество. Я при исполнении службы. И не мы с Иринеем сии правила выдумали.

— Свалился ты на мою голову, лиходея, — посетовал Мирон, а потом ещё долго сокрушался и плакался.

Ссориться с должностными лицами зимовья Мирон не стал. Не посмел. Требования Хабарова неохотно, но всё же выполнил, а Ерофей Павлович тем временем составил для Мирона бумагу — таможенное свидетельство, — в которой и отметил нарушение ватагой промысловиков таможенных правил и изъятие в пользу казны партии контрабандной пушнины.

Вот так и шла служба Ерофея Павловича Хабарова на Таймырской земле в качестве ясачного сборщика и таможенного целовальника. Собирал ясак с местных племён и таможенные сборы с промысловиков. Случалось, что промысловики норовили припрятать часть добычи, чтоб не платить сборы сполна, а некоторые роды пытались избежать встречи с русскими, чтобы только не платить ясак. Ерофей Павлович с помощью надёжных людей из числа туземцев отправлялся на поиски неплательщиков. Нельзя сказать, что это всегда удавалось. В бесконечной тундре человеку или целой ватаге легко было затеряться как иголке в стоге сена.

К весне вернулся Никифор со своей ватажкой. Он успешно охотился по всей Хете и её притокам и мог похвастать богатой добычей.

По договорённости с воеводами Ерофей Павлович Хабаров завершил свою таймырскую службу. Намеревался возвращаться в Мангазею и Никифор Хабаров со своими людьми.

На Таймырской земле ещё долго держалась зимняя погода. На реках сохранялся ледяной покров, а тундра была по-прежнему выбелена снегом. Братья Хабаровы и их спутники воспользовались оленьими упряжками, нанятыми в соседнем стойбище, и добрались до Енисея. А там уж рукой подать до Мангазеи.

Когда братья прибыли на место, большинство здешних промысловиков уже возвратились из походов, среди них и младший Югов. Знакомый псаломщик уже пустил в свой дом постояльцев, и Хабаровым пришлось искать другое жильё. Удалось поселиться у одного из лавочников-гостинодворцев.

С первых же дней Ерофей Павлович уловил, что в городе воцарилось какое-то напряжение. Враждебные отношения между двумя воеводами,

кажется, достигли критической точки, выплёскивались наружу, и ни для кого уже не оставались секретом. Вся Мангазея разделилась на два противоборствующих лагеря. Подавляющее большинство торговых и промышленных людей оказалось Палицына, они резко обличали и поносили его противника. Повсюду можно было услышать нелицеприятные и резкие высказывания в адрес Кокорева. Люди без всякого стеснения говорили о жадности, мздоимстве, всяких злоупотреблениях и высокомерии воеводы, вызывавшего широкое недовольство. На стороне Кокорева оставалось незначительное меньшинство. Это были лишь некоторые чиновные люди или те, кто оказался связанным с этим воеводой особыми отношениями.

На первых порах Кокорев пытался взяться за старое и облагал возвратившихся с промыслов людей поборами. Несколько раз такое сошло с рук, но вскоре промысловики взбунтовались и, сговорившись меж собой, отказались потакать вымогателю. Видя дружное сопротивление и даже откровенные угрозы в свой адрес, Кокорев притих. А тут ещё Палицын попытался образумить своего напарника, который едва выслушав наставления, взъярился и тем самым усугубил вражду.

Всё это мог воочию наблюдать Ерофей Павлович. Промысловики вскоре собрались на мирской сход, в котором участвовали и братья Хабаровы. Обсуждение длилось недолго — обстановка и без лишних слов была предельно ясна. Участники схода потребовали от воевод прекратить всякие склоки и раздоры и помириться. Раздавались возгласы о том, что необходимо составить челобитную, в коей описать все неблагоприятные деяния Кокорева, и послать ту челобитную с надёжным человеком в Москву. Может быть, она заставит приказных чиновников задуматься о сложившейся обстановке в воеводстве и избавить мангазейцев от Кокорева.

На следующий день после мирского схода Хабаровых посетили три промысловика.

— Познакомься, Ерофей Павлович, с сей бумагой, — сказал один из них, протягивая Хабарову исписанный лист, — коли согласен со всем, что здесь написано, поставь подпись. Видишь, сколько наших людишек уже приложилось.

Хабаров не спеша прочитал содержимое бумаги, перечитал ещё раз.

— Толково составлено, честно. Ничего не возразишь против, — сказал он. — Готов и я подписать. И братец мой поставит подпись. Приложишь руку, Никифор?

— А как же.

— Вот и добро. Соберём подписи всех участников схода и пошлём

бумагу с верным человеком. А не отправиться ли тебе, Ерофеюшка, в Первопрестольную с нашей челобитной? Ты грамотный да расторопный, — неожиданно для Хабарова спросил собеседник, судя по всему, высказывая пожелание многих подписавших челобитную.

— Дайте подумать, други мои. Дело-то обременительное и расходное.

— Учти, Ерофеюшка... Снабдим тебя деньжонками на дорогу. Дело-то общее. Соберём деньжонок с миру по нитке.

— Дайте подумать, — повторил Хабаров.

Он был склонен согласиться с предложением промысловиков. Ерофей Павлович был не из тех людей, кто следовал обывательскому принципу — моя хата с краю, обойдутся без меня, кроме того, было и чувство обиды на Кокорева, выманившего у него соболиные шкурки, тем самым нанеся заметный материальный ущерб промысловнику.

Когда прежние посетители, а с ними ещё Герасим Югов, через некоторое время вновь наведались к Хабарову, он встретил их словами:

— Согласен на поездку в Москву. Давайте челобитную.

— Учти, Ерофеюшка, дело это изрядной смелости от тебя требует, — сказал Югов.

— На медведя с рогатиной ходил, а в этом тоже немалая смелость нужна.

— Теперешнее дело-то посложнее будет! Там — медведь, зверюга неразумная, а здесь — чиновники-крючкотворы. Среди них, возможно, у Кокорева своя рука имеется. Чуешь?

— Знаю, — сдержанно ответил Югову Ерофей, но от поездки в столицу не отказался.

— Дать тебе в дорогу помощника? — спросил старший из промышленников.

— Об этом не извольте беспокоиться: я возьму с собой брата Никифора.

— Добро. А деньжонок на дорогу мы тебе соберём.

Ватажники, которых Никифор нанял в Мангазее, разбрелись по домам. Максим же удивил неожиданным поступком.

— Не осуди меня, Ерофей... — начал он как-то виновато, неуверенно.

— За что я должен тебя осуждать?

— Не по пути нам далее. Разошлись дорожки наши. Не гоже мне в Устюг возвращаться.

— Коли боишься, что старые твои грешки припомнят, так их давно позабыли.

— Не ведаю о том, позабыли ли нет, но лучше мне от Устюга подальше держаться. Остаюсь в Мангазее. Присмотрел здесь одну девку. Пригожая, хотя и местная басурманка. Женюсь. Давно пора. Деток нарожаем. В зимнюю пору стану соболя промышлять. К какой-нибудь ватаге пристану.

— Коли твёрдо решил, Бог в помощь.

Из прежней ватаги с братьями Хабаровыми возвращался только Донат.

Герасим Югов сам пригласил Ерофея Хабарова на свой дощаник, нанятый у местного судовладельца.

— Беру тебя и твою ватажку до Тобольска, — сказал он с готовностью. — Много ли всех вас?

— Только трое. Мы с братом, да наш человек.

— Жаль, что так мало.

У Герасима был свой расчёт. До Тобольска придётся плыть против течения, всю дорогу налегать на вёсла.

Путь был нелёгким, к тому же долгим, а труд гребцов изнурителен и требует немалых физических усилий. Жаль, что у Ерофея нет внушительной ватаги. Но и трое не будут лишними.

Перед отплытием Ерофей Павлович нанёс прощальный визит Палицыну... Воевода, вспомнив его отчёт о службе на Таймыре, которым остался доволен, спросил Хабарова:

— Не поехал бы в Хетское зимовье ещё на один сезон? Дела твои, как погляжу, шли неплохо.

Ерофей Павлович поблагодарил Палицына, но от лестного предложения отказался.

5. Посещение столицы

После уныло тоскливых тундровых пейзажей с чахлой растительностью тайга, подступавшая к берегам, поражала своим богатством и яркостью. На прибрежных островках в извилистых протоках гнездились водоплавающие птицы. Дружным хором гоготали дикие гуси, крикали утки, горланили ещё какие-то пернатые, взлетая шумными и крикливыми стаями.

Несмотря на малолюдность края, движение по Оби было довольно оживлённым. На север плыли встречные караваны, отдельные лодки и дощаники с промысловиками, спешившими к началу охотничьего сезона. С севера возвращались с добычей промышленные люди. Попадались и аборигены: остяки и вогулы. Они предпочитали рыбачить в тихих протоках и заводях, раскидывая там сети и всякие ловушки.

Экипажу дощаника приходилось затрачивать немалые усилия, налегая на вёсла. Движение против течения с большим грузом было весьма затруднительно. Делали ночные остановки на берегу, разводили костры и, откушав ухи, сваливались на охапки хвороста как убитые.

Достигли наконец Иртыша. Река мало-помалу суживалась, становилась более извилистой. На берегах чаще стали попадаться поселения. Ближе к Тобольску появились и русские деревушки.

Вот и Тобольск, стены кремля, маковки церквей. Герасим Югов по прибытию в главный сибирский город отправился в воеводскую канцелярию и выхлопотал там для своей промысловой ватаги два дощаника поменее тех, что доставили его из Мангазеи в Тобольск.

— Останешься моим спутником? — спросил он Ерофея Павловича.

— Коли позволишь...

— Отчего же не позволить, ежели взялся за наше общее дело?

— Да уж доведу его до конца. Будь покоен.

Продолжали плавание по Тоболу, а потом по Туре.

В верховьях эта река становилась извилистой, петляла и совсем обмелела. Всё чаще киль дощаника со скрипом царапал дно, несколько раз судно садилось на мель. Тогда все скидывали обувь, прыгали в воду и с усилиями сталкивали дощаники с мели.

В Туринске прошли проверку у таможенника, оставили ему дощаники и переложили грузы в конные повозки. Медленно двигались по раскисшей

от грязи дороги, подымались вверх на горные перевалы, потом спускались в долину. И снова плавание по рекам Камского бассейна, по мелким притокам, по верхней Каме. Вновь волок между камским верховьем и рекой Сысолой, впадавшей в Вычегду.

В Сольвычегодске Герасим Югов дал команду устроить трёхдневный привал. Пусть люди отдохнут после тяжёлого пути, отоспятся. У многих от непрерывной гребли натёрты до кровавых мозолей ладони. Настырные сольвычегодские торговцы предлагали путникам горячую пищу, копчёную медвежатину, пироги, квас. Местные жители одолевают расспросами тех, кто возвратился из Сибири. Желают получить совет, стоит ли им сняться с насиженного места и податься за Каменный пояс. Любопытствуют, какова житуха в Сибири?

Ерофей Павлович вдруг заметил, как в толпе мелькнула знакомая женская фигура. Никак это Василиса.

— Василисушка! — окрикнул женщину Ерофей, ещё не веря глазам и не понимая, как попала она в Сольвычегодск?

Василиса устремилась навстречу мужу. Они сплелись в объятиях.

— Как ты попала сюда? — всё ещё удивляясь встрече, стал расспрашивать жену Хабаров.

— Вот так и попала. Здесь ведь моя родня, тётка... Али забыл?

— Почему же не захотела с моими родными оставаться?

— Уж больно крутоват твой батюшка. Я для него только девка на побегушках. Не привыкла к такому. Между моими родными такого никогда не бывало.

— С норовом ты у меня, знаю я это, — сказал, усмехнувшись, Ерофей.

— Разве со мной тебе, Ерофеюшка, было когда-нибудь плохо? — спросила, лукаво улыбнувшись, Василиса.

— Да разве я когда жаловался тебе, что мне плохо с тобой? — примирительно сказал супруг и, взяв Василису за руки и глядя ей в глаза, спросил дрогнувшим голосом, — Расскажи, как детки? Кого родила? Сына?

— Сынка в чреве своём вынашивала, — кивнула она. — Растёт у нас с тобой сынок, скоро ему уж два годика.

— Как назвала?

— Андреем, Андрюшенькой.

— А доченька-то как?

— Наташенька растёт. Смьшлёная.

— Сама ты как поживаешь? — спросил Хабаров, уловив в голосе какие-то грустные нотки.

— Не могу похвастать, — вздохнув, нехотя ответила она, — плохо живу. Первое время мои родные помогали, а от батюшки твоего помощи даже не ждала: разобиделся старик, что я покинула его дом. Теперь он с семьёй в Устюг перебрался. А мне... — она, ещё раз вздохнув, договорила с грустью: — пришлось в прислуги идти к батюшке, отцу Вениамину...

— С этим теперь покончено, — твёрдо сказал Ерофей Павлович, снова заключая жену в объятия, — в Устюге дом тебе купим с участком земли. Скотину заведём.

Не теряя времени, Хабаров поспешил в дом отца Вениамина, желая как можно скорее увидеть чад своих. Василиса с детьми занимала небольшую комнатку в подклети рядом с хозяйственными чуланами.

Маленький Андрей, увидев незнакомого мужика с окладистой бородой, испугался и расплакался, а Наталья долго и с любопытством разглядывала отца. В её детской памяти Ерофей не успел запечатлеться.

— Собирайся, жена. Детишек собери, — сказал он Василисе. — Батюшке поклонись за то, что дал тебе пристанище и хлеб насущный.

— Куда же ты нас повезёшь?

— Известное дело куда — в Великий Устюг. Я теперь мужик небедный. Куплю тебе дом на посаде или в слободе за городом. Денег оставлю, ни в чём нуждаться не будешь.

— Опять надолго нас оставишь? — с тревогой спросила Василиса. — Неужто снова уйдёшь на долгие годы?

— Уж это как судьба сложится, — ответил он и, чтобы не продолжать трудный разговор, поторопил: — Собирайся в путь, Василисушка.

После отдыха в Сольвычегодске тронулись в дальнейший путь, оказавшийся недолгим. Вот и вычегодское устье. Далее пошли на вёслах против течения. Миновали небольшой участок Двины, образуемый слиянием рек Сухоны и Юга. Уже издали на высоком берегу Сухоны, где раскинулся большой торговый город Великий Устюг, увидели стены и купола многочисленных церквей.

— Здравствуй, батюшка, — приветствовал отца Ерофей. — Вернулись с братцем. Как видишь, оба живы, здоровы. И супругу свою с чадами малыми привёз.

— Гордячка твоя жёнка. Не пожелала жить у свёкра. Не любо мне такое, — хмуро ответил на это отец.

— Не захотелось быть тебе обузой, у тебя своих деток-малюток полон дом. Мы и нынче ненадолго тебя обременим. Рассчитаюсь с Юговым, верну долги и куплю дом. Стану подыскивать хоромы. А по

зимнему пути тронусь в Первопрестольную.

— Это ещё зачем? Кто тебя там ждёт?

— Никто не ждёт. А правды хочу добиться. Наказ товарищей.

Павел Хабаров недовольно покачал головой, но к внукам всё же отнёсся доброжелательно: Наталью ему довелось видеть ещё совсем маленькой, а Андрейку узрел впервые.

— Видать, озорник. Наша порода, — полушутя сказал старый Хабаров и подержал внучонка на руках.

Своё пребывание в Великом Устюге Ерофей Павлович начал с визита к Югову.

— Мир дому твоему, Влас Тимофеевич, — приветствовал он богатея.

— С благополучным прибытием, Ерофеюшка, — ответил Югов. — Что хорошего скажешь?

— Первым делом должок желаю тебе вернуть.

— Учти, Ерофеюшка, в отсутствии ты пребывал два года с лишком. Про лишек забудем. Я человек не мелочный. Будем считать, что за два года твой должок удвоился.

— Как пожелаешь, Влас Тимофеевич, чтоб вернул я тебе долговую сумму: рубликами аль соболиными шкурками?

— Давай договоримся о шкурках. Имею дела с архангельскими купцами. А купцы те торгуют с англичанами, норвежцами. Понадобились им шкурки соболя. Ныне хороший соболь в цене. Попробуем посчитать, сколько за твой долг надо тебе шкурок отдать.

Югов призадумался, производя в уме расчёты, потом назвал количество шкурок. Ерофей Павлович поморщился, но промолчал. Не стал спорить с прижимистым дельцом, в расчётах не обошедшимся без корыстной выгоды для себя.

— Чем ещё могу помочь тебе, Ерофеюшка? — с напускной ласковостью спросил Югов.

— Да вот... Хотелось бы домишко купить для семьи.

— Подберём что-нибудь. Зайди ко мне завтра к концу дня. Успеем к тому времени потолковать с нужным человеком. Где бы хотел иметь домишко, на посаде или в слободе?

— Можно и в слободе. Там дома подешевле, да и земля под огород будет.

Так Ерофей Павлович стал обладателем небольшого дома с хлевом и баней. Усадьба оказалась недалеко от Михайло-Архангельского монастыря, который он посетил незадолго до своего отъезда в Сибирь. Владелица дома, престарелая вдова приказчика, решила переехать к сыну и

потому расставалась с усадьбой. Попросила рассчитаться с ней наличными, и Хабаров, чтобы собрать потребную сумму, сплавил партию шкурток тому же Югову. Пришлось потратиться и на обзаведение самой необходимой обстановкой, купить корову, пару гусей, свиноматку. А тут ещё отец заглянул посмотреть, как обустроился сын, и напомнил ему:

— Не забыл, Ерофейка, старый русский обычай?

— О каком обычае говоришь, батюшка?

— Ужель забыл, что принято новоселье справлять, в гости родных приглашать?

— Будет новоселье, отец. За этим дело не станет, — сказал без особого восторга Ерофей, который прикинул, что от привезённой им добычи после расчётов с Юговым и покупки дома осталась самая малость. А тут ещё отец напомнил о новоселье, однако отказывать ему, пререкаться было бы неучтиво.

Обременительного для кошелька новоселья Ерофею Павловичу избежать никак не удалось. Пришлось раскошелиться и сделать покупки на базаре, приобрести бочонок хмельной медовухи. Жена принялась печь пироги, готовить жаркое. Приглашены были родители, брат Никифор, проживавшие в городе родственники, приходской священник. Из вежливости, а не из искреннего желания Ерофей наведалься к Югову, пригласил и его, но тот ответил уклончиво:

— Знаешь ведь, Ерофеюшка, человек я зело занятой. Посмотрим, как дела мои сложатся.

Ерофей Павлович не очень-то надеялся на приход Власа, был почти убеждён, что тот не придёт, и не ошибся. Югов не пришёл, но прислал вместо себя сына Герасима. Его приходу Хабаров был рад. Оба они общались в Мангазее и сблизились за время обратного пути.

Новоселье прошло радостно. Старый Хабаров неожиданно расщедрился и пришёл с бочонком медовухи. А Никифор шагал позади отца и нёс двух жареных гусаков. Застолье начали с того, что отец Серафим отслужил короткий молебен и освятил новое жильё.

На следующий день, когда у Ерофея Павловича ещё трещала голова от вчерашнего, а Василиса занималась уборкой и мытьём посуды, пришёл Никифор с большим свёртком, перевязанным шнурком.

— Знаю, потратился ты, брат, — сказал он Ерофею, — долг немалый выплачивал, на покупку дома потратился, новоселье справил. Что семье на жизнь остаётся?

— С гулькин нос остаётся.

— То-то же... Прими вот это от меня. Мой подарок к твоему

новоселью. Здесь два десятка соболей, остальную свою добычу оставлю батюшке.

— Спасибо, братец. Удружил.

— Рад бы и поболее удружить, но чем смог.

Ещё раз поблагодарив брата, Ерофей предложил обсудить их поездку в Москву.

— Полагаю, надо ехать по зимнему пути, когда установится санный путь, — ответил Никифор.

— Ия так думаю. Пристанем к купеческому обозу. Разузнай-ка, кто из здешних купцов собирается в Первопрестольную. Скажи, что готовы, мол, наняться в охранники.

— Непременно разузнаю, — пообещал брат.

Вскоре настала пора, когда в направлении Вологды один за другим потянулись купеческие обозы с пушниной и изделиями устюжских умельцев. Братья Хабаровы договорились присоединиться к обозу одного из купцов, согласились охранять обоз, вооружились.

Перед отъездом Ерофей Павлович попрощался с родными, с женой. Василиса обхватила мужа за шею, всплакнула.

— Опять надолго расстаёмся, Ерофеюшка. Опять меня с детьми малыми покидаешь.

— Москва не столь далека, как Мангазея. И дорога туда не столь трудна. Вернусь, не горюй.

— А я хотела порадовать тебя одной новостью.

— Неужто опять тяжела?

— Угадал.

— Береги себя, Василисушка, — нежно сказал Ерофей и добавил мягко: — Молодец ты.

Купеческий обоз вышел из Великого Устюга и двинулся по скованной льдом Сухоне. Миновали поселения, выселки. Останавливались на ночлег в крупных сёлах, отмеченных церковными постройками. Ерофей Павлович считал долгом поставить в церкви свечу, чтобы дорога оказалась удачна, без неожиданных трудностей, без встречи с лихими людишками.

Возглавлял обоз купеческий сын Диомид — в просторечье Демид. У него оказались свои деловые отношения с вологодскими купцами. Для них предназначались изделия устюжских мастеров, чеканка по серебру, финифть, работы тамошних богомазов.

Ерофей Павлович, впервые оказавшись в Вологде, зашёл в самый монументальный пятиглавый городской храм, Софийский собор, отстоял там богослужение. В слабом свете мерцающих у икон свечей молящихся

можно было разглядеть лишь в непосредственной близости, а лица тех, кто находился в отдалении, тонули во мраке и были совсем неразличимы.

Когда богослужение закончилось и люди стали подходить к причастию, кто-то окликнул Хабарова:

— Никак это ты, Ерофей?

Хабаров сразу узнал в подошедшем человеке мангазейского воеводу Палицына и тут же отозвался.

— Какими судьбами, Андрей Фёдорович?

— А вот таковскими... Сперва выйдем из храма, там и поговорим.

Они вышли из собора.

— Отслужил я свою воеводскую службу, — продолжал Палицын, — не ужился с Кокоревым. Тошно стало с таким волком воеводскую власть делить. Отпросился домой в Москву. А что ты намерен поделывать?

— Промысловики мангазейские составили челобитную с жалобой на Кокорева и задумали послать её в Москву.

— Слыхивал об этом. Велико недовольство Кокоревым.

— Заслужил того.

— И что же они послали тебя в Москву с челобитной?

— Откуда вам такое известно?

— Нетрудно было догадаться. Могу тебе кое-чего посоветовать.

— Рад буду всякому вашему совету.

— Тогда пойдём отсюда в тепло. Я остановился вон в том доме, у соборного протодиакона, — сказал Палицын, указав на крепкий дом, где ему, как оказалось, была отведена просторная горница.

— Додумал я, что ты везёшь челобитную, — продолжил прерванный разговор Андрей Фёдорович. — По характеру ты человек смелый, предприимчивый. Так ведь?

— Не берусь о себе судить. Со стороны виднее.

— Ты мне кажешься именно таким. Хочу, чтоб ты учёл, что такие обличительные челобитные зело неуютны властям. Тебя же самого могут обвинить в клевете на воеводу, в неуважении к власти. И даже приговорить тебя к битью батогами, а то и повелят бросить в тюрьму.

— Что же вы мне советуете? Отказаться от подачи челобитной и вернуться из Вологды домой?

— Ничего подобного я тебе не советую, Ерофей.

— Что же тогда мне делать? — недоумевал Хабаров.

— А вот давай вместе подумаем. Челобитную надо довести до властей, до Казанского приказа. Вопрос в том, как ты должен вести себя перед влиятельной чиновной братией. Считаю, что у тебя есть защитник и

покровитель. Кое-какое влияние в верхах я имею. Постараюсь в обиду не дать. По приезду в Москву сразу же разыщи меня.

— Как же разыщу вас, добрый человек, в огромном незнакомом городе?

— Отыщешь приходской храм Василия Великого, что в Тропарях. А моя усадьба в двух шагах от этого самого храма. А я в нём свой человек. Любой храмовый служка укажет тебе мой дом.

Разговор с Палицыным сначала вызвал смятение в душе Хабарова — ещё бы, его могли исколотить батогами или посадить в яму, но собеседник сумел его успокоить и даже вселить надежду на успех миссии.

Потом заговорили о другом. Палицын принялся расспрашивать Хабарова о его дальнейших планах.

— Дальнейшие свои дороги пока представляю слабо. Я ведь непоседа. И, видно, останусь непоседой. Вот побывал за Каменным поясом, в Мангазее, а тянет и далее, в неизведанные края. Хочу открывать новые земли, которые никто и никогда ещё не видел. Хочу, чтобы и сибирские просторы познали труд земледельца, не изведанный туземными народами.

— Неплохие стремления. Только поставил бы ты перед собой более ясные цели. Ты слышал, Ерофей, что-нибудь о великой сибирской реке Лене?

— Да, слышал, есть, мол, такая река. Вблизи устья в весеннюю пору разливается она до необыкновенной ширины, говорят, с одного берега другой не увидишь.

— А кто живёт по берегам Лены, слышал?

— От людей, промыслом зверя занимающихся, слышал, что главные жители Ленского края — народ саха. Эти разводят скот. А ещё кочуют по тайге разные басурмане, нехристи.

— А ведомо тебе, как попасть на Лену? Какая дорога ведёт на эту великую реку?

— Нет, неведомо. Не слышал об этом.

— Так вот знай... Один путь — морем. Для этого нужны крепкий коч, способный выдержать непогоду, удары волн. Обогнув великий полуостров Таймыр, можно попасть в устье Лены. Путь этот морем опасный, рискованный. На этом пути можно встретить даже в летнюю пору нагромождения льдов, сплошные заторы. А другой путь — через Туруханск — тебе известен. Невдалеке от него Енисей принимает большой приток — Нижнюю Тунгуску. По ней надо подняться вверх и достичь изгиба реки — здесь она круто поворачивает на юг, — к этому изгибу довольно близко

подходит крупный ленский приток Виллой. Нужно только преодолеть Чечуйский волок, и ты — на Вилное, по нему спустишься и достигнешь Лены. Есть, вероятно, и южный путь из Енисея в верхнюю Лену, но о нём мне не удалось собрать достоверных сведений.

— Вот видите, Андрей Фёдорович, вы, воеvodствуя в Мангазее, делали полезное дело. Собирали сведения об открытии новых путей на восток, которые наверняка любознательным людям пригодятся. Разве не так? А ваш напарник тем временем лиходействовал и строил против вас козни. Но русские-то мужики оказались не такими дурными, как он думал, и в козни его не втянулись. Верю, что ваш отъезд из Мангазеи вызвал у большинства тамошних людей глубокое сожаление.

— Рад, коли это так.

Беседа Ерофея Павловича Хабарова с Палицыным затянулась надолго.

— Лена ждёт русских людей, предприимчивых, деятельных. Я так и написал в своей отписке, мол, вверх по Лене и по Ангаре можно пашни завести, на Лене соболей много, и будет та Лена-река другая Мангазее. Поезжай, Ерофей Павлович, на эту великую реку и дерзай. Я тоже везу в Москву бумаги в разными сведениями, собранными мною от знающих людей.

Миновали Ярославль, Ростов Великий, Сергиев Посад. Ерофей Павлович всё обдумывал слова Палицына о Лене, Ленском крае, по существу, это был призыв участвовать в освоении дальних и не изведанных ещё земель. Своими размышлениями он делился с братом, пересказал ему и свой разговор с Андреем Фёдоровичем.

Беседа с Никифором прервалась, когда обоз въезжал в оказавшийся на пути город. В Сергиевом Посаде сделали продолжительную остановку. Возглавлявший обоз Демид отстоял обедню в главном храме Троице-Сергиева монастыря, а братья Хабаровы после неё зашли в монастырские церкви, поговорили с монахами.

— А не податься ли нам на Лену? — спросил Ерофея Никифор, когда Сергиев Посад остался позади и обоз продолжал движение к Москве.

— Подумаем, подумаем, братец, — ответил Ерофей.

Человеку, впервые попавшему в Москву, сей огромный город казался муравейником с той лишь разницей, что здесь суетились и куда-то спешили не муравьи, а живые люди. По мере приближения к центру города, к Кремлю и Красной площади, людской поток увеличивался, уплотнялся. По сторонам центральной площади города протянулись торговые ряды, а в людской толпе сновали разносчики с лотками и жбанами, выкрикивая на все лады названия товаров.

— Сбитень, сбитень. Вкусный сбитень...

— Пирожки горяченькие, с пылу, с жару...

Прибывшие в столицу устюжане поразились обилием храмов. Среди них были и каменные громады, увенчанные пятиглавием, и совсем малые убогие бревенчатые церквушки с одной-единственной главкой. Один из спутников братьев с видом знатока — не раз приезжал в Москву с обозом товаров — произнёс:

— Москвичи говорят, что у них тут сорок сороков храмов.

— Это правда? — спросил бывалого человека Ерофей.

— Коли и не совсем правда, то всё равно много. Кто сосчитал? Коли сорок сороков — значит сорок раз по сорок. Зело много. Не сразу и сосчитаешь.

Красная площадь и Кремль вызвали у приехавших восхищение. Высокие кремлёвские стены, сложенные из красного кирпича и увенчанные зубцами открывали лишь крыши царских палат и купола храмов. Вдоль кремлёвской стены, снаружи её, шёл глубокий ров. В него сбрасывали тела казнённых преступников. Устюжан заинтересовал храм на краю Красной площади, у спуска к Москве-реке. Сколько же всех куполов-луковиц увенчивало подкупольные барабаны храма? Ерофей Павлович пытался сосчитать, да всё сбивался со счёта. Все главки отличались одна от другой и не повторялись.

— Это храм Покрова, а иначе храм Василия Блаженного, — пояснил Хабарову бывалый человек. — Жил такой юродивый во времена царя Ивана Грозного. Церковь его почитает.

— За что ж почитать жестокого царя?

— Эх ты, непонятливый. Я же про Василия Блаженного говорю. Не боялся божий человек самому грозному царю правду-матку говорить.

Купеческий обоз из Великого Устюга достиг своей цели, двора богатого московского купца, приходившегося родичем устюжанину.

Ерофей Павлович подошёл к Диомиду.

— У нас с братом свои дела в Москве. Покину вас. Когда в обратный путь тронетесь?

— Недели через две, не раньше. Надеюсь, к тому времени все дела улажу, московских товаров закуплю. Возвращайтесь с нами.

«Возвращусь с тобой, коли в темницу из приказа не спровадят», — подумал Хабаров, но купцу, разумеется, этого не сказал.

Отыскать храм Василия Великого в Тропарях братьям Хабаровым помог слуга Демидова московского родича. Они долго шагали по лабиринту узких извилистых переулков. Иногда переулок заканчивался

тупиком, и тогда казалось, что провожатый заблудился, он принимался расспрашивать встречных прохожих, но потом кое-как, проблуждав по сплетению переулков, всё-таки вывел гостей к небольшому одноглавому храму Василия Великого.

Ерофей Павлович уверенно вошёл в храм и спросил у пожилой женщины, торговавшей свечами:

— Скажи мне, матушка, где здесь по соседству проживает ваш прихожанин Андрей Фёдорович Палицын?

— Это тот, что, кажись, вчера возвратился из дальних краёв?

— Тот самый.

Палицын встретил братьев Хабаровых приветливо, сразу пригласил к столу.

— С дороги-то небось проголодались, братцы...

— Не извольте беспокоиться. Мы сыты... — сдержанно ответил Ерофей.

— Так принято говорить, но я-то вижу, что проголодались.

После сытой еды повели деловой разговор.

— Подумал я, Ерофеюшка, и решил, что негоже тебе наносить визит в Казанский приказ наперёд моего визита, — начал свою речь бывший воевода. — Постараюсь подготовить твой, и буду оберегать тебя от возможных лихих нападков чиновной братии.

Следует пояснить, что Казанский приказ управлял сибирскими просторами ещё в течение нескольких лет. Обширность подведомственной земли вызвала настоятельную необходимость создать особый Сибирский приказ, который и был создан в 1637 году. Новый приказ, отделившись от Казанского, стал управлять огромной по территории восточной частью государства, лежащей за Каменным поясом.

— Завтра наведаюсь в Казанский приказ, — продолжал Палицын, — между делом упомяну и о злоупотреблениях Кокорева, и о широком недовольстве им со стороны промышленных людей. Как бывший воевода напомню приказным людям, что промысловики приносят государству великий доход, а значит, не пристало, обижая промысловиков, отваживать их от прибыльного промысла. Выгодно ли это государству?

— Справедливо сказано, — согласился с Палицыным Ерофей Павлович.

— А коли считаешь намерение моё справедливым, наберись терпения. Вернусь из приказа, поведаю тебе, как меня там встретили, и тогда уж решим, как тебе надлежит действовать. Коли приказные станут огрызаться и грозиться всякими карами, попробуем добиться, чтобы

принял тебя и выслушал сам глава приказа.

— Когда батюшка, Андрей Фёдорович, намерен посетить приказ?

— Откладывать не буду, завтра же и отправлюсь. Вы с братом располагайтесь в моём доме как гости. Дворецкий подготовит вам светлицу. Много ли с вами вещей?

— Не зело много. Смена верхней одежды да остатки дорожных припасов. Оставили всё это в обозе.

— Пошли брата за вещами. Дам ему в помощь человека.

Утром следующего дня Палицын направился в Казанский приказ. Ерофей Павлович пребывал в томительном ожидании. Андрей Фёдорович вернулся только к вечеру, когда город погрузился в сумерки.

— Ох уж этот чиновный народец. Кишкомотатели, — сказал он с раздражением, войдя в дом.

— Расскажи, батюшка. Есть ли прок от твоего визита? — спросил его Хабаров.

— Есть ли прок? Как тебе сказать. Это с какой стороны посмотреть.

— А всё-таки...

— Сперва дозволю пищу принять. Проголодался за день. Потом обо всём поведаю.

— Ну, вот теперь поговорим, — сказал Палицын, покончив с трапезой. — Согласился меня принять и выслушать какой-то чин. Он оказался старшим приказчиком по сибирским делам. Выслушал, не перебивая. Когда же я спросил его, что он может сказать по поводу изложенного мною, лишь многозначительно почесал затылок и признался, что он ведь далеко не главное лицо в приказе. Пообещал доложить о нашей встрече и передать содержание нашей беседы вышестоящему чину. Этим вышестоящим оказался помощник главного приказного дьяка. Он тоже выслушал меня, качая головой, как будто вникая в каждое моё слово, а в заключение сказал, что окончательное слово принадлежит не ему. Дело у вас, дескать, серьёзное — тяжба меж двумя воеводами, и обращаться надобно мне к главному дьяку приказа. Сей высокий государственный муж и решит, как поступить по моему докладу. И мне снова, в третий уж раз, пришлось излагать всё дело. Повторяя свой рассказ дьяку, не удержался, и сказал в сердцах, что, мол, коли будем потакать таким, как вымогатель Кокорев, растеряем полезных людей, кои приносят государству немалый доход. Не захотят промысловики отправляться в Мангазею, чтобы потом из всей добычи изрядный куш отдавать такому хапуге, как, этакий воевода.

Палицын остановился и отхлебнул клюквенного кваса из большой глиняной кружки.

— И что же на всё это ответил приказной дьяк? — спросил его Хабаров.

— Стал вьедливо расспрашивать меня, в чём причина такого недовольства людей Кокоревым? Может быть, мнения о нём пристрастны? Может быть, и я поддался такому пристрастному мнению? Есть ли доказательства лихоимства Кокорева?

— И каков же был ваш ответ?

— Сказал, что такие доказательства есть. А дьяк спросил, кто подтвердит мои доказательства. Тут я отметил твёрдо, что слова мои подтвердит мангазейский промысловик Хабаров, который привёз челобитную, подписанную многими участниками промыслов. Тут дьяк спросил, известно ли мне, о чём та челобитная. Я ответил, что мне её прочитать не довелось, но о содержании её я догадываюсь и поставил бы под ней свою подпись, коли был бы простым промысловиком, обиженным воеводой. На это дьяк мне ответил, что он готов принять и выслушать Хабарова, чтобы разобраться, насколько справедлива челобитная. Вот тут я ему и сообщил, что за этим дело не встанет, поскольку Ерофей Хабаров уже здесь, в Москве.

В один из ближайших дней Ерофей Павлович, напутствуемый Палицыным, направился в Казанский приказ. Прыткий подьячий провёл Хабарова через ряд рабочих помещений, где чиновные люди, склонившись над столами, скрипели перьями, до самых дверей в палаты приказного дьяка. Мысленно Ерофей Павлович осенил себя крестным знамением, ожидая встречи с суровым и грубым чиновником, слухи о котором ходили нелестные.

— Вот ты какой, Хабаров! — такими словами встретил Ерофея Павловича дьяк Казанского приказа. — Давай свою писанину. Сам писал или только взялся доставить в Москву?

— Писали всем миром, — ответил Хабаров, — а я один из многих подписался.

— Чем же вам Кокорев не угодил?

— Мздоимством, вымогательством. Многих промышленных людей воевода обобрал. Тут, в челобитной, всё написано.

— Почитаем.

Дьяк углубился в чтение челобитной и, не спеша прочитав её до конца, перечитал ещё раз.

— Это всё правда? — спросил он Хабарова. — Не возвёл ли ты напраслины на Кокорева?

— Это всё правда. Самая подлинная. Никто же не собирался

возводить напраслины на воеводу Палицына. О нём ни одного плохого слова не скажешь.

— Послушать тебя, так выходит... Палицын — этаким ангелочек без крылышек, а Кокорев — исчадие ада.

— Вроде бы и так. Могу поклясться перед образами, что всё написанное в челобитной истинная правда.

Дьяк помолчал, задумавшись. Потом произнёс медленно, с расстановкой:

— Иди-ка пока домой, Хабаров. А мы взвесим всё, подумаем и разберёмся, а когда примем решение, то поставим тебя в известность.

Хабаров вернулся в дом Палицына с неопределённым чувством. Дьяк, по многим отзывам был человеком крутым и занудным, а его выслушал более или менее спокойно. Голоса не повышал, не сквернословил. Пообещал дело разобрать. Однако своего отношения к челобитной никак не выказал.

— Всё неплохо. Совсем неплохо, — сказал поощрительно Палицын. — Посмотрим, как дело пойдёт далее.

Вскоре дьяк снова вызвал Палицына.

— Челобитную этого самого, как его... — так начал свой разговор с ним приказной дьяк.

— Хабарова, — подсказал Палицын.

— Вот именно, Хабарова. Челобитную его читал?

— Не пришлось, — слукавил бывший воевода, чтоб не осложнять положение Хабарова и своё.

— Не читал, так почитай.

Дьяк протянул Палицыну лист с чётким рукописным текстом. Над бумагой, как видно, усердно потрудился писарь-грамотей.

— Что скажешь?

— Скажу, что всё правильно написано. И я бы подписал такую бумагу, кабы был простым промысловиком.

— И что советуешь сделать с сей бумагой?

— К сведению принять.

— Это и так понятно, а ещё?

— Воеводу Кокорева, как доверие государя не оправдавшего, от воеводства отстранить и отозвать в Москву.

— И как с ним дальше советуешь поступить?

— Это уж на твоё усмотрение, дьяче.

— Легко сказать — на твоё усмотрение. Мздоимцы развелись в каждом приказе. Не посадить же всех чиновных людей в ямы, не заковать в

оковы только за то, что у каждого промысловика отбирается малая толика добычи. Если бы за такие дела каждого судить, не хватило бы на Руси на всех злоумышленников темниц.

— А как же с Хабаровым поступить?

— А пусть отправляется до дому. Можешь поблагодарить его от моего имени за усердие.

— Непременно так и поступлю.

Ерофей Павлович и брат его Никифор возвращались обратно из столицы вместе с обозом устюжского купца. Обоз нагрузили разными товарами, которые могли пользоваться спросом в Великом Устюге. В Сергиевом Посаде задержались на пару дней. Отстояли в главном храме монастыря воскресную службу. Поклонились Сергию Радонежскому и отправились в дальнейший путь.

6. Дорога на Лену

Стоял лёгкий зимний морозец. Погода ясная, безветренная. Встречные обозы, направляющиеся из Ярославля или Вологды в Москву, часто попадают на пути. О приближении встречных подвод возвещает звон бубенцов.

После отдыха в Ярославле на постоялом дворе снова в путь. Наконец добрались до Вологды, сюда, как утверждает молва, Иван Васильевич Грозный задумал было перебраться из Москвы и сделать Вологду стольным городом, да замысел сей не осуществил.

Опять обоз сделал в Вологде трёхдневную остановку. Диомид в эти дни устраивал какие-то свои, неведомые Ерофею Павловичу торговые дела, а вечером выстоял богослужение в Софийском соборе. Три дня отдыха быстро прошли. Обоз спустился с берега на лёд реки Вологды, недолго двигался по льду, достиг Сухоны. Останавливались на короткий отдых в городишке Тотьма и ещё в каком-то прибрежном селении.

Дорогой братья Хабаровы вели нескончаемые разговоры, обсуждали планы на будущее. Ерофей Павлович в который раз пересказывал брату слова и напутствия Андрея Фёдоровича Палицына.

— Он бывалый человек. Зряшные советы давать не станет, — говорил брату Ерофей Павлович, — подайтесь, говорит, на великую реку Лену. Край покуда не обжит. И неописуемо богат.

— Предлагаешь последовать его совету?

— А почему бы не податься на Лену? И ты со мной. Попробуем ещё сговориться с племянником Артюшкой. Чем не ватага?

— Но ты, Ерофей, семейный человек. О жене Василисе, о детках подумал?

— Василисушка видела, за кого шла. Я человек непоседливый. И не век же будет продолжаться наше житие на Лене. Думаю, года два-три, не более. А коли приживусь на Ленских берегах, возьму жёнку с малыми детьми к себе.

— Согласится ли она в такую даль отправиться?

— Почему бы не согласиться? Муж я ейный аль не муж?

Подобные разговоры продолжались до самого Великого Устюга. К концу пути Ерофей Павлович убедил себя, что должен отправиться на Лену. Смог убедить он и брата Никифора.

В Великом Устюге братья первым делом нанесли визит родителям. Одарили их подарками. Детворе привезли кулёк медовых пряников московской выпечки, матери узорчатый шерстяной платок, а Павлу Хабарову Библию, не рукописную, а печатную в кожаном переплёте с медными застёжками. Отец принял подарок, но восторга не выразил, а буркнул желчно:

— Ну, вот... Поп я, что ли.

Из разговоров с родителями Ерофей Павлович понял, что отношения старых Хабаровых с невесткой не заладились. Василиса почти обособилась от мужниной родни и после какого-то недружелюбного разговора перестала посещать дом свёкра.

— Гордячка твоя баба, — неодобрительно отозвался о ней старый Хабаров. — Не приемлю такое. Ну дай Бог с ней. Что далее намерен делать?

— Решили с братом податься в Сибирь, на Лену-реку.

— Где ж такая река протекает?

— А считай, что на самом краю света.

— И что тебе она втемяшилась в башку?

— Ленский край богат пушным зверем и ещё плохо освоен. А пригодна ли тамошняя земля для выращивания хлебов, овощей — это ещё надо проверить.

— Ну, ну... — неопределённо проговорил Павел Хабаров.

Ерофей Павлович отправился к жене в пригородную слободу. Дочь Наталья узнала отца и бросилась ему навстречу с радостными возгласами. Маленький Андрей нахмурился, смутился и никак не решался подойти к отцу.

Хабаров осторожно обнял жену, из-за беременности она заметно располнела.

— Молодец ты, Василисушка, — сказал поощрительно Ерофей Павлович и ласково похлопал её по вздувшемуся животу. — Кого бы хотела, жёнушка, на этот раз?

— Кого Бог пошлёт... — уклончиво ответила жена.

Василиса принялась накрывать на стол, не прерывая беседы с мужем.

— Что надумал, Ерофеюшка? Снова хочешь в дальние земли податься?

— Долго думал, да вот и надумал... На промысел хочу отправиться.

— Опять на край земли?

— Можно и так сказать. На великую реку Лену.

— Не слышала о такой. И надолго?

- Это уж как Бог позволит. Думаю, годика на три.
- Опять разлука долгая.
- Знала, за кого выходила. За промысловика и непоседу.
- Ей-богу, не знала. Теперь послушай, что я тебе скажу.
- Говори, слушаю.

— Как ни тяжело об этом говорить, но не сложились мои отношения с твоей роднёй. Сожалею, отец твой ни разу не соизволил навеститься. Не то что меня — а я ведь невесткой ему прихожусь, всё-таки, женой его старшего сына, — но даже внучат проведать. Раза два пыталась навестить его сама. Встретил меня твой батюшка неприветливо, как нахохлившийся сыч, вот я и перестала бывать у твоих.

— Не обижайся на старика. У него свои причуды, но и ты баба с норовом. Видишь, обиделся, что не поселилась у него в доме.

— Когда собираешься в путь, Ерофеюшка?

— Когда вскроются реки и закончится ледоход.

— Вот тогда и меня с детками малыми возьмёшь с собой до Соли Вычегодской. Хочу переехать к моим родным. В случае какой нужды они в беде не оставят.

— Я же тебе дом в слободе купил. Денег не пожалел. Разве плох дом?

— Нашла я надёжного человека, он служит приказчиком у одного сольвычегодского купца и согласен обменять свой дом в Соли Вычегодской на наш здешний дом. Видишь ли, тот купец хочет иметь своего человека в Устюге.

— Твёрдо решила на переезд, Василиса?

— А что мне ещё остаётся делать? Другого такого случая не предвидится.

— Воля твоя. Коли ты так привязана к тамошней родне...

— Наверное, привязана...

— А коли я приживусь в Сибири, заведу там хозяйство, освою угоды, поедешь ко мне?

— Почему бы не поехать? Люди-то ведь и там живут.

— И ради далёкой Сибири не пожалеешь покинуть родню сольвычегодскую?

— Не пожалею, только был бы ты рядом, мой суженый. Бог скрепил нас узами священного брака. И Всевышнему угодно, чтобы мы жили вместе. Я бы тебе ещё много-много деток нарожала.

Ерофей Павлович потом сам удивился, как же он так легко согласился с намерениями жены возвратиться в Соль Вычегодскую. Близости

Василисы с его роднёй никак не получилось, там же в своё время проживали родители жены, ныне уже покойные, а теперь обитали её многочисленные дядья и тётушки, двоюродные братья и сёстры, племянники. Намереваясь отправиться в дальнюю и, вероятно, многолетнюю поездку в Восточную Сибирь, Ерофей Павлович не стал препятствовать возвращению Василисы в родной город, теперь оно для него значения не имело.

Тем временем Хабаров старался убедить своих соратников пуститься с ним в дальний путь. Брат Никифор, хотя высказывал сомнения, дал своё согласие ещё по дороге из Москвы. Последние его сомнения рассеялись по прибытии в Великий Устюг, когда Никифор испытал на себе властный и крутой характер отца.

— Еду с тобой, Ерофеюшка, хоть на край света, — сказал он брату, — не хочу быть в доме батюшки мальчиком на побегушках, терпеть его постоянные окрики. А с тобой, брат, у нас самые добрые отношения. Так ведь?

— Тебе виднее, — сдержанно ответил Ерофей, который всегда щадил самолюбие младшего брата и относился к нему по-товарищески.

Вскоре братья Хабаровы смогли уговорить и племянника Артемия Петриловского. Он приходился семье Хабаровых близким родственником по женской линии.

Северная весна, как обычно, не спешила очистить реки от весеннего паводка. Тёплые солнечные дни сменялись ночными заморозками. Наконец-то послышался зычный треск и грохот ломающихся льдин. Начался весенний ледоход. На извилинах рек образовались ледяные заторы. Льдины громоздились одна на другую. Заторы постепенно разваливались. Крупные льдины превращались в мягкое крошево и исчезали в водоворотках. Наконец ледоход завершился. Последние крупные льдины устремлялись к низовьям Северной Двины, но они не доплывали до двинского устья, крошились и таяли в речной воде.

Ерофей Павлович собрал своих подвижников и сказал решительно:

— Время. Выходим, други мои, в плавание.

— Наняли большой и вместительный дощаник. Кроме вещей погрузили на него скарб семейства Ерофея и скотину. Плавание до Соли Вычегодской было непродолжительным и несложным. Стояла высокая весенняя вода, скрывавшая все отмели и перекааты.

Купеческий приказчик, прежний владелец дома, который теперь по обмену поступал в собственность Василисы, торжественно передал ей ключ. Дом был достаточно просторным, состоял из нескольких жилых

помещений, имел обширную подклеть и ничем не уступал прежнему дому Хабаровых в Великом Устюге.

— Владей, матушка, сим жилищем. Желаю тебе, чтоб в нём не переводилось богатство, — высокопарно произнёс приказчик, который, собрав все свои пожитки, в тот же день намеревался отправиться в Великий Устюг.

Василиса задумала справить новоселье и пригласить всю проживающую в городе родню. Таковой набиралось добрых два десятка человек. Ерофей Павлович не стал спорить с женой, хотя, по его мнению, расходы на угощение гостей были слишком велики. Отправляясь в дальний поход, Хабаров нуждался в деньгах, и в больших деньгах.

Всё же Ерофей Павлович уступил жене. Кто знает, долго ли придётся пребывать ей в томительном ожидании мужа. К новоселью он заколол кабана и передал жене остатки тех денег, с которыми отправлялся в Москву.

— Вот тебе на пиршество, — сказал он. — Распорядись сама. И пусть твоя родня возрадуется.

Новоселье прошло шумно, весело. Собственно говоря, веселились только гости, вся Василисина родня. Сама Василиса, предчувствуя длительную разлуку с мужем, печалилась. Выглядел озабоченным и её супруг. Мысли о том, что предстоят большие расходы и неизбежно придётся влезать в долги, не давали покоя, заставили его сосредоточенно хмуриться.

Ерофея Павловича и его спутников одолевала одна неотступная дума, где раздобыть денег на дорогу. Если какой-нибудь купец-толстосум и расщедрится снабдить Хабарова и его спутников достаточной суммой, это будет означать неизбежную долговую кабалу, из коей нелегко выкарабкаться. Но что поделаешь?

Через родных жены Ерофей Павлович разузнал, что богатый сольвычегодский купец Кожухов охотно ссужает деньгами промысловиков, но требует с должников высокие проценты. Прежний владелец их теперешнего жилья как раз служил приказчиком у этого самого Кожухова. И ещё стало известно Ерофею, что Кожухов близок к семейству Строгановых, имеет с этим всеильным семейством какие-то общие дела. Собрал сведения Хабаров и о других местных купцах, сужавших деньги промысловикам, однако в конце концов остановил свой выбор на Кожухове.

— Пойдём на поклон к Кожухову, — сказал Ерофей Павлович спутникам.

Пришли они вместе к купцу, обитавшему в самых богатых палатах, уступавших, пожалуй, только Строгановским.

— С чем пожаловали, люди добрые? — выжидающе встретил их купец.

— Решили податься на Лену, — ответил ему Хабаров.

— Хорошее дело. И что же вы ждёте от меня?

— Да вот... Люди говорят...

— Мало ли что людишки гуторят.

— Промысловых людей деньгами якобы ссужаешь.

— Бывает и такое. Ссужаю, коли мне от того выгода. Какова мне от тебя выгода?

— Тебе виднее. Купец ты, говорят, в таких делах опытный.

— Собственность-то в Соли Вычегодской имеешь, чтоб смог заложить её под долговую сумму?

— Есть изба с надворными постройками.

— Не та ли самая, что досталась тебе от моего Матюшки обменом на твою усадьбу под Великим Устюгом?

— Та самая.

— Коль оставишь мне дом в залог, дам тебе в долг потребную сумму.

— Но в доме живёт жена моя Василиса с детьми малыми.

— Это уж твоя забота. Коли хочешь, чтоб я дал тебе в долг потребную сумму, отдай дом с усадьбой в залог. О сроке залога договоримся.

— А без залога никак не обойтись?

— А как иначе можно поручиться, что я долг получу с тебя сполна, да ещё и с прибылью?

Ерофей Павлович и купец Кожухов долго торговались и рядились. Всё же сторговались. Купец был готов предоставить займы хорошую сумму, достаточную для того, чтобы снарядить промысловую экспедицию. И ещё купец согласился ждать возврата долга в течение пяти лет. За это время Хабаров надеялся выкарабкаться из долговой кабалы и полностью рассчитаться с кредитором. И ещё Хабарова привлекло одно обстоятельство: Кожухов снаряжал торговый караван во главе с одним из своих сыновей, Евлампием, и конечной целью этого каравана был Енисейский острог, который был основан совсем недавно, в 1618 году. Сперва в остроге размещался казачий отряд, а потом туда хлынули торговые люди, промысловики. Мало-помалу он сделался исходным пунктом для дальнейшего продвижения русских первопроходцев на восток, в частности, в бассейн Лены, в Якутию. Несколько выше острога в Енисей впадала бурная и порожистая Ангара. По ней, преодолевая стремнины и пороги, смельчаки подымались вверх до впадения в Ангару её притока,

Илима-реки, коварной, порожистой. Мелкие илимские притоки близко подходят к мелким притокам верхней Лены, короткое расстояние между ними нетрудно преодолеть волоком.

Это всё Ерофей Павлович Хабаров узнал от купца Кожухова и его сына Евлампия, которому уже однажды довелось плавать до Енисейского острога, чтобы основать там торговую факторию.

Наслышавшись от обитателей острога о пути на Лену, Евлампий на свой страх и риск попытался подняться вверх по Ангаре, но достиг только первого порога, утратившись его клокочущей водяной массы и, не решившись его преодолеть, повернул обратно к Енисею.

Кожухов сам предложил Хабарову:

— Ежели сговоримся, присоединяйся к каравану Евлампия. А будешь в состоянии вернуть долг, так можешь возвратить его сыну в Енисейском остроге. И дай Бог тебе удачи, ведь и у нас есть свой интерес в твоём промысле. По рукам, что ли?

В конце концов Хабаров согласился с условиями купца. Располагая теперь деньгами, Ерофей Павлович обзаводился припасами и охотничьим снаряжением.

Плавание по рекам, большим и малым, преодоление волоков, Каменного пояса, Тобольск... Этот долгий и нелёгкий путь был уже известен Ерофею Павловичу. Знаком был и главный город Западной Сибири, только теперь казался Тобольск более оживлённым и многолюдным. В нём ещё более интенсивно велось строительство, громче стучали топоры. Выросло число купеческих лавок, стало больше изб и храмов. Город превратился в главный торговый центр Западной, да и не только Западной Сибири.

В Тобольске задержались на неделю, делали закупки. Евлампий не был уверен, что в Енисейском остроге можно найти всё необходимое.

Плыли далее вниз по Иртышу до впадения его в Обь. От слияния этих великих рек повернули по Оби на юг, вверх по её течению. Река здесь растекалась на множество рукавов, проток, образуя островки, поросшие лесом, кустарником. Часто встречались селения остяков и вогулов, известных ныне под именами хантов и манси. Люди добродушные, приветливые, они охотно вступали в контакты с русскими, зазывали в свои жилища, обменивали рыбу, икру, оленину на всякую полезную в хозяйстве мелочь.

Из Оби свернули в извилистую протоку, которая привела в реку Кеть. Сначала река была обрамлена лесистыми, обычными для Сибири берегами, но постепенно тайга становилась всё более редкой, чахлой, берега —

болотистыми и топкими, а река — извилистой. Кочковатую мшистую равнину покрывала бедная растительность: почти везде багульник и чахлая осока. Вода в болотистых лужицах казалась ржавой и издавала резкий, неприятный запах.

Лето было на исходе. Извилистая река обмелела. Постоянно встречались мели и перекаты. Временами дощаники задевали днищем илистый грунт или вовсе застревали, не сдвигаясь с места. Дощаники с усилиями сдвигали с мели или проталкивали вручную и плыли далее.

В конце концов унылые болота сменились тайгой. Вскоре повстречались два-три небольших поселения из юрт каких-то местных жителей. И вот наконец укреплённый городишко — Кетский или Маковской острог, обнесённый бревенчатым частоколом. В остроге размещается небольшой отряд казаков и возвышается не то церквушка, не то часовенка, а у его стен примостилась торговая слободка с лавками и амбарами.

К востоку от острога надлежало преодолеть волок, чтоб попасть в Енисей. Начальник отряда казаков выделил проводника и посоветовал:

— Слушайте моего человека. Он в таких делах дока. — И добавил уверенно: — А дощаники-то придётся вам здесь оставить. С таким грузом и такими дощаниками застрянете. Перебирайтесь-ка в лодки. Это надёжнее.

Пришлось перегружать весь груз в лодки. Взялся за дело и Ерофей Павлович со своими спутниками.

Волок между обским притоком Кетью и енисейским притоком Касом не слишком продолжителен. Всего вёрст пять. Кое-где эти пять вёрст прерываются болотной трясинной. Поэтому на протяжении всего волока была выстелена бревенчатая гать. По ней легко передвигать лодки с грузом, навалившись на них всем скопом. Однако прежде чем достичь волока, пришлось ещё преодолевать мелкие речушки, притоки Кети и Каса.

Под дружные возгласы людей лодки преодолевали мели, перекаты и бревенчатый настил гати. Только слышалось: «Раз-два, взяли! Ещё раз взяли, братва!» Достигли с усилиями Каса, неглубокой извилистой речки, впадавшей в широкий Енисей.

Описывая это плавание Ерофея Павловича Хабарова, мы не можем не упомянуть, что в конце XIX века между Кетью и Касом был прорыт канал, связавший бассейны Оби и Енисея. Однако использовался он для судоходства недолго и вскоре был заброшен. Только туристы иногда рискуют плавать по нему на моторных лодках. Причина того, что канал так быстро забросили, состояла в том, что он оказался неудачным инженерным

сооружением, не приспособленным для плавания крупных речных судов. Сыграло свою роль и то, навигационный сезон, пригодный для их плавания, здесь непродолжителен.

Кас впадает в мощный Енисей несколько ниже Енисейского острога. Пришлось взяться за вёсла и проплыть небольшой участок реки против её течения, пока на левом берегу не показались бревенчатые стены острога с башнями, маковки церквей, лавки, амбары, жилые строения. На подступах к нему местность выглядела оживлённой. Встречались селения, возделанные поля и пашни, хлебные скирды и пасущийся скот. Сибирь медленно заселялась.

От Евлампия Ерофей Павлович узнал, что город, ещё официально называвшийся Енисейским острогом, был сравнительно молодым. Его основали немногим более двух десятков лет назад — в начале царствования Михаила Фёдоровича Романова — сын боярский Албычев и стрелецкий сотник Черкас Рушин, подчинявшиеся на первых порах тобольскому воеводе. Они занялись укреплением города, обнесли его бревенчатой стеной с башнями. Вслед за казаками потянулись сюда и промышленники, торговые люди, ремесленный люд, пашенные крестьяне, преимущественно выходцы из Русского Севера. Некоторые первопроходцы не засиживались долго в Енисейске, а устремлялись далее на восток, на Лену. Путь туда лежал по бурной, порожистой Ангаре, о её коварном нраве и бурных порогах можно было услышать много рассказов. Всё это предстояло испытать Ерофею Павловичу и его спутникам.

С Евлампием Хабаров попрощался внешне дружелюбно, даже тепло.

— Бог тебе в помощь, Ерофеюшка, — сказал Евлампий и даже обнял Хабарова. — Присмотрись, что за река, Лена, что Ленский край. Коли он привлекателен, открой там контору с приказчиком. Говорят, Ангара зело норовистая река. Немало жертв поглотила. Береги себя.

— На всё Божья воля, Евлампий.

К Ерофею Павловичу и его родичам присоединились ещё три покрученика, выразившие готовность принять участие в промыслах. Один присоединился ещё в Тобольске, и два других — в Енисейске. Так что образовалась ватажка из шести человек.

Хабаров дождался, когда из Енисейска вышел на Лену большой караван лодок с людьми и грузами. На средней Лене основывался Якутский острог, который со временем должен был стать административным центром обширного края. Туда для пополнения направлялся казачий отряд. К нему присоединились первые купцы и промышленники, священник.

Караван поднялся вверх по Енисею до впадения в него Ангары. Её

ширина здесь достигала двух вёрст, а местами в низовьях была ещё шире. Гребцам, чтобы преодолеть быстрое течение, приходилось затратить немало усилий.

К речному берегу вплотную придвинулся густой лес, там, где он кое-где расступался, можно было заметить вдали на горизонте горные массивы.

По пути изредка встречались небольшие поселения тунгусов. Их жилищами служили остроконечные чумы, покрытые древесной корой. Рядом с чумами на прибрежных лугах паслись стада оленей. Тунгусы иногда навевались в Енисейск для того, чтобы выменять путные товары у купцов, и теперь, увидев русских, встречали их приветливо, зазывали в чумы, угощали олениной, лесными ягодами. Однако всё же поселения встречались крайне редко. Почти на всём своём протяжении берега Ангары представляли собой глухую лесную опушку, подступавшую к самой воде. Иногда можно было видеть, как дикие звери подходили к реке, чтобы напиться.

Ерофей Павлович знал от бывалых спутников, что плавание по Ангаре считается трудным, он разговорился с одним из попутчиков, казачьим десятником, не раз плававшим этим путём, поинтересовался у него, почему здесь обходятся лодками, а не большими дощаниками.

— Пытались и на дощаниках по Ангаре плавать, — отвечал десятник, — и что же получилось? На первом же пороге от них остались одни щепки и могильные кресты на берегу.

— И много ли было таких жертв?

— Немало. Сам увидишь по берегам Ангары могильные кресты. А сколько сгнуло в пучине Ангары судёнышек! Не сосчитаешь. Зело коварная река. Убедишься сам, — говорил десятник.

— А не знаешь ли случаем, где начинается Ангара? Где её исток?

— Говорят, вытекает она из большого и глубокого озера. Сам на этом озере не был — люди рассказывали. А вот Лена, куда мы путь держим, река спокойная, без порогов, многоводная и для плавания удобна. Плавать на ней — одно удовольствие. Только добраться до неё трудно, зело трудно.

На стоянках разжигали костры из сухого валежника. Отужинав, укладывались на охапку лапника поближе к огню, чтобы обезопасить себя от прожорливого гнуса. Утихало кряканье уток и гусей. А Хабаров воспользовавшись случаем всё расспрашивал бывалого человека о Ленском крае, о его обитателях. И слышал от него:

— Здешний народ тунгусы, — сказал тот. — Я видел их. Оленей разводят, кочуют по краю. На Лене они тоже встречаются. А главный народ в Ленском крае — народ саха. Это тебе не бродячие тунгусы. У них жизнь

по-другому устроена.

— Это как же?

— Живут саха не в чумах. Их жилища из брёвен, почти изба. И держат саха коров и лошадей, едят и молоко и творог. У тунгусов-то кроме оленей и ездовых, собак никакой скотинки не встретишь. Вот и получается — саха по жизненному укладу ближе к нам, русским. Наверное, поэтому русские мужики охотно женятся на девицах из этого рода.

— Но саха же бусурмане? — с удивлением спросил Никифор. — Как же наша церковь может одобрить женитьбу на басурманке, язычнице?

— Церковь всегда придёт на помощь. Язычницу можно окрестить в Христову веру и закрепить брак венчанием по православному обряду. Крещёная жена уже не язычница.

— Ишь ты...

— Давайте помолчим, братцы, — взмолился кто-то, кому беседа мешала спать. — Дорога ещё длинная, наговоритесь.

Вот и первый ангарский порог. Назывался он Тунгусским, или Стрелочным. О его приближении свидетельствовал нарастающий гул. Он всё усиливался и наконец превратился в зычный, оглушительный рёв какого-то огромного сказочного существа. На реках Русского Севера таких порогов Ерофей Павлович никогда не встречал. Русло Ангары оказалось перегороженным грудой камней, между которыми, проявляя большую сноровку, надо было провести караван, преодолевая извилины и нащупывая дорогу. Большая часть путников высадилась на берег, взвалив на плечи мешки с наиболее ценным грузом: деньгами, оружием, запасами пороха. В лодках осталось лишь по паре гребцов, самых сильных и опытных.

Казачий сотник долго напутствовал гребцов:

— Бог вам в помощь, братцы. Внимательно следите, чтоб попасть в верные ворота меж камнями, не сбиться с правильного пути.

Для подстраховки люди, что шли берегом, тянули лодки за верёвки, одну за другой.

Не обошлось без досадного происшествия. Одна из лодок, по недосмотру гребца, ударилась о камень. Гребец не удержался и свалился в бурный водоворот. Его товарищ немедленно бросил оказавшемуся в воде конец верёвки. Тот одной рукой успел ухватить верёвку, а другой — смог вцепиться в край лодки. До берега лодка добралась благополучно. Только побывавший в воде казак вынужден был обсушиваться у костра.

Благополучно прошли и второй порог, Мурский, лежавший напротив левого ангарского притока, реки Муры. На протяжении примерно двух вёрст русло реки загромождали груды камней, вокруг которых пенилась и

клокотала вода. Учитывая опыт преодоления предыдущего порога, участники плавания приняли некоторые дополнительные меры предосторожности и прошли порог благополучно.

— Те пороги, что остались позади, ещё не самые страшные, — услышал Хабаров голос десятника. — Вот если бы довелось миновать Падун...

— Это что за «Падун»? — любопытно спросил Ерофей Павлович.

— Зело лютый порожец. Это тебе не Стрелочный, не Мурский. Чудовище пострашнее будет!

— Стращаешь раньше времени.

— Зачем мне тебя стращать? Через Падун не поплывём. Наш путь по Ангаре сейчас кончится. Выйдем в Илим.

За Мурским порогом Ангара круто поворачивала на юг и за поворотом принимала правый приток, Илим. Но и на Илеме путников поджидали трудности и опасности. Река встречала лодки стремнинами и перекатами. Не без труда дошли до небольшого Илимского острожка, основанного только год тому назад казаком Галкиным. Здесь успели возвести только несколько построек. В большой избе располагался небольшой отряд — всего с десятков казаков. Ещё только строились купеческие жилища и амбары. Однако уже возвышалась над другими строениями небольшая церквушка с луковичной главкой.

В Илимском острожке, называвшемся также в те времена Ленским волоком, путники двое суток отдыхали после трудного плавания, а затем продолжили свой путь. Главный из казаков выделил сведущего проводника из своих людей, который должен был указать дальнейший путь. Сперва подымались вверх по малому притоку Илима, речке Индирме. Далее уже начинался собственно волок, короткий по своей протяжённости. Он выводил к верховьям мелководной, извилистой и неудобной для плавания речки Муки. Здесь лодки часто садились на мель, и стоило больших усилий сдвинуть их с места. Для этого приходилось разгружать лодки, часть груза перетаскивать вручную. Из Муки выходили в другую мелководную и неудобную для плавания реку Купу. Она впадала в Ленский приток Куту, или Кут.

Волок был невелик и обычно его удавалось миновать за один день, хотя и приходилось для этого затратить немало усилий. Речки, протекавшие рядом с волоком, были мелководны и неудобны для плавания. Скальный грунт создавал свои трудности... Сил на то, чтобы сдвинуть лодку с места и перетащить до ближайшего омута, уходило немало. Значительную часть груза вновь вытаскивали из лодок и перетаскивали на своих плечах.

Вот наконец и Лена. Здесь она была ещё не широка, но уже достаточно полноводна и вполне доступна для крупных речных судов.

— Друзья мои, взгляните в Лену и возлюбите её всем сердцем вашим! — воскликнул десятник.

— За какие же её прелести возлюбить? — недоверчиво спросил Хабаров.

— Оглянись окрест себя, тогда поймёшь. Ты Ангарой плыл?

— Ну, плыл. Что ж из того?

— Убедился, что скверная, препоганая река Ангара?

— А то как же. Конечно, убедился.

— Так вот, теперь убедись сам, какова Лена. Ни порогов, ни стремнин. Спокойная и добрая река. И всякой рыбой зело богата. И красотища, какая... Убедишься сам.

— Посмотрим, — недоверчиво сказал кто-то из казаков. — У нас глаголят, всякий кулик своё болото хвалит.

— Поживёшь на Лене, казак, приживёшься — не то вымолвишь.

В устье Куты расположился небольшой казачий отряд, появились лавки, амбары, избы купцов и промысловиков. Хабаров узнал, что здесь устраивались торги, на которые съезжались не только русские, но и якуты-саха и тунгусы. Здесь даже появился лодейный двор, где бойко стучали топорами плотники-корабелы, мастеровившие ладьи, дощаники, струги, лодки.

Ерофей Павлович решил распрощаться с казаками, плывшими дальше, на среднюю Лену.

— Обоснуемся здесь, други мои, — сказал он спутникам, — начнём здесь промышлять пушнину. Ленский край, как я погляжу, освоен промышленниками слабо. Сбывать шкурки попытаемся в Усть-Куте или Илимске. Коли это большой выгоды не принесёт, подадимся в Енисейск. Не принесёт сие место большой добычи, подберём другое. Ленский край зело обширен.

Спутники Хабарова согласились с ним. Артель промысловиков расширилась ещё на несколько человек и достигла на первых порах десятка. Ерофей Павлович позаботился о том, чтоб приобрести в Усть-Куте три лодки, пяток охотничьих собак-лаек, лыжи на каждого участника ватаги и пополнить запас съестных припасов.

— Купчина здешний никакой удержки не знает, — посетовал он при этом, — подымает цену безбожно. За что мы в нашем Устюге платили рубль, здесь не обойдёшься и трёшницей. Особенно дорог хлеб.

— Напрашивается мысль, Ерофеюшка... — начал Никифор и

запнулся.

— Какая ещё мысль? — пытливо спросил его Ерофей.

— А не пригодна ли здешняя земля для выращивания ржи, овса, ячменя, гороха? Зерно, что здесь вырастить, обходилось бы покупателю намного дешевле, чем продукты, привезённые издалека. И землевладелец был бы не внакладе.

— Серьёзный вопрос задаёшь, Никифор. Подумать надо. Присмотреться к здешней земле, постичь её. А коли она способна дать хороший урожай, нам от того великая выгода.

После совещания всей артелью решили спуститься по Лене до впадения в неё первого значительного притока Киренги. Там и решили разместиться, срубили невдалеке от русла Лены избушку. Приближалась суровая сибирская зима. Можно было отправляться на зимний лов пушного зверя.

7. Пушной промысел на Лене

В течение нескольких лет Ерофей Павлович Хабаров и его артель занимались охотничьим промыслом в местах на верхней Лене и её притоках. За это время сменили несколько стоянок. Перебираясь на новое место, рубили избу с амбарами и баней. За эти несколько лет ватага выросла почти вдвое. К Хабарову и его прежним спутникам присоединились новые покрученики, увидевшие преимущества коллективной охоты. Сам Ерофей Павлович признавался всеми руководителем ватаги, или «передовщиком».

Охотничий сезон обычно охватывал позднюю осень и зимний период, а заканчивался в марте. К весне качество соболиного меха ухудшалось. Весной ватага начинала готовиться к новому сезону, выбирала новые охотничьи угодья, строила новое зимовье, занималась всякими хозяйственными делами, чинила одежду и обувь, плела сети. Охотились на сохатых, медведя и всякую съедобную дичь, заготавливали мясо и рыбу впрок. Мясо вялили и солили, рыбу сушили.

Бывало, сам Ерофей Павлович покидал на непродолжительное время ватагу и отправлялся в Усть-Кут либо в Илимск, чтобы пополнить припасы снаряжения, обновить орудия лова. В его отсутствие во главе ватаги становился брат Никифор.

Промысловики общались с якутами-саха. Их селения располагались по берегам Лены и её притокам. У Саха русские переселенцы приобретали молоко, творог, говядину. С саха завязывались дружелюбные отношения. А двое из промысловиков хабаровской ватаги увлеклись молодыми якутками и приложили усилия, чтобы жениться на них. Ерофей Павлович не возражал против такой женитьбы, только произнёс назидательно:

— Басурманки же они, язычницы. Пусть сперва обратятся в нашу Христову веру. И тогда идите под венец.

Хабаров разузнал, что в селение Усть-Кут должен приехать священник из Илимска. Его поджидали многие казаки и промышленники, вознамерившиеся жениться на девушках саха или тунгусках. Ерофей Павлович отправил обоих женихов с невестами в Усть-Кут с добрыми напутствиями.

В крещении обе невесты получили христианские имена: одна стала Евдокией, другая — Еленой. После венчания был устроен в якутском

селении свадебный пир с участием всей ватаги и многочисленной якутской родни.

Новичков Ерофей Павлович и наиболее опытные ватажники обучали искусству соболиного лова. Наставник вытаскивал кулёму. Так называлась ловушка на соболя. В ней крепилась приманка — кусок мяса или рыбы. Зверёк, привлечённый приманкой, попадал в ловушку и оказывался зацементированным деревянной планкой. Тренировались охотники и в ловле соболя с помощью большой сети. Обученные собаки-лайки загоняли зверька в сеть. Сам Хабаров занимался с охотниками стрельбой из лука.

— Охотник должен иметь твёрдую руку и обладать острым зрением, чтоб попасть белке в глаз и не повредить шкурки, — наставлял он.

На деревьях были развешаны разные предметы, на которых крохотным кружочком было обозначено место, куда надо было попасть из лука. Охотники стреляли помногу раз, пока выпущенные ими стрелы наконец не начинали поражать цель, но и после этого занятия повторялись изо дня в день.

Позднее исследователь пушного промысла определил, что для такого уезда Сибири, как Якутский, в обычный год добыча одного охотника могла составить до 60, а в наиболее благоприятный для промысла год — до 260 шкурок. Одна шкурка лучшего соболя, про которую говорили «мех живого соболя по земле волочится», оценивалась даже в Сибири в 20-30 рублей, московская оценка была ещё выше. Однако обычная стоимость соболя в Якутии во время промысловой деятельности Хабарова составляла один-два рубля. Доход рядового охотника, подражавшегося в артель, лишь в полтора-два раза превышал его затраты на промысел. Доходы организаторов артелей — передовщиков, которым рядовые охотники отдавали половину или две трети добычи, были выше примерно в 2-3 раза.

На пятый год пребывания на Лене Ерофей Хабаров поделился своими мыслями с братом Никифором и племянником Артемием.

— Узрели, мои дорогие, дела наши идут неплохо. Богатеем помаленьку. Можно долг вернуть сполна купцу Кожухову.

Хабаров не только промышлял с ватажниками соболя по приленским лесам, но ещё стал заниматься перекупкой пушнины у мелких промысловиков и снабжал их необходимыми для промысла товарами. Скупал он эти товары, орудия лова, продовольствие, охотничье снаряжение в Усть-Куте и Илимске, а сбывал их на средней Лене во время своих торговых поездок. Там все эти товары ценились дороже, и Хабаров от перепродажи имел немалую прибыль. Отправляясь в свои торговые поездки, Ерофей Павлович оставлял во главе ватаги брата и племянника.

— Ты что-то недоговариваешь нам, братец, — сказал Никифор. — Дела, говоришь, идут неплохо, богатеем, но чем-то ты неудовлетворён. По тебе вижу.

Хабаров-старший не раз проговаривался близким, что успешный лов пушного зверя — это ещё не предел его стремлений. Охотой на соболя теперь занимается много промысловиков. Разве нет другого прибыльного занятия?

— Охота стала не та, что была в первый год, — многозначительно произнёс Ерофей.

— Ты прав, — согласился с ним Никифор, — в первые-то годы охота была зело прибыльна. А потом? Появилось много соперников. Ленский край стал обживаться. Хлынули сюда людишки. И нам пришлось углубляться в тайгу, подыматься по Ленским притокам всё дальше и дальше от прежних промыслов. Так и на край света заставит нас нужда забраться.

— Правильно рассуждаешь, Никифор. Я вовсе не хочу на край света забираться. Вот и поразмыслите, как нам поступать далее. Не заняться ли нам чем-либо иным?

— Что надумал, Ерофей Павлович? — спросил его Артемий.

— А вот что... Послушайте. Добывать пушнину становится всё труднее. И будет ещё труднее. Ведь мы все русские мужики, выросшие на Русской земле, возвращённые крестьянским трудом. Не вернуться ли нам к хлебопашеству? Под Якутском, на средней Лене вся земля промерзает и для земледелия непригодна. А вот на верхней Лене, вбили Усть-Куты...

Ерофей Павлович заговорил увлечённо, азартно. По его мнению, в указанных местах земля пригодна для хлебопашества. Если удастся освоить большое пространство и выращивать рожь, овёс, разные овощи, то урожай найдёт свой сбыт и у ленских казаков, и среди промысловиков, и у торговых людей. А хлебопашцам это даст великий доход. Стоит ли везти хлеб за три-девять земель в Ленский край, чтоб сбывать его здесь по высоким ценам?

Собеседники поддержали Хабарова.

— Это ещё не всё, други мои, — продолжал Ерофей Павлович, — здешняя земля может давать не только щедрый урожай ржи, овса, овощей. Я уж интересовался... Она таит в своих недрах другого рода богатства. Начнём с малого. Помните, на нашей родине многие земледельцы развивали соляной промысел, заводили соляные варницы.

— Как не помнить, — воскликнул Артемий, — мой батюшка держал варницу и торговал солью.

— А здешние управители, якутские и енисейские, ничего не ведают о местах залегания соли. Я порасспрашивал об этом людей из рода саха. Кое-что они мне порассказали. Узнал я о соляных месторождениях в устье Куты и на Вилюе. В будущем, думаю, их богатства окажутся как нельзя кстати.

Ерофея Павловича прервал вопросом Артемий.

— А как же наш соболиный промысел? Прекращаем его?

— Нет, отчего же? Охоту продолжаем, пока она приносит прибыль. Будем и охотой заниматься, и землю возделывать.

В заключение этого делового разговора Ерофей Павлович объявил своим близким, что намерен отправиться в Енисейск, чтобы сбыть заготовленную в последнее время пушнину, показать тамошнему воеводе вываренную соль и обзавестись необходимыми предписаниями.

— Останешься за меня, Никифор, — сказал он брату. — С собой заберу в помощь двух подходящих мужиков.

Обратный путь по мелким речонкам, волоку, Илиму и бурной Ангаре был не менее труден, чем путь на Лену. Уже обладая опытом, Хабаров преодолел его успешно.

Енисейск, как показалось Ерофею Павловичу, за несколько прошедших лет раздался вширь, стал заметно больше. Появились новые строения. Расширился за счёт новых лавок и гостиный двор. Возвели новые храмы. Оживлённее стало на енисейском берегу, где корабли строили новые дощаники, баркасы и лодки.

Первым делом Хабаров отыскал в Енисейске Евлампия Кожухова, который успешно торговал в Енисейском крае и собирался будущей весной отправиться в обратный путь. Кожухов готовил ему на смену другого своего сына.

Рассчитавшись с Евлампием, вернув долг его отцу, Ерофей Павлович нанял половину избы у одного из енисейских корабелов и стал не спеша заниматься своими делами. Удачно продал привезённую с собой пушнину соболей, черно-бурых лисиц. На вырученные деньги приобретал необходимые для хозяйства товары, в том числе зерно для будущей пахоты.

Добился Хабаров позволения навестить енисейского воеводу. Управление Сибирью в ту пору было сложным и многоступенчатым. Енисейский воевода, хотя и носил этот громкий титул, но на практике был всего местным чиновником, подчинённым тобольскому воеводе, главному управителю Сибири. В ведении енисейского воеводы был и обширнейший якутский край, где собственного воеводы ещё не было.

Высший енисейский чиновник принял Ерофея Павловича с интересом,

долго его обо всём расспрашивал.

— Чем порадуешь нас, чем удивишь? — задал он гостю первый вопрос.

— Да вот этим туеском, — ответил Хабаров, ставя на стол воеводы наполненное солью берестяное ведёрко с крышкой. — Сам выварил. Отменная соль.

— Занятно. Просьбы ко мне имеешь?

— Имею, батюшка. Хотелось бы в устье реки Куты, что в великую Лену впадает, соляную варницу завести.

— Заводи на здоровье. И снабжай нас солью.

— Это ещё не всё. Желая, чтоб жителям Лены в хлебе недостатка не было. Дозволь, воевода, пашню завести и хлебушек выращивать.

— Дело хорошее. Лучше свой хлеб иметь, чем везти его за тридевять земель и платить за него втридорога.

— Вот-вот, и я об этом же хотел сказать.

— И много ли земли тебе потребно?

— Для начала десятин двадцать.

— Ого! Размахнуться широко желаешь.

— А коли не размахнуться, затея не стояща.

— Правильно мыслишь. Но не забывай и о нашем казённом интересе: каждый десятый сноп хлеба и каждый пятый пуд соли ты должен отдавать в государеву казну на казённые нужды.

— Это уж как водится.

Енисейский воевода оказался человеком на редкость сговорчивым. Он охотно снабдил Хабарова бумагой, в которой промышленному и торговому человеку Ерофею Хабарову дозволялось «в угожем порозжем месте пашню завести» и «соль варить безпереводно», «чтоб тамошним жителям в хлебе и в соли недостатка не было».

Сговорчивость воеводы имела свои причины. До него доходили слухи, что московские власти решили выделить Восточную Сибирь с центром в Якутском остроге в отдельное воеводство. Во главе его будет поставлен воевода из сановных московских людей, а возможно, и два воеводы. Так что нынешнему енисейскому воеводе не придётся более хозяйничать на Ленской земле. «Пусть же о нём здесь останется добрая память, — рассудил он. — Ещё неизвестно, как поведут себя здесь новые воеводы, возможно, окажутся хапугами и деспотами, от которых будет стонать вся Ленская земля, тогда наверняка вспомнят люди добрым словом енисейца».

В мае 1635 года, когда реки были уже доступны для судоходства, Хабаров покинул Енисейск и отправился в обратный, уже знакомый путь.

Возвращался Ерофей Павлович не один. Его сопровождала целая ватага. Из проезжей памяти, выданной на его имя енисейской избой, мы узнаем, что Хабарова сопровождало 27 человек. Это были люди без определённых занятий, так называемые гулящие, нанятые Хабаровым на соболиный промысел, рыболовство и пашенные работы. Уже из этого документы мы видим, что хозяйство Ерофея Павловича разрасталось. Правда, некоторые из старых его ватажников к тому времени покинули Восточную Сибирь или направились в государевы казаки.

Ватага Хабарова везла с собой груз, предназначавшийся не только для собственных нужд, но и на продажу. Основную часть груза составляло хлебное зерно. Ерофей Павлович, не прекращая промысла, решил интенсивно заняться хлебопашеством.

Во время плавания из Енисейска до Лены, Хабаров близко сошёлся с Ильёй Перфильевым, отправлявшимся в Ленский край с отрядом казаков. Он привлёк Ерофея Павловича своей пытливостью. Перфильев рассказал, что вскоре после того, как Хабаров и его спутники появились в верховьях Лены, он вместе с Ребровым и отрядом казаков и промышленных людей предприняли поход с целью сбора ясака с местного населения. Отряд спустился по Лене до её устья, оттуда морем добрался до устья реки Яны, протекавшей восточнее. В низовьях Яны казаки основали зимовье. Теперь Перфильев намеревался пойти в район правого Ленского притока Витима «для проведывания новых земель».

Рассказы Перфильева, намеревавшегося обследовать ещё неизведанные земли Восточной Сибири, заинтересовали Хабарова. Он жадно расспрашивал его о впечатлениях, о плавании по Лене, о дальнейших планах. В свою очередь, Перфильев с большой дотошностью расспрашивал Хабарова.

— Значит, земледелием решил заняться? Полезное дело, хотя и для Ленского края совсем непривычное. Вот что меня беспокоит... Прослышал я в Енисейске, что, мол, будет Ленский край воеводством. И едет к нам воевода, даже не один, а два. Где-то застряли в пути. Поладим ли с ними? Как говорят, до Бога высоко, до царя далеко. А здесь воеводы будут сами себе хозяева. Наломают дворов, поправлять их некому.

— Посмотрим, Илья. Не станем отчаиваться прежде времени.

— Дай-то Бог, чтоб не пришлось отчаиваться.

Лето и зиму 1639 года Ерофей Павлович энергично взялся за налаживание хозяйства. Своё обустройство на Ленской земле вблизи Усть-Кута Хабаров начал с того, что собрал несколько умудрённых жизнью людей, знакомых с крестьянским трудом, и отправился с ними на

обследование окрестных земель.

Не везде тайга подходила к берегу реки. Местами к воде подходили луга с пышной травяной растительностью. Кое-где луга сменялись зарослями кустарника, которые нетрудно было бы расчистить. А далее за кустарником подымался подлесок, сменявшийся густой тайгой с её труднопроходимыми зарослями.

После дотошного осмотра местности Хабаров собрал сопровождавших его людей и сказал:

— Вот этот кусок земли по берегу Куты, я полагаю, пригоден для пашни. Для этого придётся потрудиться и выкорчевать кустарник. Поменьше кусок годится нам на Лене.

— Велика ли будет вся пашня? — поинтересовался один из спутников Хабарова.

— Десятин двадцать, а то и тридцать. Не скажу точно, — ответил Хабаров. — Хорошее начало для хозяйства.

— Ты уверен, что земля окажется пригодной для посевов? — спросил с сомнением чернобородый, похожий на татарина мужик.

— В земле уверен. Посмотрите сами.

Ерофей Павлович зачерпнул ладонями пригоршню земли там, где она была изрядно истоптана людьми и сделалась рыхлой. Он растопырил пальцы, и с ладоней посыпались на землю струйки земли.

— Гляньте-ка, мужики. Такая же земляца, что и на нашей Двине или Сухоне.

— А что здесь за лето? Не суровы ли морозы зимней порой? — не унимался чернобородый.

— Понял, к чему ты клонишь. Лето здесь и вправду короче, да и зима наступает ранняя. И всё же будем рисковать. Проведём сев. Иначе не убедимся в наших возможностях.

— А коли нас постигнет неудача, и урожая не будет?

— Предвижу и такое. Станем тогда отыскивать такое зерно, что заморозков меньше боится.

Хабаров распорядился расчистить от кустарника и камыша будущую пашню.

Выбрали место для поселения. Для себя и своих близких Ерофей Павлович задумал срубить из лиственницы внушительную избу на подклети с гульбищем.

В избе непременно должна быть просторная комната для приёма гостей, горница для хозяина и две-три спальни для членов семьи.

С братом Ерофей поделился своими мыслями:

— Вот обстроимся, обживёмся, получим первый урожай... Привезу тогда семью из Соли Вычегодской. Небось истосковалась бедная Василисушка. Или тебе, брат, поручу съездить за моими чадами.

— Я бы со всей охотой, — отозвался Никифор.

— И пусть Василиса ещё мне деток нарожает. Возраст наш ещё позволяет. И тебе, братец, не грех бы о семье подумать. Пригляделся бы к какой пригожей якуточке по примеру других.

— Стоит ли при нашей бродячей жизни...

— Это уж тебе решать.

Для ватажников Хабаров предполагал возвести избы поскромнее. А на задворках, поближе к реке, непременно, как он думал, возникнут бани, а каждое жильё обростёт хозяйственными постройками: хлевами, конюшнями, хлебными амбарами.

— Где возьмём скот? — слышался чей-то голос.

— Коров, лошадей купим у саха, — ответил Ерофей Павлович.

К концу осени Никифор Хабаров и Артемий Петриловский во главе охотничьих ватаг отправились на промысел пушного зверя. Ерофей Павлович остался с плотниками, приступившими к возведению построек.

Сам Хабаров выезжал в приленские якутские поселения и приобретал там коров и лошадей для будущего хозяйства. К весне было завершено строительство изб, амбаров. Не оказалось под руками ни стекла, ни слюды, и Ерофей Павлович воспользовался опытом предков, который был в ходу и у саха: небольшие оконные проёмы затягивались бычьим пузырьём. На пригорке появилась ветряная мельница, размахивавшая широкими лопастями крыльев.

Однажды в разгар зимы поселение начинающих хлеборобов посетил подьячий из Илимска.

— Бог в помощь, — приветствовал он Ерофея Павловича и его спутников.

— Спасибо на добром слове! — отозвался Хабаров. — С чем пришёл, государев человек?

— Да вот наши дела какие... Не нуждаешься ли в подмоге?

Хабаров не сразу сообразил, о чём спрашивает подьячий. Потом уразумел, что речь шла о денежной ссуде, которой государство обеспечивало новопоселенцев. Подьячий пояснил, что всякий новопоселенец вправе рассчитывать на помощь, или «подмогу», которая состоит из денег, семенного хлеба и сельскохозяйственного инвентаря. Кроме того, поселенец освобождался на несколько лет от податей в пользу казны и мог рассчитывать на беспроцентную ссуду, которую надлежало

возвратить в казну по истечении определённого срока.

— Премного благодарен, что вспомнили о наших нуждах, — сдержанно произнёс Хабаров. — А воеводе своему скажи — воспользоваться своим правом на получение казённой ссуды не намерен.

— Пошто так?

— Деньжонок сумел накопить прежде, чем решил обзавестись своим хозяйством. Человек я с достатком. В казённой ссуде не нуждаюсь, хотя и низко кланяюсь тебе и твоему воеводе за готовность помочь нам, грешным.

В челобитной, адресованной на имя царя, Ерофей Павлович подчёркивал, что устроил пашню «своими пожитками, а не твоею, государь, казною». Это означало, что, став человеком состоятельным, Хабаров рассчитывал обойтись своими собственными средствами и не видел необходимости воспользоваться какой-либо государственной помощью.

К весне 1641 года, Ерофей Павлович засеял с помощью наёмных рабочих около тридцати десятин. Для первого сева он выбрал рожь, овёс, ячмень и горох. Вскоре он имел возможность убедиться, что особенно хорошо принялась и обещала дать приличный урожай рожь. Когда его товарищи возвратились с пушного промысла с добычей, Хабаров мог похвастать:

— Прижилась, рожь-матушка. Ожидаем хороший урожай. Узрите, други мои.

Приходили торговые и промышленные люди из Усть-Кута и Илимска и дивились на колосистое поле. Говорили добрые слова Хабарову.

— Следуйте по моему пути, люди, — отвечал им Ерофей Павлович; — Принимайтесь за пахоту, выращивайте хлеб. Общими силами мы избавим Ленский край от дорогого хлеба, что везут сюда из обжитых сибирских земель.

Осенью пашня Хабарова дала свой первый урожай. В одном из исследований мы находим любопытное свидетельство: урожай только одной ржи составил не менее 1300 пудов. Для малоплодородной почвы и сурового климата это были совсем неплохие показатели.

Построенная Хабаровым мельница молола зерно. К нему на мельницу заглядывали торговые люди, промысловики, чтобы разжиться хлебом. Работала и его соляная варница. Вываренная соль, как и ржаная мука, также пользовалась спросом и охотно раскупалась. Нераспроданные запасы хлеба и соли копились в амбарах.

У Хабарова складывалось многоотраслевое и прибыльное хозяйство. Торговля хлебом и солью обещала стать доходным делом, хотя Ерофей

Павлович не намеревался бросать охоту на пушного зверя. Пушным промыслом продолжала заниматься ватага во главе с братом Никифором и племянником Артемием.

Но радужные надежды Ерофея Павловича обернулись горьким разочарованием. Причиной этого разочарования оказалось прибытие на Лену нового воеводы Головина. С первых его дней на Ленской земле у Хабарова с воеводой сложились напряжённые отношения.

8. Начало Якутского воеводства и злоключения Ерофея Хабарова

Первыми якутскими воеводами были назначены стольники Пётр Петрович Головин и Матвей Богданович Глебов. Московские власти назначали двух воевод в надежде на то, что станут присматриваться друг к другу, выявлять взаимные недостатки и поправлять друг друга. В случае же проявления одним из воевод несправедливости и беззакония его напарник мог направить жалобу в Москву. На практике этого не получалось. Слишком разными людьми оказались воеводы и по характеру, и по взглядам на свою службу. Головин — человек крутой, деспотичный и заносчивый — с первых шагов на Якутской земле стремился верховодить, отодвинуть на второй план своего напарника и взять на себя роль главного воеводы. А Матвей Глебов, наоборот, оказался человеком выдержанным, рассудительным. К тому же он считался с традициями местного населения. Глебов явно неодобрительно относился к Головину, присваивавшему себе роль главного администратора и политика, что на практике превращалось в безрассудный деспотизм.

Неладья между воеводами началась ещё в дороге. Их назначение на должности состоялось весной 1639 года, а в Якутию они прибыли только через два года, весной 1641 года. Ехали к месту назначения неспешно. Надолго задержались в Тобольске и Енисейске, старались там увеличить численность сопровождающих их лиц. И это удавалось. Воевод окружала многочисленная свита. В её составе оказались подьячий, духовные лица, дети боярские, казаки для пополнения якутского отряда.

В Усть-Кутском остроге воеводы сделали последнюю остановку, ожидая, пока Лена очистится ото льда и можно будет беспрепятственно продолжать речной путь до Якутска. На казаков местного отряда, торговых людей и промысловиков Пётр Головин произвёл дурное впечатление. Лицо его, часто недовольно кривившееся и постоянно сохранявшее унылое выражение, людей к себе не располагало.

Первым делом Головин затребовал к себе начальника устькутских казаков. Спросил пятидесятника срывающимся голосом:

— Велико ли твоё воинство?

— Всего только десяток человек наберётся. Увеличил бы его,

батюшка.

Воевода ничего не ответил, только хмыкнул неопределённо. Помолчал, потом снова спросил:

— Что ещё скажешь, служивый?

— Храм бы нам построить. Часовенку-то малую мы возвели. Пастыря своего нет. Иногда поп приезжает из Илимска, крестит младенцев, венчает пары. Свой пастырь потребен.

— Это не по нашей части. Пиши архиерею в Тобольск. Ещё что скажешь?

— Ерофей Павлович Хабаров... — начал было пятидесятник, но Головин его нетерпеливо прервал.

— Это ещё кто таков? — спросил Головин раздражённо.

— Выходец с Русского Севера, промысловик. Большое хозяйство завёл, хлеб выращивает, скотину разводит, — пояснил собеседник.

— Хлеб выращивает, говоришь? — во взгляде воеводы мелькнул интерес. — Дело хорошее, хлеб нам нужен. Много ли десятин земли поднял этот, как его...

— Хабаров. Около тридцати десятин. Хорошее хозяйство у него.

— Посмотрим, посмотрим. Далеко ли отсюда сие хозяйство?

— Близенько.

— Веди меня к этому, как его...

— Хабарову.

— Познакомимся с его хозяйством. Будешь меня сопровождать, служивый. Готовь лошадей. И тебе, Матвей Богданович, полезно будет узнать хозяйство этого, как его...

— Хабарова, — опять подсказал пятидесятник.

К воеводам присоединилась многочисленная свита.

Путь от Усть-Кутского острога до хозяйства Хабарова был недолгим. За небольшим лесом находились распаханые поля, протянувшиеся изогнутой дугой по берегу Куты и Лены. На краях пашни выстроились шеренгой избы, амбары, скотные дворы.

— Показывай нам своё хозяйство, Хабаров, — резко сказал Головин Ерофею Павловичу вместо приветствия.

— Охотно, батюшка, — отозвался тот.

— Какой я тебе «батюшка»? — резко оборвал его воевода. — Батюшка вот перед тобой.

Головин указал пальцем на рослого пышнобородого священника, оказавшегося в воеводской свите.

— Виноват, — поправился Хабаров, — что тебе угодно узнать,

воевода?

— А всё. Например, чем твои амбары наполнены?

— Известное дело чем: хлебушком, зерном и мукой. Рожью особливо.

— Показывай амбары.

Хабаров стал вскрывать один за другим амбары, наполненные мешками. Среди них были мешки с мукой и ещё не перемолотым зерном.

— И много насобирал хлеба, Хабаров? — спросил его въедливо Головин.

Ерофей Павлович назвал внушительную цифру.

— Было больше. Часть хлеба распродал купцам и промысловикам.

— Нам тоже понадобится твой хлеб, Хабаров.

— Что я, от того буду иметь?

— Ты государю своему Михаилу Фёдоровичу служишь?

— Все мы служим государю нашему. Каждый из нас служит, как может. За всякую службу воздастся по заслугам. В том числе и тому, кто возделывает землю, урожай собирает. Так скажи мне, воевода, что я буду иметь за тот хлеб, который пойдёт на твои нужды?

— Ишь ты, какой расчётливый! Пока получишь от меня за свой хлеб бумагу. А будут в воеводской казне деньги, тогда и рассчитаемся сполна. Понятно тебе?

Воеводе явно не нравился Хабаров. Нацеливаясь на его хлебные запасы, он, видимо, не собирался рассчитывать с ним. Впрочем, Ерофей Павлович ссориться с воеводой не хотел, особенно с первых шагов знакомства, поэтому Хабаров ответил уклончиво:

— Рассчитывайте на нашу помощь, воеводы. Для того и старались, чтоб от нашего хозяйства была всем польза.

— Вот и рассчитываем на твою помощь, Хабаров, — многозначительно сказал Головин. — Приготовь три тысячи пудов зерна для отправки в Якутск. А я распоряжусь, чтоб дьяк Филатов написал тебе по всем правилам расписку на взятый у тебя займы хлеб.

Хабаров попытался привлечь внимание воеводы к новым жилищам и показать ему избы, а затем солеварню, но Головин ни к чему больше никакого интереса не проявил. Более того, тон Ерофея Павловича явно раздражал воеводу.

— Весь ли ясак платишь со своего урожая? — неожиданно спросил он Хабарова.

— Отдаю государству десятую долю урожая, — ответил тот.

— Только десятую?

— По закону. И на нашем Русском Севере мы платили также десятую долю.

— Так то Русский Север, Двина, Сухона... А здесь Лена. Край, населённый инородцами. Тут приходится держать казачье войско, строить остроги. Ты разумеешь, что их содержание стоит денег, и больших денег?

— В законах об этом ничего не сказано.

— Закон можно толковать по-разному и дополнять. Подумай об этом.

Ерофей Павлович сразу не додумался, к чему такой разговор затеял воевода, лишь потом пришла ясность: Головин хотел бы увеличить поборы с держателей земельных наделов, и Хабаров мог стать первой жертвой.

— О чём я должен подумать? — спросил с напускным простодушием Хабаров.

— Я думал, что ты понятливей, — ответил ему неопределённо Головин.

К великому облегчению Ерофея Павловича воеводы со свитой уехали в Усть-Кут. Остался только сопровождавший воевод торговый человек Иван Сверчков. Он сговорился с Хабаровым о покупке у него шестисот пудов ржаной муки и выплатил аванс.

Хабаров был осведомлён, что в Якутске некоторое время тому назад произошёл переворот: атаман Ходырев лишён власти. Его разоружили, на всё его имущество был наложен арест. Парфёну Ходыреву вменяли в вину безудержное казнокрадство, разворовывание государственной казны, великое злоупотребление властью. После его свержения власть в Якутске оказалась у письменного главы Василия Дмитриевича Пояркова, человека крутого, своенравного, но деятельного и способного администратора. Он и правил в Якутске до приезда воевод.

Как только Лена очистилась ото льда и стала доступна для плавания, Поярков отправился встречать воевод. Всю дорогу он думал свою думу. Без воевод он был первым человеком среди именитых людей, которым принадлежала власть в Якутске. Теперь все они будут отодвинуты на задний план. О властолюбии и деспотизме Петра Петровича Головина до Пояркова доходили слухи. Ехал в Якутск Головин, окружённый сонмом своих людей. Вряд ли Поярков при новой раскладке сил останется здесь при власти, будет для воевод лицом желанным. Поэтому Василий Данилович серьёзно задумывался об экспедиции в какой-либо отдалённый край к югу от Лены, где, как говорят, протекает неведомая великая река. Открытие новых земель, установление там российской власти с объяснением туземных племён — это и престижно, и от якутских воевод будешь в отдалении.

Разговор Пояркова с воеводами прошёл дружелюбно. Проницательный и далеко не глупый письменный голова принялся всячески льстить воеводам, особенно Головину, сразу уловив, что Пётр Петрович претендует на главную роль, а Матвей Богданович Глебов из-за своего мягкого, уступчивого характера, способен играть лишь второстепенную роль.

— Я временно стоял у кормила власти, — начал Поярков свою хитрую речь, — поэтому не судите меня строго. Бесконечно рад передать бразды правления дельным людям из нашей матушки-Москвы. А если позволите, хотел бы высказать свою просьбу.

— Говори. Какова твоя просьба? — спросил его Головин.

— Дозвольте отправиться в дальние края, чтоб приискивать новые земли, осваивать их богатства и расширять вашу власть далеко за пределами воеводства.

— Хорошо говоришь, казак, — ответил поощрительно Пётр Петрович. — А куда же хотел бы податься?

— По слухам, к югу от Лены, за горными хребтами протекает великая и многоводная река. Зимы там мягче, чем на Лене, а земля плодороднее. Надо полагать, что и возможностей для хлебопашества там больше.

— Отпускаем Пояркова исследовать великую реку и привести тамошних жителей под государеву руку? — обратился Головин к Глебову. — Пусть слухи о великой реке станут былью.

Глебов молча кивнул головой.

— Не скажешь ли, Поярков, что за человек Ерофей Хабаров? — спросил вдруг Головин. — Хозяйство-то прибыльное, а делиться с государством своей прибылью не расположен. Скупердяй.

Поярков уловил, что Хабаров не пришёлся ко двору и вызвал осуждение со стороны воеводы, поэтому он решил поддакивать Головину.

— Известный на всю Якутию скупердяй. Прижимистый мужик.

— Посмотрим, посмотрим, — многозначительно и неопределённо проговорил Пётр Петрович.

Слухи из Якутска доходили до Хабарова. Многие рассказывали ему промышленные и торговые люди, возвращавшиеся из центра воеводства, о том, как торжественно Якутск встречал воевод, и о том, что между собой они не ладили с первых дней. Головин всё настойчивее стремился забрать бразды правления в свои руки. Желая увеличить площадь пашенных земель, он посылал служилых людей для поисков свободных от леса пространств по верхней Лене и её притокам. Знал Хабаров и то, что с неугодными людьми воевода круто расправлялся, приказывал всыпать

батогов, бросал их в тюрьму.

Головин задумал утяжелить ясачные повинности, а для этой цели решил провести перепись населения. Это начинание вызвало всеобщее недовольство. Ко всему прочему воевода перессорился с местным духовенством. Он рассчитывал, что пастыри станут его послушным орудием, но начались мелкие раздоры с духовными лицами, постепенно вылившиеся в конфликт. Головин поссорился даже с личным духовником, иеромонахом Симоном, пытавшимся вразумлять воеводу, указывать на его несправедливые поступки. Перессорившись с духовенством, воевода заковал Симона в оковы и бросил в тюрьму. Другой священник, Стефан, также был брошен в тюрьму, и лишь в случае крайней нужды его выводили под охраной в храм, чтобы совершал необходимые требы или молебны. Священника Порфирия сковали цепью в колоде и подвергли пытке. Церковные службы в Якутске почти прекратились.

Злоупотребления Петра Головина привели к общему недовольству в воеводстве. Окружение воеводы раскололось на два неравных лагеря. Головину противостоял и Матвей Глебов, к которому присоединился дьяк Ефимий Филатов, а также многие другие лица. Дело даже дошло до драки в приказной избе между представителями двух лагерей.

Действия Головина привели к бунту, охватившему многие якутские волости, население которых отказывалось выплачивать ясак. Бунтующие саха толпами подступали к Якутску и были уже в непосредственной близости от его стен. Головин, не ожидавший такого, оказался в полной растерянности и стал валить вину за случившееся на Глебова, дьяка Филатова, духовенство и других неугодных ему лиц в поспешии разделаться со своими недругами. Дьяк был наказан домашним арестом. Такая же судьба постигла и второго воеводу. Головин обвинил их в том, что они попустительствовали бунтовщикам, в их намерении захватить оружие и поджечь острог.

Все сколько-нибудь яркие представители якутского казачества, в том числе Поярков, Стадухин, Дежнев и другие, старались всякими правдами и неправдами покинуть Якутск, чтобы избежать общения с деспотичным воеводой, предпочитая суровую службу в дальних краях.

Такая напряжённая обстановка не могла не сказаться на судьбе Ерофея Павловича Хабарова. Воевода Головин решил завладеть его хозяйством и согнать с освоенной им земли. Пётр Петрович сознавал, что для содержания большой охраны острога нужен хлеб. И хотя воевода вёл розыск новых мест, пригодных для заведения пашни, с этой целью направлял служилых людей в верховья Лены, на Олёкму, но охотников

заняться хлебопашеством не находилось, а хлеб, занятый у Хабарова, к тому времени был съеден.

Тогда Головин прибег к крайним и самовольным мерам: направил к Хабарову доверенного человека из своего окружения с распоряжением освободить занятую его хозяйством землю, которая должна перейти под казённую пашню.

— Почему? По какому праву я лишаясь земли? — спросил с возмущением Ерофей Павлович.

— Так угодно было распорядиться воеводе, — ответил человек, явно сочувствовавший Хабарову.

— Но почему? Ведь это грабёж... Разве я мало сил и средств вложил в эту землю?

— Наверное, немало. Но воевода изволили заметить, что приобретение земли не было оформлено по всем законам.

— Где тому доказательства? — спросил Хабаров, но ответа не услышал, лишь заметил, как посланник Головина пожал плечами.

— Впрочем, Пётр Петрович изволили заметить, коли угодно тебе продолжать заниматься земледелием, можешь выбрать надел на Киренге, — сказал он.

Хабарову было ясно, что занятый у него для нужд якутского отряда хлеб был съеден, нужны новые хлебные запасы, а все усилия воеводы завести казённую пашню оказались тщетными. А угодыя, освоенные Хабаровым, уже давали неплохой урожай, вот воевода и положил на них глаз, решив сделать их казённой пашней, нанеся Ерофею Павловичу огромный по тем временам материальный ущерб, оценённый в пятьсот рублей.

Помимо земель Хабаров лишился жилых и хозяйственных строений, соляных варниц.

Желающих добровольно стать земледельцами на отобранной у Хабарова и ставшей казённой земле не оказалось. Из якутских казаков (все их имена нам сохранила история) Головин отобрал пять человек и в приказном порядке «посадил» их на землю. Каждый из них получил по три десятины земли, по лошади, а кроме того и необходимые земледельческие орудия. Вынужденные земледельцы собрали с пашен немалый для условий Якутии урожай. По настоянию Головина, Сибирский приказ навсегда закрепил земельные наделы за этими людьми, фактически превратив казаков в государственных крестьян.

Взятый воеводой у Хабарова и съеденный хлеб так и не был оплачен. Когда Ерофей Павлович деликатно напоминал о долге, чиновные люди

неизменно ему отвечали — в воеводской казне нет денег. Лишённый своего хозяйства, Ерофей Павлович понёс немалый убыток.

Покидая с тоской район Усть-Кута, Хабаров собрал своих людей и сказал им:

— Терпим потери, други мои. Столкнулись мы с несправедливостью. Чего достигли усилиями рук своих, то потеряли. И всё же бросать начатое дело я не намерен. Кому неуютно продолжать его, того не удержать. Скатертью дорога. Кто готов трудиться со мной и далее, милости прошу в мою ватагу. Продолжим труд праведный.

Не все сподвижники Хабарова решились следовать за ним. Кто-то из них решил покинуть Лену, кто-то поступил на службу к купцам, кто-то пристал к мелким ватажкам вольных промысловиков. Из прежних согласились разделить дальнейшие тяготы Ерофея Павловича немногие.

Потеряв хозяйство на Куте и верхней Лене, Хабаров хотел было отправиться в Енисейск, чтобы на вербовать там новых людей, но, поразмыслив, решил, что важнее остаться в Ленском крае и самому выбирать новые пахотные земли. В Енисейск он послал своего человека, Семёна Максимова, сына Подболоцкого. Тот, выполнив поручение, вернулся с ватагой промышленных людей.

Хабаров выбрал новые земельные угодья в низовьях реки Киренги, впадающей в Лену справа несколько ниже Усть-Кута. Документы, дающие право на владение землёй и её возделывание, Ерофей Павлович оформил в воеводской канцелярии, не встретив здесь, казалось бы, противодействия. Ему удалось получить грамоту на владение землёй с подписью воеводского дьяка. Рядом с ней поставил свою подпись и Ерофей Павлович.

Весной Хабаров и его люди приступили к пахоте, завершили строительство жилищ и скотного двора. Он ощущал давление, какое пытался оказать на него воевода. Разными путями Головин старался поставить землевладельца в зависимость от воеводской администрации, низвести его хозяйство до уровня казённой барщины. Головин предлагал Хабарову ссуды, намереваясь таким путём сделать его зависимым от заимодавца. Однако Хабаров стремился сохранить за собой положение вольного землевладельца и уклонился от навязываемой воеводой системы казённой барщины, предпочитая ей хлебный оброк, принятый на севере Руси. Ерофей Павлович узрел уловку воеводы и решительно ответил ему: «Так пахать не уметь!» (то есть не умею, не берусь поступать, как это угодно воеводе). Хабаров видел преимущества владения землёй на условиях хлебного оброка, и недостатки обременительной казённой барщины.

Осенью часть ватаги Ерофея Павловича во главе с его братом Никифором отправилась на добычу пушнины. Хабаров мог предвидеть недружелюбные придирки со стороны воеводы и даже его намерение поступить с ним так, как он уже поступал, именно поэтому Ерофей Павлович не собирался бросать свой пушной промысел, где было меньше оснований для столкновений с самодуром-воеводой.

Наладив хозяйство на Киренге, Хабаров оказался состоятельным человеком. Он не только собирал хлеб и выращивал другие культуры, но и предоставлял продовольственные и денежные ссуды промысловикам и торговцам, столкнувшимся с материальными затруднениями. На второй год существования своего хозяйства на Киренге Ерофей Павлович смог одолжить казне якутского воеводы девятьсот четвертей муки.

— Надеешься, что Головин когда-нибудь рассчитается с тобой? — спрашивал не раз Никифор.

— Головин не станет с нами рассчитываться, — уверенно отвечал брат. — В этом я не сомневаюсь. У него, видишь ли, казна пуста. Это он так говорит. Но не на Петрушке свет клином сошёлся. И не все воеводы такие аспиды. Приедут другие — рассчитаются. Я на тот случай и расписку с подписью Головина берегу.

На фоне хозяйственных успехов Хабарова, выглядевшего человеком предприимчивым и деятельным, воевода Головин безуспешно пытался привлечь людей к земледельческому труду. Несмотря на все его призывы, люди на них не отзывались и не горели желанием обзаводиться пашней. Это очень раздражало Петра Петровича, не раз говорившего в узком кругу:

— Слишком возомнил о себе этот Хабаров, с воеводой не желает считаться. Собью с него спесь.

Угрозы Головина не были пустыми.

— Был бы я воеводой в Ярославле или Костроме, пришлось бы за каждый свой шаг отчитываться перед Москвой, а здесь Москва далеко, до Бога высоко, — делился с близкими чиновниками воевода, — здесь я сам себе хозяин. Пока стану какое-либо дело согласовывать с Москвой, пройдёт год, а то и два. А дело-то не терпит отлагательства и должно решаться. Вот и не жду указаний из Сибирского приказа, а поступаю «по своему высмотру».

Пётр Петрович неоднократно бросал своим чиновникам, подьячим и высоким казачьим чинам:

— Не забывайте, здесь я вам бог и царь. Понятно, мужики? Здесь я закон для вас и правда. Моя правда сияет, как солнце на небесах.

Головин самолично приказал, чтобы Хабаров вносил в казну не

десятью часть урожая, а пятую. Ерофей Павлович открыто роптал, а потом не сдержался и написал челобитную: «Воевода Пётр Головин взял с моей распашной пашнишки пятую лучшую десятины». Протест Хабарова стал известен воеводе, распорядившемуся пашню его конфисковать в казну и заселить селениями земледельцев. Хабаров снова был ограблен и лишился земли и всего хозяйства. Объяснение этого поступка воеводы можно объяснить его самодурством и самоуправством, а также расхождением во взглядах на систему хозяйствования. Хабаров вносил со своей пашни десятый сноп в качестве натурального налога. Головин же пытался заставить Хабарова согласиться с «десятинной пашней», представлявшей, по сути дела, казённую барщину. Отстаивая свою систему, Хабаров выступал как сторонник более прогрессивного направления хозяйствования.

Лишённый земельных владений, Ерофей Павлович пытался объяснить с воеводой и отстоять свою правду. Тот, хмуро насупившись, выслушал Хабарова, не скрывая своего недовольства.

— Пошто обидел земледельца? — спросил Ерофей Павлович. — Для твоих же казаков хлеб выращивал. Разве не для общего блага старался?

— Коли для общего блага старался, докажи это делами, — ответил воевода, не смягчив хмурого взгляда.

— Чем я могу это доказать, коли ты меня обобрал, ограбил, унизил?

— Помоги якутской казне своими деньжонками. Казна совсем пуста, а мне потребно выплачивать казакам жалованье.

— Я не воевода, чтоб за всё воеводство думать. Денег у меня, Пётр Петрович, для тебя нет. Ограбил ты меня.

— Будешь ещё и дерзить...

— Разве я неправду говорю? Разорил ты меня. Хочешь по миру пустить. Душегуб ты, прости Господи.

— Ах, ты ещё и дерзишь самому воеводе! А ведь я для тебя здесь бог и царь.

— Грабитель с большой дороги — вот кто ты здесь!

— Умолкни! Забываешь, с кем говоришь!

Воевода повысил голос, почти срываясь на крик.

Не стал сдерживать себя и Хабаров, наговорив Головину много резких и дерзких слов. Воевода был взбешён и крикнул своего человека из прихожей. Вбежал подьячий с услужливым поклоном и услышал слова воеводы:

— Этого Ерофея препроводи в тюрьму. Слышишь? Пусть посидит и одумается. Ишь ты, самому воеводе дерзкие речи, зело непотребные слова

произносил.

Хабарову Пётр Петрович сказал, напуская на себя как можно больше суровости:

— Посидишь в тюремной избе. Научишься уму-разуму. Сие тебе полезно.

Ерофей Павлович понял, что спорить, протестовать, доказывать свою правду бесполезно. Надо пока умолкнуть и смириться. А там, обдумав всё, действовать: писать обличительную жалобу в Сибирский приказ или даже на имя государя.

Тюремные избы Якутска были переполнены. Документы свидетельствуют, что общее число заключённых превышало тогда сотню человек. Им всё же удавалось общаться со своими близкими, остававшимися на свободе. Хабарова посещали и его друзья, и соватажники, они приносили ему еду и снабжали бумагой. Написал Ерофей Павлович подробную жалобу на воеводу. Письмо это получилось отчаянное, слезливое. Автор жаловался, что воевода «разорил его до конца», что он, Ерофей Хабаров, начисто лишён возможности заводить дальнейшие хозяйства, пашню и снимать урожай. Отчаянное письмо Хабарова было не единственным письмом подобного рода. Жалобы из Якутска в Москву шли целым потоком и не могли не привлечь внимания.

Несмотря на свой конфликт с воеводой, Хабаров всё же полагал, что у того нет никаких оснований держать его в тюрьме, ведь потерпевшей стороной был он, Ерофей Павлович, ведь ему были нанесены убытки, он лишился собственности и подвергался оскорблениям. Однако воевода, затеявший дело Хабарова, продолжал мстить ему, причисляя к своим политическим противникам и тем людям, которые чем-либо вызвали его недовольство.

Находясь в тюрьме, Хабаров написал московским властям вторую челобитную, в которой жаловался на все перенесённые им испытания и несправедливости, сообщал о злоупотреблениях воеводы Головина, о конфискованной пашне в районе Усть-Кута, а потом на Киренге, об отобранной у него соляной варнице, увеличении поборов с его хозяйства и, наконец, о своём аресте и тюремном заключении. Челобитная заканчивалась слёзной просьбой Хабарова дать ему возможность поехать в Соль Вычегодскую к семье. Ерофей Павлович предвидел, что жена его, оставаясь, долгое время без мужа, жила в нужде и должна была выплачивать накопившиеся немалые долги. Поэтому он писал о своём желании «женишко своё и детёшко с правежа освободить... и в государевых податях и долгах расплатиться».

Сибирский приказ в Москве в числе многих подобных челобитных получал немало жалоб на злоупотребления Головина. Это, в конце концов, насторожило московские власти, и рассмотрению был дан ход. Расследование вёл дьяк Сибирского приказа Григорий Протопопов, потом судья приказа боярин Никита Одоевский. Воевода Головин был смещён с должности. Сыграли роль многочисленные жалобы на его злоупотребления.

Якутское воеводство возглавили Василий Пушкин и Кирилл Супонев. Они получили предписание из Сибирского приказа разобраться в сложившейся обстановке в Якутске и в обоснованности содержания под стражей Ерофея Хабарова. Новые воеводы учинили разбирательство, допрашивали Ерофея Павловича и многих свидетелей, затем послали в Москву подробную отписку о его результатах. Через два года воеводы получили из Сибирского приказа ответ на свою отписку. В ней действия Головина были названы неправильными, а Пушкину и Супоневу предписывалось возместить Хабарову его убытки и в их возмещение выдать ему из казны пятьсот рублей. Однако это предписание не было выполнено, так как денег в воеводской казне не оказалось.

С отъездом Петра Головина Ерофей Павлович Хабаров вышел из тюрьмы, возвратился на Киренгу и смог снова энергично взяться за своё хозяйство. Здесь, на Киренге, он создал поселение земледельцев по опыту крестьянских поселений. Они обычно назывались слободами, а их жители — слободчиками. Такие слободы сначала появились в Западной Сибири, а потом стали возникать и в Восточной Сибири. В середине XVII века таких сельских поселений в Сибири насчитывалось около двадцати. Государство было вынуждено мириться с созданием таких слобод частными лицами и на их средства, поскольку само оказалось не в состоянии обеспечить всех переселенцев.

Кипучая, деятельная натура Ерофея Павловича проявилась во всех своих лучших качествах. Он продолжал организовывать пашенное хозяйство на Киренге и получал хороший для условий южной Якутии урожай, используя многое из опыта земледельцев Русского Севера. Хабаров выступил в роли организатора сельского поселения. Источники иногда называют его слободчиком, в данном случае слово это употреблялось как «глава», «инициатор» создания поселения или его «староста».

Вот что пишет биограф Хабарова Леонтьева Г.А.: «Как слободчик, он брал на себя инициативу «кликать» всех желающих, обеспечивать их за свой счёт ссудой и подмогой — деньгами, скотом, инвентарём. Поскольку

слободы организовывались не на государственные, а на частные средства, господствующей рентой в них был оброк, натуральный и даже денежный. Вероятно, создаваемая Хабаровым слобода привлекала много желающих».

Читатель вправе спросить, как удалось Ерофею Павловичу Хабарову восстановить разрушенное прежним воеводой хозяйство, поднять его на былую высоту и не только сделать прибыльным, но и привлечь новых земледельцев.

Видимо, Хабаров всё-таки располагал средствами, которые ему удалось утаить от Головина. Вероятно, пришёл к нему на помощь брат Никифор, успешно промышлявший пушного зверя. И наконец благодаря неустанному труду Ерофею Павловичу удалось за сравнительно короткий срок поднять хозяйство и сделать его прибыльным.

Отношения с новыми воеводами у Хабарова складывались непросто, но Ерофей Павлович был уже научен горьким опытом и вёл себя с ними осмотрительно, осторожно, не давая поводов для нападков. Попытались воеводы внедрить в слободу на Киренгу и своих людей, от которых было бы мало проку в хозяйстве, но Хабаров воспротивился этому, оградив себя царской грамотой, которая давала ему право по своему усмотрению нанимать людей в слободу.

Своим независимым поведением Хабаров раздражал Пушкина и Супонева. Их неприязнь к Ерофею Павловичу разделил и дьяк Стеншин. Успехи Хабарова кроме зависти вызывали у них и стремление придраться к чему-либо, нанести ему внезапный удар. Случай представился, когда Ерофей Павлович не проявил выдержки и разругался с одним служилым человеком. Тот, по наущению Стеншина, подал воеводам жалобу на Хабарова. Его вызвали в приказную избу, а с ним заодно и свидетелей ссоры.

— С огнём играешь, Хабаров, — зловеще сказал Стеншин. — Пошто служилого человека обидел? По тюрьме соскучился?

— Намерения обидеть служилого человека у меня не было, — сдержанно ответил Хабаров. — А ежели сорвалось с моих уст грубое слово, пусть простит меня добрый человек. Вовсе не желал я его обидеть. Но и вы, други мои, не раздувайте дело. И тюрьмой не пугайте. Испытал уже сие. И коли не знаете, напомню вам, что меня охраняет государева грамота.

Хабаров вынул из-за пазухи лист пергамента — царскую грамоту — и протянул Стеншину.

— Принимаю извинение Ерофея Павловича. Посчитаем, что ссоре нашей положен конец, — сказал обиженный Хабаровым служилый

человек.

— Какой добренький, — проворчал Стеншин, которому вовсе не хотелось, чтобы произошло примирение. Воеводы предпочли отмолчаться.

После того конфликта Хабаров стал проявлять большую сдержанность и осмотрительность. Он исправно выплачивал хлебный оборок со своего хозяйства, без большой нужды не появлялся в Якутске и старался не дать повода воеводской администрации для каких-либо придирок. Воеводы старались не замечать Хабарова, а дьяк Стеншин иногда открыто выражал своё нерасположение к Ерофею Павловичу.

Крупным событием, возбудившим воеводство, стало возвращение Пояркова с отрядом из дальнего похода. Казалось, что все забыли о Василии Даниловиче, оказавшемся после отстранения от власти Парфёна Ходырева временным правителем края.

Человек нрава крутого, даже жестокого, охваченный честолюбивыми планами, Поярков не захотел оставаться в Якутске и довольствоваться третьестепенной ролью при воеводе Головине, о деспотизме и неуравновешенном нраве которого имел полное представление, поэтому добился назначения главой экспедиции, которая направлялась из Якутска на юг, к Амуру.

И вот в середине 1646 года Поярков возвратился с Амура, проведя в странствиях без малого четыре года. Хабарову тоже приходила в голову мысль об участии в таком походе, его влекли края, расположенные к югу от Лены, где мог оказаться более мягкий климат, а земли более плодородными и благоприятными для хлебопашества. Встреча в Поярковым, расспросы его об амурских впечатлениях и практических результатах похода не могли не заинтересовать Ерофея Павловича. Он отправился в Якутск для встречи с Василием Даниловичем. Однако до этого ему удалось встретиться и побеседовать с несколькими членами экспедиции Пояркова. Словно сговорившись, все они скверно отзывались о нём.

— Деспот, ирод, а не человек! Знал бы, каков он, никакая сила не заставила бы отправиться под его началом, — сказал один из его спутников.

— Чуть что не по нему — рукам волю даёт. На зуботычины щедр. А кулак у Васьки увесистый. И мне от него доставалось, — сказал другой.

Ерофей Павлович даже засомневался — стоит ли встречаться с Василием Поярковым, о котором услышал столько недобрых слов, но, поразмыслив, всё же решил преодолеть заведомую неприязнь и отправиться к нему, чтобы обстоятельно обо всём расспросить.

Вопреки ожиданиям, Поярков встретил Хабарова приветливо, даже

приказал прислуживавшему ему казаку подать жбан какого-то хмельного напитка.

— Значит, интересуешься моими впечатлениями? — спросил Поярков.

— Интересуюсь, — сдержанно ответил Хабаров.

— А я наслышан о тебе. Петька Головин заставил тебя в тюрьме держать. И хозяйства тебя лишил.

— Было такое дело.

— А люди говорят, земледельствовал ты неплохо.

— Со стороны виднее.

— Пошёл бы ты, мужик, по моим стопам. Отправился бы на Амур. Река великая, всякой рыбой зело богата. Берега для пахоты пригодны. Туземцы этим успешно пользуются. Это тебе не Лена. Снаряди достойную ватагу и шагай на Амур. Неужели не понятно? Хочу, чтоб надёжный человек продолжил моё дело. Ты мне кажешься таким человеком.

— Спасибо за доброе слово, Василий Данилович.

— Не раздумывай долго, а собирайся в путь.

— Хотел бы, да есть одна загвоздка, она и держит.

— Какая ещё загвоздка?

— Для такого похода снаряжение, деньги надобны и немалые. А я был дважды ограблен Петром Головиным. У меня нужных для похода денег нет.

— Слышал, едет к нам новый воевода, Францбеков Митька.

— Прозвание-то какое басурманское.

— А он и в самом деле из басурман. Из немчуры. Крестился, принял православие и стал называться на русский лад. Приедет, поговори с ним. Заинтересуй его.

— Рассказал бы, Василий Данилович, о походе своём на Амур, — попросил Хабаров. — Что это за край? Кто его населяет? Чем он богат?

— Рассказывать можно без конца, но хватит ли у тебя терпения выслушать?

— Хватит. Рассказывай, прошу тебя.

Рассказывал Поярков сумбурно, отрывочно. Часто перескакивал с одного события на другое. Из повествования Хабаров выяснил, что сначала участвовало 130 человек, казаков и промысловиков. Перед отрядом ставилась задача убедиться в справедливости слухов о месторождении серебряной руды на реке Урке и привести под царскую руку новых людей, обложив их ясачной повинностью. Отряд поднялся вверх по одному из правых притоков Лены, преодолел Камень, как назывался в те времена

Становой хребет. Спустившись с частью отряда с хребта, Поярков и его спутники оказались на реке Зее, амурском притоке. Здесь отряд обложил ясаком местных жителей и зазимовал. Отсюда Василий Данилович решил возвращаться в Якутск морем. Достигнув устья Амура, отряд пустился в долгое и опасное плавание по Охотскому морю, всегда бурному и беспокойному. Плавание завершилось в устье реки Улье. Поднявшись вверх по Улье, преодолели труднодоступный горный перевал. Далее спустились к реке Мае, притоку Алдана. Плавание по Алдану привело скитальцев на Лену и к стенам Якутска. Вернулись сюда остатки экспедиции только в 1646 году с богатой добычей. Она составила двенадцать сороков соболей.

— Что собираешься делать дальше? — спросил Пояркова Хабаров, когда тот закончил рассказ.

— Собираюсь в Москву возвращаться, к семье. Наброяжничался. Хватит. Попрошу для себя какую-нибудь работёнку в Сибирском приказе. Смотрю на тебя, Хабаров... Выглядишь крепким мужиком, несмотря на все выпавшие на тебя невзгоды. Петруха Головин тебя не сломил. Продолжай моё дело. Набери надёжных сообщников и отправляйся на Амур-реку. И Бог тебе в помощь.

9. Якутский воевода Францбеков и его взаимоотношения с Хабаровым

В 1648 году на смену Пушкину и Супоневу направили Дмитрия Андреевича Францбекова. Вместо дьяка Стеншина назначили дьяка Осипа Степанова.

Происходил новый воевода из прибалтийских немцев, и его исконная фамилия была Фаренсбах. Поступив на русскую службу, он принял православие, изменив и фамилию. Прежде чем стать якутским воеводой, он около двух десятков лет провёл на российской чиновной службе. Не имея влиятельных родственников или покровителей, Францбеков не сумел ни подняться высоко по служебной лестнице, ни нажить состояния. Вместе с тем он отличался непомерным честолюбием, поэтому весьма рад был представившемуся случаю отправиться в Восточную Сибирь, видя в этом возможность нажить состояние. Францбеков был готов идти к этой цели любыми путями, в том числе заниматься безудержным казнокрадством, становиться алчным ростовщиком, искать компаньонов среди местных служилых и промышленных людей.

Нельзя было отнять у Францбекова природного ума, трудолюбия, проницательности, умения распознать в своих сослуживцах способностей и деловых качеств. Он тщательно ознакомился с документами Сибирского приказа, сведениями, собранными о том крае, которым ему придётся управлять.

В нескольких бумагах Францбеков наткнулся на имя Хабарова, в том числе и на его челобитные с жалобами на воеводу Головина. Бумаги убеждали, что Ерофей Хабаров — человек деятельный, способный к хозяйствованию. Видимо, встал он поперёк дороги этому Петрушке Головину. Такого, как Ерофей Хабаров, лучше приручить и использовать для своей пользы. Так думал новый воевода, перебирая бумаги Сибирского приказа. Руководители приказа, наставляя Францбекова, познакомили его с воеводскими обязанностями. Одной из главных его задач было исследование и освоение ещё неизвестных земель на востоке.

Высшие чиновники Сибирского приказа, наставляя Францбекова, говорили ему:

— От вас ждём открытия новых земель. Но денег от казны на эту цель

не ждите. Оскудела казна. А ещё назревает война с Речью Посполитой, а значит, увеличатся расходы, и положение государственной казны станет ещё более затруднительным. И тем не менее вам надо организовывать поисковые походы, открывать и заселять новые земли. Привлекайте для этого состоятельных купцов и промысловиков. Новые земли — новые доходы, пополнение казны за счёт ясачного сбора.

Францбеков принял к сведению наставления, в них была своя убедительная логика. С этими наставлениями Дмитрий Андреевич отъезжал в качестве якутского воеводы в Восточную Сибирь. Уже третий год в России царствовал Алексей Михайлович, прозванный Тишайшим.

Добравшись до Илимска, укреплённого пункта на ангарском притоке, Дмитрий Андреевич Францбеков задержался здесь на некоторое время. Это произошло весной 1649 года. Остановка имела несколько причин. Новый воевода был уже немолод. Трудная дорога, особенно её ангарский участок с преодолением порогов, утомила его. И другая причина задержки в Илимске заключалась в стремлении Францбекова, опрашивая сведущих людей, ознакомиться с обстановкой в воеводстве ещё до прибытия в Якутск, а прибыв на место, произвести впечатление на казачью верхушку своей осведомлённостью.

Пребывание Францбекова в Илимске оказалось заполненным встречами с разными людьми. Лена уже очистилась ото льда и открылась для судоходства, и из Якутска приплывали в Илимск встречать нового воеводу военачальники якутского отряда, чиновники из воеводской канцелярии, а также возвращавшиеся на запад торговые и промышленные люди. Францбеков казался человеком общительным и любознательным, охотно беседовал с каждым.

Среди людей, прибывших в Илимск для встречи с новым воеводой, был и Ерофей Павлович Хабаров, сопровождаемый братом Никифором. Целью его встречи и знакомства с воеводой было стремление прощупать его и узнать, что он за человек, как он будет править в Якутском крае. Если окажется, что воевода не крикливый деспот, напоминающий Петра Головина, а человек дельный и заинтересованный в развитии и расширении воеводства, то стоит выяснить, как Францбеков отнесётся к организации похода на Амур. Одобрит ли его, будет ли в нём заинтересован, поддержит ли материально.

Дмитрий Андреевич говорил с заметным нерусским акцентом, но речь свою строил правильно — сказывалось многолетнее пребывание в России, — повёл себя с посетителем приветливо. Визит Ерофея Павловича явно вызвал у воеводы повышенный интерес. Их беседа оказалась длительной и

оживлённой.

— Наслышан, наслышан о тебе, Хабаров, — так начал воевода свой разговор. — Люди отзываются о тебе добрым словом. Говорят — положил начало хлебопашеству в крае. Уважают тебя. Никак не пойму, чем ты не угодил Петру Головину.

— Стало быть не угодил.

— Можешь не рассказывать. Я твои челобитные в Сибирском приказе читал. Пётр рубил тот самый сук, на котором следовало бы ему крепко сидеть. Сук подрубил и не усидел. Учти, Ерофей, и всем людям скажи — я Петрушкиных безобразий не потерплю. Будем все вместе трудиться для нашего общего блага.

Начало беседы с воеводой и общий его доброжелательный тон понравились Хабарову, который вдруг проникся доверием к Францбекову. Когда воевода стал расспрашивать его, Ерофей Павлович стал охотно рассказывать о своём хозяйстве на Киренге, создании там слободы, привлечении земледельцев, готовых с ним сотрудничать.

Францбеков не перебивал Хабарова и, когда тот кончил, сказал поощрительно:

— Вижу, хозяйствовал на земле умело, старательно. И каковы же твои дальнейшие планы?

— Наслышан я о Амуре-реке, что протекает к югу от Лены, о народах, кои там обитают. Говорили мне, что берега Амура гуще заселены, чем берега Ленские. И богатств всяких там много.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Поярков и другие рассказывали.

— Василий Поярков не сделал всё возможное, чтоб закрепить Амурский край за Русью. К походу подготовился плохо. Надо было от него большего ожидать.

— Наверное, ты прав, воевода. Не разведывал Василий, как следовало, дорогу на Амур. Устремился через Витим и Алдан. А надо было идти Олёкмой. От её верховьев перевалишь через Камень и кажешься на Амуре или другой реке, коя в него впадает.

— А это откуда ты знаешь?

— Поразмыслил над тем, что рассказал мне Поярков. Распознал, в чём он ошибался. Сравнивал его слова с рассказами других людей. Расспрашивал туземцев. Вот и пришёл к такому разумению.

— Молодец, Хабаров. Не появилось ли у тебя желания повторить дело Пояркова, только не повторять его ошибок?

— Появилось, воевода. И хотелось бы поступить разумнее и

успешнее Пояркова. А заодно и исследовать край, узреть его воочию.

— По государственному мыслишь, Хабаров. Прямо повторяешь мои мысли. Надо готовить твой поход на Амур.

— Бог в помощь, воевода. Дал бы только денег на поход.

— А вот тут имеется великая загвоздка. Намерение твоё отправиться со сподвижниками на Амур похвально. Зело похвально. Но снабдить тебя средствами, собрать отряд и отправить его в поход за казённый счёт не представляется возможным. В казне якутской таких огромных денег, кои потребны на поход, нет и в ближайшее время не будет. И на Москву пока надежды нет, она не скоро сможет увеличить нашу воеводскую казну. Ты небось и сам слышал, что затруднение немалое у казны воеводства?

— Слышал.

— Стало быть, известно тебе, что служилые люди Якутска не получают сполна жалованья и поэтому ропщут. В приказную избу без конца поступают жалобы на постоянную неуплату жалований в срок и сполна. Кругом людское недовольство. Знаешь ли ты, как велик долг воеводства на сегодняшний день?

— Догадываюсь, что велик.

— Тысячи рублей и тысячи четвертей хлеба. Вот каков долг! Так что на помощь казны не надейся.

— А можно хотя бы надеяться, что будут даны для участия в походе на Амур служилые казаки? Причём без всяких денежных расходов на их снаряжение и содержание. Кормились бы эти люди за счёт богатств Амура...

— Должен огорчить тебя, что и такое не осуществимо. Нехватка средств не позволила увеличить число служилых казаков, хотя я на этом и настаивал. Мне сообщили, что все казачьи отряды в Якутии насчитывают всего лишь 360 человек. Это мало, зело мало для такого обширного края. И эти люди рассеяны по крепостям, по острожкам на огромном пространстве, на дальних реках, впадающих в Студёное море, на Ленских притоках Вилуе, Алдане, Витиме... Для охраны Якутска остаётся самая малая малость. Однако, думаю, найдём, Хабаров, выход и примем разумное решение. Только пусть это будет поход не за счёт казны. Ты, говорят, человек состоятельный, с деньгами.

— Преувеличивают. Поднакопил кое-что на чёрный день. Но даже на все свои деньги амурского похода не потяну... Для него нужны иные средства.

— Пиши челобитную и приезжай ко мне в Якутск. В челобитной укажи, что готов отправиться на Амур во главе отряда «без государева

жалованья». Подбери себе казаков, промышленных и торговых людей.

— Как же я смогу снарядить отряд и отправиться в далёкий путь без государева жалованья?

— Это уж наша забота. Пиши челобитную и приезжай. А мы поразмыслим, как помочь тебе.

— Пристало ли простому мужику, а не служилому казаку стоять во главе похода?

— Пристало. Ещё как пристало. Вижу, что приbedняешься, Хабаров. Не бедняк же ты горемычный. Хозяин с достатком. И с опытом человек. Хваткий и умелый слободчик. Так что дерзай!

В отписке московским властям воевода Францбеков сообщал, что Хабаров организует поход на Амур только за свой счёт. «В Дауры пошли промышленные охочие люди... с деньгами и хлебными запасами, с судами, с ружьями, с зельем со свинцом. Ссужал и давал он, Ерофей».

В документе находим свидетельства, что Ерофей Павлович снарядил без государственного жалованья команду служилых, торговых, промышленных и охочих людей в составе 150 человек. Он снабдил их своими хлебными запасами, средствами передвижения, порохом, свинцом и оружием. С самого начала экспедиция носила характер частного предприятия. Её содержание, согласно официальным документам, брал на себя Хабаров, человек, безусловно, опытный, обладавший хорошими организаторскими способностями и располагавший деньгами.

Этот факт нуждается в пояснении. Составленную Ерофеем Павловичем Хабаровым челобитную можно было воспринимать с оговорками. Для долговременного финансирования экспедиции средств, которыми он располагал, было явно недостаточно. Она поглощала огромные суммы. Фактически же лицом, финансирующим экспедицию, стал Францбеков, предпочитавший не слишком распространяться об этом. По существу, воевода стал кредитором Хабарова, рассматривая экспедицию как средство своего обогащения.

Воевода не сразу стал одалживать Ерофею Павловичу под проценты крупные денежные суммы. Понадобилось время, чтобы воевода, занимаясь ростовщичеством и казнокрадством, смог разбогатеть и скопить немалый капитал. Время это оказалось не слишком продолжительным. Кредиты воеводы Хабарову возрастали по мере того, как Дмитрий Андреевич обогащался и увеличивал личные накопления. Часть необходимого снаряжения, средств транспорта (речные дощаники), боеприпасы и оружие, составлявшие до этого государственную собственность, были куплены Хабаровым у воеводы. Другая часть была взята заимообразно под расписку

(кабальную запись) с обязательством оплаты всего заимствованного имущества по возвращении из похода. Оплата не вносилась в государственную казну, её воевода собирался положить в свой карман. На снаряжение экспедиции Хабаров потратил и значительную сумму из своих личных денежных накоплений.

Францбеков видел в финансировании Хабарова средство личного обогащения. Заёмщиками воеводы помимо Ерофея Павловича становились многие другие промышленники, купцы, но на их фоне Хабаров представлял собой наиболее значительный источник обогащения Дмитрия Андреевича.

Воевода выступал как хищный ростовщик. Вынужденный пользоваться его кабальными займами, Хабаров попадал в долговую зависимость. Долг Ерофея Павловича рос непрерывно: если в 1650 году он составлял 2500 рублей, то уже через год он вырос до 7000 рублей. По тем временам это была огромная сумма.

Нужда в деньгах заставляла Хабарова передать деревню, двор и всё хозяйство с пашнями на Киренге во временное пользование Панфилу Яковлеву. Позже под давлением воеводы Ерофей Павлович, объявив до этого наследником своего брата Никифора, переписал своё завещание в пользу воеводы. Францбеков в случае смерти Хабарова становился владельцем всего его недвижимого имущества и земельных владений. Никифор, потерявший право наследования, был повёрстан в казацье войско как рядовой. Он принимал участие в амурском походе.

Францбеков подметил деловые качества и организаторские способности Ерофея Хабарова и поручил ему собственную миссию — руководить амурской экспедицией.

Перед Хабаровым ставилась почётная задача закрепить российское влияние в Амурском крае и сделать его составной частью России. Но вместе с тем воевода смотрел на Хабарова и как на средство наживы. Такова была двойственная политика воеводы. Ерофей Павлович становился орудием и жертвой корыстного лихоимца и попадал от него в долговую кабалу. Петля кабальной зависимости всё более и более затягивалась.

Обладая, по существу, неограниченной властью, воевода сравнительно быстро смог обогатиться и стал располагать немалыми деньгами, которые пускал в оборот с выгодой для себя. Средства обогащения были разного рода — подарки и подношения воеводе, по сути, представлявшие собой взятки, скрытое производство вина и пива, а также прямой грабёж местного населения. Воевода брал взятки с каждого ясачного сборщика, и размер этих взяток колебался в пределах от сорока до трёхсот рублей. Всё

это и позволило воеводе обогатиться за короткий срок.

Создавал первоначальное ядро своей экспедиции Ерофей Хабаров в Илимске. Почему был выбран Илимск за пределами Лены? Через этот пункт направлялись все люди, желавшие осесть в Восточной Сибири. Подбирая людей для похода, Хабаров надеялся привлечь и новичков. Францбеков, живо интересуясь формированием его отряда, отдал распоряжение ближайшим казачьим военачальникам и приказчикам «кликать нужных, промышленных и охочих людей, желающих пойти с Ярофейкой на государевых непослушников на Олёкме и Тугирю, и по Шилке рекам. Без государева жалованья...» На этот призыв откликнулись многие, пожелавшие отправиться в поход на Амур. Ерофей Павлович Хабаров пользовался среди русского населения в крае доброй репутацией, и многие стремились попасть в его отряд и служить под его началом. Среди этих людей оказалось немало опытных, не один год служивших или промышлявших на Лене и её притоках, были и искусные корабелы, плотники, кузнецы.

Принимая к себе людей на службу, Хабаров стремился выявить умельцев, людей с опытом и отдавал предпочтение людям молодым и физически крепким. Он выступил как предприниматель-промысловик, а люди его отряда считались его покручениками. Наём на службу закреплялся покрутной записью. Это была форма договора между хозяином-нанимателем и наёмным покручеником. Такой договор заключался обычно на три года, срок этот в нём указывался.

Покрутная запись определяла в качестве одной из первейших задач покрученика добычу пушного зверя. Обычно торговые и промышленные люди, располагавшие достатком, нанимали ватажников, снабжали их некоторой суммой для приобретения снаряжения в дорогу, припасов и дорожной одежды. Либо всё это приобретал сам хозяин и обеспечивал ватагу. Ерофей Павлович остановился на втором варианте. Хозяин должен был обеспечить всех покручеников необходимой одеждой, в том числе и пригодной для ношения в условиях суровой холодной зимы. Приходилось считаться и с тем, что на ночлег часто приходилось располагаться не в тёплой избе, а в сугробе у костра. Для такого ночлега приходилось запасаться спальными мешками. Каждый из таких мешков был рассчитан на двух человек. После завершения трёхлетнего срока, определяемого покрутной записью, покрученик всю одежду оставлял у себя, только спальный мешок возвращал хозяину.

Заботился Хабаров и об обеспечении людей орудиями охоты и рыбной ловли, поэтому участники экспедиции снабжались сетями, ловушками.

Брали с собой и необходимое количество топоров и другого плотничьего инструмента, котлы для варки пищи и кухонную утварь. Отряд вооружался пищалями с запасом пороха и снарядов, нужными на тот случай, если произойдёт встреча с немирными туземцами и дело дойдёт до вооружённого столкновения.

Если отряд не дробился на мелкие группы охотников и располагался общим лагерем, то питались все вместе у костра. Когда же покрученики уходили в тайгу в одиночку или мелкими группами промыслять соболя или другого пушного зверя, каждый получал индивидуальный запас продуктов, своего рода сухой паек. Он включал муку, крупу, сухари и соль.

Покрученики обычно были людьми предприимчивыми, напрактиковавшимися готовить пищу из сухого пайка в любых условиях. Если удавалось подстрелить зверя или птицу, поймать рыбу, то добыча поступала в общий котёл отряда.

На снаряжение одного покрученика Хабаров тратил от двадцати до сорока рублей, сюда не входили траты на средства транспорта и оружие. Средства на эти цели выделялись из казны. Это была немалая долговая сумма, которую Хабаров обязывался возместить воеводе.

По мере формирования отряда к Хабарову присоединялись и некоторые промышленники, снаряжавшиеся за свой счёт. Таких людей называли своеуженниками. Некоторые из них в свою очередь привлекали своих покручеников. Хабаров, заинтересованный в увеличении численности отряда, охотно принимал их в отряд.

Своеуженники, как и сам Хабаров, обращались за кредитом к воеводе Францбекову. Таким образом, не один только Хабаров оказался в долговой кабале. Однако наиболее тяжкие, обременительные долговые обязательства пали на голову Ерофея Павловича.

В Московском государстве существовали суровые законы, запрещающие сибирским воеводам личное участие в промыслах, торговле, ростовщичестве. Воевода мало считался с этими запретами, хотя и старался не выставлять напоказ свои обширные нарушения закона, но тем не менее продолжал вкладывать деньги в предприятие Хабарова, представляя и ему, и другим лицам кабальные займы.

В Сибири сложилась практика, что промышленники часто действовали совместно со служилыми людьми, казачеством. А бывало и так, что казачий отряд ещё не появлялся в той или иной отдалённой земле, а промышленники уже обосновались там и начинали свои деловые сношения с местными жителями. Порой государевы люди, казаки и промышленники действовали совместно, возводили крепость-острог и приступали к

освоению земли. Тогда трудно было отделить казака от промышленника, государева служaku от частного предпринимателя. В экспедиции Хабарова эти два начала сливались воедино. Ерофей Павлович, с одной стороны, оставался частным предпринимателем, с другой — стремился выглядеть как официальное лицо, связанное с воеводской администрацией. Экспедиция получила официальный характер правительственного отряда, контролируемого воеводой. Хабарову была вручена наказная память, какие обычно вручались руководителям правительственных отрядов. Руководитель такого отряда рассматривался как представитель власти, приказной человек, хотя никакой государственной казны или чинов Ерофей Хабаров не имел.

Наказная память излагала задачи экспедиции. По существу, это была инструкция, как осуществить «проведывание новых земель неясачных людей и приведение их под высокую государеву руку». Сначала Ерофею Павловичу для этой цели предписывалось использовать мирные методы, говорить с приамурскими народами «ласково и смирно, чтобы они были под государевой высокой рукою в вечном ясачном холопстве, навеки неотступны и ясак бы они... с себя давали». И только в том случае, если мирные отношения с местными народами не сложатся, те окажутся платить ясак и поведут себя враждебно, Хабаров получал предписание силой нажать на них и прибегнуть к военным мерам.

Перед выступлением отряда на Амур Францбеков напутствовал Хабарова:

— Скажи тамошним народам, пусть живут в прежних своих кочевьях без боязни. Коли у них есть враги — скажи им, чтоб полагались на нашу защиту. Защитим, не дадим в обиду. А за это порешим с каждого племени, каждого селения брать ясак в пользу белого царя, покровителя и защитника. Навеки им быть под государевой высокой рукою. Уразумел, Хабаров, каков ясак ты должен собирать с амурских народов?

— Уразумел.

— Тогда повтори.

— Меха соболиные, лисицы чёрные, чернобурые, красные, меха горностаевые, бобра, выдры, серебро, золото, драгоценные камни... Из пушного зверя главное — соболь.

— Хорошо усвоил. А ежели возникнет необходимость принять меры, способствующие беспрепятственному поступлению ясака, что станешь делать?

— Возьму в аманаты нескольких знатных мужиков, чтоб под таких исправно приносили ясак.

— Вот так и действуй.

Ещё Францбеков наказывал Ерофею Павловичу создавать на Амуре надёжные опорные пункты, крепосцы или острожки, окружённые стенами, откуда могли отправляться на промысел сборщики ясака. Острожки надо было надёжно укрепить, снабдить их стенами бойницами, чтобы в случае крайней нужды вести огненный бой по нападавшим.

— И ещё, Ерофей, присмотрись — что за край тянется вдоль Амуреки, — продолжал наставлять воевода. — Присмотрись также, что за народ там живёт, какому богу молится, возделывает ли землю, выращивает ли хлеб. Много ли всех людишек обитает по Амуру и на впадающих в него реках. Един ли это народ или разные, говорящие на разных языках. Попытайся составить чертёж реки Амур.

Хабаров выслушал напутствия Францбекова и задумался. Горькие мысли внушал Дмитрий Андреевич. И противоречивые. Ведь неглупый человек этот воевода и напутствия давал толковые, но, кажется, вызваны они не заботами о будущем крае, о людях, о местном населении. Печётся он об исполнителе его воеводской воли, Ерофее Павловиче Хабарове, который, по сути, лишь его постоянное орудие, средство обогащения. А может быть, опустился воевода Францбеков до уровня обыкновенного жулика и казнокрада, и тогда все его дельные напутствия не имеют никакой цены.

10. Поход на Амур

Стояла весна 1648 года с ночными заморозками и следами снежного покрова на тенистых склонах сопок. Караван из двух речных дощаников, вёзших около шестидесяти человек и груз, выходил с Лены в Олёкму. Гребцы сразу почувствовали, как нелегко идти вверх по извилистой реке с быстрым течением. Пришлось увеличить количество гребцов.

Невдалеке от впадения Олёкмы в Лену дощаникам Хабарова повстречалась лодка с промышленными людьми. Хабаров подал сигнал, чтобы лодка с Юрьевым и Оленем и несколькими покручениками остановилась, и пригласил Юрьева, державшегося за старшего, на свой дощаник.

— Откуда путь держите? — спросил Хабаров после того, как они познакомились.

— Зело тяжкий путь проделали, — ответил тот. — Недобрая река Олёкма, быстрая, порожистая. Берега безлюдны. Только редко-редко встретишь тунгусское стойбище или нашего промысловика.

— Далеко ли сплавали?

— До самого Амура-реки добрались. Поднялись вверх по Олёкме, потом по её притоку Тунгиру. Миновали много порогов. А за Тунгирем перешагнули через горный перевал. За перевалом оказались в речушке — не могу сказать, как она зовётся. Плыли по ней недолго и оказались в Амур-реке. Да пришлось скоро поворачивать назад.

— Пошто так?

— Ватага наша мала... Я с Оленем да три покрученика. А на Амуре встретились с многочисленным племенем дауров. Старались держаться с ними мирно, дружелюбно, а всё же почуяли настороженность туземцев, затаённую вражду. Нас-то, сам видишь, малая горсточка, а дауров две или три сотни, а может, и все четыре. Что бы мы могли поделывать супротив целого племени? Вот ночью незаметно и пустились в обратный путь.

— Не присоединился бы к нам, добрый человек? Дорогу к Амуру знаешь. Нам это хорошая подмога.

— Нет уж... За лестное приглашение благодарствую, но все силёнки вымотала проклятая дорога.

— Тогда счастливого тебе пути.

В низовьях Олёкма ещё не представляла больших затруднений для

плавания. Была широка и глубока. Несколько раз на лесистом берегу встречались одинокие промысловики или мелкие ватажки. Некоторые из них охотно присоединялись к отряду Хабарова. Благодаря этому пополнению отряд вырос до семидесяти человек.

Прибрежный пейзаж постепенно менялся. Возвышенные берега превращались в горные склоны и каменистые кручи. Вдали белели хребты, припорошённые снегом. Горные склоны поросли лесом, елью и лиственницей. Плавание по Олёкме оказалось изнурительным. Река была извилистой, с быстрым течением, попадались пороги, перекаты, стремнины.

— Злая река. Нечистая сила в неё вселилась, — ворчал кто-то из гребцов.

Перед наиболее опасными порогами высаживались на берег и тянули дощаники бечевой. На одном из каменистых перекатов судно Хабарова наскочило на острые камни, которые пропороли днище. Дощаник стал быстро наполняться водой. Хорошо ещё, что река здесь была неглубока — люди успели выбраться из него и, вытащив дощаник на берег, занялись его починкой.

Местное население встречалось на берегах Олёкмы очень редко. Вблизи вынужденной остановки отряда оказалось небольшое становище тунгусов, три чума. Рядом с ними паслось оленьё стадо. В отряде Хабарова нашлись люди, свободно говорившие по-тунгусски. С помощью толмачей удалось выяснить, что обитатели трёх чумов исправно платили ясак и относились к русским дружелюбно.

Хабаров договорился со старейшиной становища. В счёт очередного ясака тунгусы снабдили отряд олениной, тем самым пополнив его запасы продовольствия.

После починки повреждённого дощаника и отдыха отряд двинулся дальше на юг. В пути приходилось делать остановки ради промысла, чтобы накормить отряд. К разгару осени, когда ночью река у берегов уже покрывалась ломкой коркой льда, Хабаров со своими спутниками достиг лишь впадения Тунгира в Олёкму. Двигаться дальше вверх по Тунгиру и преодолевать Камень, называющийся теперь Тунгирским хребтом, Ерофей Павлович не решился.

— Как мыслите, мужики, идём дальше или зазимует здесь? — обратился он к отряду.

Мнения разделились. Если верить словам Юрьева, плавание по Тунгиру не слишком продолжительно. Река эта берёт начало в предгорьях Каменного пояса, и путь до Амура не очень долог, хотя зимой труден,

поэтому лишь немногие высказывались за продолжение путешествия. Другие стали возражать и высказываться за зимовку в устье Тунгира.

Ерофей Павлович Хабаров, выслушав всех, сообщил о своём решении:

— Устроим здесь стоянку, срубим избы. Отдохнём, а заодно и напромышляем пушного и пригодного в пищу зверя. Когда пройдут большие морозы, на исходе зимы двинемся дальше на юг. Согласны, мужики?

Никто возражать Ерофею Павловичу не стал. В окрестностях становища оказались две юрты тунгусов-охотников. Хабаров решил воспользоваться возможностью и выведать у тунгусов всё, что им известно о южных соседях. С помощью толмача он стал спрашивать пожилого тунгуса, бывавшего на Амуре.

— Знаешь ли ты, что за народ живёт на большой реке за Каменным поясом? — спрашивал он тунгуса, а толмач старательно переводил.

После долгих расспросов Хабарову удалось выяснить у тунгуса, что ближайший народ, заселяющий берег Амура, — дауры. Позже русским стало известно, что дауры (а по-другому даоры или тагуры) — народ тунгусского племени, но стоящий на более высоком уровне хозяйственного развития. Дауры жили по берегам Амура, ниже слияния Шилки и Аргуни и до устья левого амурского притока Зеи, а также в нижнем и среднем её течении. Обитали они также за Амуром, в Маньчжурии. Ближайшими соседями дауров были дючеры, родственники маньчжурам. Они расселялись ниже дауров, от устья Зеи вниз по среднему Амуру и по правым амурским притокам. Оба народа уже приобщились к земледелию, выращивали рожь и овёс, разводили молочный скот и также интенсивно занимались рыболовством.

Люди Хабарова поставили для зимовья несколько изб. Времени для обнесения их острожной стеной не осталось, это было сделано только после 1650 года, когда поселение на подступах к Амуру было превращено в опорный пункт, в котором мог содержаться военный отряд.

Незначительное тунгусское население, обитавшее по Тунгиру и поблизости, относилось к русским людям дружелюбно, поэтому Хабаров и не спешил обносить избы стеной, устраивать здесь укреплённый острожек.

В разгар зимы отряд Хабарова покинул зимовье и двинулся вперёд, к верховьям Тунгира. Лодки с грузом поставили на нарты и тянули бечевой. Дощаники, суда вместительные, никак не могли бы уместиться на обычных нартах. А участники похода сопровождали нарты пешком.

В таком виде отряд достиг верховий небольшой речки Урки или Уры, впадавшей в Амур. Весь путь до Амура занял десять дней. От тунгусов

Хабарову было известно, что здесь начинались владения даурского князька Лавкая.

Первый даурский городок, поставленный на берегу Амура, оказался пуст. Хабаров и его спутники с большим интересом знакомились с городком, убедившись, что покинут жителями он был совсем недавно и, вероятно, в спешке.

Даурский городок представлял собой крепость двадцать сажень в длину и четырнадцать — поперёк. Стены городка были сделаны из жердей, щели между которыми с обеих сторон замазаны глиной. Хабаров пришёл к заключению, что такая крепость защищает только от стрел, а из пищали её «можно прострелить на обе стороны». В крепости было пять башен, а вокруг неё шёл ров глубиной почти в рост человека. Под всеми башнями имелись тайники — подлазы, ведущие к воде.

Хабаров со спутниками, осмотрев городок, решили продолжать путь, надеясь догнать дауров. Места расстились кругом слегка каменистые, открытые, иногда в заснеженную унылую степь вклинивались берёзовые рожицы и ивняк. Тайга начиналась севернее, в предгорьях. Пейзаж резко менялся в дельте Амура, окаймлённого здесь лентой пышной растительности. В ней выделялись толстоствольные тополя, которые могли обхватить лишь несколько человек, взявшись за руки.

Миновали другой даурский городок, также покинутый его обитателями. Покинутым оказался и третий городок. Усталость от тяжёлого пути заставила Ерофея Павловича остановиться здесь на отдых. Для охраны городка Хабаров выставил на башнях караулы. Один из караульных заметил пятерых всадников, которые, подъехав к городку, остановились на некотором отдалении от него.

Хабаров, сопровождаемый тунгусом-толмачом Логинком, решил пойти навстречу всадникам для переговоров. Некоторые из отряда, особенно брат Никифор, пытались отговорить его.

— Рискуешь, Ерофей. Надо ли дразнить гусей? — говорил он ему.

— Покажем даурам, что мы пришли с миром, — спокойно ответил Ерофей Павлович и поскакал к группе дауров. На одной из стоянок ему удалось разжиться лошадью, брошенной даурами при бегстве.

— Кто вы такие, добрые люди? — обратился он к всадникам.

— Я — Лавкай, — назвал себя один из всадников, державшийся начальственно. — А это мои братья Шилгиней и Гильдиг, зять Албаза. А это холоп мой, имя его не имеет значения.

— А я — Ерофей Хабаров, промышленный и торговый человек со своими людьми. Пришёл к тебе, Лавкай, с миром и дружбой. Объясни мне,

почему твои люди бегут от меня. Разве я сделал тебе что-нибудь плохое? Разве обидел чем-нибудь тебя и твоих людей?

Лавкай пустился в пространные объяснения, говорил, что с приамурскими народами соседствуют воинственные маньчжуры. Их крупные и хорошо вооружённые отряды время от времени совершают нападения на Приамурье, угоняют пленных, в том числе женщин и детей. Захваченные в плен мужчины использовались в маньчжурских войсках в качестве землекопов, носильщиков, конюхов. Часть же местного населения при набегах маньчжур безжалостно ими истреблялась. Дауры не раз пытались оказывать сопротивление врагу, но силы оказывались слишком неравными. Маньчжурское войско отличалось большой численностью, хорошей организацией, вооружением, которого у дауров ещё не могло быть. Приамурские народы старались откупаться от маньчжуров, предотвратить их набеги с помощью щедрых даров в виде ценных мехов и других ценностей. В Мукден к Цинскому двору направлялись посольства с дарами с целью задобрить тамошних военачальников и избежать новых военных походов. Но такие дары и посольства оказывались временной мерой, и через некоторое время походы повторялись.

Приамурье к середине XVII века не входило в состав Цинского государства, не являлось его вассалом, а лишь периодически становилось объектом его набегов. К сороковым годам XVII века маньчжуры утратили интерес к Приамурью, так как все их агрессивные устремления обратились теперь на центральный Китай. Они вторглись в Китай в 1644 году, захватили Пекин, свергли царствующую династию Мин, переживавшую в то время глубокий политический кризис, и установили власть маньчжурской династии Цин.

Плохо осведомлённые о характере политики русских на Дальнем Востоке, Лавкай и его сородичи ошибочно отождествляли русских с маньчжурами. Даурский князёк полагал, что Ерофей Хабаров стоит во главе передового разведывательного отряда, за которым стоят крупные силы русских, готовые предпринять грабительский поход, какие не раз предпринимались маньчжурами. Ещё даурских предводителей насторожили слова русского промышленного человека Ивана Квашнина. Он побывал на Амуре и встречался с Лавкаем за несколько недель до приезда Хабарова и его людей. Квашнин, судя по всему, предостерег даурских князьков о возможном нашествии большого отряда русских. Лавкай и его родные были напуганы этим сообщением, ожидая, что отряд Хабарова, подобно маньчжурам, займётся грабежами и расправами над местным населением.

Возможно, Иван Квашнин руководствовался личной неприязнью к

Хабарову. И такое могло быть. А может быть, у Квашнина не было хорошего толмача, и потому его речь оказалась непонятна или не вполне понятна князькам. Питая неприязнь к чужеземцам, меряя всех на «маньчжурский аршин», Лавкай мог истолковать слова русского промышленника на свой лад. Скорее всего, дело могло обстоять именно так.

Ерофей Павлович прилагал все усилия, чтобы убедить Лавкаю, что Квашнин распустил ложный слух, которому дауры верить не должны. Он уверял, что никто им не грозит, и дауры должны возвратиться в свои жилища и жить мирно. Хабаров убеждал Лавкаю в том, что даурам для их же блага надо принять русское подданство и регулярно платить Москве ясак. А за это, мол, государь дарует всем даурам надёжную защиту и покровительство, коли нависнет новая угроза со стороны маньчжур.

Лавкай пустился в пространные рассуждения, дал уклончивый ответ, по существу означавший несогласие выплачивать ясак. С этим всадники и ускакали. Лавкай несколько раз оглянулся, посмотрев на Хабарова, выразив тем самым недоверие к нему.

Ерофей Павлович продолжал размышлять над словами Ивана Квашнина, якобы сказанными Лавкаю. Клеветать на русских и, в частности, на Хабарова, ему не было ни малейшего резона, ведь они даже никогда не встречались. Хабаров, подумав, решил: всё произошло из-за того, что промышленник и Лавкай не поняли друг друга, и князёк, испугавшись русских, которые якобы грозятся военным походом, увёл своих людей.

Решение, принятое Хабаровым, заключалось в том, чтобы преследовать и нагнать Лавкаю, а затем убедить его возвратиться в прежнее поселение, обитать там спокойно и платить ясак. Через день пути отряд достиг пятого городка, так же как и другие, покинутого людьми. В нём люди Хабарова обнаружили одну-единственную престарелую женщину, которая назвалась Моголчак. Она оказалась сестрой Лавкаю и женой Шилгина. Видимо, Моголчак не смогла последовать со своими сородичами, поскольку была слаба и слишком стара. Однако женщина оказалась разговорчивой, с живым, острым умом и сообщила Хабарову немало полезных сведений.

Старая даурка вспомнила, что в дни её молодости маньчжуры совершили свой набег на даурские земли и многих её соотечественников увели в плен. Оказалась и она пленницей. Увели её куда-то далеко от Амура, и она очутилась в большом городе с каменными стенами и башнями, богатыми домами и шумными базарами. Один из богатых домов

принадлежал князьку Богдаю, который командовал походом в даурские земли. Он и увёл Моголчак в свой город. Далеко не сразу она была выкуплена братом и мужем и смогла вернуться на родину.

От Моголчак Хабаров узнал, что Лавкай считается «лучшим», т.е. старшим или главным, среди даурских князьков. Он ушёл со всеми своими людьми и членами семьи в улусы своих братьев, Шилгиня и Гильдига. У всех трёх наберётся до тысячи всадников. Получив эти ценные сведения и призадумавшись над ними, Ерофей Павлович собрал своих людей.

— В нелёгком положении мы с вами оказались, други, — обратился он с такими словами к отряду.

— Пошто оно нелёгкое? — спросил кто-то из казаков.

— А вот пошто... посудите сами. У нас всего семьдесят человек в отряде, а у Лавкай тысяча всадников. Силы-то неравные. Можно ли при таком неравенстве рассчитывать на победу?

— Нет, конечно, — отозвался Никифор, ставший теперь казаком.

— А мы ещё надеемся на победу над непокорными людишками, чтоб привести их под высокую государеву руку, брать их крепостцы. Выходит, отрядик в семьдесят человек станет страх наводить на тысячу человек. Не безрассудные ли это помыслы? Что скажете?

— Истинно говоришь, Ерофей, — сказал кто-то.

— Истинно, — раздались голоса.

— Вот и выбирайте. Либо уведём наш отряд в Якутию из-за неспособности решить задачу. Либо найдём, как увеличить наше воинство, и продолжим дело.

— Не возвращаться же на Лену с пустыми руками, — воскликнул Никифор.

— Тогда отходим в первый Лавкаев городок, — сказал Ерофей Павлович, — укрепим его. И можем ждать нападения превосходящих сил. Основные силы останутся там, в городке. А я с малыми силами отправлюсь в Якутск за подмогой.

Все согласились с планом Хабарова, и отряд отправился к верхнему городку, которому надлежало стать опорным пунктом.

Зима была на исходе. Днём начинало припекать солнце, и на снегу кое-где образовывались лужицы. Ерофей Павлович, взяв восемнадцать человек, направился в Якутск. На Амуре осталось пятьдесят два человека под предводительством Дружины Попова.

Хабаров со своей частью отряда решил пройти на лыжах до прежней стоянки на реке Тугирь, где были оставлены дощаники. Преодолели перевал через Камень и спустились к верховьям Тугири. Там встретилось

тунгусское стойбище из двух юрт. В стойбище Ерофей Павлович нанял несколько оленьих упряжек, которые и доставили его небольшой отряд к впадению Тугири в Олёкму.

В числе спутников Ерофея Павловича оказался его бывший покрученик Влас Галямин, обрабатывавший участок земли на Киренге. В прошлом это был искусный плотник-корабел. Хабаров поручил ему осмотреть оба дощаника и выбрать более надёжный для дальнейшего плавания. На поверхности реки то тут, то там чернели полыньи. Лед, сковывавший реку, становился хрупким и ненадёжным. Ерофей Павлович принял решение дожидаться того момента, когда река вскрыется ото льда и можно будет продолжать путь уже по воде. Влас тем временем занялся мелкой починкой дощаника. Не отыскались вёсла. Видимо, кочующие тунгусы воспользовались вёслами как дровами и сожгли их на костре. Пришлось срубить листовенницу и вытесать из неё новые вёсла.

Река очистилась ото льда в начале мая. Тогда, разместившись на дощанике, и тронулись в дальнейший путь. Всю дорогу Хабаров вёл беседы со спутниками, подготавливая их к встрече с воеводой.

— Уразумели, мужики, какова цель нашей поездки в Якутск, к воеводе Францбекову? — спросил он.

— Известное дело... Подмоги просить будем, — отозвался Галямин.

— Воеводу мы должны убедить, что нам нужна солидная подмога. Зело нужна. Без неё дауры и дючеры, подстрекаемые маньчжурами, передуршат нас, яко слепых котят.

— Ты уж, Ерофей Павлович, проси доброй подмоги. Воевода тебя послушает, — высказался кто-то из служилых.

— Поход наш будет успешным и даст нам возможность закрепиться на Амуре, коли привлечём в отряд как можно больше людишек. Пока же, сами зрите, силёнок у нас маловато. А чтоб заинтересовать Францбекова в Амурском крае, расхваливайте его на все лады, коли доведётся вести разговор с воеводой, его помощниками или с кем-нибудь из его окружения.

— Да уж постараемся, — согласился Галямин.

— Расхваливайте край на все лады. Он и в самом деле того стоит. Пусть воевода уразумеет, что Амурский край принесёт ему великие выгоды.

Вот и Якутск. Показались стены острога, купола церквей. Казаки, основавшие Якутский острог в 1632 году на правом берегу Лены, избрали для него неудачное место. В половодье река затопляла посад, подбиралась к самым стенам и башням острога. Десять лет спустя Якутский острог был перенесён на левый, более возвышенный берег, меньше страдавший от

паводков. С тех пор прошло совсем немного времени — каких-нибудь семь-восемь лет, — но какие же перемены произошли.

Острог с посадом раздался вширь, внутри него выросли роскошные воеводские палаты с гульбищем и большим собором. За пределами острожных стен появились новые лавки купцов, расширился гостиный двор, посад украсила церковь. Город строился и рос вширь, и теперь его чаще называли Якутском, а не Якутским острогом.

О прибытии Хабарова стражник доложил воеводе. Францбеков сам вышел на гульбище и воскликнул:

— С чем прибыл, Хабаров? Надоел Амур? Просишься обратно на Киренгу?

— Шутить изволишь, батюшка. К Амуру я привязан всей душой.

— Это хорошо, коли всей душой. Тогда идём ко мне. Расскажешь о своих делах.

— Дозволь двоих людишек взять с собой. Коли чего запомнят, они подскажут.

— Забирай и людишек.

Вместе с Хабаровым поднялись в палаты воеводы Влас Галямин и Харитон Шаронов. Палата, куда их привели, скорее напоминала кабинет священнослужителя высокого ранга — в углу целый иконостас, множество лампад, запах свечного нагара, а на рабочем столе воеводы — раскрытое Евангелие. Выкrest Францбеков слишком настойчиво старался продемонстрировать свою религиозность.

— Так с чем прибыл, Хабаров? — повторил свой вопрос воевода, усаживаясь за стол в мягкое кресло и жестом приглашая Хабарова и его спутников занять места на скамье.

— Сперва хотел бы, батюшка Дмитрий Андреевич, о крае, откуда мы прибыли, без утайки поведать. Зело богатый и пригожий край.

— Рассказывай.

— Луга с высоченными травами, кои человека с головой скроют. Хлеб на полях может уродиться всякий. И ячмень, и просо, и горох, и конопля. И ещё всякие известные только местным жителям полезные растения, нам неведомые.

— А не врёшь, Хабаров?

— С чего бы мне врать? Поклянусь перед образами.

— Коли поклянёшься, тогда верю. Как полагаешь, приамурская земля сможет обеспечить хлебом Восточную Сибирь?

— Сможет при одном непременно условии.

— Каково же это твоё условие?

— Коли Амур заселим русскими хлебопашцами.

— Подумать над этим надо. Ты мне лучше скажи, как там с добычей соболя и прочего пушного зверя?

— Соболя на Амуре отменный, лучше Ленского. Да и всякого другого пушного зверя там много. Верно я говорю?

Последние слова были обращены к спутникам Ерофея Павловича. Те поддакнули:

— Истинно глаголешь, Ерофеюшка, — подтвердил Галямин.

— Истинно, — как эхо повторил Шаронов.

— И рыбой всякой Амур богат, — продолжал Хабаров. — Как наша Волга-матушка или даже побогаче Волги. Особенно осётра в Амуре много. И ещё хотел бы обратить твоё внимание, воевода...

— Говори, на что я должен обратить внимание.

— Путь от Лены до Амура долог и нелёгок. Реки Олёкма и Тугирь порожисты. На порогах и перекатах дощаники ломаются. Недурно бы на середине сего пути, там, где Тугирь сливается с Олёкмой, поставить острожек с отрядом.

— Напиши своё предложение да обоснуй его. И ещё скажи мне, кто южные соседи приамурских народов?

— С уверенностью сказать о них ничего не могу, лишь кое-что от дауров ведомо. Зовут этих соседей как-то на свой лад. Над амурскими народами они не властвуют, но в прежние времена совершали набеги на дауров и дючеров, грабили их, уводили в полон. Народы Амура нуждаются в нашей защите от таких набегов, грабежей. Довелось мне беседовать с даурской бабой, женой князька. Её во время давнего набега южные люди взяли в полон и увезли на юг. Та баба по имени Моголчак рассказывала, что у тех южных людей большое войско с огненным боем. А привезли они пленницу в большой город с каменными стенами и многолюдными базарами. Потом родные выкупили женщину из полона и вернули к мужу.

— Тебя послушаешь, так выходит, что Амурская земля зело изобильна, — перебил Хабарова Францбеков. — И это изобилие щедротами своими поможет бытию Сибири.

— Ты верно меня понял, воевода.

— Что же тебе нужно от меня?

— Подкрепление. Вот полюбопытствуй. Это чертежи верхнего Амура, их я начертил, пройдя с отрядом весь этот путь. Здесь и даурские крепости, в коих содержалось воинство, отмечены.

Хабаров протянул Францбекову листок из мятого местами пергамента.

— Значит, ждёшь от меня подкрепления? — испытующе спросил

Францбеков. — Великое ли подкрепление ждёшь?

— Чем больше, тем лучше.

— Ишь ты... Подумаем. Посоветуемся с людьми, — услышал уклончивый ответ Ерофей Павлович.

После этого разговора Ерофей Павлович ещё несколько раз встречался с воеводой. Уже при первом разговоре воеводе стало ясно, что амурский отряд нуждается в серьёзном пополнении, но принять скорое решение в чиновной среде считалось признаком дурного тона. Воевода старался создать видимость, что он серьёзно думает, как поступить, обсуждает проблему с окружением, и вот наконец он сообщил Хабарову:

— Обсудили, обмозговали. Твоё предложение принимаю. С тобой отправляются на Амур два десятка служилых людей во главе с казачьим десятником Третьяком Еромолиным.

— Двадцать человек... Всего-то? Это же очень мало, — почти с отчаянием в голосе воскликнул Хабаров.

— Постой, я ещё не всё тебе сказал. Получишь три пушки: одну медную и две железных с запасом пороха и свинца. Понимаю, два десятка человек — тебе малая подмога, поэтому даю тебе полную свободу и рук твоих никак не связываю. Набирай сам покручеников, служилых людей.

— Ещё нижайше попросил бы тебя, Дмитрий Андреевич, поверстай в казаки достойнейших из моего отряда, — попросил Хабаров.

— Тебе-то какая выгода от этого?

— Самая прямая: человека принимают на государеву службу, жалуют казаком, он получает право получать государево жалованье. А это поощрение.

— За кого просишь?

Хабаров назвал целую группу людей из своего отряда.

— Слишком много. Поумерь аппетит, Ерофей, — возразил воевода.

Спорили долго и, в конце концов, сошлись на цифре двенадцать. Францбеков предложил Хабарову составить на каждого из этих двенадцати послужной список с подробным описанием службы на Амуре. Воевода направил в Сибирский приказ свою отписку, в которой сообщалось о поверстании в казачью службу двенадцати промышленников из отряда Хабарова.

Увеличение числа служилых людей (казаков) в отряде Хабарова меняло его статус. Теперь отряд рассматривался как находящийся на государственной службе. В официальных документах он назывался «войском», то «полком». А Ерофей Павлович как служилый человек стал называть себя «холопом государевым».

— Сообщи всем повёрстанным в казаки и зачисленным в новый отряд, что все они получают государево жалованье, — сказал Хабарову Францбеков.

— Могу ли полюбопытствовать, велико ли жалованье?

— В год платится пять рублей, пять четвертей ржи и полтора пуда соли. Так установил государь. Сожалею, что в нашем воеводстве казна не располагает ни хлебом, ни деньгами. Вот ведь какая оказия.

— Тогда как же с жалованьем?

— Не волнуйся. Что-нибудь придумаем.

И воевода придумал. Он обязал нескольких торговых людей продавать хлеб по казённой, заниженной цене, которая составляла полтинник за пуд, в то время как на рынке, в свободной продаже, цена пуда ржаного хлеба достигала одного рубля. Торговые люди роптали, открыто выражали недовольство, старались припрятать хлеб. Часть собранного таким путём хлеба купил Хабаров, которым стал обеспечивать вступающих в отряд добровольцев, привлечённых рассказами о богатствах Приамурья.

В откровенном разговоре с Хабаровым Францбеков напомнил о большом и всё возрастающем долге Ерофея Павловича.

— Слишком велики расходы. Не вижу возможности в ближайшее время покрыть долги, — пожаловался должник.

— А я научу тебя, как поступить, — проницательно произнёс воевода. — Получил ты из казны потребное имущество?

— Получил в качестве ссуды судовые снасти, холсты для парусов, сукно, топоры, косы, серпы, пищали, ружья, свинец...

— Можешь не продолжать. Знаю, что ты получил. На какую общую сумму? Подсчитал?

— Сумма зело велика. Превыше четырёх тысяч восьмисот пятидесяти рублей.

— Часть этой суммы ты внёс мне сразу в счёт долга. А оставшуюся часть, большую, обязался заплатить через полгода. А недавно ты ещё занял у меня две тысячи девятьсот рублей, дав обязательство вернуть занятую у меня сумму и ещё пятьсот процентов от долга годовых. Вот и выслушай мои наставления... Как тебе расплатиться со мной, покрыть все долги, чтоб самому не остаться в убытке и мне убытка не нанести. Ведь ты у меня не один должник. А на мои плечи взвалено целое воеводство.

— Слушаю тебя, воевода. Посоветуй, как мне поступить?

— А вот как: распродай участникам похода оружие, снаряжение, другое имущество, и не по той цене, что всё обошлось тебе, а подороже. И с долгами расплатишься, и тебе хороший куш останется. Людям твоим

деваться некуда. Купят оружие, снаряжение и по высокой цене.

Ерофей Павлович в глубине души осуждал Францбекова: не пристало промышленному человеку превращаться в ростовщика-хапугу и наживаться за счёт товарищей. Но что делать? Где другой выход? Ведь надо что-то предпринять, искать выход из долговой кабалы, и Хабаров серьёзно задумался над предложением воеводы.

Из челобитной на имя царя нам известно, что Ерофей Павлович смог набрать дополнительно к тем людям, которые остались в Даурии, и к тем, которые сопровождали его с Амура на Лену, ещё сто семнадцать человек «вольных охочих людей». Все они были обеспечены одеждой, обувью, вооружением и продовольствием.

Перед отправкой пополнения на Амур Францбеков снабдил Хабарова наказной памятью, дававшей инструкции, как в дальнейшем действовать на Амуре. Лавкаев городок должен был стать укреплённым опорным пунктом «с огненным боем, пушками на башнях». Из этого опорного пункта должны высылаться к даурским князькам сборщики ясака.

Одна из основных задач, ставившихся перед Хабаровым, заключалась в том, чтобы принимать в российское подданство «иноземцев» мирными средствами или «ласкою» (по выражениям того времени). Предусматривалось обложение их посильным ясаком, какой не был бы местному населению в тягость. Лишь в крайнем случае, когда население проявляло неповиновение или вооружённое сопротивление и «ласка» оказывалась недейственной, рекомендовалось применять крайнее средство — вооружённое воздействие.

Парадоксально выглядит поручение Францбекова Хабарову, который должен был привести в российское подданство князя Богдая. Якутское воеводство, да и Сибирский приказ не были осведомлены о том, кто такой Богдай, какова его власть, на какую территорию она распространяется. Хотя предполагалось, что речь шла о правителе более сильном и влиятельном, чем даурские князьки Лавкай, Шилгиней и прочие.

Францбеков видел возможность послания к Богдаю кого-либо из служилых людей и принятия Хабаровым послов от Богдая. Целью такого обмена миссиями было бы принятие этого правителя в подданные русского государя. Во время таких переговоров Хабарову предлагалось разъяснять его мирные цели прихода на Амур и «не для бою, а для призыву» местного населения прийти под руку Москвы.

Ерофей Павлович Хабаров прошёл у Францбекова инструктаж о соблюдении церемониала при переговорах с иностранными представителями. Особенное внимание уделялось произнесению

громоздкого и многословного царского титула. Исказивший умышленно или неумышленно титул московского царя подвергался жестокой каре. По просьбе Хабарова весь царский титул был записан для него в порядке памятки.

Рассказ Хабарова о его первом походе в Даурию был с его слов записан в воеводской избе и тщательно отредактирован дьяком Степановым и самим Францбековым и в качестве приложения к отписке воеводы отправлен в Москву весной 1650 года. Тогда же было направлено и сообщение об организации расширенной экспедиции на Амур.

В Сибирский приказ якутская почта от Францбекова пришла в следующем, 1651 году. Ею заинтересовался Алексей Никитич Трубецкой, крупный российский государственный деятель и дипломат середины XVII века. Трубецкой отдавал себе отчёт, что недавние события 1651 года, новгородское и псковское восстания, произвели на царя и его окружение неприятное впечатление и бросили тень на политику Московского государства. Деятельность Хабарова на Амуре заслужила одобрение властей и оказала иное влияние на общественное мнение. Руководитель Сибирского приказа даже удостоился похвалы царя Алексея Михайловича.

В отсутствие Хабарова, пребывавшего в Якутске, на Амуре произошли следующие события. Ерофей Павлович оставил в Лавкаевом городке пятьдесят двух человек. Весной и летом Дружина Попов высылал отсюда группами промысловиков для сбора ясака. Собирая ясак они призывали дауров принять русское подданство.

На первых порах эти призывы возымели своё действие, чему способствовал и захват аманатов. В начале июня прислал ясак в сто двадцать соболей брат Лавкая князёк Шилгиней. Его жена и сын были захвачены русскими в качестве аманатов, что и заставило Шилгиней быть таким покладистым и уступчивым. Вернулся в покинутые им четыре городка и князёк Лавкай. Он также решил откупиться от русских и послал им двенадцать соболей и соболью шубу. Его примеру последовал и князец Ал база, тоже приславший ясак. Всего отряду Попова в отсутствие Хабарова удалось собрать четыре сорока соболей, не считая соболяминой шубы.

В Лавкаевом городке русские обитали до первого сентября. Затем отряд переместился в другое место, расположенное невдалеке от даурского городка, владельцем которого был зять Шилгиней, князёк Албаза. По его имени русские называли городок Албазином. Это перемещение было вызвано стремлением Попова занять более выгодную со стратегической точки зрения позицию и возможностью контролировать улус Албазы.

Население этого улуса считалось по тем временам многолюдным. Оно насчитывало до 300-400 человек. Вскоре Албаза убедился, что отряд русских вовсе не так многочислен, как он думал, и изменил свою позицию. Когда Попов потребовал от него очередной выплаты ясака, князёк наотрез отказался от выплаты и даже стал угрожать русским. Отряд Попова приготовился к нападению дауров. Невдалеке от Албазина русские поставили острожек из одной избы с четырьмя бойницами и соорудили передвижной щит для защиты от вражеских стрел. Когда к острожку стали подступать толпы дауров, Попов распорядился оставить в острожке несколько человек для прикрытия тыла, а остальные его люди стали приближаться к наступающей толпе дауров, прикрываясьдвигающимся щитом. Однако русским не удалось избежать потерь: четверо из отряда были убиты. Русским пришлось отказаться от наступательных действий. Слишком велика была разница в силах. Кроме того, на подмогу Албазу прибыли дауры из соседних улусов. Русские во главе с Дружиной Поповым оказались осаждёнными превосходящими силами дауров и вынуждены были отсиживаться в остроге, занимая круговую оборону. Запасы продуктов у защитников острога были на исходе, надвигался голод. Осаждённые проявили всю хитрость и умение, чтобы, отвлекая внимание противника, послать лазутчиков навстречу Хабарову. Ерофей Павлович со своим отрядом в это время находился на подступах к Амуру.

Знакомый путь казался Хабарову коротким и не таким сложным — Лена, Олёкма, Тугирь, волок через Камень, амурский приток Урка и, наконец, Амур, широкий и многоводный. Даже коварные пороги и перекаты на пройденном пути уже не казались Хабарову такими коварными и опасными.

Ерофей Павлович торопился на Амур, с тревогой подумывая о судьбе оставленного под началом Дружины Попова отряда. Тревожные мысли усилились, когда в опустевшем Лавкаевом городке Хабаров и прибывшие с ним люди не встретили никого из отряда Попова.

«Неужели мы опоздали, и отряд Попова перебит даурами», — с тревогой подумал Хабаров. Отчётливо сознавая, что оставленные на Амуре товарищи нуждаются в незамедлительной помощи, он старался не задерживаться в пути, а в Якутске, как мог, поторапливал воеводу в решении неотложных дел. В результате его пребывание в Якутске затянулось на месяц с небольшим. Преодолевая путь по Лене и Олёкме на вёслах, идя против течения, Хабаров поторапливал гребцов, старался чаще менять их. Чтобы ускорить прибытие на Амур, он решил избавиться от тяжёлого груза и части отряда: на Олёкме оставил громоздкие дощаники,

пушки, пищали, запасы пороха и с ними сорок человек во главе со служилыми людьми Степаном Поляковым и Минулаем Юрьевым. И вот с частью отряда, налегке, Хабаров достиг Лавкаева городка.

— Неужели опоздали? — спрашивали друг друга люди.

Мысли Хабарова сработали молниеносно. Он разослал несколько мелких летучих отрядов в разных направлениях, чтобы разведать — нет ли где русского отряда, если вообще кто-то из него остался цел.

— Увидите скопление дауров, в бой не вступайте, — напутствовал он людей, — поспешно отходите. По возможности захватите пленника.

Влас Галямин, который уже успел побывать с Хабаровым на Амуре, отправился в сторону Албазина. Местность Галямину уже была знакома. Через некоторое время он и его напарник вернулись, прихватив с собой пленника, отставшего от ватаги дауров.

— Похоже, басурмане осадили острожек с русскими, — доложил он Хабарову.

— Похоже, ты смахиваешь на Илью Муромца. И что из того? А точнее? — с издёвкой произнёс Ерофей Павлович.

— Раньше-то никакого острожка здесь, в двух шагах от Албазина, не было. И срублен он, как у нас принято. Порасспросить надо бы пленника.

— Порасспросим, — согласился Хабаров. — Давай сюда толмача Коську.

Толмач Константин Иванов перевёл слова пленника, сообщившего, что в остроге уже давно обороняются русские, осаждённые великим полчищем дауров.

— Выступаем в поход, братцы, — скомандовал Хабаров. — Там Попов с людьми нашими. Идём им на выручку.

Пленник, малорослый и худосочный мужичонка в обтрёпанной одежке, по внешнему виду никак не мог принадлежать к даурской знати, и в самом деле, как оказалось, он был рабом знатного представителя родовой верхушки. Толмача, который владел языком тунгусов, родственным, но сильно отличающимся от языка даурского, он понимал с большим трудом.

— Спроси у басурманина, много ли дауров стоит под русским острожком, — сказал толмачу Ерофей Павлович.

Пленник не понял вопроса и растерянно молчал, наконец толмачу удалось растолковать дауру, о чём его спрашивают, и тот испуганно забормотал, что под русским острожком стоит много даурских людей, очень много. Люди от разных князьков. Они собираются поджечь острожек и всех русских перебить.

Отряд Хабарова двинулся в направлении острожка, окружённого со всех сторон высокими зарослями камыша и кустарника. В таких зарослях было удобно прятаться нападавшим и незаметно подползать к самым стенам острожка. Когда в зарослях стали мелькать фигуры дауров, Хабаров дал команду открыть огонь из ручниц-самопалов и карабинов.

— По людишкам не стреляйте. Палите в воздух, — предупредил Хабаров.

— Почему же не по людишкам, коли стервецы, нехристи?.. — спросил кто-то.

— Сказано, по людям не стреляйте. Понятно вам? — резко прокричал Хабаров. — Мы должны припугнуть их и образумить... Эти басурмане ещё будут нам нужны как подданные московского царя.

Стрелки дали два залпа в воздух, вызвав в рядах дауров великое смятение. Люди побежали прочь от острожка, вопя с перепуга. Нашёлся один из князьков, попытавшийся остановить бегущих. Он хватал их за рукава, за полы одежды и ругал на чём свет стоит, но его никто не хотел слушать. Тогда побежал и он.

К Хабарову подошёл толмач из казаков, задержавший пленника.

— А что прикажешь сделать с этим, прости его Господи? — спросил он, указывая на пленника.

— Пулю ему в башку и делу конец, — бросил воинственно настроенный пожилой казак.

— За такие непотребные словеса, коли услышу от тебя ещё раз, прикажу батогоми отходить, — одёрнул его Хабаров.

— Да я ведь, Ерофей Павлович, пошутил, — ретировался казак.

— Шути да знай меру, — ответил Хабаров внушительно и обратился к толмачу. — А пленника отпусти на все четыре стороны. Пусть идёт к своим и передаст им: мы де не с войной пришли, а с миром. И негоже князьки поступают, негостеприимно. Сможешь это сказать пленнику?

— Попытаюсь.

Дауры ушли от острожка вниз по Амуру и быстро растворились в дальних просторах. Осаждённые, изголодавшиеся и исхудавшие, вышли из острожной избы. Кое-кто даже прослезился. Кто-то запросил: «Хлебца бы, братцы...» Дружина Попов не удержался и бросился к Хабарову, чтобы обнять его.

— Вовремя пришёл на помощь нам, Ерофей Павлович. Мы уж всякую надежду на спасение стали терять.

— А вот это напрасно. Надежду никогда не следует терять, даже если вам придётся тяжело, зело тяжело, — ответил на это Хабаров.

Ерофей Павлович дал команду щедро накормить голодных людей, вызволенных из осады.

Исследование подлинных источников позволяет установить, что никакого боя у стен русского острожка вблизи Албазина с приходом отряда Хабарова не происходило. Дауры, осаждавшие острожек, завидев русский отряд и напуганные залпами в воздух, не решились вступать в бой и в панике разбежались. Вот, например, одно из свидетельств на сей счёт, оставленное служилым человеком Иваном Седельниковым: «И пришёл к Албазину Ярко Хабаров. И увидел Албаза государевых людей и из Албазина побежал, городок покинув. И они с Яркой в Албазин вошли». Здесь, как мы видим, нет ни слова о военном столкновении. Острожек осаждали не только люди Албазы, но и дауры некоторых других князьков. Все они были обращены в бегство.

Совершенно иную картину рисует воевода Францбеков в своей отписке царю Алексею Михайловичу. По его словам, отряд Хабарова овладел Албазином в результате кровопролитного боя, стоившего даурам многих убитых. Это явное преувеличение, по всей вероятности, вызвано стремлением воеводы похвалиться перед царём.

Обратив противника в бегство, Хабаров разместил отряд в Албазине. Вместе с тем он организовал погоню за бежавшими вдоль Амура даурами. За ними отправилась группа охочих промышленных людей под предводительством Третьяка Чечина и Дуная Трофимова. На следующее утро отряду удалось настичь дауров у городка, принадлежавшего князьку Атую. Но при приближении русских дауры подожгли городок и, оседлав коней, ускакали дальше по Амуру, при этом второпях бросили большое стадо домашнего скота, доставшееся русским. Стадо в качестве добычи пригнали в Албазин.

Никакого столкновения с даурами здесь тоже не происходило. Однако, упоминая об этом эпизоде в отписке в Москву, Францбеков снова бахвалился военными подвигами, утверждая, что при преследовании дауров произошёл бой, в котором «много даурских людей побито». Документы более надёжные, чем отписка Францбекова, опровергают факт столкновения русского отряда с даурами.

Наступила зима 1650—1651 года. Хабаров разместил свой отряд в Албазинском городке, построенном по тому же образцу, как и Лавкаев городок. За его стенами находились жилые юрты и хлебные склады с большими запасами. В Албазине отряд провёл семь месяцев. Постепенно, терпеливо Хабаров налаживал отношения с даурскими князьками, убеждая их принимать российское подданство и платить ясак. Для его сбора Ерофей

Павлович высылал в даурские поселения небольшие группы сборщиков. Не забывал он при этом задабривать князцов и старост поселений подарками, всячески подчёркивая свою заинтересованность в установлении добрых, дружественных отношений с ними. При каждом удобном случае Хабаров и его ближайшие помощники напоминали даурам, особенно их князцам, что русские могут быть единственной для даурского народа реальной защитой от набегов воинственных южных соседей.

Зимой 1651 года по велению Хабарова группа его сподвижников направилась на запад. В составе группы были служилый человек Третьяк Чечигин, есаул Василий Поляков, толмач Константин Иванов и с ними десять промышленных людей. Группа достигла того места, где сливаются воедино Шилка и Аргунь, образуя Амур, а потом, поднявшись вверх по льду Шилки, побывала в местах расселения дауров и тунгусов, которых удалось убедить принять российское подданство и дать в аманаты своих людей. При их посредничестве была сделана попытка склонить к принятию русского подданства даурского князца Дасаула и тунгусского — Гантимура.

Направлял Хабаров своих людей и в улусы Лавкая, Албаза и Шилгиня. Непростые отношения с этими князьками постепенно наладились. От них поступали аманаты.

Главным занятием отряда в зимнюю пору был соболиный промысел. Рядовые промысловики из отряда Хабарова надеялись, что за верную службу их рано или поздно поверстают в казаки, и они станут не просто вольными охочими людьми, а служилыми казаками на государевом жалованье, что значительно улучшит их материальное положение.

Зимой Ерофей Павлович также был занят строительством Тугирского острожка, который мог послужить промежуточной базой на пути из Якутска на Амур. Хабаров привлёк в качестве строителей два десятка промышленников. Место для острожка было выбрано на реке Тугирь, притоке Олёкмы. До Тугирского острожка можно было плыть на речных дощаниках. Здесь дощаники оставляли, так как для дальнейшего пути на Амур они становились слишком громоздкими. В летнюю пору в острожке пересаживались на лодки и в них продолжали путь по верхней Тугири, перетаскивали лодки вручную через перевал и, спустившись с него, попадали в бассейн Амура. Если на Тугири путников заставала зима, то дальнейший путь они преодолевали на лыжах.

— Хорошо бы заселить берега Тугири пашенными крестьянами. Для начала направить бы сюда десятка два семей, — делился Хабаров со своими близкими.

Иногда он принимался подсчитывать, сколько он остался должен

Францбекову. Долг был всё ещё велик, даже возрастал. В счёт его погашения Ерофей Павлович отправил в Якутск свою долю соболя, добытого на промысле. После долгих и мучительных размышлений, он всё же решился распродать участникам экспедиции снаряжение, инструмент и другое имущество по завышенной цене. Он готовил себя к болезненной и недружелюбной реакции со стороны промысловиков и казаков, долго собирался сообщить о своём решении отряду и в конце концов, собрав сход, объявил:

— Други мои, наверное, я вас не порадую. Вынужден сказать... Дело вынуждает...

— Чего уж там... Не томи, говори, Ерофей, — перебил есаул Поляков.

— Дорого нам обходится снаряжение, вооружение. Я весь в долгах. Не знаю, как и выпутаться из долговой кабалы. А ведь этим снаряжением, вооружением пользуется каждый из нас. Почему только на мои плечи взвалили сие тяжкое бремя? Давайте обсудим вместе, как нам всем найти из этого выход...

— Что предлагаешь, Ерофей? — спросил Третьяк Чечигин.

— А вот что... — Хабаров замолчал на мгновение и после проговорил: — делаю, други, это вынужденно. Хочу распродать вам отрядное имущество, оружие, плотницкий инструмент, косы, серпы, ещё кое-что. Пусть теперь всё сие принадлежит не отряду, а каждому из вас.

— Дорого ли возьмёшь, скажем, за серп или пищалину?

— Цены не я устанавливаю. Воевода.

— Каковы цены? Назови.

Хабаров замялся — цены на все предметы, подлежащие торгу, воевода устанавливал завышенные. Когда огласил цены, среди людей невольно раздался ропот, отражавший изумление и недовольство. Кое-кто, не скрывая своей неприязни к воеводе, ругал Францбекова матерными словами.

— Ему набивать карманы, а нам гнуть на него спину! — выкрикнул Чечигин.

— Посмотрите вперёд, — пытался увещевать людей Ерофей Павлович. — Вас ждёт знатная добыча. Амурский край богат пушниной. Потерпите малость, потом все расходы восполните.

— Как же... Две трети добычи забираешь себе. А нам — с гулькин нос! — дерзко выкрикнул Чечигин.

— Не скрою. Приходится так поступать, чтобы покрыть задолженность воеводе, — спокойно ответил Хабаров.

Спор продолжался долго и казался бурным и напряжённым. И всё же промысловики и купцы молча смирились. Некоторые сразу стали приобретать казённое имущество, вооружение, снаряжение, плотницкий инструмент. Другие поступали так после раздумий. Расплачивались с предводителем отряда не очень охотно. Чаще ограничивались долговой распиской. Хабаров снаряжал в Якутск гонцов с партией пушнины и отпиской воеводе. Францбекова он извещал, что предложение его в отряде приняли, хотя и неохотно, со скрипом.

Иногда недовольство Хабаровым выходило наружу. Промышленники жаловались на него в своих челобитных. Однако не в интересах Францбекова было делать эти челобитные достоянием московского начальства, и он всячески старался попридержать их, не дав им дальнейшего хода. Всё же некоторые ретивые челобитчики ухитрились направлять свои жалобы в Москву, в Сибирский приказ, в обход Якутска. Так, промышленный человек Воропаев жаловался на Ерофея Павловича, что он две трети соболей, добытых его отрядом, взял себе. Воеводе такое положение дел вполне устраивало, поскольку большая доля добытой пушнины поступала в его руки в порядке погашения долга.

Весь зимний период 1650—1651 годов шла интенсивная добыча мягкой рухляди, в первую очередь соболя. Охотничий сезон подходил к концу в марте-апреле. Промысловики целыми ватагами и по одиночке возвращались с окрестных сопок и тайги в зимнее становище. Одним из первых возвратился с товарищами Никифор Хабаров. Вручил брату его долю добычи и сказал:

— Прими образец. Посмотри, каков соболь, подивись. Получше того, что мы с тобой добывали на Лене и на Киренге.

— Вот и воевода, чтоб ему было неладно, говорил то же самое. Мол, амурский соболь отменный.

— Рассчитался ли с долгами воеводе?

— Конца-краю не видно моим долгам. Закабалил меня аспид окаянный, связал долговыми путами по рукам и ногам.

Ерофей Павлович, пользуясь тем, что свидетелей их разговора не было, нещадно ругал и поносил Францбекова. Самыми мягкими словами, сказанными в его адрес, были «кровопивец» и «аспид».

Дмитрий Андреевич тем временем умел польстить Хабарову, подчеркнуть свой интерес к его промыслу, заботу о нём. Князькам приамурских племён предписывалось всячески оберегать русских промысловиков и торговых людей и «изобижать их не велеть». Ерофею Павловичу было наказано довести сие предписание воеводы до сведения

даурских князьков. А на самом деле Францбеков стремился припугнуть князьков, сделать их покорными.

Вслед за Никифором возвращались с промыслов другие промысловики с обильной добычей. Каждый из них был обязан одну десятую долю добычи сдавать в казну в качестве государевой пошлины. Две трети добычи составляла доля Хабарова как организатора экспедиции. Доля промысловиков, таким образом, была невелика, поэтому люди роптали, открыто выражали своё недовольство. Ерофей Павлович мог опасаться, что это недовольство когда-нибудь прорвётся наружу и обернётся открытым бунтом и неповиновением.

В зимний период Хабаров не терял времени, расспрашивал через толмача дауров и их соседей тунгусов, собирая сведения о приамурских народах, в том числе и о тех, с которыми ему ещё не довелось общаться.

В районе реки Шилки большим влиянием пользовался тунгусский князёк Гантимур. Считаясь с его влиянием, Ерофей Павлович приложил немалые усилия, чтобы склонить Гантимура к принятию русского подданства и уплате ясака, и в конце концов этой цели при посредничестве Гантимурова родича Тыгичея удалось достичь. Гантимур через Тыгичея сообщил Хабарову, что готов жить с русскими в мире и выплачивать им ясак. Так же поступили и люди его улуса. Уступчивость Гантимура нетрудно объяснить: в русских он видел защитников от грабительских набегов маньчжур.

Вскоре в Забайкалье и на Шилке появились русские казачьи отряды, пришедшие сюда из Енисейска. С Гантимуром были оформлены ясачные отношения. Он вызывал своим безукоризненным поведением полное доверие русских, и поэтому от него не стали требовать аманатов-заложников.

Хабаров из рассказов Пояркова знал о жителях нижнего Амура натках (нанайцы) и гиляках (современные нивхи) и постарался уточнить эти сведения. Так, он выяснил, что основу хозяйства натков и гиляков составлял рыболовство и в меньшей степени охота. Сведений о земледелии у этих народов Хабарову не удалось получить. В образе жизни этих приамурских народов не обнаруживалось китайского или маньчжурского влияния. Лишь изредка к ним наведывались китайские торговцы, привозя ткани, украшения, кухонную утварь и другие товары.

В связи с наступлением маньчжуров на Китай и без того редкие появления китайских торговцев на Амуре вовсе прекратились. Их место заняли русские промысловики, обменивавшие у приамурских народов на пушнину ножи, топоры, котлы, бисер. Хабаров располагал сведениями, что

натки и гиляки, будучи независимыми, никому ясака не платили.

— Многие дауры, слава Богу, приведены нами под государеву руку, — делился мыслями Ерофей Павлович со своим ближайшим окружением. — Теперь мы должны отправиться в плавание вниз по Амуру. Перед нами будет много племён, кои ещё не объясачены, не признают ничьей власти. Придётся нам с вами потрудиться в поте лица.

Эти слова слышали сослуживцы Хабарова, готовые к походу. На время даже прекратили роптать недовольные, и обстановка в отряде изменилась в пользу предводителя.

Ещё из расспросов местных жителей Хабаров узнал, что Приамурье богато не только пушным зверем, но и рудой. Здесь залежали железная руда, свинец, серебро. Поговаривали и о золотых россыпях, встречавшихся в некоторых местностях. По просьбе Ерофея Павловича дауры и тунгусы приносили ему слитки, выплавленные из обнаруженной в земле руды. Хабаров поинтересовался, откуда они берут руду, местные жители ответили, что если добираться от Албазина по воде, а потом преодолеть гористый участок суши, дорога до нужного места займёт всего одну-две недели. Речь шла о забайкальском месторождении свинца, олова и серебра. На рубеже XVII—XVIII веков это месторождение было обнаружено и освоено, получив название Нерчинских рудников. А в конце XVII века в районе рек Зеи и Селенджи началась разработка месторождений железной руды.

Помня наказ Францбекова, Хабаров решил собрать сведения о хане Богдое, чтобы в дальнейшем установить с ним контакт и попытаться склонить к русскому подданству. О Богдое (или Барбое) сообщал и Поярков. Ерофей Павлович стремился расспросить тех дауров, которые побывали в маньчжурском плену, видали чужие земли. Он беседовал с князьями Лавкаем и Шилгинеем, которые, вполне вероятно, могли там оказаться, когда выкупали Моголчак, захваченную в полон.

С помощью толмача Ерофей Павлович выяснил у даурских князьков, что ни о каком хане Богдое они никогда и ничего не слышали. Однако есть Богдойская земля, и лежит она к югу от Амура, а правит там Алан Батур, которого иногда называют Шамшаканом. Это один и тот же человек, у которого несколько имён. Хабарову удалось поговорить с одним китайским торговцем, человеком осведомлённым и утверждавшим, что Богдоя как лица реального не существует. Ерофей Павлович тоже пришёл к убеждению, что Богдой придуман, и на самом деле такого правителя нет.

Даурским князькам имя Шамшакана внушало страх. О нём говорили как о жестоком и воинственном предводителе, располагавшем большим

войском с «огненным боем». По сведениям, собранным Хабаровым от собеседников, Шамшакан правил в богатой стране, которая славилась своими серебряными рудниками. Среди его подданных можно было встретить искусных мастеров: ювелиров, чеканщиков, изготавливавших красивые украшения с драгоценными камнями, а также умельцев украшать ткани причудливой росписью.

Слово «Маньчжурия» применительно к стране в XVII веке ещё не бытовало среди русских. В те времена эту страну называли Богдоевой землёй. Её главным городом был Нингут, расположенный на реке Науне, одном из притоков Сунгари, относящихся к главным амурским притокам. О Нингутае Хабаров смог составить представление по рассказам бывавших там людей, описывающих город с каменными стенами и башнями, внушительными домами, охраняемый множеством вооружённых солдат.

Собрав совет ближайших помощников, казачью верхушку промысловиков, Хабаров повёл речь:

— Велик сей край. И население его обильно. И сколько сил потребно, чтоб убедить этих людей вступить под государеву руку. Многие, яко дети неразумные, выгоды своей не видят в российском подданстве. Мы — покровители и защитники народов здешних — супротив воинственных обитателей Богдоевой земли. Мало ли бед видели дауры и другие люди Приамурья от набегов, грабежей богдоевцев...

— К чему ты всё это говоришь? — перебил Хабарова Дружина Васильев Попов. — Знамо всё это.

— Наберись терпения, Дружина. Сейчас поймёшь, к чему веду речь. Для такого обширного и богатого края, как Амурская земля, отряд наш маловат. Истинно маловат. Я так полагаю, что для охраны сего края, для его освоения потребно по крайней мере тысяч шесть служилых людей.

— Ого! Размахнулся Ерофей Павлович, — воскликнул его родич Петриловский.

— Шесть тысяч, может быть, нам и не дадут. Но просить, чтоб увеличили отряд в несколько раз, нужно. Непременно нужно! И пусть воевода Францбеков обращается за подмогой в Москву, в Сибирский приказ.

— Как станешь убеждать воеводу и Москву? — спросил Третьяк Чечигин.

— Неужели сам не догадываешься, Третьяк? Разве не подсказывает здравый смысл, что здесь, на Амуре, потребны более внушительные силы, чем те, кои остаются нынче во всём Якутском воеводстве. За Амуром лежат великая страна Китайская и земли Богдойские. Говорят, хан богдойских

земель воцарился над всем Китаем. У него огромное войско с «огненным боем». Это не какой-нибудь князёк с сотней-другой лучников.

— Ты скажи лучше, хлебец-то когда у нас будет? — жалостливо спросил пожилой покрученик.

— Вот видите, о хлебе заговорили. А оглянитесь окрест. Сколько землицы на Амуре пахотной, доброй. Урожай эти земли дают большой и смогут прокормить не только наш амурский отряд и всех служилых людей, но и Якутский край.

— Ты что же это, Ерофей Павлович... Склоняешь нас к тому, чтобы мы всё ещё и хлебопашцами стали? — произнёс пытливо один из казаков.

— С чего ты взял? Ни к чему подобному я вас не склоняю. Были промышленными и охочими людьми, таковыми и останетесь. А буду просить воеводу прислать на Амур земледельцев. Первых готов поселить за свой счёт здесь, у Тугирского волока и Лавкаева городка. А глядя на них, на Амур устремятся и добровольные пришельцы.

— Дай-то бог, — воскликнул Третьяк.

— Вот послушайте, люди добрые... Прочитаю вам мою отписку. «И государевым счастьем того Даурскою землёю обладать будет мочно и под государеву высокую руку привести. И та новая Даурская земля будет государю второе Сибирское царство и впредь будет то Даурская земля прочна и постоянна».

В конце марта 1651 года Хабаров отправил из Албазина в Якутск троих доверенных лиц с партией ясака, в том числе были и Третьяк Чечигин, служилый человек, отвечавший за доставку отписки Ерофея Павловича и ясака, а также Артемий Петрищев, родич главы экспедиции, и Дружина Попов, один из крупных должников Францбекова, ехавший, чтобы рассчитаться с ним и заодно упросить воеводу поверстать его в службу. Все трое, снабжённые небольшой охраной, благополучно добрались до Якутска.

Выслушав прибывших с Амурского, воевода начальственным тоном произнёс:

— Ты, Попов, поедешь в столицу вместе с соболиной казной. Обо всём, что рассказал здесь мне, о делах амурских, расскажешь в Сибирском приказе. Коли желаешь быть повёрстанным в казаки, подашь челобитную главному приказному дьяку. Дам тебе отписку в том, что я против твоего поверстанья возражений не имею. Сопровождать тебя будет для охраны небольшой отряд казаков.

— А как, Дмитрий Андреевич, с увеличением амурского отряда? Ерофей Павлович просит... — начал Петриловский.

— Мне ведомо, что Ерофей просит... — перебил его воевода. — Сперва спроважу Попова в Москву. Потом займёмся делами амурскими. Рассмотрим просьбу Хабарова.

Попов с охраной благополучно отбыл из Якутска. Пару дней воевода предавался размышлениям, допуская к себе только дьяка Григория Протопопова, на третий день вызвал к себе Петриловского и Чечигина.

— Я дал указание спешно готовить для Хабарова новый отряд, — произнёс Францбеков. — Сознаю, что Ерофей действует на Амуре с размахом и пользой. Но всякая подмога ему полезна.

— Велико ли будет пополнение? — спросил Чечигин.

— Судите сами. Дано Хабарову тридцать служилых казаков и ещё около сотни промышленных охочих людей.

Считая бесполезным вступать в споры с воеводой, Петриловский и Чечигин промолчали, помня о том, что Хабаров говорил о желательности видеть на Амуре шесть тысяч служилых людей. Если бы даже Францбеков и согласился с Ерофеем Павловичем, сделать этого всё равно не смог бы, поскольку выполнение его пожелания было далеко за пределами скудных возможностей воеводы.

Пока укомплектовывалось пополнение для амурского отряда, стало известно, что в качестве приказных новой партии назначались казачий десятник Чечигин и Петриловский. Вместе с ними воевода направлял своего личного поверенного в финансовых делах Анания Урусланова и ответственного за делопроизводство, подьячего Богдана Габышева. А всё пополнение включало тридцать служилых казаков и около сотни промышленных охочих людей.

Ерофей Павлович уведомил воеводу в отписке, что хан Богдой оказался выдумкой, возникшей из-за недоразумения. Земля Богдойская была — так называли Маньчжурию, — но правил в ней никакой не Богдо, а хан Шамшакан. Францбеков составил новую грамоту, адресованную Шамшакану, и вручил её Чечигину для передачи Хабарову. В грамоте предлагалось властелину Богдойской земли принять русское подданство, а Хабаров должен был изыскать возможность направить надёжного человека с этой грамотой к Шамшакану.

Расставаясь с предводителями отряда, отправлявшегося на Амур, Францбеков сказал:

— Посылаю Хабарову девяносто пудов пороха и тридцать пудов свинца. Съестных припасов даю вам не густо. Не взыщите. У самих амбары от припасов не ломаются. Промышляйте сами. Ловите рыбу, стреляйте дичь, собирайте грибы, ягоды. А хлебец покупайте или

выменивайте у дауров.

Францбеков помахал перед отъезжающими на Амур куском ржаного хлеба, зерно для которого взрастили дауры, а другой кусок, такой же, послал для наглядности в Сибирский приказ. Пусть там любопытствуют.

— Хлебец-то ничего. Не хуже нашего, — сказал многозначительно воевода.

11. Вниз по Амуру

Ранней весной, когда Амур ещё только начал очищаться ото льда, Ерофей Павлович собрал верхушку отряда и повёл с ней разговор.

— Охотничий сезон завершился. Пора приступать к дальнейшему обследованию Амура, его прибрежных угодий, объясачиванию его жителей.

— Чтоб пройти Амуром, нужны надёжные суда, хотя бы речные ладьи, — высказался один из казаков.

— Правильно мыслишь, — поддержал его Хабаров. — На Олёкме, где впадает в неё река Тунгир, нами оставлены два добрых дощаника. Постараемся доставить их сюда.

— Возможно ли перетащить такие громоздкие дощаники через перевал? — спросил тот же казак.

— Какое дело для усердного казака невозможно? Да и перевал в тех местах невысок, не составит великого труда перетащить через него пару дощаников. Кто из вас, мужики, готов отправиться на Олёкму, чтоб доставить на Амур оба судна?

Вызвалось несколько желающих. Хабаров добавил к ним ещё полдюжины промысловиков, а дав всем напутствие, торжественно произнёс: «В добрый путь, братцы».

Пока эта команда добралась до слияния Тунгира с Олёкмой, снежный покров сошёл с речных берегов и нижних склонов гор. По высокой воде легко добрались до верховья Тунгира, с усилиями втащили дощаники по пологому склону на перевал, где ещё лежал снег. Спуск с него показался более лёгким: смастерив сани, на которые поставили дощаники, и взявшись за борта, они смогли преодолеть невысокий перевал и спустить суда в амурский приток.

Амур уже почти очистился ото льда. Попадались лишь отдельные небольшие льдины, приплывавшие с притоков. В пути неожиданно обнаружили пробоину на дне одного из дощаников, которая образовалась, очевидно, при перетаскивании через перевал. Пришлось задержаться, чтобы заделать её.

Когда дощаники приплыли к Албазину, там всю шла работа. Плотники мастерили лодки. Две уже были готовы и спущены на воду.

Ерофей Павлович поблагодарил ватагу, доставившую с Олёкмы

дощаники, и произнёс торжественно:

— Трогаемся вниз по Амуру.

— Подкрепления не дождёмся? — спросил Хабарова есаул Василий Поляков.

— А будет ли оно, подкрепление-то? — неопределённо ответил Ерофей Павлович.

— Надеялись ведь...

— Я-то надеялся. Да ведь душа воеводы что потёмки. Один Господь Бог ведаёт, что на уме у Францбекова. Снизойдёт ли, откликнется ли на нашу просьбу или всё ещё раздумывает — как ему поступить. А нам ждать у моря погоды не имеет смысла. Пока воевода решает, будем действовать.

Не дождавшись подкрепления из Якутска и основательно проконопатив и просмолив оба дощаника, ещё соорудив несколько лодок, отряд Хабарова 2 июня 1651 года отплыл от Албазина вниз по Амуру.

Перед отплытием Ерофей Павлович напутствовал людей:

— Идём к новым неизведанным селениям, чтоб принять в российское подданство их обитателей и обложить ясаком. И действуем, как наставляет нас государь, только мирным путём. Уразумейте, други мои, слова государя нашего, наставляющего, как поступить с местными обитателями, «Как мочно, чтоб их не было ни в тягость, и тем бы их наперво не ожесточить и от государевой царские высокие руки не отринуть, а в государеве казне и ясачном сборе учинить прибыль». Помните, ласковое обращение с даурами, тунгусами и прочими туземными людьми — вот наш образ действия.

— Легко тебе говорить — ласковое обращение, — возразил Хабарову Поляков. — А если нас встретят градом стрел?

— Поступим по обстоятельствам, — уверенно ответил Ерофей Павлович.

В течение дня плыли по широкому Амуру, пока не встретили даурский городок, покинутый жителями и преданный огню. Его стены ещё дымились. Пахло гарью. Внутри городка не успели сгореть только две юрты.

— Подождли при нашем приближении, — заметил Ерофей Павлович, — а сами трусливо убежали.

По его указанию группа казаков обследовала окрестности горящего городка. Поймали в зарослях немолодую даурскую женщину, не успевшую бежать вместе с другими. Даурку привели к Хабарову. Через толмача, который перевёл его вопросы даурке по-тунгусски, дополняя слова жестами, выяснили, что городок принадлежал роду даурского князька

Досула. Получив сведения о приближении русских, князёк приказал своим людям покинуть городок и рассыпаться по окрестностям.

— Где сейчас Досул и его люди? — спросил через толмача Ерофей Павлович.

Даурка долго не могла понять суть вопроса, а потом, догадавшись, о чём её спрашивают, показала ладонью окрест себя. Очевидно, этот жест надо было понимать так, что люди Досула разбрелись по улусам, разбросанным по окружающей местности.

— Спроси её, где находится ближайший даурский городок? — сказал Хабаров толмачу.

Она, отвечая, показала рукой направление. Если верить ей, ближайший городок располагался вверх по течению Амура, на некотором отдалении от берега. Его хозяевами были Гойгудар и другие князьки.

— Спроси-ка ещё раз, — приказал Хабаров толмачу. — Хочу удостовериться, что верно её понял. Даурка сказала тебе, что городок находится не на самом берегу Амура, а на некотором отдалении от берега? Это верно?

Даурка подтвердила сказанное.

— Значит, мы проплывали мимо и не заметили городка. И нас могли не заметить, — сделал вывод Ерофей Павлович и приказал: — Собирайтесь в дорогу.

— Как поступим с дауркой? — спросил толмач.

— Отпусти её. Пусть идёт к своим и передаст Досулу — мы, мол, не собираемся причинять зла даурам и очень сожалеем, что они так поступили со своим городком. Пусть живут спокойно и не опасаются нас.

Отряд отправился в обратный путь, налегая на вёсла, и, пройдя мимо Албазина, на третий день достиг городка, принадлежавшего Гайгудару и другим князькам.

По-видимому, на берегу в кустарнике притаились наблюдатели, следившие за передвижениями по реке. Заметив русские суда и лодки, они подали сигнал находившимся в крепостце князькам. По команде Гайгудара из крепостцы на полном галопе выскочил отряд всадников, вооружённых луками. Отряд намеревался помешать высадке русских на берег. Разгорячённые дауры схватились за луки, выпустили град стрел, но те не достигли цели. Видя такой приём, русские казаки и промысловики по команде Хабарова взяли за огнестрельное оружие и дали залп по кучке всадников.

— Не стреляйте по людям и их коням. Не надо жертв. Главное, припугнуть и образумить, — предупредил Ерофей Павлович.

Дружный залп из огнестрельного оружия вызвал среди даурских всадников полное замешательство. Их строй рассыпался. Всадники, развернув коней, поскакали к крепостце. Русский отряд высадился на берег и устремился следом за беглецами.

Источники описывают Гайгударов городок как сложное укрепление, состоявшее из трёх городков, каждый из которых мог самостоятельно держать оборону. Нижняя часть их стен была засыпана землёй, верхняя — обмазана глиной. Роль ворот играли высокие подлазы, доступные для конных воинов. Двойное кольцо рвов саженной глубины окружало городки. Под стенами и рвами также были подлазы. Внутри укрепления были вырыты глубокие ямы, служащие убежищем для женщин, детей и скота. Общая территория, занимаемая городками, составляла не менее полудесятины.

Князьки стремились сделать крепостцу главным местом сопротивления и для этой цели собрать в ней как можно больше защитников, которых привлекали из различных окрестных улусов. При этом сами улусы по приказанию князьков подвергались сожжению.

Позже Хабарову стало известно, что здесь появились «богдоевы люди». Это были не маньчжурские воины, а торговцы, прибывшие к даурским князькам с товарами. Князьки попытались вовлечь «богдоевых людей» на свою сторону и втянуть в сражение с русскими, но маньчжуры не стали вмешиваться в столкновения дауров с отрядом Хабарова и покинули городок, удалившись от него на некоторое расстояние.

Прежде чем решиться на штурм крепостцы, Хабаров вызвал к себе служилого человека, толмача Константина Иванова, неплохо освоившего язык тунгусов.

— Отправляйся к даурам, к их главному — приказал Ерофей Павлович.

— Один, без оружия?

— Непременно один и без оружия. Пусть дауры узрят в тебе мирного человека.

— И что я должен делать?

— Передать даурским князькам наше мирное предложение. Не устраивайте, мол, кровавого побоища, сложите оружие, установите с нами мирные отношения, примите подданство царя. И платите ясак по своей возможности.

— А что можем мы предложить даурам?

— Покровительство нашего царя, защиту от нападений и набегов всяких враждебных орд. Напомни им, что приамурские народы не раз

подвергались враждебным нападениям из-за Амура.

Константин Иванов не стал досаждать Хабарову расспросами, вступать с ним в спор. Миссия казалась ему трудной и опасной для жизни. Не было полной уверенности, что дауры выпустят его из своего логова живым.

Толмач взял себя в руки, стараясь держаться уверенно, и твёрдой походкой зашагал к городку. У подлаза он увидел двух стражников, вооружённых луками и длинными ножами. Встретили они гостя настороженно, оглядели его, но, не заметив оружия, кажется, успокоились.

— Зачем пожаловал? — спросил один из них, видимо, старший. Иванов сдержанно поприветствовал стражников на даурский лад. Разъяснил цель своего визита по-тунгусски, вставляя в тунгусскую речь уже усвоенные им даурские слова.

— Пришёл к вашему князьку с добрым словом от моего предводителя отряда.

Стражники обменялись между собой несколькими фразами, сказанными непонятной скороговоркой, и потом старший обратился к Иванову:

— Что ты хочешь от нас?

— Я, как все русские, хочу жить с вашим народом в мире и дружбе. Мир... Понимаешь, что это такое? Сведи меня к вашему князьку.

Старший стражник не столько понял Константина, сколько догадался о смысле его слов и сказал коротко и резко: «Пойдём!»

Как казалось Константину, шли они долго — под лазами, дворами, вдоль стен — пока не добрались до внутренней части крепостцы, до какого-то невзрачного строения, обмазанного глиной. В темноватом помещении, на медвежьих шкурах, поджав под себя ноги, сидели трое дауров. Они были в пёстрых узорчатых китайских халатах и меховых жилетах. Константин Иванов понял, что перед ним князьки рода или племени, и приветствовал их по-даурски.

Одних из трёх, видимо, старший и по возрасту и по своему положению, произнёс не без высокомерия:

— Я Гайгудар, а это мои братья — Олгемзе и Логофий.

— Мир тебе и твоим братьям, Гайгудар, — вежливо ответил Константин по-тунгусски. Даурских слов он знал немного, их едва бы хватило только на приветствие, вести разговор на даурском он не смог бы, поэтому и заговорил по-тунгусски, надеясь, что этот язык знаком князьку. Расчёт оказался верен: оказалось, что тот сносно владел языком тунгусов. Одна из жён или наложниц была из тунгусского племени.

— Так что тебе от нас нужно? — ответил Гайгудар по-тунгусски.

— Я принёс тебе доброе слово от моего начальника отряда Ерофея Павловича Хабарова. Он предлагает тебе жить с русскими в мире и дружбе.

— А что мне дают твои мир или дружба? — с недоверием произнёс князёк.

— Многое дают. Покровительство и защиту русских. Мы защитим вас от любого врага, не дадим в обиду.

— Ведь за это, за покровительство и защиту придётся платить. Так ведь?

— Речь идёт не о плате. А об уважении к белому царю. У нас такое уважение означает ясак.

— Что такое ясак? Никогда не слыхивал.

— Ясак — это подарок нашему царю, твоему верховному покровителю. И таким подарком от тебя может быть пушнина.

Вероятно, примерно таким могло быть содержание разговора между толмачом Ивановым и даурским князьком. Оба собеседника вряд ли свободно владели языком переговоров, чтобы беседа протекала легко, без всякой запинки. Разговор наверняка шёл трудно, медленно. В конце концов Иванову стало понятно, что даурские князьки решительно отвергли мирные предложения Хабарова и отказались вести деловую беседу с русским посланцем. Гайгудар вызвал своего человека и приказал выпроводить посетителя за пределы крепостцы.

Иванов вышел из укрепления, опасаясь, что сейчас прожужжит стрела и вонзится ему в спину, но стражники пропустили его, не сделав никаких попыток взяться за луки. Лишь когда Константин подходил к расположению своего отряда, ему вслед пролетела шальная стрела, но, к счастью, она не достигла цели.

Ерофей Павлович выслушал Иванова, сообщившего о неутешительных результатах своего похода к Гайгудару и его братьям.

— Начинаем осаду, — спокойно произнёс Хабаров, выслушав Константина. — Бог свидетель, мы сделали всё что могли, чтобы избежать кровопролития.

Он отдал команду пушкарям открыть стрельбу ядрами по башням городка. Казаки и промысловики, прикрываясь щитами, подбирались к стенам крепостцы и вели огонь из мушкетов и пищалей.

Пушечными ядрами удалось повредить одну из башен. Люди, облачённые в куюки — пластины, которыми были покрыты эти доспехи, предохраняли от вражеских стрел, — устремились в пролом в башне. Нижним городком удалось овладеть сравнительно легко. Более трудным

оказался штурм второго городка, продолжавшийся до середины следующего дня. И вот наконец завязался ожесточённый рукопашный бой за третий городок. Но и он успешно завершился победой русских. Правда, победа эта стоила отряду Хабарова немалых потерь: несколько десятков русских получили ранения. Трофеи отряда оказались богатыми. В руки победителей попали большие продовольственные запасы, кони и скот.

За ходом сражения пристально наблюдали издали маньчжуры, «богдоевы люди». Они послали к Хабарову своего человека. Был он облачен в необычное отделанное соболем платье, отличавшееся от одежды дауров и других приамурских народов. Человек этот обратился к русским на своём маньчжурском языке, но его в отряде Хабарова никто не знал, поэтому беседа с гостем была долгой, утомительной. Маньчжур знал отдельные даурские слова. На помощь пришли две женщины даурки, усвоившие в маньчжурском плену немного чужих слов. Поскольку речь «бодайского» пришельца из-за незнания маньчжурского языка не могла быть ими переведена даже приблизительно, обе стороны часто прибегали к красноречивому языку жестов. Не был гость в состоянии понять и русскую речь. Хабаров пришёл к выводу, что большая часть разговора осталась «не растолмаченной». Маньчжур часто упоминал имя какого-то Шамшакана, который призывал маньчжурских торговцев не драться с русскими, а Хабаров и его окружение ошибочно восприняли это как готовность маньчжурского хана или царя Шамшакана жить с русскими в мире и решили, что есть возможность склонить его к русскому подданству. Попытался Ерофей Павлович поговорить с гостем о намерениях русских завязать с южными соседями дружеские отношения, но языка жестов для такой серьёзной темы не хватило. Напоследок маньчжур был щедро одарён подарками и перед тем, как возвратиться в Богдоеву землю, он весьма темпераментно выражал свой восторг.

В Гайгударском городке отряд Хабарова задержался на месяц с лишним. Отсюда Ерофей Павлович рассылал к князькам попавших в плен дауров, чтобы через них передать предложение принять русское подданство.

В конце августа, забрав на кочи трофейных коней, Хабаров отправился вниз по Амуру к городку князька Банбулая. Городок, как оказалось, был брошен обитателями. Рядом с ним на полях уже начинал осыпаться несжатый хлеб. Люди из отряда Хабарова собирали в пригоршню осыпавшиеся зёрна, о чём-то долго совещались, а потом гурьбой пришли к Ерофею Павловичу.

— Наши запасы хлеба подходят к концу. Так ведь? — спросил один

из казаков.

— Верно, — подтвердил Хабаров.

— Дозволь сжать хлебушко и пополнить запасы, — сказал казак.

— У этого хлеба есть владельцы.

— Где они, владельцы-то? Пока вернутся, всё зерно осыплется, и жать будет нечего.

— Уговорили. Вот только чем вы станете жать? Зубами?

— Шутишь, Ерофей. У тебя же есть серпы, косы.

— Тогда раскошеливайся, братва. Покупай серпы, будешь жать.

Казаки и промышленники, желавшие пополнить запас хлеба, вынуждены были покупать у Хабарова серпы и косы по высокой цене. За серп приходилось платить по рублю, за косу — по два. Люди роптали, но платили втридорога, чтобы запастись хлебом. Зерно мололи по очереди, на малой ручной мельнице, которой запаслись заранее.

Хабаров прилагал усилия, чтобы отыскать людей Гайгудара, склонить их к уплате ясака. На эти попытки ушла целая неделя. От дауров Хабаров узнал, что против устья Зеи расположен улус князька Кекурея, а ниже по Амуру стоял город, в котором обитали князьки Туранча, Толга и Омутей. Это был последний укрепленный пункт на востоке Даурской земли.

Почти недельные поиски людей Банбулая ни к чему не привели. Дауры рассыпались по окрестностям и при приближении русских уходили всё дальше и дальше в сопки, на край тайги. Во время этих утомительных поисков удалось задержать двух старых туземцев, отставших от других беглецов. На вопрос толмача, где же скрываются люди Банбулая, задержанные лишь разводили руками и указывали в разные стороны. Хабаров приказал отпустить обоих дауров.

— Отыщите своих людей, — сказал он им, — и сообщите им — пусть не чуждаются нас, русских. Мы пришли сюда не как враги, а как друзья. Желаем жить с даурским народом в мире.

Толмач приложил все усилия, чтоб хотя бы приблизительно передать смысл сказанного.

Видя, что поиски Банбулая и его людей оказались безрезультатными, Хабаров собрал на своём дощанике совет — всех казаков, отмеченных чинами, и состоятельных промысловиков.

— Как будем поступать дальше, други мои? — вопрошал он. — Дальнейшие поиски даурских людей считаю бессмысленными. Надвигается осень. Что скажете?

Большинство участников совета согласились, что поиски Банбулая и его людей лучше прекратить и плыть далее вниз по Амуру. Там можно

объясачивать другие народы и племена, не столь пугливые и недоверчивые.

— Пльвём вниз по великому Амуру, — согласился Хабаров. — Впереди нас ждёт река Зея.

— Слышали о Зее? Этой рекой вышел к Амуру Поярков, — вспомнил есаул Василий Поляков. — Не шибко заметный след на Амуре оставил Васька.

— Почему ты так думаешь? Ты несправедлив к своему тёзке, — возразил ему Ерофей Павлович.

— Пошто несправедлив? Говорил я с его людьми, много жалоб от них выслушал. Зело много. Путь на Амур через Алдан и Зею поярковцы считают неудачным. Путь сей долог, утомителен, с трудным перевалом.

— Всё верно, Василий, — ответил ему Хабаров. — Поярков мне об этом рассказывал. Но ведь он сюда до нас смог дойти, первым на Амур шёл, можно сказать, пробирался сюда в потёмках. А уж мы, считаясь с его опытом, отыскали более удобный и короткий путь к великой реке. Разве не так?

— Так-то оно так. Только плохо говорят о Василии его люди. Лютый человек, жестокий. Чуть что не по нему — кулаком в зубы. Я сам видел его людишек с выбитыми зубами.

— А вот это ни к чему. Можно убеждать людей словом, а не зуботычинами. Разве я на кого-нибудь поднял руку?

Ещё долго Хабаров обсуждал со своими спутниками результаты похода Пояркова. Славословили его как первооткрывателя Амура, первопроходца. А вот в вину ему ставили не лютый характер, не жестокость, нет — мало ли подобных людей можно отыскать среди предводителей казачьих отрядов, — видели вину Пояркова в том, что не закрепился на Амуре, не построил острожка, не оставил в нём отряда. Да и терпения не проявил, оттолкнул от себя крутым нравом и местное население. Поэтому как только Поярков покинул Амур, прекратилось отсюда и поступление ясака. Хабарову пришлось всё начинать сызнава.

Двое суток караван дощаников и стругов плыл до устья Зеи. Река казалась в своих низовьях почти такой же широкой и многоводной, как и Амур. По берегам её росли огромные толстоствольные тополя и зеленели заросли каких-то кустарников.

— Здесь Поярков начинал своё плавание по Амуру, — произнёс Хабаров. — Непрост был человек, сложного характера. Господь ему судья. Не будем сейчас вспоминать об этом. А вспомним, что это был смелый, дерзкий человек, и он первым открыл эту великую реку.

Расчувствовавшись, Хабаров вспомнил, что по дошедшим до него

слухам, Поярков покинул Восточную Сибирь и вернулся в Москву, высказал по этому поводу сожаление.

— Значит, этот замечательный край не привлекал Василия Даниловича настолько, чтобы стать делом всей его жизни, — сказал Ерофей Павлович со вздохом, — не прирос он всей душой к Амуру, Амурскому краю, востоку Сибири. А жаль.

Поблизости от зейского устья находился улус — около двух десятков юрт. Люди отряда Хабарова осмотрели его, убедились, что все юрты были оставлены обитателями.

Ерофей Павлович принял решение идти на вёслах вверх по Зее до первого крупного поселения. В низовьях река казалась широкой и спокойной. Её берега были окаймлены деревьями и кустарниками. Приближающаяся осень ещё не успела тронуть их листву желтизной.

Вскоре на берегу показался даурский городок. Ерофей Павлович разглядел, что он окружён рвами, выслал небольшой отряд, чтобы разведать, сильно ли укреплён городок и какие силы, его обороняют.

Отряд, скрываясь в кустарнике, подполз к самым стенам городка. Никаких признаков того, что он оборонялся крупными силами, заметить не удалось. Выяснилось, что стена была двойная, и кроме того городок окружали три рва глубиной примерно в три сажени и шириной сажени в четыре. Внутри крепостцы оказалась лишь малочисленная группа людей, совершенно не готовых к защите, основное же население находилось где-то в отлучке. Поэтому люди Хабарова, не встречая сопротивления, без труда овладели городком и подали сигналы на дощаники, где оставалась часть отряда Хабарова.

От захваченных в плен дауров узнали, что князьки со своими людьми в это время пировали в соседнем улусе. Он находился в непосредственной близости от городка, поэтому, когда там заметили вооружённых казаков, поднявшихся на стены крепостцы, в улусе возник переполох. Особенным страхом были охвачены князьки Толга и его родичи. Они стали спешно седлать коней и пустились наутёк к ближайшей опушке леса. Убегали и другие.

Люди Хабарова попытались перехватить дауров, окружили Толгу и его братьев с жёнами и детьми. К тому времени с судов высадились основные силы русского отряда. Оседлав коней, всадники устремились к разбегавшимся в панике даурам и отрезали им путь к отступлению. Никто из дауров не решился оказать русским сопротивления. Исключение составили только два князька, Толга и Турангчи. Оба они укрепились в юрте и стреляли из лука в каждого, кто осмеливался к ним приблизиться.

Сдаваться они наотрез отказались.

Тогда Хабаров вновь прибег к услугам толмача Константина Иванова. Человек способный, легко схватывающий чужую речь, он мало-помалу, хотя и не без усилий, старался овладеть языком дауров. Видя усердие Иванова, Хабаров дал ему в помощь привлечённого в отряд тунгуса, неплохо владеющего даурским языком.

— Скажи им, пусть дауры прекратят сопротивление, — давал наставление толмачу Ерофей Павлович. — Растолкуй им, что кровопролитие — зло, и оно не поможет. Им нас не одолеть, ведь мы располагаем огненным боем. Пусть принимают русское подданство и платят ясак. Шагай, Костенька, и с Богом!

Хабаров поощрительно хлопнул Иванова по спине ладонью.

Князьки, переговорив с толмачом, долго совещались между собой, видимо, никак не отваживаясь принять решение. Наконец, они вышли из юрты, демонстративно бросив на землю луки, склонили головы перед русскими. Толга что-то сказал.

— Что он говорит? — спросил Хабаров толмача.

— Он говорит: «Ясак дадим, будем жить в мире с русским».

— Вот и хорошо, — довольно ухмыльнулся Хабаров, — скажи ему, мы удовлетворены таким ответом. Теперь пусть пошлёт к тем людям, которые разбежались, своего человека и передаст, чтобы возвращались и сдавались на нашу милость.

Оказалось, что один из князьков, Омутей, успел увести в сопки группу конных и пеших дауров.

Толга послушно следовал указаниям Хабарова и послал своего приближённого к Омутею, приказав вернуться в городок. Омутей не заставил себя долго ждать. Он вернулся, а с ним ещё около трёх сотен конных и пеших беглецов.

Ерофей Павлович приказал разоружить всех пленников и собрать в городке. Люди его отряда оставались во всеоружии. Дауры должны были принести присягу на верность российскому царю и дать обязательство выплачивать ясак. Толмачи разъяснили смысл присяги и пересказывали её примерные слова. Первыми произнесли присягу Туронгча, Толга, Омутей, потом их родственники и близкие, так называемые «лучшие люди улуса», потом все остальные дауры.

У Хабарова не было полной уверенности в том, что улус будет исправно соблюдать присягу, поэтому он распорядился взять трёх князьков в аманаты, что станет залогом для неукоснительного соблюдения присяги и регулярной выплаты ясака.

— Выпустим вас на свободу, как только убедимся, что ваши люди исправно выполняют присягу, злых замыслов супротив нас не вынашивают, — объявил Ерофей Павлович аманатам.

В тот же день из улусов поступил ясак — шестьдесят соболей.

В плену у русских оказались жёны и дочери князьков. Согласно тогдашним традициям пленницы могли быть выкуплены за высокую цену, дауры должны были рассчитываться за освобождение пленниц пушниной, драгоценными металлами или другими товарами. В переводе на рубли сумма выкупа колебалась от сорока до шестидесяти рублей, а в отдельных случаях была ещё выше.

Чтобы решить, что делать с многочисленными пленными, Хабаров опять собрал верхушку отряда на совет.

— Как с ними поступим? — спросил он своих людей.

— Известно что: потребуем у басурман за них выкуп, — ответил Константин Иванов.

— Отношения с даурами вроде бы налаживаются, так надо ли обострять их? — возразил ему Хабаров.

— Что ты предлагаешь, Ерофей?

— Предлагаю проявлять доброту, уступчивость. Не будем дразнить гусей. Мы же должны всячески стремиться к дружбе с амурскими народами.

— Как ты хочешь этого достичь?

— А вот так: освободим всех пленных без всякого выкупа. Пусть живут в своих улусах и городишках без всякого опасения. Пусть узреют в нас, русских, друзей, а не врагов.

— А как поступим с аманатами? — спросил кто-то.

— Аманатов пока попридержим, — ответил Хабаров.

Ерофей Павлович оповестил своих собеседников, что дауры обратились к нему с просьбой отложить уплату ясака пушниной до осени, когда начнётся промысловый сезон.

— Я думаю, что можно пойти навстречу этой просьбе. Подождём до осени, — высказался Хабаров. Ему никто не возразил, и тогда он повёл речь о будущей зимовке. — Подумаем о зиме, други. Почему бы нам не избрать для зимовки Толгин городок? Он неплохо сооружён. В нём можно и зазимовать, и осаду выдержать. Местные жители выращивают хлеб, который мы можем у них приобретать. К тому же со здешним населением у нас установлен мир, дауры присягнули нам на верность и согласились платить ясак. Так почему бы не сделать сей городок местом зимовья?

— Надёжно ли? — задал вопрос Константин Иванов.

— Постараемся усилить укрепления, возведём башни и поставим на них пушки. Ещё нужна надёжная изба для аманатов, чтоб не сбежали. Стоит подумать — не завести ли собственную пашню...

Ерофей Павлович ещё долго говорил об устройстве и укреплении Толгина городка, который стали так называть по имени его князька.

Внезапно разговор приобрёл иное направление. Подал голос молодой казак.

— Дозволь, Ерофей Павлович, слово сказать. Приметил я, что есть среди даурок пригожие девахи. А мы по женским ласкам изголодались. Дозволишь ли, коли какая красotka приглянется, жениться на такой?

— Почту за доброе намерение, — ответил с усмешкой Хабаров, — почему бы не жениться тебе на даурке. Присмотрел, что ли, какую?

— Да ещё нет, но за сим дело не встанет.

— Небось найдутся и другие греховодники, кто на даурских девок заглядывается?

— Найдутся, Ерофей Павлович. Непременно найдутся, — раздались из людской массы голоса.

— Только вот ведь какая загвоздка: приглянулась тебе даурская девка, уговорил ты её, расположил к себе, а она ведь басурманка, нехристь. Её сперва окрестить надобно, в нашу православную веру обратить, а потом уже и под венец с ней идти. А для этого поп нужен. Попа-то на Амуре покудова нет.

— Так проси прислать его, — с мольбой в голосе произнёс молодой казак.

— Постараемся, — обнадёжил его Хабаров.

Жизнь городка постепенно налаживалась, возвращалась к издавна заведённому порядку. Дауры свободно приходили в городок, общались с аманатами, размещавшимися с отдельной избе. Между туземным населением и русскими шёл оживлённый обмен товарами, шкурки соболя и другого пушного зверя обменивались на разные вещи, которые заинтересовали дауров. В своей отписке Хабаров сообщал об этой мирной жизни: «Они (дауры) жили в своих улусах у города с нами за один человек, и корм нам привозили, и они к нам в город приходили беспрепятственно, и мы к ним тоже ходили». Однако ситуацию, сложившуюся в городке, Хабаров, видимо, переоценил. Незримо для русских в недрах даурского общества шло брожение. В селения дауров проникали маньчжурские лазутчики и настраивали местных обитателей против русских, действуя подкупами и угрозами, осыпали даурскую верхушку подарками и вместе с тем неустанно повторяли: «Людей, что пришли к вам с севера, мало. Они

пришли и уйдут. А нас, маньчжур, великое множество. Коли будете уступчивыми с северными людьми, мы это вам припомним. И вам непоздоровится». Угрозы казались даурам реальностью.

Константин Иванов, усердно старавшийся осваивать новый для себя язык, посещал даурские юрты, пытался вести разговор с их обитателями, узнавая всё больше слов и, кажется, начиная понимать речь туземцев. Неожиданно в начале сентября 1651 года Константин стал замечать косые и недружелюбные взгляды дауров. Это сразу насторожило его. Оказавшись в одной из юрт, он услышал несколько откровенно враждебных реплик. Это было неспроста. Он попытался выйти из юрты, но тут на него набросились трое рослых молодых дауров, схватили за руки и попытались связать. Иванов потом не мог объяснить, откуда в нём взялась такая сила, позволившая противостоять трём противникам. Константин, который был достаточно сильным и рослым человеком, вырвался из рук дауров, отбросил одного из них вглубь юрты, а другого ударил коленом в пах, третий остановился в замешательстве. Выскочив из юрты, Иванов бегом бросился к городку, криками предупреждая соратников об опасности.

Бегство Иванова вызвало тревогу и у дауров. Они стали с криками выбегать из юрт, садиться на коней, хватать жён и детей и покидать улус.

Ерофей Павлович приказал привести к нему аманатов и спросил их строго:

— Как понять поступки ваших людей?

Аманаты отговаривались незнанием. «У нас свои думы, а у улусных людей — свои», — говорили они. Лишь Толга ответил дерзко, вызывающе: «Можете отсечь нам головы, коли мы вам попались».

— Мы не собираемся этого делать, — спокойно ответил Толге Хабаров. — Какой нам прок от твоей головы?

В течение четырёх дней Ерофей Павлович ждал, что дауры одумаются и вернутся в свои жилища. Он даже отослал к беглецам одного из аманатов с призывом не совершать неразумных поступков и возвращаться, но призыв не возымел действия. Тогда Хабаров принял решение срочно сниматься с зейской стоянки и идти вниз по Амуру. Приходилось торопиться, так как навигационный период близился к концу. Караван миновал устье крупного амурского притока Бурей. Отсюда начинались земли, населённые народом, который Хабаров называет в своих отписках гогулями, или гогулами. Об этом народе мы встречаем упоминание только у одного Хабарова. Вероятно, речь шла о каком-то местном названии дючеров, либо Ерофей Павлович неправильно понял название народа. Их небольшие поселения насчитывали не более десятка жилищ. От гогулов Хабаров узнал, что ниже

устья правого амурского притока живут дючеры.

Караван Хабарова плыл целую неделю. В дючерских землях почти не делали остановок, и близко познакомиться с дючерами хабаровцам не удалось. Всё же кое-какие беглые сведения о дючерах и районе их расселения были собраны. Правый берег Амура был гористым и неудобным для причаливания судов каравана, левый — низменный, местами заболоченный — неудобным для поселения. На правом, возвышенном берегу были сосредоточены поселения дючеров. Они насчитывали до шестидесяти и более юрт. Земледелием дючеры занимались меньше, чем их соседи, дауры, отдавая предпочтение скотоводству и рыболовству.

В поисках места для зимовья Хабаров внимательно обозревал берега и приходил к выводу, что правый берег для этого удобен и небезопасен. Пользуясь знакомой им горной местностью, маньчжуры или другие внешние враги могли тихо подобраться к русскому зимовью и внезапно напасть на него. Кроме того, противник имел возможность сконцентрировать свои силы в горном распадке.

Приняв правый приток, реку Уссури, Амур круто поворачивал на северо-восток. Берега здесь были низменными, лесистыми, часто река растекалась на мелководные протоки, образуя острова и островки. А населяли эти места ачань, так во времена Хабарова называли одно из ответвлений натков или, по-современному, нанайцев. Ачань, как могли, заметить хабаровцы, земледелием не занимались. Жили они в прибрежных поселениях за счёт рыболовства и охоты.

Хабаров выбрал для зимовки место на берегу тихой амурской протоки под утёсом. Здесь был возведён Ачанский острожек, названный так по имени населения — ачан. Где же Ерофей Павлович обустроил новое зимовье? Исследователи выяснили, что Ачанский городок располагался вблизи современного приамурского правобережного села Троицкого, ниже нынешнего Хабаровска. Это территория современного Нанайского района.

Отряд дружно взялся за работу, заготовили строевой лес, возвели стены с двумя сторожевыми и одной проезжей башней с воротами. Внутри ограждения срубили несколько зимних изб, амбар для заготовленной пушнины, отрыли погреб для мороженой рыбы. Стены городка окружили земляным валом и глубоким рвом. Когда работа по возведению городка завершилась, выяснилось, что он маловат для отряда, поэтому Хабаров принял решение за пределами стен срубить ещё несколько изб.

Приходилось позаботиться о съестных припасах на зиму. Поэтому Хабаров снарядил промысловую экспедицию в низовья Амура. Ей было

поручено заняться заготовкой рыбы. Амур славился своими рыбными богатствами, особенно рыбой лососёвых и сиговых пород. На промысел отправилась примерно половина отряда Хабарова — около ста человек. Они дошли до низовьев реки, где и занялись интенсивной ловлей с помощью «железных крюков», т.е. багров. Вылавливали только крупную рыбу, а мелкую отпускали обратно в воду. Промысловики занимались также тем, что выменивали у местных жителей — гиляков (нынешних нивхов) рыбу на разные бытовые товары, которые могли их заинтересовать.

Тем временем оставшаяся в Ачанском городке часть отряда столкнулась с опасностью. Наблюдательные туземные жители заметили, что от прежнего отряда осталась только половина. Значит, силы защитников городка были серьёзно ослаблены. Это натолкнуло обитавших вблизи городка ачанов на мысль объединиться с соседями-дючерами и поживиться за счёт русского зимовья.

К Ачанскому городку незаметно подошли речные суда, каждое из которых вмещало по пятьдесят-шестьдесят человек. Струги нападавших, воспользовавшихся тем, что русские утратили бдительность и никак не ожидали нападения соседей, вошли в протоку и незаметно причалили к берегу. Ачинский лазутчик, не подымая шума, ловко взобрался ночью на сторожевую башню, снял охранявшего её Никифора Ермолаева, который, по-видимому, проявив беззаботность, задремал на посту.

Защитники городка никак не ждали нападения и далеко не сразу заметили надвигающуюся опасность. Нападавшие не были замечены и тогда, когда они окружили городок со всех сторон и подожгли его стены. Лишь запах дыма и возня у стен заставили казаков забить тревогу и взяться за оружие. Они поспешно одели куяки и бросились отстреливаться и тушить пожар. Хабаров приказал, чтобы большая часть отряда, оставленная в городке, предприняла вылазку и атаковала неприятеля. От интенсивной стрельбы из пушек и ручного оружия нападающие пришли в замешательство и дрогнули. Яростные залпы огнестрельного оружия поколебали их ряды. По свидетельству самого Ерофея Павловича, бой был длительным. Против «огненного боя» нападавшие, несмотря на своё многократное численное превосходство, ничего не могли противопоставить и поспешно отступили к своим стругам. Ачаны и дючеры убедились воочию, что дело их проиграно, и поспешили удалиться, вернее, обратиться в бегство. Как выяснилось впоследствии из расспроса пленных, на русский городок напало около восьмисот человек. Таким образом, нападающая сторона по своей численности имела почти десятикратное превосходство.

Чем объяснить поражение нападавших, имевших многократное

численное превосходство, и, казалось бы, не столь затруднительную победу сотни с небольшим соратников Хабарова? Конечно, причина заключалась в наличии у русских огнестрельного оружия, военного опыта и организаторского таланта Ерофея Павловича Хабарова. Ничего этого у нападавших не оказалось.

На следующий день после неожиданного сражения в городок возвратилась та часть отряда, которая уходила на нижний Амур для рыболовного промысла. Воспользовавшись тем, что отряд оказался в сборе, Ерофей Павлович собрал всех и повёл речь.

— Оскандалились, братцы, — говорил он резко, взволнованно. — Показали себя не как доблестные воины, а как сонные растяпы. Супротивников подпустили к самым стенам городка, позволили ворогу красного петуха подпустить. Едва не был спален городок вместе с нами.

Хабаров ещё долго говорил раздражённо, допуская непотребные выражения, когда же он наконец умолк, его спросил с хитрецей Василий Поляков:

— Кого же винить теперь, Ерофей Павлович?

— Кого, кого?.. Не тебя же, конечно. Ермолаев плохо нёс караульную службу и прохлопал врага, за что и сам поплатился, и едва не поплатились мы все. А больше всех виноват я, Ерофейка. Не предвидел такого нападения, не подумал о надёжной защите городка. Повелеваю усилить ночную охрану. На каждой башне пусть теперь бдят двое. Замечу спящего стражника, прикажу всыпать батогов.

— Не слишком ли собираешься лютовать? — спросил кто-то из казаков.

— Нет, не слишком. Каждому — своё, по заслугам. А окрестности городка пусть денно и ночью прочёсывает конная стража.

— Дозволь слово молвить, — попросил кто-то из казаков в возрасте.

— Нет, не дозволю. Сие моё повеление. И нечего его обсуждать. Вот так и будем жить дальше. А городок наш станем укреплять, усиливать стены, углублять рвы, возводить новые башни. Из соседних селений возьмём аманатов. И ещё... скажу тем, кто задумал женихаться. Пока повремените, ребятки. Сперва нам надо убедиться в миролюбии, добрососедстве окрестных людей. Убедимся, тогда подумаем и о невестах.

Зима прошла спокойно, без происшествий. Жители соседних поселений вели себя смирно, больше не пытаясь предпринять каких-либо враждебных выпадов против обитателей городка. Напуганные «огненным боем» ачаны и их соседи дючеры признали военное превосходство русских. Понемногу туземцы занялись торговым обменом с русскими

промысловиками, находя его полезным и выгодным для себя. Устанавливались и ясачные отношения с местными князьями. Невольно сравнивая общение русских и маньчжур, приамурские народы убеждались, что ясак, взимаемый русскими, не столь обременителен, в то время как маньчжуры прибегали к ничем не ограниченному грабежу, к тому же они угоняли людей в неволю, многие семьи ачан и дючеров недосчитывались своих близких, томившихся в маньчжурском рабстве.

Хабаров посылал своих людей в ближайшие улусы, чтобы склонить князьков к принятию русского подданства и выплате ясака. На это согласился ачанский князёк Жакшур, который выплатил в качестве ясака два сорока соболей и отдал в аманаты своего сына.

Более отдалённым и значительным был улус дючерского князька Нечиги. Не располагая точными сведениями о численности населения этого улуса, Хабаров решил послать к нему отряд побольше. Во главе этого отряда, насчитывавшего девяносто пять человек, были поставлены Степан Поляков и Дунай Трофимов. Провожая отряд, Хабаров давал наставления.

— Учтите, мои дорогие. Этот поход — наш первый поход в Дючерскую землю. Каждый народ имеет свой нрав, свои обычаи. С дючерами мы общались слишком мало и плохо знаем, каковы они: миролюбивы или, наоборот, — воинственны. Присмотритесь к ним. Ведите себя с дючерами мирно, ласково. Действуйте добрым словом, а не угрозами. И ещё порасспрашивайте, что им известно о южных соседях, богдовых людях. А главное, постарайтесь убедить, что мы ничем не походим на их богдойских соседей, не угоняем людей в полон, не разоряем селений. Наша цель — мирные, добрые отношения с любыми народами, что живут с нами бок о бок. Пусть доверятся нам и узнают, что покровительство белого царя несёт народам защиту от всяких обидчиков.

Поляков и Трофимов, следуя наказу Хабарова, смогли по-мирному договориться с дючерским князьком Нечигой. Князец согласился платить ясак в сорок соболей и отдать в аманаты троих своих братьев. Привёз отряд из дючерской земли и важные сведения.

— В улусе Нечиги не раз появлялись лазутчики богдоев, — рассказывал Ерофею Павловичу Поляков.

— Что им было нужно?

— Интересовались, где стоит наш отряд, много ли нас, есть ли в нашем распоряжении «огненный бой».

— Так, так... Что ещё говорили лазутчики?

— Запугивали дючеров. Говорили, что вблизи Амура стоит многочисленное войско богдойцев. А Нечига утверждает, что богдойцы

врут. Вблизи Амура никакого войска нет. Может быть, далее к югу и стоит, а там нет. И ещё лазутчики угрожали — плохо будет дючерам, коли они переметнутся к северным людям.

— Ты бы прямо спросил Нечигу, мол, нуждаетесь ли вы, дючеры, в нашей помощи?

— Конечно, спрашивали об этом, — сказал Трофимов. — Ответил нам князёк, что дючеры в русской помощи нуждаются. Русские, мол, не жгут наши селения, не угоняют наших людей толпами в полон.

— Это он хорошо сказал. Ты бы спросил у него после таких слов, зачем же минувшей осенью они на наш городок нападали, поджечь его пытались?

— Молвили ему это. А он отвечал, что якобы богдоевы люди их подстрекали.

— Хитрил Нечига. А может, и впрямь богдоевы люди его подстрекали. Ну да ладно... Не будем злопамятны.

Из сведений, собранных Степаном Поляковым и Дунаем Трофимовым, Ерофей Павлович сделал своё заключение: дючеры, ачаны и другие приамурские народы не любят богдоев, те маньчжур, ненавидя их за частые набеги, грабежи, уводы в полон своих соплеменников. Русские представлялись жителям Приамурья во всех отношениях меньшим злом, а их господство — как более приемлемое и менее обременительное. Вместе с тем было понятно, что появление русских на Амуре вызвало у маньчжур тревогу и раздражение. Их лазутчики старались выведать у приамурских обитателей, чем занимаются русские на Амуре, каковы их численность, вооружение, дружелюбно ли относятся к ним местные жители. Ответы вызывали у богдойских людей нескрываемое раздражение и прямые угрозы в адрес русских и тех приамурских князьков, которые пытались завязать с русскими добрые отношения. Особое раздражение, судя по всему, вызывало у маньчжур то, что русские вели широкий соболиный промысел, проявляли интерес к богатствам недр, а кроме того, намеревались в недалёком будущем заняться здесь хлебопашеством.

Маньчжуры ни в коей мере не были заинтересованы в установлении добрососедских отношений русских с приамурскими народами, готовыми выплачивать русским ясак и принять их покровительство. Большинство местных князьков в конце концов узрели выгоду добрых отношений с русскими, и маньчжуры не могли не понять, что установление русской администрации на Амуре навсегда положит конец их агрессивным походам, сопряжённым с непрерывными грабежами и угоном полонян.

В начале XVII века Китай переживал глубокий социальный,

политический кризис, ослабление центральной власти. Этим воспользовались северные соседи, маньчжуры. Они повели упорное и планомерное наступление на Китай, в результате которого произошёл крах Минской монархии и на императорский трон в Пекине был возведён маньчжурский предводитель Шуньчжи. Положение захватчиков в Китае не было прочным. Китайцы и другие народы, населявшие страну, то и дело восставали против маньчжурских захватчиков. Маньчжурская феодальная верхушка стремилась в этих непростых условиях обеспечить себе прочный тыл за счёт расширения своих владений на севере. Речь шла о Приамурье. Маньчжурские правители видели, что русские пока ещё не располагают здесь значительными силами, и поэтому не отказывались от осуществления своих захватнических планов в этом регионе, который никогда маньчжурам не принадлежал. С одной из таких попыток маньчжур пришлось столкнуться Хабарову и его отряду.

Маньчжурское войско насчитывало более двух тысяч человек. Его слабым местом был пёстрый национальный состав: около половины маньчжурского войска составляли дауры, дючеры и тунгусы, насильственно угнанные в Маньчжурию во время грабительских походов и вынужденные воевать помимо своей воли. Эти люди ненавидели своих поработителей и при первой возможности становились беглецами. Однако войско имело хорошее вооружение и снаряжение, не только холодное, но и огнестрельное оружие. Двухтысячная армия, готовившаяся к нападению на Приамурье, располагала шестью пушками, пищалами, петардами. Последние представляли собой глиняный сосуд, начиненный порохом. Разрыв петард мог произвести серьёзные повреждения в городских стенах, башнях и оказать серьёзное моральное воздействие на противника. Войско маньчжур было конным. На каждую пару воинов выделялось по три коня. Третий рассматривался в качестве запасного и предназначался на тот случай, если один из всадников в ходе боя лишился бы своего коня. Во главе маньчжурского войска был поставлен военачальник Хайсэ, а его помощником назначен Сифу, который у русских был известен как Исиней.

Маньчжурское командование располагало сведениями о местоположении отряда Хабарова и вынашивало план нападения на Ачанский городок. Однако это нападение не стало для русских неожиданностью. Дючеры неоднократно предупреждали новых соседей о появлении на Амуре маньчжурских лазутчиков, собиравших сведения о силах русских.

И вот наконец произошло знаменательное событие.

В расположении князька Нечиги появился даур, вооружённый на

маньчжурский лад. Среди дючеров нашлись люди, понимающие даурскую речь. С их помощью удалось выяснить, что даур оказался беглым, покинувшим своего военачальника Хайсэ и решившим бежать на Амур, чтобы предупредить о надвигающейся угрозе русских. Беглец добрался до реки Уссури, нашёл там лодку вблизи одного из селений и спустился вниз по течению до впадения этой реки в Амур. Там он достиг дючерского селения и сообщил, что на север движется конная армия маньчжур.

Князёк Нечига выслушал беглого, посоветовался со старейшинами и решил предупредить русских. Беглый даур и сопровождавший его дючер, доверенный человек Нечиги, отправились вниз по Амуру к русской крепостце.

Ерофей Павлович выслушал беглеца, речь которого перевёл толмач Иванов, поблагодарил и даура, и сопровождавшего его дючера, вручив обоим подарки, и спросил:

— Не хотите ли защищать вместе с нами острожек?

Гости ответили согласием.

Нападение маньчжур хоть и не стало неожиданностью для защитников городка, но случилось раньше, чем они предполагали. Люди из отряда Хабарова, которые размещались в избах за пределами городка, ещё даже не успели покинуть свои жилища и укрыться за его стенами.

Это произошло 24 марта — уже на следующий день после того, как даур и дючер привезли тревожную весть. Нестройные колонны всадников показались вблизи городка, спешили и охватили его кольцом. В крепостце подняли тревогу. Раздались удары колокола и призывные возгласы. Защитники поспешно облачались в кюяки. Тяжкое испытание выпало на долю тех русских, что остались за пределами крепостных стен: ворота крепостцы открывать было уже рискованно, однако они проявили расторопность, стремительно бросились к стенам и карабкались по ним вверх. Об этом драматическом моменте написал Хабаров: «И метались казаки в город, в единых рубашках, на стену город овую».

Маньчжуры принялись обстреливать городок из пушек и пищалей, но и защитники городка не сплеховали. Они дали возможность противнику подойти поближе к стенам городка и открыли интенсивный прицельный огонь. Над Амуром стояли гулкие звуки выстрелов и разрывов, слышимые в окрестных селениях. Пахло пороховой гарью. Напряжённый бой продолжался от зари до захода солнца.

Наступающие овладели избами, брошенными их обитателями, и повели стрельбу по городку с их крыш. К концу дня перевес сил оказался у маньчжур. Они сумели вплотную подобраться к одному из участков стены,

но попытка её преодолеть маньчжурам не удалась. Тогда они проломили в одном месте стену «сверху до земли» и приблизились к пробоине, намереваясь ворваться в городок. Как сообщает Хабаров, Исинея приказал своим воинам не жечь, не рубить русских, а брать живьём. Маньчжурский предводитель призывал защитников сдаться на милость победителей с оружием в руках, но призыв не достиг своей цели.

Ерофей Павлович проявил и твёрдость духа, и организаторские способности. Воодушевляя защитников городка, он внушал им, что лучше смерть в честном бою, чем позор плена. Хабаров говорил, обращаясь к защитникам городка: «Умрём мы, братцы казаки, за веру крещёную, и постоим за Дом Спаса пречистыя и Николы Чудотворца, и порадеем мы, казаки, государю дарю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси и помрём мы, казаки, все за один человек против государева недруга, а живы мы, казаки, в руки им, богдойским людям, не дадимся!»

Призыв Хабарова воодушевил его людей. С новыми силами они бросились на противника. В образовавшийся пролом в стене, к которому уже приблизился неприятель, защитники вкатили большую медную пушку и стали в упор стрелять по нападавшим. В то же время был открыт огонь из железных пушек с башен, а также усилилась стрельба из ружей с городских стен. Штурм неприятеля был успешно отбит. Маньчжуры с большими потерями отступили.

Хабаров принимал в ходе боя молниеносные решения, отдавал чёткие команды. Теперь же, увидев, что противник отступил, решил закрепить победу и нанести по маньчжурам удар. Он приказал оставаться в городке части своего отряда, а сам, возглавив основную часть его, приказал:

— Преследуем богдоевых людей. Больше шума, больше крика! Пусть враги уверуют, что нас великое множество, что на них навалилась великая орда. В сумерках-то не разглядишь, сколько нас.

Маньчжуры не знали точно о силах русских и, введённые в заблуждение, решили, что на них наступает огромное войско. Люди Хабарова, вооружённые только холодным оружием, успешно преследовали неприятеля, отбили у маньчжур две железные пушки и нанесли противнику большие потери в живой силе («лучших воинов побили и огненное оружие... у них взяли»). Успехи отряда Хабарова заставили маньчжур обратиться в беспорядочное бегство.

В ходе преследования неприятеля отряд Хабарова захватил пленных и богатые трофеи, кроме упомянутых пушек они составили более восьмисот лошадей, двенадцать пицалей и восемь знамён. Людские потери маньчжур в сражении за городок превысили шестьсот человек. Значительная их часть

погибла в результате пушечного обстрела. Десяток человек убитыми потеряли русские, раненых среди них было во много раз больше.

Рассматривая захваченное оружие, Хабаров заинтересовался маньчжурскими пищалями. В отличие от русских, они имели не один, а три и даже четыре ствола.

— Ишь ты, любопытная вещица... Зело любопытная, — заметил Ерофей Павлович, — скорострельная штучка! Подносишь запал к заряду в первом стволе, и пока он начинает гореть, поджигаешь тем временем второй запал, потом — третий. Получается непрерывная стрельба.

— Есть чему поучиться нашим пушкарям у богдоевых людишек, — сказал Степан Поляков.

— А я так думаю, сии многоствольные пищали — не богдоевских людей рук дело. Небось у китайцев позаимствовали.

— А где же петарды у богдоевцев? — спросил Поляков.

— А это мы спросим у нашего доброго даура, — ответил Хабаров.

Привели беглого даура, перебежавшего к русским, тот объяснил, что под прицельным огнём русских маньчжуры, вероятно, не рискнули подложить петарды к стенам городка. Наступавшие приблизились к стенам и опасались, что взрывы петард заставят пострадать не одних русских, но и их самих. Как утверждал даур, маньчжуры любили применять это оружие, которое часто использовали в Китае при штурме крепостей. Тактика маньчжур заключалась в том, чтобы у крепостных стен устроить мощный взрыв петард, который создавал в стене большую пробоину, через которую могли бы ворваться в крепость наступающие.

Высоко оценив вооружение противника, Хабаров также смог убедиться, что боеспособность маньчжурского войска оставляла желать лучшего. Причину этого видел в том, что большая часть этого войска состояла из тех, кто был насильственно угнан на войну и проливать кровь за своих поработителей не хотел. Часто эти подневольные люди, не желая идти в бой, разбегались по окрестным селениям или скрывались в лесах.

В итоге все эти благоприятные для русской стороны факторы позволили Хабарову одержать победу на маньчжурским войском, обладавшим десятикратным численным превосходством и передовой военной техникой. Обо всём этом Хабаров написал подробную отписку Францбекову в Якутск.

Пекинский двор болезненно отреагировал на поражение маньчжурских войск на Амуре. Хайсэ был наказан, а Сифу отстранён от должности и получил сто ударов палками. Маньчжуры после поражения под Ачинским острожком некоторое время на Амуре не показывались.

Весна 1653 года наступила рано, и Амур вскрылся от ледового покрова. Отряд Хабарова занялся ремонтом дощаников и изготовлением новых. В отряде нашлись искусные корабелы, построившие за свою жизнь не одно судно.

Перед Хабаровым встал серьёзный вопрос — что делать дальше. Куда теперь следует направляться отряду: вниз к амурскому устью, в гиляцкие земли, либо вверх по Амуру, в уже пройденную часть реки? Когда надо было решать столь сложные проблемы, Ерофей Павлович считал необходимым собирать совет, или малый, в состав которого входили ближайшие помощники, или большой, на который собирался весь отряд. На этот раз он решил услышать мнение большого совета, всего отряда, невзирая на чины и возраст людей. Так в отряде, благодаря стараниям Хабарова, поддерживалось демократическое начало. Однако это не препятствовало принятию жёстких, единоличных решений, коли отряд не мог преодолеть разногласий и прийти к разумной точке зрения.

— Наступила весна. Мы можем двигаться в путь, — обратился Хабаров к отряду. — Что предпримем? Куда подадимся?

Послышались разные голоса: нашлись сторонники плавания вниз по Амуру, к его устью, высказывались и за плавание вверх по реке. Этого мнения придерживалось большинство. С ним согласился и Хабаров.

— Я сторонник плыть вверх по Амуру, — сказал он.

— Почему вверх? Объясни, — обратился к нему с вопросом один из казаков.

— Разве не понятно? Мы нуждаемся в подкреплении. Богдоевы люди могут повторить нападение. Учтя свой неудачный опыт, теперь они это сделают большими силами. Поэтому мы нуждаемся в подкреплении. Возможно, воевода уже прислал нам помощь, и её мы можем встретить где-то в даурских или дючерских землях. Общими силами нам легче будет противостоять нападению богдоевых людей.

— Разумно рассуждаешь, — согласился с Хабаровым есаул Андрей Иванов.

В конце концов весь сход поддержал план, по которому отряд должен направиться не вниз, а вверх по Амуру. Он располагал теперь шестью крупными дощаниками, которые в зависимости от направления течения могли идти и на вёслах, и под парусами.

22 апреля караван судов вышел из Ачанского городка, где прошла зимовка отряда. Гребцы налегли на вёсла, стараясь держаться середины реки. Весна спешила войти в свои права: начинали распускаться листья на прибрежных деревьях, зазеленел нежной листвой ивняк, склонивший свои

ветви к самой воде.

Миновали устье реки Уссури, образующей при впадении в Амур большой низменный остров. Далее потянулись низкие берега, поросшие кустарником, иногда над ними взметались огромные тополя. Миновали устье Сунгари, за ним повстречалась ярко-красная лодка — так любят раскрашивать свои лодки маньчжуры, — лодочник одет был как-то странно, не на местный лад. Сперва Хабаров и его спутники не обратили внимания на эту лодку — мало ли всяких местных людишек плавают по вольной реке, — но потом насторожились. Лодочник пропустил караван и пошёл вслед за ним, держась на некотором отдалении. Он был сильным человеком и уверенно грёб против течения, ловко взмахивая вёслами, стараясь не отставать от каравана.

— Это человек с юга, — произнёс оставшийся при отряде беглый даур и махнул рукой в сторону маньчжурских земель.

— Богдоев лазутчик, — высказал предположение Ерофей Павлович, — потребно изловить его и допросить.

Он приказал спустить лодку на воду и поручил четырём вооружённым казакам схватить лазутчика и привести на передовой дощаник.

Задержанный оказался маньчжуром. Оружия при нём не было, но он не скрывал, что ему было приказано идти по пятам хабаровского отряда, выследить его путь и узнать, где он остановится на зимовку.

— Зачем тебе это нужно? — спрашивал Хабаров через толмача, в роли которого выступал беглый даур, усвоивший в плену язык маньчжуров.

— Мне это совсем не нужно. Большой начальник приказал, — уклончиво ответил задержанный.

— Где стоит ближайший богдоев отряд?

— Близко. В устье большой реки, которая впадает в самую большую реку, по которой мы плывём.

Хабаров уразумел, что речь шла о реке Сунгари, впадавшей в Амур.

— Значит, его люди могли нас видеть, когда мы проплывали мимо устья? — продолжал свой допрос Ерофей Павлович.

— Надо полагать, видели.

— Почему же не напали на нас?

— Нападут, когда настанет для этого подходящее время. Когда вы устроитесь на зимнюю стоянку.

— А много ли людей в твоём отряде?

— Много.

— А точнее?

— Шибко много. Не сосчитаешь.

— Врёшь ведь, чтоб нас напугать.

— А когда придёт время нападать на ваш зимний городок, нас будет ещё больше. Раза в два или в три больше, чем теперь.

Возможно, лазутчик врал и бахвалился, чтобы припугнуть русских, но допрос его вызвал у Хабарова и его соратников неприятное, тревожное ощущение. Беглый Даур, уловив эту тревогу, произнёс:

— Позвольте сказать... Я слышал разговоры ханских людей. Они говорили друг другу, что в их войске шесть тысяч воинов. Может быть, вначале и было столько, да с тех пор многие дауры и другие жители Амура разбежались по своим домам.

— Это очень важно, что ты нам передал, — сказал Хабаров поощрительно.

Лазутчик со связанными руками был оставлен на борту дощаника. Человек ловкий, он как-то ухитрился освободиться от верёвок и, перегнувшись через борт, плюхнулся в воду и стремительно начал грести к берегу. Один из казаков, прицелившись, выстрелил в беглеца. Выстрел оказался метким, пуля попала в голову. Тело убитого ушло под воду, на её поверхности осталось расплзающееся кровавое пятно.

Караван плыл мимо дючерского селения.

— Смотри-ка, Ерофей Павлович, никак наши, — радостно воскликнул один из гребцов.

— Наши, наши... — подхватили его возглас другие.

— Где наши? — воскликнул Хабаров, прикладывая ко лбу сложенную козырьком ладонь.

— Глянь-ка... Вот они, родные.

Вдали едва можно было различить силуэты трёх дощаников.

— Приналегите-ка на вёсла, ребятки, — скомандовал Хабаров гребцам.

Когда караван приблизился к стоянке дощаников, навстречу ему вышла лодка со знакомым человеком на борту и двумя гребцами. В лодке был Третьяк Чечигин, возглавивший пополнение. Его люди располагались у костров на прибрежной поляне и занимались приготовлением пищи.

Хабаров и Чечигин сердечно приветствовали друг друга, обнялись.

— А я уж совсем потерял надежду дожидаться пополнения и решил отправиться на зимовку без вас, — сказал ему Ерофей Павлович.

— Вышли из Якутска только в июле, — ответил ему Чечигин. — Францбеков не сумел быстро собрать тебе пополнение. Не все казаки и промысловики горели желанием отправиться на Амур. А тут ещё дела всякие кляузные...

— Что ты имеешь в виду?

— Пойдём в твою коморку, хочу потолковать с тобой, Ерофей, с глазу на глаз, без свидетелей.

— Пойдём.

Они уединились в тесной коморке под палубой дощаника, впереди грузового трюма. Чечигин перешёл на доверительный шёпот и стал рассказывать:

— Францбеков зело не ладит с Петрушкой Стеншиным.

— По-моему, они давно не ладят. Сам был свидетелем.

— А теперь нелады и вовсе усугубились. Дьяк строчит доносы на воеводу в Сибирский приказ. Обвиняет его во всех злоупотреблениях. Сохранить свои кляузы в тайне Стеншин не сумел. Уж не знаю, как сие вышло, либо дьяк сам кому-то проговорился, либо одно из его писем сумели перехватить люди Францбекова. В доносах тех достаётся на орехи и тебе, Ерофей.

— Мне-то за что? Я казённых денег не присваивал, как некоторые...

— Дьяк выставил тебя сообщником воеводы. Вы, мол, оба греховодники. И ещё... Ты уж извини меня, Ерофеюшка, за откровенность, по-дружески хочу предупредить тебя.

— Говори, говори, коли знаешь. Не щади. Ведаю, на что способен дьяк.

— Стеншин в своих кляузах представил дело так, будто вы с воеводой заединщики. Вместе, мол, обирали людей отряда и наживались на этом.

— Какая чушь! Не сообщник я воеводы, скорее, жертва его. Не могу выпутаться из долгов. Опутал он меня с ног до головы долговой кабалой, словно охотничьей сетью.

— Понятно. Но разберутся ли в этом люди в приказе? Опровергнут ли кляузу Стеншина?

— Будем надеяться, что разберутся, коли там сидят люди с головой.

— Спросишь небось меня, Ерофей, почему я в Якутске столь долго замешкался, что ты ушёл на зимовье, меня с подкреплением не дождавшись.

— Спрошу, конечно.

— Тяжба с дьяком отвлекала воеводу от сбора отряда. Стеншин определённо настраивал людей против Францбекова, не советовал им идти на Амур.

— Дьяку-то от этого какая корысть?

— Мол, будете служить под началом человека Францбекова. А они

— одна ватага.

— Как настрой в твоём отряде?

— Да что тебе сказать? Нет единения в отряде. Некоторых дьяк Стеншин настроил. Промысловики ропщут — почему, мол, нам не выплачивают государево жалованье, какое получают казаки. Так что единства в отряде нет. Чувствую, что и ко мне отношение настороженное, даже, пожалуй, недружелюбное.

— Ты-то чем не угодил людишкам?

— Неужели не понимаешь? Я для них тоже человек Францбекова, а нелюбовь к воеводе обрушилась и на меня, грешного. Предугадываю, что и тебе с этим народом придётся нелегко. Опасаюсь, что когда-нибудь их недовольство прорвётся наружу и случится бунт.

— Не дай-то Бог такое.

— Рассказал бы, Ерофеюшка, как прошла твоя зимовка.

— Прошла благополучно. Соболей заготовили много. Надо бы снарядить в Якутск человека с ясачными сборами. Вот к весне случилась напасть. Выдержали нападение богдоевых полчищ.

— Расскажи.

Ерофей Павлович принялся подробно рассказывать о недавних событиях под стенами Ачинского городка, где его защитникам пришлось выдержать кровопролитный бой.

— Тяжёлый был бой, — подытожил Хабаров. — И потери понесли немалые.

— Велики ли потери?

— Наш отряд потерял десять человек убитыми и ещё много раненых. А противник потерял раз в десять больше.

— Ого! А мы с отрядом шли вниз по Амуру, пока не достигли городка князька Банбулая. Здесь нас и застала зима. В Банбулаевом городке зазимовали. Отсюда ходили на промысел, заготавливали соболя. С банбулаевыми людьми старались ладить.

Хабаров с интересом выслушал Чечигина, рассказывавшего о зимовке, потом прервал его:

— Хочу познакомиться с пополнением. Собери своих людей.

Ерофей Павлович облачился в парадный кафтан, прицепил к поясу саблю и взял с собой двух своих людей для сопровождения, чтобы выглядеть более торжественно, с ними и спустился с борта дощаника на берег.

Люди Чечигина встретили Хабарова настороженно, ждали, что он скажет.

— Рад вашему прибытию, други мои, — торжественно произнёс Ерофей Павлович. — С вашим прибытием мы теперь серьёзная военная сила. Отряд наш вырос до трёхсот с лишним человек. Это великая сила, коли мы все будем держаться дружно, вместе, чувствовать локоть друг друга. А раздоры могут ослабить самый внушительный отряд. Поэтому и хотел бы начать своё слово с призыва к вам — не место раздорам в наших рядах.

— А коли есть причины для раздоров? — дерзко выкрикнул какой-то чернявый казак. — Как тогда прикажешь поступать?

— Приходи ко мне по-свойски. Поведай, что тебе мешает жить в мире и дружбе с соотрядниками. Вместе обсудим твоё дело и уладим.

На эти слова Хабарова никто не решился возразить, и он продолжал свою речь.

— У нас впереди будет достаточно времени, чтоб я смог познакомиться с каждым из вас. Пока же лучше меня узнал вас Третьяк Чечигин. Будем служить с ним общую службу за один человек.

Этими словами, запечатлёнными в одном из документов, Хабаров фактически представлял Чечигина как своего заместителя по объединённому отряду.

Хотя Хабаров иногда улавливал косые недружелюбные взгляды, недоброе шушуканье по углам, но пока казаки и промысловики вели себя смиренно и скандалов не поднимали.

В земле дючеров отряд пробыл месяц. Здесь отрядники собирали ясак с местного населения. Дючерский князёк Тонча и его родные, и улусные люди сами пришли к Хабарову и добровольно решили принять российское подданство. С собой они принесли 32 ясачных соболя и сверх того ещё 78 «поклонных», т.е. подарочных шкурок. Через некоторое время улусные люди Тончи выплатили полный ясак.

Такая покладистость дючеров легко объяснима: в добрых отношениях с русскими этот приамурский народ видел наименьшее зло, нежели соседство с маньчжурами, постоянно угрожавшими грабительскими набегами. Во-вторых, весть о разгроме маньчжурского войска внушила дючерам уважение к русским, желание жить с ними в мире.

До Ерофея Павловича доходили зловещие вести о сосредоточении вооружённых сил маньчжур в низовьях реки Сунгари, он пытался посылать в этот район даур и дючеров в качестве лазутчиков, но они откликались на призывы Хабарова неохотно. Некоторые просто уходили в сопки, лишь бы не идти в распоряжение маньчжур, другие сказывались хворыми. Остальные не скрывали своего страха перед южными соседями, ссылались

на их вероломство и коварство. Нашлись лишь два храбреца, которые не стали отговариваться и согласились отправиться в расположение маньчжурского войска в качестве лазутчиков.

Один из них не вернулся. Возможно, был схвачен маньчжурами, а может быть, в последний момент струсил и укрылся в каком-нибудь отдалённом стойбище. А другой лазутчик-даур вышел на нижний приток реки Сунгари, прячась в прибрежных камышах, добрался до расположения маньчжурского войска и из своего укрытия вёл наблюдение за военным лагерем маньчжур, освещённым пламенем множеством костров. По наблюдениям лазутчика, маньчжур было много, очень много. Войско располагало пушками и большим обозом с припасами.

Когда лазутчик вернулся на Амур, Ерофея Павловича с его отрядом на прежнем месте у дючерского городка он не застал — отряд подался вверх по Амуру, — и он нагнал Хабарова у городка Турончи в Даурской земле.

— С чем пришёл? — спросил даура Хабаров, когда того привели к нему. Подоспевший Константин Иванов перевёл вопрос Ерофея Павловича. Толмач уже сносно освоил язык дауров и переводил разговор почти без запинок. Завязалась оживлённая беседа.

Лазутчик рассказал, что добрался, прячась в кустарнике, до самого становища маньчжур, где видел огромное число вооружённых людей, многие из которых были с ружьями и саблями. Заприметил он и несколько пушек.

— И сколько, по-твоему, было всех богдоевых людей?

— Много, — неопределённо ответил даур.

— А точнее?

— Совсем много.

Лазутчик растопырил пальцы на обеих руках, несколько раз сжал их в кулак и снова растопырил.

Численность маньчжурского отряда Хабаров так и не смог установить. Даур несколько раз повторял «много, много...» и делал широкий жест рукой.

— Пожалуй, числа всех богдоевых людей ты нам не сумеешь назвать, — сказал с сожалением Ерофей Павлович и приказал щедро накормить даура.

Хабаров приказал своим людям внимательно следить за течением Амура и обшарить все окрестности стоянки, где могли скрываться богдоевы лазутчики.

Один попался. Это был жилистый с широким и скуластым лицом человек неопределённого возраста. Его привели к Хабарову для допроса.

— Ты откуда взялся, мужик? — спросил его через толмача Хабаров. Маньчжур сделал вид, что не понимает вопроса. Возможно, он и в самом деле не понимал, но толмач обращался к пленнику и по-тунгусски, и по-даурски, и по-дючерски, и в каждом случае маньчжур демонстрировал полное непонимание. Тогда Хабаров приказал привести из ближайшего городка Толги несколько местных жителей, один из которых узнал пленного.

— Знаю такого, — сказал он, — приходил к нам в городок. Прикидывается он непонимающим, а сам хорошо понимает даурскую речь.

— Значит, враг нам, богдоев человек, врёт, что не понимает нас, — сурово произнёс Хабаров.

Даже после этого маньчжур пытался отмалчиваться и всем своим видом показывал, что не понимает ни слова.

— Предупреждаю тебя, басурманин, — прикрикнул на него Хабаров, — будешь молчать, прикажу тебя жечь на медленном огне. Тогда заговоришь, голубчик.

Маньчжур понял угрозу и быстро-быстро забормотал что-то маловразумительное. Из этого бормотания можно было понять, что он готов отвечать на вопросы.

— Много ли вашего войска стоит на реке Сунгари? — спросил Ерофей Павлович.

— Много, — последовал ответ.

— Без тебя знаю, что много. Назови мне точное число.

— От большого начальника я слышал, что всего в войске шесть тысяч человек. А может, ещё подошла подмога с юга. Так что, наверное, все десять тысяч наберётся.

— Не врешь?

— Сам слышал.

Потом Хабарову стало понятно, что через лазутчиков маньчжуры умышленно распространяли слухи об огромной численности своего войска, которое стоит вблизи Амура и готово идти в Приамурье. Слухи эти нарастали, и сперва они говорили о десятитысячном маньчжурском войске, но потом эта вымышленная цифра поднялась до сорока тысяч. Распространялись слухи и о том, что на вооружении маньчжур несчётное количество ружей, сабель, много пушек. Нетрудно было понять, что эти слухи преследовали сразу несколько целей: запугать и склонить к покорности приамурские народы, а также припугнуть русских и заставить их увести свои силы с Амура.

Собрав своё окружение, Ерофей Павлович счёл необходимым

сообщить своё мнение об этих слухах и их распространителях.

— Слухи, други мои, тревожные. Всё приамурское население напугано ими. Убеждён, что богдоевы силы зело преувеличены. Однако же... дыма без огня не бывает. Поэтому не давайте повода местным народам глядеть на нас с враждой. Пусть видят в нас защитников. Коли богдоевы люди нанесут нам удар и изгонят с Амура, даурам, дючерам, тунгусам не поздоровится. Станут они рабами богдоевцев. Вот и внушайте приамурским жителям, что надобно всем нам держаться вместе.

В Даурскую землю Хабаров привёз назад аманатов, которых взял год тому назад. Это были князёк Туронча и с братьями Анаем и Мокалеем и сыном соседнего князька Богучеем. Сыновья Турончи привезли ясак в тридцать соболей и десяток быков. Их примеру последовали и другие даурские рода, тоже привозившие ясак. Как отмечают источники, вся собранная Хабаровым ясачная казна к зиме 1652 года составила семнадцать сороков соболей, а также меха черно-бурых и красных лисиц, меховые изделия.

Несмотря на слова Хабарова, убеждавшего дауров жить в прежних своих жилищах без боязни, ибо в лице русских они обрели защитников, дауры выслушивали его с удовлетворением, но всё же чувства страха перед возможным маньчжурским нашествием преодолеть не могли.

Лето подходило к концу. Желтела и опадала листва прибрежных тополей, пожухла от ранних заморозков трава, на болотистых местах краснела клюква. Надвигалась зима. Хабаров говорил своим ближайшим соратникам:

— Думайте, други мои, где выберем место для зимовки. Следует обдумать и то, как наладить оборону, коли подвергнемся нашествию врагов. Нельзя забыть и о припасах на зиму.

Уединившись с Третьяком Чечигиным, Ерофей Павлович начал с ним доверительную беседу.

— Потребно приложить все усилия, дабы избежать нового столкновения с южным соседом.

— А как приложить? — спросил Третьяк. — После такого удара под Ачинским острожком враги, думаю, не очень-то расположены мириться с нами.

— Вестимо. И всё же нам надлежит первыми протянуть руку для примирения, даже дружбы. Я допрашивал многих пленных. Убедился, враг сей силён, самонадеян и коварен.

— Неужто веришь, Ерофей, что богдоевы люди согласятся на принятие нашего подданства?

— Не очень я в это верю, откровенно говоря, совсем не верю. Правда, когда-то верил, не зная ещё, кто такие богдойские люди, каковы их силы.

— Чего же тогда мы должны добиваться?

— Хотя бы замирения с Шамшаканом. Ведь и вороги, проливающие кровь во взаимных стычках, в конце концов замиряются. Как бы ты посмотрел, Третьяк, ежели поручим тебе ответственное дело: отправиться с грамотой к царю Шамшакану?

— По плечу ли мне такое?

— А почему бы и нет? Ты опытен, благоразумен. Дам тебе в помощь десяток служилых людей для охраны. Подбери сам надёжных проводников из местных жителей, знающих эти края. И, как говорится, с Богом.

Хабаров и Третьяк Чечигин, который после некоторых колебаний согласился с поручением Ерофея Павловича, стали вести переговоры с даурами, способными взять на себя роль проводников до «богдоевых рубежей». Но как только даурам становилось известно, что от них требуется, все они дружно отказывались, при этом ссылались на коварство и вероломство маньчжур. Один из князьков прямо предупредил Хабарова:

— Худо будет твоим людям. Шибко худо. Назад их богдоевы люди не отпустят. Сделают своими рабами либо всех перережут.

— Почему ты так думаешь? — спросил Хабаров.

— Убеждён, твои люди не вернутся. Богдоевцы коварны, вероломны. Они припомнят тебе, сколь много их людей ты перебил при осаде Ачанского городка. Никто из наших дауров не согласится провести твоих посланников в Богдойскую землю, поопасаются.

После таких разговоров Хабаров был вынужден отказаться от намерения направить Чечигина к маньчжурам, хотя тот уже подобрал себе спутников. Сам Ерофей Павлович тоже подготовил для своего соратника грамоту к царю Шамшакану, выдержанную в высокопарном стиле, но этот план был признан неудачным.

Посоветовавшись со своим окружением, Хабаров решил поступить иначе: послать в маньчжурский город Нингут нескольких оказавшихся в русском плену маньчжур. Среди них четверо были из числа захваченных при сражении за Ачанский городок, а один — из лазутчиков, схваченных на Амуре.

Ерофей Павлович выразил сожаление, что у него не было возможности отрядить задуманное им посольство к маньчжурскому царю. Руководствуясь дружескими намерениями, он ограничивается тем, что отпускает пленных маньчжур и поручает им лично передать царю,

правлящему в Богдоевой земле, свой наказ. Хабаров очень сожалеет, что у приамурских народов нет своей письменности, а о существовании письменности у богдойцев никому из его отряда ничего не известно, русская же письменность, вероятно, неведома богдойцам и поэтому он, предводитель русского отряда Ерофей Хабаров, ограничивается устным посланием.

Отправляя к царю богдоев освобождённых маньчжур, он обратился к ним со следующими словами:

— Отпускаю вас на родину. Передайте вашему главному правителю земли Богдойской, что мы, русские, желаем жить в мире и дружбе с вашим народом. Пусть ваш главный правитель пришлёт к нам своих людей. Мы готовы принять их как желанных гостей и поведём с ними переговоры. Пусть река Амур станет границей между нашими владениями. И пусть никогда на этой границе не произойдут враждебные столкновения.

Маньчжуры, несмотря на все усилия толмачей и особенно Константина Иванова, крайне плохо понимали, что же от них хотят. Хабаров долго и дотошно растолковывал им свои предложения маньчжурским властям. В конце концов маньчжуры поняли его или сделали вид, что поняли. Заулыбались и закивали. Напоследок всех их щедро накормили и перевезли на правый берег Амура. Сведениями о том, как они повели себя в дальнейшем, Хабаров не располагал.

Хабаров так и не дождался ответной миссии маньчжур, несмотря на приглашение. Никаких откликов на это приглашение со стороны маньчжур не было. Вообще так и осталось тайной, добрались ли освобождённые из плена маньчжуры до Нингута, имели ли там место их встречи с представителями властей. Либо все освобождённые Хабаровым предпочли не утруждать себя выполнением трудной миссии и разбежались по домам.

12. Раздоры в рядах первопроходцев

В улусе Турончи Хабаров провёл четыре недели. Первого августа он дал команду сняться с якоря и сделать следующую остановку в улусе сына Турончи, князька Кокурая.

Местность понравилась Ерофею Павловичу. Берег Амура здесь был высок, но не горист. Вдоль береговой полосы тянулись шеренги толстенных тополей, перемежавшихся с плакучими ивами, склонившимися к воде, и стройными прямыми лиственницами. Свободные от растительности участки земли были возделаны жителями под посадки хлебных культур и овощей.

Ерофей Павлович в сопровождении Третьяка Чечигина и ещё двоих близких к нему людей долго обследовал окрестности.

— Неплохо бы здесь срубить острожек и остаться в нём на зимовку, — указывая на небольшой пригорок, заметил Хабаров, спутники его поддержали.

За трапезой Ерофей Павлович сообщил своим сподвижникам:

— Зимовье устроим здесь. Место дюже доброе. Вон на том пригорке срубим острожек.

Он ожидал, что его слова будут встречены с одобрением, вызовут радостные возгласы и вопросы: место ведь для будущего острожка было очень привлекательным. Однако немногие ответили на сообщение одобрительными возгласами. Люди стали перешёптываться друг с другом и обмениваться явно недружелюбными репликами, относящимися к начальнику отряда. Большинство же членов отряда отмалчивалось.

— Вы чем-то недовольны, други? — спросил Хабаров, обращаясь к группе казаков, шушукающих в стороне.

— Шибко разные мы, Ерофей Павлович, с тобой и твоим окружением, — ответил Лонгин Васильев. — На нас, казаках, держится власть в воеводстве. А тебе казачья душа неведома. Окружил себя покручениками. Тебе бы землю пахать...

— В чём меня упрекаешь, казак? — резко перебил его Хабаров. — Да, я землю пахал и горжусь этим. Не ты ли ел тот хлеб, что я выращивал? Радуюсь, что довелось мне поднять пашню на Ленской земле. И теперь призываю хлебопашцев осесть здесь, на реке Урке.

Ерофей Павлович заговорил на повышенных тонах, не скрывая своего

гнева, но пересилил его, взял себя в руки и сказал уже миролюбиво:

— Давай-ка, Лонгин, потолкуем по душам. Возможно, и я в чём-то не прав. Возьми с собой товарищей, единомышленников.

— Отчего же не потолковать, — без большой охоты ответил казак.

— И не смотри на меня так — коль я не казак, стало быть, и человек неважный. А я ведь с малыми силами острожек отстоял и многократно превосходящим силам басурман нанёс сокрушительное поражение. Вот тебе и не казак. Не забывай этого.

Лонгин Васильев всё-таки пришёл к Хабарову и привёл с собой Степана Полякова и Константина Иванова.

— И ты здесь, Константин, в компании этих несогласных? — спросил с удивлением Хабаров.

— Как видишь, Ерофей, и я здесь, — сдержанно ответил Иванов.

Ерофей Павлович вспомнил, что, выполняя обязанности толмача, Константин часто переводил слова дауров, спотыкаясь, останавливаясь в раздумье, так как знал их язык весьма нетвёрдо. Это раздражало Хабарова, привыкшего ценить в людях чёткость и исполнительность, и бывало, он покрикивал на Иванова, раза два обозвал его непотребно, а однажды даже замахнулся на него. Этого Константин никак не мог простить и поэтому примкнул к лагерю недовольных, тем более что сам он был не рядовым казаком, а казачьим десятником.

Ерофей Павлович подготовился к встрече с противниками и пригласил себе в подмогу двух есаулов, Андрея Иванова, отличавшегося во всех делах храбростью и справедливостью, и Онуфрия Степанова, а также брата своего Никифора. Онуфрий пришёл не один, а привёл с собой помощника, Тита Леонтьева, сына Осташкова, пушкаря и мастера кузнечного дела, и ещё Фёдора Иванова, по прозвищу Серебряника.

Готовясь к нелёгкому разговору, Хабаров сумел выяснить, что его сторонники всё же преобладают в отряде. Таковых насчитывалось примерно двести двадцать человек. Их ядро составляли промышленные люди, поступившие на государеву службу без жалованья, которых иногда называли охочими людьми. Те из них, кто в отряде Хабарова жил за счёт своих средств, назывались своеуженниками, а снаряжавшиеся начальником отряда, либо другими лицами, носили название покручеников.

Число противников Хабарова достигало ста с небольшим человек. В основном это были служилые казаки. Они снаряжались за счёт казны, хотя в отдельных случаях не смогли избежать материальной зависимости от начальника отряда и других состоятельных лиц. Если казак занимал какую-либо заметную выборную должность, его избирали на общем сходе в

есаулы. В отряде оказалось несколько выборных есаулов. Одним из них был Андрей Иванов, другим — Тит Леонтьев, по прозвищу Кузнец.

В казачьей части отряда, где существовало и казачье самоуправление, были официальные должности рядовых казаков, десятников, пятидесятников. Сам Хабаров носил звание приказного. Хотя он и был наделён широкими административными правами, но он, начальник отряда, был вынужден считаться с этими факторами и советоваться или совещаться с казачьим кругом. Без этого он старался не принимать самостоятельных решений, касающихся судьбы всех членов отряда. Так, казачий круг не одобрил намерение Хабарова поселить два десятка покручеников на реке Урке и их силами завести пашню. Хабарову, таким образом, не удалось создать для амурского отряда земледельческую базу.

И вот Ерофей Павлович начал совет с людьми, собравшимися на его дощанике.

— Не гоже, други мои, ослаблять отряд неразумными раздорами. Скажите мне откровенно, чем я вам не угодил. Что вам не по душе в отряде? Что потребно сделать?

Слово взял Онуфрий Степанов.

— Поставим острожек, потребно возвести кузню с плавильной печью. Наши пушки, старые мушкеты, пищали нуждаются в починке. Из Якутска нам почти не присылали пушечных ядер. А те, что однажды прислали, не полезли в стволы. Оказался другой размер.

— Можно ли своими силами восполнить этот пробел? — спросил Хабаров Степанова.

— Конечно, можно. Пусть Тит Леонтьев ответит. Он у нас знающий пушкарь.

— Ответь, Титушка, — попросил его Ерофей Павлович.

— Дело не зело хитрое, — ответил Тит, — собираем выброшенные стрелы, ядра, якоря. Переплавляем их в ядра потребного размера. Была бы надёжная плавильная печь.

— Бог в помощь. А печь непременно будет, — пообещал Ерофей Павлович. Потом он обратился к Фёдору Иванову, прозванному Серебряником. Фёдор имел репутацию рудознатца, умевшего по одному ему заметному признаку разуживать месторождения всяких полезных металлов. Отвечая на вопрос Хабарова, тот сдержанно ответил:

— Занимаемся поисками. Расспрашивали туземных людей, когда примечали у них вещицы из золотишка, серебра, меди. Вызнавали, как к ним попали сии вещицы, где можно найти залежи полезных руд. Такие места есть на примете.

— Ну, ну... Продолжай, Федорушка, своё полезное дело. Когда-нибудь мы твоими находками воспользуемся, — сказал Хабаров поощрительно и обратился к Лонгину Васильеву и Степану Полякову: — А вы что помалкиваете, божьи угодники? Нахохлились, будто сычи болотные. Что скажете?

— Ещё успею высказаться, — сказал недовольно Лонгин. — Пусть Степа говорит.

— И я успею своё слово сказать. Пусть Константин говорит. Он у нас самый языкастый. Всякие басурманские языки постиг.

— Друзья тебе слово уступают, толмач, — повернулся Хабаров к Иванову и поинтересовался: — Не понимаю, как ты, уважаемый человек в отряде, среди недовольных оказался.

— Тут и понимать нечего, — резко ответил Хабарову Константин. — Разве я не опытный толмач? Добрые люди говорят, что у меня дар схватывать чужие языки. Никто этого у меня не отнимет. Когда я нёс службу в Забайкалье в отряде Ивана Галкина, освоил языки тунгусов и бурятов. И понимал их неплохо, толмачил. Галкин был доволен мной и не раз мне об этом говорил.

— А я разве был когда-нибудь тобой недоволен, Константин? — возразил Хабаров. — Разве не ценил тебя за то, что ты быстро выучился даурскому языку и принялся за дючерский?

— На меня, однако же, покрикивал как на мальчишку на побегушках. Как-то даже ударить собирался.

— Эх, Константин... Самолюбие да обида говорят в тебе. Был бы ты на моём месте, с моими заботами. Допрашиваю лазутчика, он явно камень держит за пазухой, врёт, изворачивается. Аты замешкался.

— Всё верно. Врёт он, изворачивается, а я-то путаюсь, ибо не могу сразу понять, куда он клонит. И говорит лазутчик на каком-то неведомом мне наречии. Не мог же я схватить с полуслова незнакомую мне речь. Я стараюсь уразуметь или догадаться, что он хотел сказать, а ты, Ерофей Павлович, кричишь, бранишься самыми погаными словами. Мол, толмач я никудышный. И даже от матерка не удержался.

— Зря ты принимаешь всё так близко к сердцу, — сказал с укором Хабаров. — Ты же казак боевой, а не красная девица. Обложил тебя матерно, прикрикнул... Ну и что? К чему обижаться-то? Будь отходчив. Знал бы ты, сколько я претерпел от прежнего воеводы...

— Тебе легко так говорить. Ты наделён властью, а я что супротив тебя? Букашка.

— Напрасно ты так...

Ерофей Павлович обратил своё внимание на других.

— А что ты скажешь, Лонгин. Что скажешь, Степан?

Эти слова Хабарова были обращены к двум казакам.

Те высказались пространно, но сбивчиво, сумбурно, то и дело перебивая друг друга. Что-то они недоговаривали. Ссылались на других, на общее мнение в отряде. Ерофей Павлович смог уловить, что среди части казаков и некоторых покручеников зреет глубокое недовольство, которое может привести к расколу отряда. Из высказываний Лонгина и Степана можно было понять, что оппозиция была настроена к Хабарову крайне недружелюбно, считала его приближённым и ставленником воеводы Францбекова, при этом не желая видеть того, что сам Ерофей Павлович опутан долгами и попал в жестокую кабальную зависимость от корыстного воеводы. Недовольство Францбековым зрело и в центре воеводства, в Якутске, и перенеслось на людей хабаровского отряда.

Раздражало членов отряда и то, что Хабаров пытался распродавать промысловикам отряда казённое имущество, снаряжение, орудия охоты и рыбной ловли, причём распродавал по завышенной цене, втридорога, что не могло не вызвать ропот. Особенно роптали казаки, считавшие, что Ерофей Павлович взвалил на них тяжкое бремя хозяйственных работ, заставлял заниматься строительством городка для зимовки, ремонтировать и строить суда. Широкое недовольство промысловиков вызывал и укоренившийся порядок, по которому им оставалась только третья часть заготовленной пушнины, а две трети пушной добычи поступало в казну.

Некоторые противники Ерофея Павловича открыто называли его в своём кругу деспотичным и властным человеком. Это мнение распространяли недруги Хабарова, недовольные его требовательностью. Другие считали это явным преувеличением. Видимо, в их мнении было больше правды. На фоне других первопроходцев того времени, таких как Поярков или Стадухин, Хабаров вовсе не был каким-то из ряда вон выходящим злодеем. Наделённый властью над отрядом, он не собирался нарушать традиции казачьего самоуправления, старался прислушиваться к голосу своих соратников и прибегал к наказаниям и строгим мерам воздействия в самых крайних случаях.

В ходе разговора Ерофей Павлович уловил, что в отношении к нему казачьей верхушки проскальзывало некое высокомерие. Он задавал себе вопрос, почему такое получилось, и видел ответ в том, что в нём видели мужика от сохи, землепашца, который взлетел так высоко, возглавил крупный отряд... Почему он командует высокими казачьими чинами? Неужели не нашёлся бы для такой роли именитый казачий сотник или даже

атаман?

— Так чем же вы недовольны, мои дорогие, чем вам Брошка Хабаров не угодил? — спросил Ерофей Павлович, выслушав сбивчивые высказывания Лонгина Васильева и Степана Полякова.

— Мы, кажись, всё тебе поведали, — произнёс Лонгин.

— Истинно всё, — поддакнул Степан. — Разные у нас с тобой пути.

— Как это понять вас? Что значит — разные пути? Разве мы все не на государевой службе?

— А вот так и понимай, Хабаров, — с недобрый оттенком в голосе сказал Лонгин, — шибко недовольны тобой людишки. Казаков, промысловиков заставляешь за мужицкую работу браться. Поборами обложил зело великими. С казачьим сходом не всегда соглашаешься.

Хабаров не сдержался. Смачно выругался и не стал вести дальнейший разговор.

— Шагайте к себе, казаки. И подумайте. А с порядками, не вам установленными, вам придётся считаться, хотите вы этого или нет. Пойдёте против, лишитесь казачьих привилегий, службы даже. Надо ли?

Эти слова Ерофей Павлович прокричал вслед удаляющимся. Он вполне сознавал, что обстановка в отряде складывается тяжёлая, если не сказать критическая, и спрашивал он себя, не дойдёт ли дело до открытого бунта или раскола отряда. Ответа на этот вопрос он не находил, поэтому решил принять неотложные меры. Первым делом он счёл нужным информировать воеводу Францбекова о состоянии отряда и настроениях отрядников. Пусть знает заранее, что происходит в отряде, и будет готов к тому, если дело дойдёт до крайностей, до взрыва страстей.

Для начала Хабаров решил пригласить для доверительного разговора Богдана Кузьмина Габышева, подьячего, который прибыл на Амур вместе с пополнением Чечигина. До него Ерофей Павлович пользовался услугами нескольких отрядных писарей. Грамотных в отряде было не так и много — десятка полтора или два едва наберётся, — поэтому грамотеи, привлекавшиеся к составлению разных служебных бумаг, считались народом привилегированным.

Ерофей Павлович решил поделиться с Габышевым, внушавшим ему своим усердием и исполнительностью доверие, мыслями об обстановке в отряде.

— Что от меня надобно по такому случаю, Ерофей Павлович? — угодливо спросил подьячий.

— А вот что... составь письмо на имя воеводы. Уж он, если найдёт сие потребным, отпишет в Москву, в приказ.

— О чём письмо прикажете написать?

— О неблагополучном положении в отряде, о недовольных вроде этих... Васильеве и Полякове. Письмо не должно быть шибко длинным. Посчитайте с тем, что воевода человек занятой, всяких дел у него много. Всю суть дела потребно изложить на трёх листах, не более.

— Изложим, как вам угодно, батюшка.

— Теперь слушай меня... Слушай внимательно. Изложу тебе суть сего послания. Пиши, что, мол, обстановка в отряде вызывает опасение. Некоторые людишки вносят раскольные настроения, зело вредные...

Ерофей Павлович говорил долго, ссылаясь на свою беседу с Лонгином Васильевым и Степаном Поляковым. Называл их в числе подстрекателей, которые смогли оказать влияние даже на толмача Иванова, человека полезного и незаменимого.

— Вот всё это, Богданушка, изложи чётко и ясно на трёх листах, — сказал Габышеву Хабаров. — И чтоб буква к буквке, и чтоб слог — ясный.

— Дозволь спросить тебя, Ерофей Павлович...

— Спрашивай.

— Ивашку Пососова и Ивашку Телятьева могу привлечь для переписывания?

— Лучше не привлекай никого. Потрудись сам и держи свою работу в тайне от всех.

— Понятно. Когда сие послание отправим в Якутск воеводе?

— Пока не станем отправлять. Попридержим и посмотрим, как пойдут дела. Как поведут себя недовольные. Образумятся ли, возобладает ли в них трезвый ум. Либо дело дойдёт до открытого неповиновения, бунта или раскола отряда. Вот тогда и понадобится наше послание с добавлениями и исправлениями.

И ещё Ерофей Павлович задумал собрать сход всего отряда. Повёл себя на сходе жёстко, решительно, говорил уверенно, заранее продумав каждое слово.

— Обращаюсь к вам, мои соратники. С глубокой скорбью вижу в ваших рядах разброд, разлад, непонимание той великой задачи, выполнение которой легло на плечи каждого из нас. С немалым сожалением зрю непонимание тех прав и обязанностей, кои возложены на меня государем Алексеем Михайловичем. Напомню вам, что государь возложил на меня управление обширнейшими землями по реке Амур и его левым притоком до Каменного пояса. Велик сей край, зело обширен и богат. Поэтому и дел у каждого из нас много. Вы, служилые люди, даны мне воеводой в помощь,

дабы присоединить к русским владениям новые земли с их народами и богатствами. Мы с вами приводим сии народы в русское подданство и собираем с них ясак. Чтобы наша российская власть держалась здесь непоколебимо, потребно поставить в выбранных нами местах острожки и зимовья, поддерживать в доброй сохранности речные суда и лодки, а коли есть в том нужда — строить новые. Мне также дано воеводой право приискивать земли, пригодные для пашни, сажать на них хлебопашцев для выращивания хлебов. Очень сожалею, что это моё намерение вы не поддержали и тем самым лишили отряд своего хлеба. Это же неразумно! Вы подрубили тот самый сук, на котором и воссели.

Хабаров остановился, откашлялся, отпил из глиняного сосуда воды и потом продолжал речь. Его пока не перебивали.

— И напомню вам не зело приятное. Воевода возложил на меня строгое соблюдение порядка в отряде. Вот, например, промышленные люди лишены права скупать у дауров или других приамурских народов пушнину до того, как те не внесут в казну ясак. А ведь бывали случаи, когда нарушалось это правило. А это мне позволяет...

Ерофей Павлович запнулся и умолк, не желая прибегать к угрозам, но тут же неожиданно раздался возглас одного из казаков:

— А что мне будет, коли я не уплатил ясак и купил у басурман соболиные шкурки?

— На сей счёт воевода дал мне строгое указание, — ответил Хабаров. — Мне дано право изъять незаконно приобретённую пушнину в пользу казны, а промысловика, допустившего такое, я должен отправить под стражей в Якутск как нарушителя установленного порядка. Понятно тебе?

— Понятно, — медленно, с недобрыми нотками в голосе ответил казак, задавший вопрос. — И что же ждёт в Якутске такого человека?

— Дознание и наказание, — последовал ответ. — Коли нарушение порядка и иное воровство не зело велики, мне дано право наказывать такого нарушителя по своему разумению. А ежели прегрешения велики, то как наказать, решает воевода.

— А много ли таких людишек отправил ты на воеводский суд? — опять вырвался кто-то из толпы.

— Слава Богу, никого не отправлял. Могу поклясться, отряд был дружен, порядок соблюдал. Хотел бы, чтоб такое было и впредь.

— Тебе этого хочется? — раздался чей-то голос.

— Конечно, хочется.

— А как же сие уразуметь, Ерофей Павлович... — начал Фёдор

Петров, принадлежавший к недовольным, — пошто забирал у промысловых людишек две трети пушниной добычи. Надо полагать, забирал в свою пользу.

— Ты уверен, что я забираю пушнину для себя, своей корысти ради?

— Люди о том говорят.

— Плюнь тому в харю, кто так говорит. Старая баба на базаре всякий вздор мелет, а глупцы уши развесили и слушают. Да будет тебе известно, что многих казаков и покручеников снабжал деньгами, хлебом, снаряжением, оружием, порохом, чтобы дать возможность податься в поход на Амур. А откуда у меня на всё это возьмутся средства? Ссудил меня воевода под кабальную запись. А теперь я должен расплачиваться с воеводой. Думаете, легко мне?

— Оба хороши, и ты, и твой воевода, — выкрикнул кто-то неведомый из толпы.

— Не тебе судить воеводу. Он государев человек, — резко оборвал его Хабаров.

— Петрушка Головин тоже был государев человек, — воскликнул тот же голос, — но это не помешало ему быть лихоимцем и грабителем.

— Можешь мне этого не говорить, — сдержанно ответил Хабаров и хотел было ещё сказать, что сам на своей шкуре такое испытал, однако же промолчал, подумав про себя: «Хоть и сукин сын был Петька, всё же воевода. Власть».

Со всех сторон посыпались жалобы. Люди сетовали, что свободного времени для собственного промысла остаётся совсем мало, что много его тратится на всякие строительные и хозяйственные обязанности. Жаловались и на то, что сами оказались должниками Хабарова и у них нет денег, чтобы расплатиться с долгами.

— Вот ты, Ерофей, постоянно требуешь от нас — выплачивай долги за казённое имущество... — произнёс долговязый рыжий покрученик.

— Всё верно. Вынужден требовать, чтобы долги покрыть, — ответил Хабаров, — а у меня их много, ох как много. Поболее, чем у тебя, у всех вас.

— Это твои заботы, Ерофей Павлович! А нас ты мучаешь всякими поборами и кабальными платежами.

— Дозволь мне слово сказать, — резко выкрикнул другой покрученик. — Я из тех, кто пошёл с тобой, Ерофей, по своей охоте. Снаряжались мы за свой счёт. Но хочу знать, почему наша служба оказалась такая тягостная, а ты всё требуешь с нас и одно, и другое. И нет этому конца. И государева жалованья нет.

Хабаров на сей вопрос ничего не ответил. Его и самого многое раздражало. Например, прибытие на Амур посланца воеводы, его доверенного человека, Анания Урусланова. По существу, это был соглядатай Францбекова, надзиравший за действиями главы отряда. Он попытался взыскивать долги с должников, но не слишком в этом преуспел. Напоминал У Русланов о его долгах Францбекову и Ерофею Павловичу.

Уже не рад был Хабаров, что затеял эту встречу с отрядом. Начинал он её с наступательной речи, но сам столкнулся со взбудораженной толпой, выражавшей своё недовольство и службой, и Хабаровым, и установленными им порядками. К тому же Ерофей Павлович не мог забыть о тягостном известии, преданном Уруслановым. Францбеков по каким-то непонятным Хабарову причинам, но на выгодных для себя условиях продал свою долговую кабалу на сумму, превышающую две тысячи рублей, окольниковому Прокофию Соковнину. Речь шла о частичном долге Хабарова воеводе. Теперь это был долг, занимавшемся ростовщицеством Соковнину, безжалостному к своим должникам.

Что заставило Францбекова так поступить? Вероятно, то, что о лихоимстве, казнокрадстве и всяческих злоупотреблениях воеводы стало известно в Сибирском приказе, куда поступало много жалоб на него. Над ним сгущались тучи. Ему грозило расследование. И вот Францбеков постарался упрятать хотя бы частично концы своих неблагоприятных дел, передать немалую часть долгов Хабарова — за хорошую мзду, разумеется — Соковнину.

Поскольку сумма кабалы была по тем временам велика, Соковнин незамедлительно стал трясти братьев Хабаровых. Он послал на Амур своего человека, Никиту Прокофьева, который передал Ерофею Павловичу, что Соковнин не согласен на отсрочку выплаты долга. Прокофьев, ссылаясь на предписание воеводы, якобы поддержанное Сибирским приказом, потребовал от Хабарова выплатить долг, а его брата Никифора взять под стражу и немедленно доставить в Якутск. По-видимому, Соковнин намеревался держать младшего Хабарова в заложниках до тех пор, пока Ерофей Павлович не выплатит долг сполна.

Однако драматические события, которые произошли далее на Амуре, внесли свои изменения и в долговые дела Ерофея Павловича. Он отделался обещанием выплатить долг Соковнину при первой возможности и уклонился под каким-то предлогом от выдачи Прокофьеву брата для высылки его в Якутск заложником.

Помимо того большого долга, который Францбеков передал для взыскания Соковнину, Ерофей Павлович оставался должником и самого

воеводы. И сумма долга Францбекову тоже была весьма велика. Не было полной уверенности в том, как воевода распорядится этой суммой или частью её, не передаст ли долговые обязательства на неё кому-либо из состоятельных людей, купцов или ростовщиков, которые по примеру Соковнина станут требовать возврата долга без всяких отсрочек.

Большая часть отряда приступила к возведению острожка в устье Зеи. Противники Хабарова уклонялись от работ или делали вид, что трудятся, и большую часть времени потихоньку переговаривались меж собой. Что-то недоброе готовилось.

Ранним утром 1 августа 1652 года Хабаров в сопровождении нескольких помощников, сведущих в строительстве, отправился на лодке вверх по Зее. Доплыли до таёжной опушки, где росли великолепные стройные лиственницы.

— Доброе дерево, — произнёс один из спутников Хабарова, — гоже для стен крепостцы.

— В самый раз, — согласился с ним Хабаров.

Прошлись вдоль опушки, осматривая деревья. Пособирали ягоды со смородинных кустов. Когда возвращались к устью Зеи и выбрались из лодки, к берегу торопливо подошёл чем-то взволнованный Богдан Габышев и сказал Хабарову и его спутникам с тревогой в голосе:

— Ушли смутьяны. Человек сто. Захватили три дощаника со всем имуществом.

— Этого можно было ожидать, — с горечью сказал Телятев, подошедший к берегу и присоединившийся к Богдану.

Хабаров и его спутники переглянулись, попросили рассказать, как всё произошло. Ерофей Павлович оглядел место, где стояли дощаники, трёх не досчитался.

— Объясните же, что стряслось, — повторил он свой вопрос. В голосе Хабарова чувствовались горечь и гнев.

— Как вы отправились вверх по Зее, а наши люди удалились на стройку, смутьяны завладели тремя дощаниками. На одном из дощаников в то время находилось человек тридцать верных нам людей, которые не были в сговоре с воровской ватагой.

— Какова же судьба этих наших людей?

— Разная у них судьба. Немногие, наиболее сильные и ловкие сумели выбраться на берег, хотя бунтовщики пытались задержать их и связать.

— Молодцы. Такие заслуживают похвалы. А судьба других?

— Некоторые в одних рубашках попрыгали с борта в воду, когда

дощаники уже отплыли от берега. Этим тоже удалось доплыть до суши. Но, увы... все потеряли своё имущество, и одежду, и оружие, и соболиную добычу.

— Это поправимо. Главное — вырвались из рук бунтовщиков! Сколько же людей захвачено преступным ворьём?

— Не слишком много. Если подсчитать, нас покинули 136 человек, среди которых и насильно увезённые.

— наших осталось на берегу гораздо больше. Подсчитай-ка, сколько, — обратился Хабаров к Богдану Габышеву.

— Я насчитал 212, — почти сразу ответил тот.

— Надо же что-то предпринять, — произнёс в раздумье Хабаров.

Со стройки, покинув работу, приближались остальные люди, остававшиеся верными Хабарову.

— Что же это такое? — воскликнул кто-то из толпы.

— Что такое? — переспросил Хабаров и сам же и ответил: — Подлость и предательство. Вот что это такое!

— Что же станем делать?

— Преследовать воровскую ватагу. Образумим их. Тех, кто не образумится, быть батогам смертным боем. Дурь-то из них как-нибудь выбьем.

— Сам поведёшь преследователей?

— Нет. Мне недосуг. Буду донесение воеводе писать, — ответил Хабаров.

— Дозволь, Ерофей Павлович, мне участвовать в походе, — попросил Габышев.

— Нет, Богданушка. Ты мне здесь нужен. Ты — моя правая рука, коли дело доходит до бумаг. Вместе над донесением поработаем. То, что мы с тобой состряпали, уже негоже. А погоню поведёт Третьяк Чечигин. Ты здесь?

Третьяк отозвался.

— Готовь три дощаника к плаванию. Когда будешь готов — дам приказ. И распорядись, пусть люди поделятся с теми, кто по милости этих сукиных сынов остался без одежды.

— А как же наш острожек? Закончим его строительство? — спросил кто-то.

— Не до стройки сейчас. Сперва надо покончить со расколом отряда, наказать виновных, — жёстко бросил Ерофей Павлович, — а там посмотрим.

Возвратилась группа казаков, пытавшихся догнать на лодках

дощаники с беглецами, устремившимися вниз по Амуру. Верные Хабарову казаки взывали к совести и долгу беглецов, уговаривали одуматься, но те отвечали дерзко, грубо, выкрикивали в ответ, что не желают служить без жалованья.

Преследователи догадались, что предводителем у беглецов был Константин Иванов. По его распоряжению они выбросили за борт пушки, одна угодила на берег, а вторая попала на мелководье. Дело было не в том, что Константин Иванов оказался таким уступчивым, просто у беглецов не было знающих пушкарей. Но, избавившись от пушек, они оставили у себя запасы пороха и ядер, а также куяки. Преследователи подобрали обе пушки. Они были невелики, но когда их втащили в большую лодку, она всё-таки под их тяжестью немного осела. Воспользовавшись тем, что преследователи провозились с пушками, беглецы смогли оторваться от них и подняли парус, прибавивший скорости. Продолжать их преследование было бы бессмысленно. С досадой глядели вслед удаляющимся дощаникам люди Хабарова. У некоторых из них глаза были наполнены слезами.

Ерофей Павлович занялся составлением послания воеводе, излагая суть последних событий в устье Зеи, писал о состоянии отряда и расколе в нём. Написанное заранее послание устарело и было уже непригодно, хотя первая его часть о непростой, тревожной обстановке в отряде пригодилась.

С этим посланием Хабаров отправил в Якутск Богдана Габышева и с ним ещё трёх помощников. Шли они испытанным путём по небольшому амурскому притоку Урке, потом горным перевалом, выходили к реке Тугир, впадавшей в Олёкму, по ней попадали в Лену. На Тугири стоял острожек, построенный по инициативе Хабарова для небольшого отряда. Здесь Габышев и его спутники задержались на несколько дней для отдыха.

Отправляясь в этот путь, уже хорошо освоенный первопроходцами, Габышев и его спутники ещё не ведали, что в Якутске сменилась власть. Не знал и Хабаров, что Францбекова, против которого началось расследование, заменил новый воевода, Иван Павлович Акинфов. Неосведомлённый о переменах Хабаров всё ещё ждал ответа от Францбекова, просил его добиться от Москвы значительного увеличения вооружённых сил на Амуре. Однако ответа Ерофей Павлович так и не дождался, поскольку прежний воевода уже оставил свой пост, а его преемник только входил в курс дела и вёл себя осторожно.

Не дождавшись ответа от воеводы, Хабаров сам решается плыть вниз по Амуру вслед за своими людьми. И всё же тревожные новости перемежались с новостями хорошими. Его посетил дючер, побывавший в низовьях реки Сунгари, и сообщил, что маньчжурские войска, не

решившись напасть на русских, отошли вглубь Маньчжурии. К сожалению, рядом не было опытного толмача Константина Иванова, который мог бы сносно объясниться с гостем, но Хабаров уже сам начинал понемногу понимать языки дауров и дючеров, накопив небольшой запас слов. Используя его и прибегая к языку жестов, Хабаров кое-как понял, что хотел сказать дючер.

Гостю Хабаров поверил не вполне, предполагая, что маньчжуры преднамеренно могли устроить ловушку, и решил перепроверить сведения о ситуации на реке Сунгари. Ерофей Павлович теперь располагал незначительными силами после того, как его люди ушли вдогонку за беглецами и с ним осталась только малая часть отряда, Хабаров знал, что рискует, и всё же решил рискнуть. Он послал в устье Сунгари троих своих казаков-разведчиков. Те вернулись с ценными сведениями, побывав там, где ещё недавно стоял маньчжурский отряд, видели следы лагеря, пепелища костров, горы объедков. Дючер оказался прав.

Потом, беседуя с соратниками, Хабаров пытался найти объяснение случившемуся, ломал голову над вопросом, что же заставило маньчжур увести все свои силы от границы? Струсили? А может быть, просто сведения о численности маньчжурского отряда были преднамеренно завышены? В какой-то мере эти догадки верны.

Несомненно, маньчжуры испытали воздействие того горького урока, какой был преподнесён им ранней весной 1652 года под Ачанским городком. После случившегося там маньчжурские военачальники видели в лице русских сильного противника и пока не решились на открытое единоборство с ними.

Собрав на совет оставшуюся с ним небольшую часть отряда, Ерофей Павлович произнёс короткое слово:

— Идём вниз по Амуру. Негоже мириться с разделением отряда. Мы все должны быть единой силой. — Он сжал кулаки и потряс ими для наглядности. — Коли смутьяны заупрямятся, проявим силу. — Хабаров сделал выразительный жест, указывая на пушку, находившуюся на палубе дощаника, и обратился к своим людям с вопросом: — Кто хотел бы сказать слово?

Раздались только два голоса.

— Всё правильно сказал, Ерофей Павлович.

— Смутьянов потребно проучить.

— Тогда с Богом. Отчаливай и крепи паруса, — дал команду Хабаров.

9 августа его дощаник оставил устье Зеи. Миновали устье Сунгари.

Хабаров приказал внимательно наблюдать за берегами, смотреть, не притаились ли где маньчжуры, не задумали ли нападение на русское судно, проплывавшее мимо.

Слава Богу, прошли благополучно. Маньчжуры, или богдоевцы не показывались. Значит, и впрямь ушли на юг, видимо, выжидая более благоприятного времени нападения на Приамурье.

Миновали ещё устье реки Уссури, правого амурского притока. Потянулись низменные, лесистые берега. Таёжная опушка подступала к самой воде. Кое-где широкий, спокойный Амур растекался на протоки, образуя острова и островки. Над ними с громким кряканьем взлетали стаи уток. А у небольшой бухточки спугнули бурого медведя, который вышел из тайги напиться речной водицы и порыбачить. Почуввав приближение дощаника, медведь зычно взревел, повернул к опушке и побежал от реки мелкой рысцой. Часто встречались на пути хабаровцев лодки-долблётки местных рыбаков: дючеров и натков. Туземцы приветливо махали руками проплывавшим мимо, а те отвечали им такими же приветственными жестами.

Хабаров принял решение посетить Ачинский острожек, возведённый год назад его людьми, предположив, что Константин Иванов и его сообщники могут использовать покинутый острожек и расположиться здесь на зимовье. Но беглецов в острожке обнаружено не было. Оказалось, что он пришёлся по нраву местному туземному роду. Нынешние обитатели острожка выходили из распахнутых настёжь ворот и с любопытством разглядывали людей Хабарова, вели себя вполне миролюбиво.

Ерофей Павлович и его спутники были крайне удивлены, когда заметили, что вслед за натками из ворот вышел светловолосый человек, явно русский. Поверх его рваной рубахи была накинута меховая куртка какого-то странного покроя. Человек бросился навстречу Хабарову и скороговоркой, не скрывая слёз, заговорил:

— Родные мои... Пришли наконец-то. Ждал я вас... — он вытер глаза и пояснил: — Аспиды окаянные уплыли далее вниз.

— Ты-то как сюда попал? Что с тобой сделали? — спросил его Ерофей Павлович.

Молодой мужик, которого звали Калистратом, поведал свою нехитрую историю. Когда злоумышленники захватили дощаники, он после промысла, как и его товарищи, отсыпался в трюме дощаника. Соучастники Константина Иванова, завладев судном, попытались задержать и находившихся на нём людей. Некоторым из них, наиболее сильным, удалось вырваться из рук противника, когда дощаник уже отчалил от

берега. Они бросились в воду и сумели доплыть до берега. А Калистрат, который не отличался особой силой, оказался в числе тех, кого повалили и связали верёвками. Калистрат решил вести себя тихо и смиренно, но замыслил сбежать при первой возможности.

Такая возможность представилась, когда смутьяны сделали остановку у бывшего Ачанского острожка. Видя смирение Калистрата, его послали собирать хворост для костра, и он с полной покорностью исполнил требование. Принёс две охапки хвороста и отправился за третьей. Отправился и не вернулся. Скрылся в тайге. Вглубь её, однако, не углублялся, а, не отходя далеко от опушки, добрался до ближайшего селения натков. Там его пригрели, накормили. Иванов и его сообщники не стали разыскивать Калистрата, а он, находясь в селении, располагавшемся недалеко от берега Амура, мог наблюдать, как мимо проплыл караван дощаников, и даже разглядел на палубе головного судна долгоязого Константина Иванова. Дощаники держали курс к низовьям Амура. После этого Калистрат вернулся к Ачанскому городку, где и был принят натками, с которыми быстро сумел сдружиться. Не зная их языка, он изъяснялся с ними жестами и по возможности трудился, наравне с другими членами рода, рыбачил, собирал грибы, хворост.

— Много ли наших людей осталось в неволе у бунтовщиков? — спросил Хабаров.

— Шестеро. Один совсем плох.

— Болен?

— Недомогание его оттого случилось, что Константин приказал его высечь за неповиновение.

— Припомним ему такое. И все прегрешения его сообщников тоже не забудем.

Это произошло 30 августа. До устья Амура оставалось совсем малое расстояние. Может быть, всего неполный день плавания. После широкой излучины Амур круто поворачивал на восток. На правом берегу люди Хабарова заметили небольшой острожек, возведённый беглецами. На некотором отдалении, ниже возвышенности с острожком, причалили дощаники людей Хабарова, прибывших сюда ранее него. Они, заняв удобную позицию, ждали распоряжений от Ерофея Павловича.

Встреча Хабарова и прибывших с ним людей с основной частью отряда была тёплой. Ерофей Павлович обнялся с Третьяком Чечигиным и произнёс:

— Давай-ка поразмыслим, как будем далее поступать. Дробить отряд негоже. С теми, кто этому потворствовал, поступим сурово. А остальным

сделаем строгое внушение и вернём в наши ряды.

— Значит, бой?

— Может быть, и бой, коли разумные слова на смутьянов не подействуют.

— Ишь ты... А Иванов и его людишки, как мы разузнали, приготовились к обороне. Затворили ворота. Изготовились к защите.

— Выстави-ка на том пригорке пушки. Да собери плотников, чтоб вон там начинали рубить избы. Будем здесь зимовать. Я полагаю, что от пригорка до стен их острожка легко долетят пушечные ядра.

— Вестимо, Ерофей Павлович.

— Коли будет потребно, откроем по нему огонь из пушек. Дай Бог, чтоб до этого дело не дошло.

В городке заметили приготовления Хабарова и его людей. Заволновались, всполошились. Наконец, приоткрылись ворота и смутьяны выпустили для переговоров с Хабаровым Степана Полякова, одного из своих главарей. Тот пришёл к Ерофею Павловичу, угодливо поклонился ему. Хабаров на поклон Степана не ответил, сказал ему сухо:

— С чем пожаловал, Поляков?

— Вестимо, для мирной беседы с тобой, Ерофей.

— Какая у нас с тобой может быть мирная беседа, коли изменники вы все. Государеву присягу порушили.

— Господь с тобой, Ерофей... Что ж так стращаешь.

— Что заслуживаете. Так что тебе от нас надобно?

— У нас мирные цели. Собираемся здесь провести зиму, собирать ясак с гиляков, промыслять пушного зверя. Разве не по закону получается?

— А кто виноват в расколе отряда, в насильственном угоне моих людей, захвате отрядного имущества? Это разве по закону?

— Обо всём этом можно договориться полюбовно. Скажи нам, на какое имущество ты притязаете. Возможно, в чём-то наши люди перестарались, неумышленно увезли всё то, что оказалось на дощаниках.

— Ах, перестарались! А пошто моего казака ты или Коська Иванов приказали высесть смертным боем?

— Сам знаешь, Ерофей, в отряде должен быть порядок.

— Это же был мой человек. И не вам власть свою над ним показывать.

— Так о чём мы с тобой договорились?

— А ни о чём. О чём можно договариваться с непотребными татями?

— Зачем ты так своих же казаков, промысловиков честишь?

— Какие вы свои! Шагай к себе и скажи там... С этого места мы

никуда уходить не собираемся. Будем брать ваш острожек, коли не придёте с повинной. И учти, нас больше, и у нас имеются пушки. Поэтому мы сильнее. Иди к своим.

— Жаль, что мы ни о чём не договорились, Ерофей. Выслушай же, однако. Вот что я тебе скажу: коли мы объединимся в один отряд, загасим старые распри, одной зимовки станет мало для такого большого отряда. Хватит ли тогда на всех нас соболя, лисицы и всякого другого зверя?

— Ишь ты как заговорил!

— Шли бы вы обратно на Зею, пока Амур не встал. Прозимовали бы там, а мы останемся ради промысла здесь. И всем было бы хорошо.

— Я вам устрою хорошую жизнь, — с угрожающими нотками в голосе сказал Хабаров. — Иди к себе. И чтоб я тебя больше не видел.

Степан Поляков с удручённым видом от сознания того, что его миссия не удалась, даже, можно сказать, потерпела полный крах, направлялся к стенам городка. Долго барабанил кулаками в ворота, пока они не открылись и его не впустил# внутрь.

Штурм городка люди Хабарова начали с обстрела из пушек. Но оставались только каменные ядра, не начищенные порохом. Они сделали на стенах выбоины, но существенных разрушений не произвели. Ерофей Павлович считал, что отряд Иванова и Полякова уже деморализован и вряд ли способен к долгому сопротивлению, тем более что на стороне Хабарова был значительный численный перевес. К тому же у хабаровцев были пушки, а смутьяны их не имели.

По приказу Хабарова его люди облачились в куяки, приволокли с собой щиты, чтобы загородиться от стрел противника, и стали выглядеть весьма воинственно. Защитники городка дрогнули. В их рядах начался разброд, раздавались выкрики:

— Нельзя же против своих подымать оружие.

— Сдадимся на вашу милость. Пощадите.

Убедились Константин Иванов, Степан Поляков и другие главари, что их отряд ненадёжен, что не выдержать ему осады. Да и не желают их люди выступать против своих же, русских, из отряда Хабарова. Вот и не нашли другого выхода, как сдаться на милость победителя.

Иванов с Поляковым и ещё два главара, Петров и Шипунов распахнули ворота городка, вышли наружу, бросили сабли наземь. Иванов, поступивший так же, подошёл к Хабарову и сказал ему:

— Твоя взяла, Ерофей. Сдаёмся на твою милость.

Хабаров предпринял расследование. Нашёл виновных в избиении своих людей, один из которых скончался от побоев. Были установлены и

случаи разворовывания отрядного имущества, запасов, которыми воспользовались смутьяны. Всего выявили двенадцать наиболее злостных виновников. В назидание другим Хабаров приказал их бить нещадно батогами, предварительно заставив провинившихся скинуть рубахи и оголить спины. От ударов батогами спины наказуемых превратились в кровавое месиво. Двое от ударов батогами скончались, не приходя в сознание.

Однако с четырьмя главарями — Константином Ивановым, Степаном Поляковым и ещё двумя — Хабаров поступил не так сурово, хотя они и были главными заговорщиками, но непосредственного участия в истязании своих противников не принимали. Ерофей Павлович считался с тем, что эта четвёрка пользовалась определённым влиянием на часть отряда, и поэтому, «чтобы другим так воровать неповадно было», Хабаров распорядился заковать их в кандалы и подержать в таком виде несколько дней. Имущество всех наказанных было конфисковано в пользу казны. Когда с главарей цепи были сняты, их привели к Хабарову.

— Видите, мужики, поступил я с вами, не лютуя, как вы небось ожидали, — обратился он к ним. — Подержал вас малость для острастки в цепях. Наверное, хватит этого. Почему я так поступил? Люди вы знающие, полезные для отряда. Надеюсь, шутить со мной вот так больше не будете. Возвращайтесь к своим делам, трудитесь. И не будьте злопамятными. Лукавый вас попутал. Не поддавайтесь ему впредь. Тогда и мы с вами станем жить мирно, без всяких разладов и ссор. Памятуя ваши прошлые заслуги, не стал против вас зело лютовать. Вот так-то.

Острожек Хабаров приказал разобрать на дрова. Пусть ничто не напоминает о расколе. Разбирать острожек были вынуждены бывшие раскольники со своими главарями. А затем им было приказано поставить для себя жилые избы. Ерофей Павлович не отдавал распоряжения обнести строения рвом или стеной с бойницами, поскольку в этом крае обстановка была вполне спокойна. Окрестное население — гиляки — исправно платило дань и было настроено к русским вполне дружелюбно. Маньчжуры никогда не доходили сюда, до низовий Амура. Казаки из отряда Хабарова занимались рыболовством и пушным промыслом, небольшими группами посещали окрестные гиляцкие селения для сбора ясака. Так прошла зима.

К весне 1653 года, когда Амур очистился ото льда, Хабаров, собрав отряд, погрузив его на дощаники, повёл караван верх по Амуру, к устью Зеи, и вернулся к неосуществлённому намерению поставить здесь надёжный острог, который был бы одновременно базой и прочной крепостью.

Незадолго до отплытия каравана произошёл такой случай: к Ерофею Павловичу явился Калистрат, тот самый, что бежал от Константина Иванова и его сообщников. Будучи чьим-то покручеником, этот малорослый, неприметный мужичонка всю зиму усердно занимался соболиным промыслом. Однако выяснилось, что не только таким промыслом. Часто наведываясь в одно гиляцкое селение, он присмотрел там девицу — гилячку, с которой и пришёл к Хабарову.

— Батюшка, Ерофей Павлович, дозвожь... — робко начал Калистрат, подталкивая вперёд коренастую, малорослую, коротконогую девицу, которую украшали две толстые тёмные косы, спускавшиеся до пояса.

— Что тебе, парень? — с усмешкой спросил его Хабаров. — Никак милую себе подобрал. Благословения моего ждёшь?

— Дозволь женой её считать.

— Звать-то её как?

— Да имя мудрёное, басурманское. И не выговоришь сразу. Я её на русский лад Агафьей, Агашей называю. У меня старшая сестра Агафья была.

— И родители девицы согласны на вашу женитьбу?

— Дело было за калымом, выкупом за невесту. А где мне тот калым собрать, простому покрученику? Я тестю лодку-долблёнку изготовил и ещё медвежонка поймал, чтоб его вырастили для медвежьего праздника. Вот это и сочли за калым. Теперь всё дело за твоим согласием, Ерофей Павлович.

— Моё согласие — дело немудрёное. Да как же без попа? Кто твою Агафью окрестит, кто вас обвенчает?

— Пошли, батюшка, нижайшую просьбу в Якутск, а то и тобольскому архиерею. Прислали бы к нам на Амур своего попа. Отряду потребен пастырь. Не мне одному... Ведомо мне, что и другие молодые мужики на туземных девок заглядываются. Дозволь пока жить с Агафьей как с женой без венчания.

— Просьба-то твоя необычная. Не берусь, Калистрат, дать тебе скорый ответ. Соберём совет и решим.

Совет собрали. Сподвижники Хабарова с любопытством и критически разглядывали Агафью, её одеяние. На ней были сапоги из нерпичьей шкуры, меховые штаны, длинная рубаха или кафтан из рыбьей кожи, на шее — стеклянные бусы. Наверное, думали мужики — и что нашёл Калистрат в этой невзрачной, малорослой гилячке. Какие силы влекли его к ней? Неужели только зов плоти? Даурки, дючерки, тунгуски и то миловиднее выглядят. Но перечить Калистрату никто не стал. А Третьяк

Чечигин произнёс:

— Не наша вина, что при отряде нет своего пастыря. Ватаги уходят из Якутска открывать новые края, идут на дальние реки, живут там годами, обзаводятся семьями. У них невенчаные туземные жёнки. Нарождаются ребятишки, полукровки. А по возвращению в Якутск прикрывают мужики свои грехи, крестят жёнок и прижитых в грехе ребятишек, идут под венец. Калистрат пострадал в полоне у Коськи Иванова, так пуцай и ему выпадет радость.

Ерофей Павлович после некоторого раздумья согласился с Чечигиным и дал своё согласие на женитьбу Калистрата на гияльке, за неимением духовного пастыря пока не освящённую церковь. В трюме одного из дощаников молодым отвели угол, отделив его полотняной занавеской.

Пример заразителен. Обосновавшись в устье Зеи, отряд занялся строительством острога. А молодые неженатые казаки и покрученики, не теряя времени, стали приглядываться к молодым туземкам — дауркам, дючеркам, тунгускам.

Уже находясь в зейском устье, Хабаров получил сведения от местных дауров и тунгусов, что в районе верхнего Амура и на Шилке появились русские. Они пришли с запада, со стороны Байкала. Ерофей Павлович посчитал необходимым вступить в контакт с этими людьми и решил послать для встречи с ними доверенного человека. Остановил он свой выбор на ближайшем помощнике — Третьяке Чечигине.

Чечигин отсутствовал около месяца и по возвращении обстоятельно обо всём увиденном доложил Хабарову.

— Забайкалье всерьёз заинтересовало енисейского воеводу ещё три года назад. Тогда же узнал о нашем походе на Амур через Олёкму. Через Енисейск проходили отписки Францбекова. Так что енисейский воевода Пашков многое мог узнать о нас.

— И что же надумал тамошний воевода?

— А вот что... Оживить поиски путей на Амур через Забайкалье и вступить в соприкосновение с нашим отрядом.

— Разумно.

— Воевода Пашков приказал, чтоб его служилый человек Колесников Василий, который должен был собирать ясак с туземных жителей вблизи Баргузинского острога, разведал пути к Амуру с западной стороны.

— А удалось это Колесникову?

— Вполне удалось. Его небольшой отряд служилых людей поднялся вверх по реке Селенге, а затем по притоку, речке Хилок, или Хилку. Здесь

преодолели горный перевал и вышли в Индоге, впадавшей в Шилку. А это уже одна из двух рек, что, сливаясь воедино, образуют Амур. Побывал Колесников на шилкинском притоке Нерче. Места там заселены тунгусами. То тут, то там встречались ему их поселения.

— А ведь наши люди побывали тогдашней зимой на той же Шилке со стороны Амура. И вот же досада — не встретились с людьми Колесникова.

— Разминулись. Бывает такое.

— Наши люди вели переговоры с тунгусским князьком Гантимуром. Он был склонен принять русское подданство, выплачивать нам ясак. Да не успели они довести дело до конца. А люди Колесникова сделали Гантимура данником и собирают с его рода ясак.

— Им повезло больше.

— Что ещё, Третьяк, стало тебе известно?

— Встречался я с самим Колесниковым. Кланялся он тебе. Сведения, собранные в Забайкалье, считает зело важными. Послал подробную отписку с тремя своими людьми енисейскому воеводе Пашкову.

— Доброе дело сделал Василий.

— Потом я узнал, что в Енисейске его люди встретились в Дружиной Поповым и его спутниками. Попов с товарищами вёз твою отписку в Москву. Между ними была долгая беседа. В ней участвовал и Пашков. Он сделал своё заключение — твой отряд, Ерофей Павлович, подошёл с Лены к среднему и нижнему Амуру. А русские из Забайкалья вышли на Шилку и верхний Амур. Вот и получилось, что весь великий Амур открыт и освоен русскими. Вот такую отписку направил воевода с Дружиной Поповым в Сибирский приказ.

— Разумно поступил воевода, — сказал одобрительно Хабаров.

Енисейский воевода Пашков пользовался репутацией человека деятельного, инициативного и самостоятельного. Он не стал ждать реакции Москвы на свои донесения об открытиях в Забайкалье, а решил сразу же продолжать исследование и освоение вновь открытых земель. Особенно его привлекала река Шилка. Весной 1652 года, в то самое время, когда Хабаров и его отряд покидали Ачанский острожек, Пашков снарядил в Енисейске экспедицию во главе с Петром Бекетовым.

Бекетов, сын боярский, был довольно известной фигурой среди русских первопроходцев XVII века. Он стал основателем Якутска, организатором первых походов по Лене и её притокам. По заданию Енисейского воеводы он обследовал путь от реки Селенги на Шилку и для закрепления русской власти в Забайкалье построил острожки Усть-

Прорвинский на Селенге и Иргенский — на озере Иргень. Отряд Бекетова — а было в нём 72 человека — состоял в основном из охочих людей, промысловиков, занимающихся соболиным промыслом. Бекетов ставил своей целью объясачивание местного населения, привлечение в русское подданство новых племён и родов. Позже в устье реки Нерчи при впадении её в Шилку был построен ещё один острог. Впоследствии на месте его возник город Нерчинск.

К возвращению отряда Хабарова в устье Зеи — осенью 1653 года — весь Амур от истоков Шилки и до его устья, впадения в Татарский пролив был освоен русскими и считался присоединённым к России. Его прибрежное население приняло русское подданство и обязалось выплачивать царю ясак.

13. Донос дьяка Стеншина. Над Хабаровым сгущаются тучи

Из Якутска на Амур неожиданно прибыл посыльный. Чин его Хабаров не сразу разобрал. Назвался он помощником подьячего при новом воеводе Акинфове. Представился он Хабарову как Сабельников.

— Откуда прозвание такое воинственное? — поинтересовался у незваного гостя Ерофей Павлович.

— Должно быть, кто-то из предков в войске служил, сабелькой размахивал. Я так думаю.

— С чем пожаловал на Амур?

— По поручению нового воеводы. Повелел мне проведать, как живётся тебе и твоим людям на Амур-реке, какие нужды накопились?

— Нужд у нас накопилось предостаточно. Сам увидишь. А что хорошего в Якутске?

— На старого воеводу Францбекова непрерывным потоком жалобы поступают. Особенно усердствует дьяк Стеншин. Вот новый воевода и разбирается.

— У воеводы с дьяком давнишние нелады. Я слыхивал, что начались они ещё в Москве.

— Верно. Стеншин служил в разных краях, разных приказах. Поднялся от рядового подьячего до дьяка. А Францбеков одно время служил в Швеции посольским агентом. А вернулся в Москву, в Посольский приказ, когда там проходила служба и Стеншина. Вот там они и повстречались, видимо, и повздорили крепко. Уж что они там не поделили — не ведаю. Оба великие корыстолюбцы. Видно, было, что не поделить. Всех подробностей их разлада я не знаю. Но Стеншин оказался человеком злопамятным, мстительным. Старые обиды Францбекову забыть не может.

— Как идёт передача дел в Якутске?

— Туго идёт. Новый воевода принимает у старого город, казённое имущество, деловые бумаги. Сверяет бумаги с наличной казной. И здесь полный разлад, в казне огромная денежная недостача. Францбеков пытается оправдываться.

— Что же он говорит в своё оправдание?

— Снаряжал-де поход на Амур. Потребовались огромные средства.

Все, мол, эти расходы указаны в долговых расписках. А там тоже царит полная неразбериха. Поди узнай где казённая расписка, где свидетельство долга самому Францбекову.

— И что же решил новый воевода?

— А решил задержать Францбекова до полного расчёта либо дожидаться приезда из Москвы специального дознавателя для расследования. Хитёр старый воевода, изворотлив. Сумел себя подать.

— Как же сумел себя подать?

— А вот так. Ты, говорит, посмотри, Акинфов, какой я тебе город оставляю. А Акинфов возражает: ты же, мол, застал его заново отстроенным. А Францбеков своё гнёт: правильно-де рассуждаешь, но не я ли украшал Якутск новыми зданиями, расширил гостиный двор, воздвиг новые башни на крепостной стене, новую звонницу к Троицкой церкви поставил. Акинфов-то возражает ему, спрашивает, пошто городской вал кое-где осыпался, городские стены кое-где нуждаются в ремонте? Что, мол, скажешь на это? А Францбеков опять своё: ты же о мелочах толкуешь. Какая же стена не может не покоситься, какой же городской вал не осыпается?

Дьяк Стеншин обратился к новому воеводе с набором жалоб на его предшественника. Ссоры Францбекова с дьяком начались почти сразу же по прибытии прежнего воеводы в Якутск. А этому предшествовали нелады в Москве, в Сибирском приказе. Воеводе было совсем не трудно убедиться, что Стеншин был нечист на руку, нередко запуская лапу в государственную казну. Францбеков придирчиво проверял деловые бумаги, финансовую отчётность, ясачные книги, за которые дьяк нёс прямую ответственность, потребовал от Стеншина в подтверждение расходов все денежные расписки. Многих расписок не оказалось, что дало основание воеводе заподозрить дьяка в лихоимстве, казнокрадстве, всяческих злоупотреблениях. Были достоверно установлены утайка со стороны дьяка соболиных шкурок и хищение Стеншиным значительной суммы денег. По распоряжению Францбекова в доме дьяка произвели обыск с участием свидетелей и обнаружили припрятанные там значительные суммы денег и соболиные шкурки.

Стеншина вызвали в приказную избу для дачи объяснений, сам Францбеков допрашивал его. Как сообщал Стеншин в своей жалобе на воеводу, Францбеков всячески унижал его, бил по щекам, а люди воеводы по его сигналу, повалили дьяка на землю и топтали ногами. Было ли это преувеличением? Возможно, и было, а может быть, обошлось без всяких преувеличений, ибо всё это отвечало духу своего времени.

После допроса часть имущества дьяка была конфискована, а его самого переселили из хорошего «дьячего Дома в худой казачий домишко» и некоторое время продержали в тюремной избе под охраной.

У читателя возникает неизбежный вопрос: как объяснить подобные поступки воеводы Францбекова? Сам корыстолюбец, казнокрад, мздоимец значительно более крупномасштабный, чем подчинённый ему дьяк, начинал свою деятельность в Якутске с суровых репрессий против проворовавшегося Стеншина?

Ответить на этот вопрос не так уж и трудно. Во-первых, сыграли свою роль старые счёты Францбекова с дьяком. Воевода хотел выглядеть в глазах своих подчинённых таким блюстителем порядка и справедливости, суровым судьёй расхитителей и воришек, а сам тем временем думал о том, как обогатиться за счёт казны и мздоимства. Корыстолюбцем он был непревзойдённым.

Вышедший на свободу Стеншин сделал вид, что смирился, и старался не ссориться с воеводой, но сам плёл свою паутину, всё сильнее обволакивающую Францбекова. Собирал на него и близких к нему людей всякие компрометирующие материалы. Среди этих людей был и Ерофей Павлович Хабаров, которого Стеншин считал сообщником воеводы, а не жертвой его корыстных побуждений. К своим личным наблюдениям дьяк присовокупил и жалобы людей, чем-либо обиженных воеводой. А таких людей набиралось немало. Это были приказчики богатых купцов, которых Францбеков обкладывал грабительскими поборами, и богатые промысловики, недовольные тем, что их покрученики ушли в отряд Хабарова, не рассчитавшись с долгами прежним хозяевам.

Сабельников оказался открытым и говорливым человеком. Хабарову он откровенно рассказал о непростой обстановке в Якутске, о спорах между старым и новым воеводами. Дмитрий Андреевич Францбеков хорошо отзывался о Хабарове.

— Велика заслуга Хабарова, освоившего Амур, — заявил, он Акинфому.

— А вот твой дьяк плохо говорит о нём, — возразил новый воевода.

— Не слушай дьяка. Стеншин в воровстве уличён и обозлился на весь мир, на меня особенно. И за то, что я Ерофейку Хабарова добрым словом в своих отписках отметил. А он русскую славу принёс на дальние рубежи. Я так и в отписке в Сибирский приказ написал.

Воевода заинтересовался словами Францбекова о Хабарове, просил рассказать о нём поподробнее. Этот разговор воевод, невольным свидетелем которого оказался Сабельников, стал, таким образом, известен

и Ерофею Павловичу. От своего собеседника Хабаров узнал, что основным его противником в Якутске был дьяк Стеншин. Того преследовала навязчивая идея, что Ерофей Павлович близкий человек и сообщник Францбекова. Новый воевода хотя и выслушивал все кляузы Стеншина, но не очень верил ему.

Главное преступление, которое дьяк приписывал Хабарову, заключалось, по его мнению, в том, что Ерофей Павлович не имел права называть себя приказным. Такое звание мог носить только человек, находившийся на государственной службе. Как считал Стеншин, Хабаров был всего лишь промысловиком и хлебопашцем, то есть «мужиком», а это не давало ему права занимать какую-либо официальную должность на государственной службе. Высказывая свою спесивость, дьяк вопрошал, почему, называясь приказным, Хабаров даже в официальных бумагах именовал себя Ерофеем Павловичем — по имени и отчеству, а не Ерофеейкой? С раздражением и желчью Стеншин подчёркивал, обращаясь к государю, что «нигде тот Ерофеейка на твоей службе прежде сего, ни в посольстве не бывал... ничего, опричь пашни, тот Ерофеейко не знает!»

Обвинял Стеншин Хабарова и в том, что он переманивал в свой отряд лучших покручеников. Все они, работавшие прежде на своих торговых людей, заинтересовались походом Хабарова и присоединились к его отряду. При этом они якобы забрали с собой снаряжение и хлебные запасы, которыми снабдили их прежние хозяева, терпевшие, таким образом, материальные убытки.

Беседы Хабарова с Сабельниковым продолжались. Ерофей Павлович пригласил гостя на рыбную ловлю. Тот охотно согласился, а за рыбалкой продолжался их неторопливый разговор. Сабельников пересказал содержание кляузной отписки, в которой дьяк пытался очернить Хабарова.

— Что вы не поделили со Стеншиным? Никак не пойму, — спросил Сабельников.

— Нам нечего было делить с дьяком. А обозлился он на меня, поскольку считал человеком Францбекова, — сдержанно ответил Хабаров.

— О Францбекове в Сибирском приказе сложилось самое неважное мнение. А ты, Хабаров, молодец. Покоритель Амура. Сам глава приказа Трубецкой так изволил выразиться. Слышишь ли ты, Хабаров? Сам Трубецкой «покорителем Амура» тебя кличет!

— Ты же сам сказал, что дьяк обвинил меня во всех смертных грехах...

— Ну и что? Кто из нас не без греха. А главное — ты великое дело сделал, амурские народы привёл под государеву руку, Амур освоил. Твой

подвиг не забудется.

— За добрые слова спасибо.

— А вот Францбеков зело натворил делов. И Стеншин не совсем был неправый, когда обвинял воеводу во всяких грехах. Акинфов никак не может распутать до конца все злоупотребления своего предшественника.

Заговорили о немалых прегрешениях Францбекова. По сравнению с обвинениями в адрес Хабарова, которые Сибирский приказ не был склонен принимать во внимание, Стеншин предъявил прежнему воеводе обвинения более весомые и многочисленные. Францбеков прежде всего обвинялся в превышении власти, что могло рассматриваться как тяжёлое политическое преступление, подходившее под понятие «государева слова и дела». Связанное с командованием крупным отрядом поручение, данное воеводой самолично, по мнению Стеншина, могло рассматриваться как умаление чести государя. Хабаров, простой промысловик и хлебопашец, не мог выступать в роли организатора похода и начальника отряда. Как организатор похода Францбеков заслуживал осуждения.

Воевода обвинялся в том, что вкладывал в экспедицию свои личные деньги, чего не имел права делать. Чтобы пресечь злоупотребления воевод, правительство стремилось ограничить для них возможность вести частную коммерческую деятельность. С этой целью воеводам запрещалось вкладывать свой капитал в промысловое дело и торговлю. Практическая деятельность воеводы Францбекова давала массу примеров нарушений таких запретов, в чём новый воевода Акинфов мог легко убедиться даже при беглом знакомстве с делами предшественника. Снабжая Хабарова и других промысловиков орудиями труда, съестными припасами, порохом и другим имуществом, воевода выступал как алчный ростовщик, стремившийся к личному обогащению. Главной статьёй его обогащения становился соболиный промысел.

Стеншину было известно, что Францбеков как-то проговорился о том, что «даурская служба встала ему недёшево — в 30 тысяч рублей». Об этом ретивый дьяк не замедлил сообщить в Москву. В Сибирском приказе возник естественный вопрос: каким образом воевода при ограниченности источников его существования мог стать обладателем такой крупной суммы. Сибирский приказ мог располагать косвенными уликами, подтверждавшимися доносом Стеншина и говорящими о том, что Францбеков — великий мздоимец, наживший нечестными путями крупное состояние. Новый якутский воевода был вынужден прибегнуть к тщательному расследованию, «государеву сыску».

Свой донос на Францбекова Стеншин направил в Москву с кем-то из

верных ему людей. Однако к этому времени воевода успел направить в Москву три отписки, в которых деятельность Хабарова была представлена с самой лучшей стороны, а сам Ерофей Павлович — как человек инициативный, исполнительный, прекрасный организатор. На основании отписки воеводы его деятельность получила в Сибирском приказе самую высокую оценку.

Донос Стеншина, содержащий всякие клеветы на Хабарова, опередил четвертую отписку Францбекова, но Сибирский приказ даже после знакомства с клеветным доносом не изменил своего весьма положительного мнения о деятельности Ерофея Павловича. Сам глава приказа князь Алексей Никитич Трубецкой весьма положительно отзывался о Ерофее Павловиче. А когда кто-то из приказных дьяков попытался указать ему на жалобы Стеншина в адрес Хабарова, Трубецкой резко оборвал его:

— Какое это имеет значение? Подумаешь, назвал воевода Хабарова не «Ерофеем», а «Ерофеем Павловичем»... Значит, он заслужил того.

— А чужих покрученников в свой отряд Ерофейка всё же переманивал, — не унимался дьяк.

— Ну и что? — снова оборвал его Трубецкой. — Для нас это несущественная мелочь, чтоб заниматься ею. Пусть воевода в таких мелочах разбирается. Вот за Францбековым много всяких нарушений числится. От этого никуда не уйдёшь. Здесь к жалобам Стеншина неизбежно придётся прислушаться.

Обо всём этом Сабельников поведал Хабарову.

— Чую, не поздоровится Францбекову, ой как не поздоровится, — сказал Сабельников. — Он смотрел на своё воеводство как на средство для собственного обогащения. Сколько он средств своих, а вернее, сворованных у казны, вложил в пушной промысел?

— Бог ему судья, — уклончиво произнёс Хабаров.

— А почему только Бог? До Бога высоко... Убеждён, что Акинфов распутает неблаговидные делишки Францбекова. Сколько всяких жалоб на него поступало в Сибирский приказ. Не счесть! Немало жалоб от богатых торговых людей. Воевода принуждал их поставлять в казну хлеб по заниженным ценам, а то и задаром. А ведь главное то, Ерофей Павлович, что тебе не поведал. Возрадоваться бы тебе должно?

— С какой стати?

— А вот с какой: князь Алексей Никитич Трубецкой остался доволен твоими действиями на Амуре. Он доложил Боярской думе о присоединении Амура к Руси и о твоих заслугах, Хабаров. Дума доложила о твоих деяниях государю. Учти, Ерофей, Трубецкой близкий к Алексею Михайловичу и

поэтому влиятельнейший вельможа. Царь с его советами и просьбами считается. Посчитался и на этот раз. Ты заслужил поощрение государя, его именного указа о твоём награждении и награждении твоего войска!

— Низко кланяюсь государю и князю Трубецкому.

— И ещё готов тебя обрадовать, Ерофей Павлович. Трубецкой добился того, что на Амур будет послано тебе в подмогу трёхтысячное войско во главе с окольным и воеводой, князем Иваном Ивановичем Лобановым-Ростовским.

— Ишь ты... Ещё один князь, кажись, из Рюриковичей.

— Истинно из Рюриковичей. Потомок князей Ростовских.

— А как же рядом с ним я, мужик, лапотник?

— Не отчаивайся. Бывает, что за великие заслуги достойный человек подымается из грязи да в князи... Не в князи, конечно. Это я для красного словца присочинил. А вот чин тебе за твои заслуги дадут. Уверен, получишь приличествующее твоим заслугам высокое звание, хотя бы сына боярского.

— Когда же можно надеяться на прибытие трёхтысячного подкрепления?

— Думаю, не скоро. Надо же ещё собрать такую силу великую. Сбирать людей будут и в Москве, и по городам и весям Поморья и Сибири. На это уйдёт немало времени. А сколько, думаешь, потребно для такой людской оравы лодок, речных дощаников, чтоб перебросить всю её на Амур?

— Вестимо, много. Зело много.

— То-то же. И времени потребно много, чтобы все эти лодки, дощаники срубить. В Сибирском приказе подсчитали, что придётся изготовить сотни полторы речных судов. По распоряжению Трубецкого мастера Поморья, Верхотурья и сибирских городов взялись за дело. Крестьян в ближайших местностях обложили повинностью, они должны заготавливать строевой лес, потребный для строительства дощаников, а также обеспечить хлебными запасами будущее войско.

— А как же я... — невольню вырвалось у Хабарова.

— Понимаю, что тебя волнует, Ерофей Павлович. Каково будет твоё место при новой раскладке сил. Я оказался невольным свидетелем разговора Алексея Никитича Трубецкого и Акинфова перед нашим отъездом в Восточную Сибирь.

— Любопытно. О чём же шёл разговор?

— Приамурские земли предполагается выделить в самостоятельное воеводство. Воеводой должен предположительно стать князь Лобанов-

Ростовский. А тебе быть при нём начальником вооружённых отрядов, правой рукой воеводы.

— А пока князь со своим воинством не осчастливит Амур своим присутствием?

— Главой вооружённых сил на Амуре остаёшься ты и, пока своего амурского воеводы нет, подчиняешься якутскому воеводе.

Тем временем, прибыв в Якутск, Акинфов занимался расследованием злоупотреблений Францбекова. В этом качестве Иван Павлович Акинфов носил официальное должностное звание государственного сыщика. Когда расследование всех злоупотреблений Францбекова будет завершено, Акинфов примет у прежнего воеводы дела и будет считать себя вступившим в должность воеводы.

Так как формирование и посылка на Амур большого войска затягивались, Трубецкой распорядился послать туда временно Дмитрия Ивановича Зиновьева, московского дворянина. Ему поручалось познакомиться с положением дел на месте и принять нужные решения до прихода на Амур главных сил.

Видя, что Ерофея Павловича серьёзно беспокоила его будущая судьба, Сабельников постарался переменить тему разговора.

— А пошто сия великая река Амуром прозывается? — спросил он Хабарова. — Туземное сие название?

Хабаров не сразу ответил на этот вопрос, призадумавшись.

— Как тебе сказать? Непросто на твой вопрос ответить.

— А ты и отвечай непросто. Кто же выдумал такое название великой реки — Амур? Какой умник?

— Есть много всяких догадок. Разные приамурские народы давали реке свои названия. Тунгусы называют реку Шилкор, Шилкир, Силкар, Сикир. Мы говорим по-своему, для нас удобнее называть её — Шилка. Сейчас именуем так один из амурских истоков.

— А ко всему Амuru сие имя не привилось?

— Выходит, так. Я слышал, что Иван Москвитин со своим отрядом не раз ходил по Охотскому морю. Он слыхивал от ламутов, что к югу в море впадает великая река Амур. Немного и не дошёл до сей реки Москвитин, однако ж сведения о той реке, по которой обитают гиляки, натки, собрал и привёз в Якутск. Мы слышали, что называют эту реку Мамур, Манглу, а для нас же она стала Амуром. Так проще произносить.

Не случайно Акинфов был назначен для расследования всех неблагоприятных дел Францбекова. Последний мог соревноваться с целой вереницей воевод, отличавшихся мздоимством, казнокрадством,

взяточничеством и самодурством. Иван Акинфов же представлял собой редкое исключение среди чиновных людей высокого ранга. Он пользовался репутацией человека честного, совершенно неподкупного, с возмущением вскрывавшего всякие проделки взяточников и расхитителей. Поэтому-то Сибирский приказ и поручил Акинфovu распутывание самых сложных, кляузных дел, которыми грешили многие воеводы вроде Францбекова.

Начал свою деятельность в Якутске Акинфов с ревизии воеводской казны. Но, по сути дела, и ревизовать-то было нечего. Казна была пуста, растрочена. Акинфов не замедлил отправить в Сибирский приказ, в Москву, отписку: «В Якутске денег нисколько не заехал». Пользуясь своими правами государева сыщика, он учинил дотошный обыск в доме Францбекова. И обыск дал свои результаты, кои свидетельствовали о том, что воевода выступал в роли заимодавца и жадного ростовщика. Во время обыска здесь обнаружилось большое количество долговых расписок, так называемых кабальных записей. В числе наиболее крупных должников воеводы был Ерофей Павлович Хабаров. Его долги Францбекову исчислялись огромной по тому времени суммой — около семи тысяч рублей. Также в доме воеводы обнаружили большое количество соболиных шкурок.

— Что же это такое, воевода? — спросил Акинфов с укоризной Францбекова. — Тоже промыслом занимался? Не воеводское сие дело.

— Да нет же, батюшка. Шутить изволишь, — растерянно лепетал Францбеков. — Сие подарки за всякие мелкие услуги, кои оказывал моим людишкам. А часть шкурок прикупил на свои кровные денежки. Подарки родным хотел сделать.

— Так, так... — многозначительно произнёс Акинфов. — Подарки родным, говоришь? Широко развернулся.

Кроме кабальных записей Акинфов и его помощники обнаружили много и других долговых документов от разных лиц да ещё расписки на выдачу казённого имущества. Всё это вместе взятое превышало двенадцать тысяч семьсот рублей.

В своё оправдание Францбеков был вынужден написать челобитную в Сибирский приказ, в которой пытался хитрить и оправдываться. Оправдания получились неуклюжими и совсем не убедительными. В приказе им не очень поверили, и вернули только малую часть конфискованного — две тысячи рублей, а все меха занесли в казну и незамедлительно отправили в Москву. Лишился Францбеков обнаруженных у него в доме кабальных записей и наличных денег. Они стали достоянием казны для выплаты жалованья служилым людям и на

текущие городские расходы.

Большой интерес Акинфова, вступившего в должность воеводы, вызвала экспедиция Хабарова, именно для ознакомления с его деятельностью он послал на Амур Сабельникова. Тот успел подружиться с Хабаровым, и, возвратившись в Якутск, подробно доложил о своих амурских впечатлениях новому воеводе. Впечатления были самые положительные.

Акинфов подробно расспрашивал каждого из казаков и промысловиков, вернувшихся с Амура. Не оставлял он своим вниманием и тунгусов, побывавших на этой реке. Однако расспросами воевода не удовлетворился, а решил послать к Хабарову ещё одного своего человека, Никиту Прокофьева.

— Возьмёшь трёх человек и отправишься к Ерофею Хабарову, — распорядился он.

— Дозволь спросить, что я должен делать у Хабарова? — спросил его Прокофьев.

— Многое, Никитушка. Узри своими глазами и доложи мне, каково состояние пути с Лены на Амур. Густо ли заселены его берега. Каково расстояние между поселениями. Как люди Хабарова справляются с преодолением водных путей. Сколько времени занимает весь путь по Амуру от истоков до устья. Коли сумеешь, составь чертёж — каково течение сей великой реки. Понятно тебе, Никитушка? Коли всё понятно, Бог тебе в помощь.

Отправившись в путь и выйдя из Лены в её правый приток Олёкму, Прокофьев смог убедиться, что здесь-то и начинается трудная часть пути. Как Олёкма, так и её приток Тугир были извилисты, порожисты, с частыми мелями и перекатами. В острожке на Тугирском волоке Прокофьева и его спутников встречал казачий десятник.

— С благополучным прибытием, государевы люди, — произнёс он высокопарно, приветствуя прибывших. — Долго ли плыли по Олёкму и Тугиру?

— Кажись, месячишко и ещё пять дней. В Якутске нас посадили на малый, плоскодонный дощаник.

— Правильно поступили. Прежде, когда дорога была не изведена, пускались в плавание по Олёкме на больших дощаниках и застревали на каждой мели, на каждом пороге. Не приведи Господь такого. Теперь к этому пути приновились.

Десятник ещё долго распространялся о коварстве порогов Олёкмы и Тугира, потом накормил путников ухой и вызвался проводить их через

волок до амурского притока Урки. Его сопровождал молодой парень, вооружённый луком.

— На обратном пути поохотимся на куропатов, — пояснил десятник.

Весь путь через перевал и по реке Урке до её устья занял восемь дней. Там, где водораздельный перевал упирался в берег Урки, стоял сторожевой пост — изба, в которой обитали несколько казаков, подчинявшихся начальнику острожка на Тугирском волоке.

Невдалеке от сторожевой избы корабелы рубили на берегу большой дощаник. Уже заканчивали обшивку бортов. Другой дощаник покачивался на воде вблизи берега, который, как оказалось, доставил мастерам необходимое снаряжение и паруса для строящегося дощаника и намеревался возвращаться на свою постоянную стоянку в устье Зеи.

— Вовремя застали нас, — приветливо воскликнул старшина корабельной команды, — коли к Ерофею Павловичу путь держите, будем попутчиками.

Хабаров встретил нового посланца воеводы приветливо, принял его по полному чину, устроил гостям щедрое угощение с амурской рыбой. Потом завязалась оживлённая беседа Ерофея Павловича с гостем. Хабаров показал Никите Прокофьеву набросок чертежа, выполненный им собственноручно. На чертеже широкой извилистой линией изображался Амур с его важнейшими притоками и отмечены условными кружками крупнейшие поселения. Ерофей Павлович развернул кусок пергамента на столе и, проводя указательным пальцем по линии, обозначающей Амур, от его верховьев до устья, давал пояснения.

— Вот здесь, в устье Зеи, мы находимся сейчас... А это река Буряя, как и Зея, впадает в Амур слева... А это правый амурский приток Сунгари. Течёт сия река по Богдоевым землям. Сейчас в низовьях реки богдоевых людишек не видно. Мы беспрепятственно подымались вверх по Сунгари. А это река Уссури, тоже правый амурский приток. А далее Амур поворачивает на север. Кончаются земли, населённые даурами и дючерами. Далее обитают натки и гиляки.

Хабаров прервал свой рассказ, что-то вспомнил. Потом ткнул пальцем в кружок, начертанный на амурском берегу ниже впадения Уссури.

— А вот на берегу сей протоки было наше зимовье, — продолжил он. — Здесь мы выдержали яростный бой с богдоевым воинством. Выдержали и заставили ворогов отступить.

Ерофей Павлович незаметно увлёкся рассказом об ачанских мартовских событиях, вспомнил детали боя, умелые действия пушкарей и торжество победы русских, заставивших маньчжурское войско обратиться с

большими потерями в бегство. Потом порекомендовал Никите Прокофьеву совершить плавание вниз по Амуру, зайти в Сунгарийское устье, побывать в туземных селениях, ознакомиться с местоположением Ачанского городка. Для сопровождения Прокофьева Ерофей Павлович выделил одного из ближайших своих помощников Чечигина.

Возвратившись из плавания по Амуру, Прокофьев возобновил расспросы Хабарова.

— Воеводу интересуется, богат ли тот край драгоценными рудами, серебром и золотом, — спросил Никита.

— Несомненно. Сведения на сей счёт имеются. Но главные богатства скрыты в недрах Забайкалья, на реке Нерчи, — ответил ему Хабаров.

— Сообщу об этом воеводе. А коли ему будет угодно, снарядим поисковую группу.

— Правильно поступите.

Перед отъездом в Якутск Прокофьев договорился с Хабаровым взять у него и доставить весь ясачный сбор. А в помощь ему Ерофей Павлович выделил из своего отряда трёх человек для охраны.

Тем временем до воеводы Акинфова дошло известие, что на Амур, или в Даурию, как называли в то время Приамурье, назначен дворянин Дмитрий Зиновьев. Акинфов знал Зиновьева по Сибирскому приказу очень поверхностно. Это был человек какой-то незаметный, предпочитавший оставаться в тени и не лезть, как говорится, на первый план. На Амур его назначили, очевидно, временно, пока не будет сформирован для несения службы крупный отряд во главе с сановным и влиятельным человеком. Тем не менее Акинфов, будучи человеком предельно осторожным и дисциплинированным, не счёл возможным посылать какие-либо свои распоряжения на Амур. Даурия теперь оказалась чужой вотчиной. Пусть новый воевода или исполняющий обязанности воеводы распоряжается там на свой лад.

Ещё не ведая, пользуется ли влиянием Зиновьев в Сибирском приказе или нет, Акинфов решил оказать ему услугу. Он послал навстречу Зиновьеву своих людей с советом следовать на Амур по Олёкме, не заходя в Якутск. Акинфов предлагал Зиновьеву воспользоваться услугами проводника, хорошо знающего дорогу.

В Илимске произошла встреча Зиновьева с бывшим якутским дьяком Стеншиным. Встреча эта не была для дьяка неожиданностью. Ещё в Якутске он получил сведения, что на Амур направляется с войском исполнять обязанности воеводы Дмитрий Зиновьев. Стеншин располагал сведениями, что Зиновьев — человек подозрительный, недобрый,

корыстный,— и настроить его против Ерофея Павловича Хабарова будет нетрудно. А настроить хотелось, ох как хотелось дьяку Стеншину, имевшему кляузный, мстительный характер. Похоже, что желание отомстить Францбекову, изгнанному из Якутска и потерявшему большую часть награбленного, стало делом жизни бывшего дьяка. Не мог он простить бывшему воеводе крутое обращение со своей персоной, доходившее до рукоприкладства в арестантской избе. В деятельность Хабарова на Амуре Стеншин особенно не вникал, но считал его сообщником Францбекова, а сообщнику тоже можно мстить.

В Илимске, преодолев трудный участок пути по Ангаре и Илим, Зиновьев остановился на отдых. Местный воевода для именитого гостя отвёл специальную избу рядом со своей воеводской. Зиновьев сопровождали полторы сотни московских стрельцов. В пути ему удалось набрать столько же людей в городах Тобольского разряда: в Верхотурье, Туринске, Сургуте, Тюмени, Тобольске. Все эти люди получили хлебное жалованье на текущий 1652 год и денежное — на 1652 и 1653 годы. С ними была достигнута договорённость именно на этот срок, по его истечению годовальщики имели право вернуться с Амурского в свои города. В Восточной Сибири Зиновьев присоединил к своему отряду ещё 30 охочих казаков Верхотурского и Балаганского острогов. Со всеми своими людьми, численность которых достигала 330 человек, Зиновьев направлялся на Амур.

Во время стоянки в Илимске его люди расположились в палатках или просто устраивались на охапках хвой у костров. Плавание по Ангаре и Илим с преодолением порогов было изнурительным.

Вход в гостевую избу, в которой обитал Зиновьев, охраняли два дюжих казака-стражника. Дьяка Стеншина они не были расположены пропустить в избу, как тот ни доказывал им, что должен говорить с Зиновьевым. Дело дошло до перебранки. В результате из избы на крыльцо вышел сам заспанный Зиновьев, хмуро и недобро уставился на Стеншина.

— Чего тебе, мужик?

— Дозволь, батюшка, представиться. Дьяк Стеншин из Якутского отряда...

— А зачем мне понадобился дьяк из Якутска? Я еду не в Якутск, а на Амур.

— Вот, вот... есть для тебя полезные сведения о Ерофее Хабарове. Что Хабаров, что воевода Францбеков — одна ватага. Предупредить тебя хочу.

— Кто тебя надоумил путаться в это дело?

— Только собственная совесть.

— Тогда заходи в избу, человек с совестью. Занятно, однако...

Стеншин не заставил себя долго упрашивать и вошёл в избу, получил приглашение присесть.

— Говори. Что ты намерен поведать мне о Хабарове? — произнёс тоном приказа Зиновьев.

— Да будет тебе известно, батюшка, что бывший воевода Якутска Францбеков, за которым числится много всяких грехов и лихоимства, благоволил Ерофейке Хабарову, дал ему полную волю на Амуре.

— В этом мы разберёмся.

— Выслушай меня, тогда тебе легче будет разобраться. Я всё же вторым человеком в воеводстве был. Большой куш Ерофейка отхватил себе по примеру Францбекова. Людишек обирал.

— Людишек обирал, говоришь?

— Это точно. Много среди казачишек его отряда обманутых, обобранных.

Стеншин ещё долго кляузничал на Хабарова. Какие-то жалобы на Хабарова были справедливы. Ерофей Павлович требовал в отряде порядка, и это не всем нравилось. Какие-то огрехи его были дьяком явно преувеличены или просто высосаны из пальца. Много же было наглой клеветой, объясняемой желанием во что бы то ни стало очернить Францбекова, а с ним заодно и Хабарова.

Расспросы Стеншина продолжались долго, и, покончив с расспросами, он приказал подать дьяку кружку хмельной браги и отпустил с миром.

А через несколько дней Зиновьев с отрядом, дождавшись проводника, продолжил свой путь по Лене. Отряд поднялся по Олёкме и Тугиру, преодолев Тугирский волок, спустился Уркой в Амур. Здесь Зиновьева поджидали крупные дощаники, на которых прибывшие вышли к устью Зеи. 25 августа 1653 года здесь произошла встреча Зиновьева и Хабарова.

Ещё в пути Дмитрий Зиновьев задумался над тем, что за человек Ерофей Хабаров. В Сибирском приказе он заслужил добрую репутацию, хотя, вероятно, и был не без греха. За кем не водятся грешки. Главное же, Хабаров прочно утвердил государеву власть на Амуре, сделал Амурский край источником высоких доходов. В клязузу дьяка Стеншина в Сибирском приказе не стали глубоко вникать, сам князь Трубецкой не придавал ей никакого значения. Заслуги Хабарова оказались несоизмеримыми с его промахами и огрехами. Поэтому Зиновьев весьма скептически отнёсся к жалобам дьяка.

Однако Зиновьев, будучи человеком себе на уме и к тому же великим

корыстолюбцем, намеревался основательно потрясти Ерофея Павловича. На Амуре задерживаться продолжительное время он не собирался, временем для промысла соболя и другого пушного зверя не располагал. Со временем на Амуре появится постоянный воевода, если не князь Лобанов-Ростовский, не горевший желанием отправиться в Восточную Сибирь, то кто-нибудь другой.

У Зиновьева созрел план, как поживиться за счёт Хабарова. Встретиться с ним он намеревался как с героем, вручить ему награду от главы приказа. Хабаров по случаю награждения, конечно, будет растроган, и до поры до времени торжество омрачать не стоит. Но потом он возьмётся за Ерофейку, сообщит, что вызывают де его, служилого, для отчёта в Москву, в Сибирский приказ. На самом же деле никто Ерофейку в Москву не вызывал, и никаких распоряжений на сей счёт не было. Да ведь всегда можно сказать — не так, мол, начальство понял или получил только устное распоряжение. А кто теперь докажет — было ли оно или не было? А по дороге, когда они вместе отправятся в обратный путь в сопровождении надёжных людишек, он и возьмётся за Ерофейку. Так рассуждал про себя великий хитрец Зиновьев.

В течение всего пути Зиновьев думал о том, что поездка на Амур ему не по душе: дальний путь, всякие трудности, недобрые соседи богдои... Успокаивало лишь то, что поездка эта может оказаться прибыльной. Можно употребить свою воеводскую власть, потряхнуть людишек и за их счёт поправить свои дела. Эти корыстные побуждения и заставили в конце концов Зиновьева решиться на поездку, хотя на Амуре он не собирался долго засиживаться.

Направляя Зиновьева на Амур, администрация Сибирского приказа ставила перед ним несколько задач. Прежде всего требовалось наладить здесь воеводское управление, какое уже имелось в других районах Сибири, и закрепить своё пребывание на Амуре строительством городков-крепостей, как опорных пунктов и мест размещения отрядов. Важной задачей была также организация пашенного земледелия, которое обеспечивало бы вновь прибывших продовольствием. И наконец, сбор ясака с местного населения нуждался в чёткой организации.

Сибирский приказ ставил перед Зиновьевым и важную внешнеполитическую задачу — установить дружественные отношения с маньчжурами. Сведения о том, кто правит Маньчжурией, были у русских самые неточные и ошибочные. В Сибирском приказе бытовало мнение, что Богдоева земля, т. е. Маньчжурия (это понятие вошло в обиход позже) управляется Шамшаканом, который время от времени посылал на Амур

купцов с товарами. Очевидно, Шамшакана следовало отождествлять с маньчжурским императором Шуньчжи, захватившим власть в Китае и утвердившимся на императорском престоле в Пекине. Однако полная неосведомлённость внесла путаницу в представления Посольского приказа, да и русских на Амуре.

Зиновьев должен был выяснить, возможно ли привести Шамшакана в русское подданство и приобретать через его купцов драгоценные металлы, которыми якобы богата его земля, а кроме того, разузнать далеко ли от Шамшакановых владений расположена страна Китай — долг ли путь до неё от Амурской земли и каков путь: «степью, горами или водою». Полная неосведомлённость русских делала выполнение этих задач абсолютно нереальным. Шамшакан, или глава Китайской империи Шуньчжи, ошибочно рассматривался как местный князёк или вождь невеликого масштаба, доступный для переговоров о принятии русского подданства.

Не подозревая того, что приезд Зиновьева с войском таит опасные для Хабарова последствия, он встретил гостя дружелюбно, приветливо, а сам приезд решил отметить как торжественное событие. Все подчинённые Хабарова получили приказ надеть лучшую одежду и выстроиться парадным строем. Появление Зиновьева было встречено развевающимся знаменем и барабанным боем.

Участвуя в торжественной церемонии Зиновьев не показывал свою неприязнь к Хабарову, произнеся речь, вручил Ерофею Павловичу и его людям царские награды. В те времена в России орденов ещё не существовало и отличившихся награждали золотыми монетами, которые крепились к головному убору. Ерофей Павлович был награждён золотым червонцем. 63 служилых казака получили по «новгородке». Так назывались старинные серебряные монеты, выпуск которых начался в Великом Новгороде ещё в начале XV века. Остальные люди из отряда Хабарова (всего 257 человек) награждались «московками», которые были в два раза легче «новгородок».

На следующий день торжества продолжились. Ерофей Павлович старался всячески подчеркнуть своё расположение к государеву посланнику. Он пригласил всех ближайших даурских и дючерских князьков. Зиновьев обратился к ним с приветственным словом и пообещал, что все они получают «царёво жалованное слово» и государь даст им праведный суд и защиту от всяких неправд, и впредь они будут жить в «покое и тишине безо всякого сомнения». Вместе с тем Зиновьев не забыл напомнить князькам, чтобы те исправно платили ясак и всякого «лихого умышления» не имели.

Князьки торжественно обещали и ясак платить, и под государевой высокой рукой быть, но лишь просили, чтобы русские люди их оберегали от богдойского царя, иначе говоря, от маньчжурских нашествий. Даурских и дючерских князьков одарили подарками, красными сукнами, посудой и щедро напоили и накормили.

Ерофей Павлович несколько раз пытался заговорить с Зиновьевым, рассказать, как удалось ему наладить добрые отношения, которые поначалу складывались совсем не просто. Много о чём хотелось бы ему поговорить с Зиновьевым, но тот держался с Хабаровым сухо, если не сказать высокомерно, и каждый раз, когда Ерофей Павлович пытался обратиться к нему, отмахивался:

— Потом, потом... Наговоримся ещё.

Когда князьки со свитами разъехались по своим улусам, а люди из амурского войска, притомившись от обильной еды и выпивки, разбрелись по укромным углам, Зиновьев повёл с Хабаровым нелицеприятный разговор.

— Волею главы Сибирского приказа ты, Ерофейка, отстраняешься от должности приказного человека...

— Пошто? За какие провинности? Что я натворил?

— Что ты натворил, пока мне неизвестно. А дела свои сдай новому человеку и поедешь со мной в Москву для отчёта.

— Разве я не отчитался в своих отписках?

— Стало быть, этого мало. Потребно прибытие в Сибирский приказ, там и дашь личный отчёт.

— Твои слова, Зиновьев, встречаю с негодованием. Чем я заслужил отставку? Несправедливые слова говоришь. Отставки я не заслужил. Да и время для поездки в Москву самое не подходящее. Надо готовиться к зиме, заканчивать строительство острога.

— Найдётся человек, который сделает это за тебя, Хабаров.

— Ты мне покажи царский указ о моём отстранении.

— Какой ещё тебе указ?

— Покажи указ, тогда тебе поверю.

— Так ты мне не веришь? Моему слову не веришь! Слову государева посланца? Мужик ты сермяжный!

Зиновьев схватил Хабарова за бороду и хотел было избить его, но понял, что силы у них оказались неравные. Ерофей Павлович был намного сильнее противника, схватил железной хваткой его запястья и до боли сжал их. Тогда на помощь Зиновьеву подскочили два его рослых, плечистых телохранителя и крепко побили Хабарова. Это вызвало возмущение многих

сторонников Ерофея Павловича, окруживших плотным кольцом дерущихся и готовых ввязаться в драку. Особенно негодовал есаул и пушкарь Онуфрий Степанов Кузнецов. Зиновьев остановил дерущихся.

— Поумерь пыл, мужики. Разберёмся. А ты, Кузнец, коли такой у нас справедливый, бери главенство над войском.

— Пошто я? — возразил Онуфрий. — Не могу я примириться с отстранением Хабарова. В неволю мне это главенство.

— Нам сие виднее. А с Ерофейкой разберёмся по справедливости, людишек порасспросим. Посиди, Ерофеюшка, под охраной, пока не утихомиришься.

Зиновьев собрал войско и заявил, что до него доходили слухи о многочисленных жалобах на Хабарова. В их числе были жалобы дьяка Стеншина. Вот он и поступит по справедливости. Станет не спеша расспрашивать всех жалобщиков, разберётся, заслуживают ли их слова внимания.

Двадцать дней — с 25 августа по 15 сентября — пребывал Зиновьев на Амуре. Все эти дни он был занят дотошными расспросами участников похода, собирая все большие и малые факты и фактики, которые могли бы скомпрометировать Ерофея Павловича. Хабаров не был праведником, случалось, проявлял резкость к подчинённым, не всегда бывал с ними справедлив. И то, что приходилось ему бремя воеводских поборов перекладывать на людей отряда, тоже не могло не вызывать неизбежного недовольства людей.

Ухватился Зиновьев за факт столкновения Хабарова с Ивановым и Поляковым, отсидевшими «в железах в тёмной камере» за то, что способствовали расколу в отряде. Раскол этот Зиновьев поставил в вину Ерофею Павловичу и с сочувствием расспрашивал Иванова и Полякова о перенесённых ими обидах. Он ещё долго беседовал с теми, кто был высечен по распоряжению Хабарова в связи с тем же делом и, не ограничившись расспросами, велел для наглядности оголить иссечённые розгами спины.

Многие покрученики жаловались Зиновьеву на то, что Хабаров вынуждал своих людей приобретать по завышенным ценам косы, серпы, куяки, порох, свинец. Некоторые своеуженники сетовали по поводу того, что подымались они на амурскую службу за свой счёт, а Хабаров ставил себе в заслугу, что «прихватил их ужины в свои подъёмы», то есть снаряжал на свои средства. Вероятно, были и такие случаи, дававшие повод для обвинения Ерофея Павловича.

День за днём росли обвинения в адрес Хабарова: они растянулись в

бумагах обличителя в длинный список. Какую цель преследовал Зиновьев при этом, нетрудно понять. Выискивая всяческие нарушения законности, действительные и мнимые, он старался обвинить в этих нарушениях Хабарова, чтобы потом поживиться за его же счёт. Зиновьев легко мог убедиться, что Ерофей Павлович, опутанный долговыми обязательствами, усердно копил пушнину, особенно соболиный мех, чтобы со временем рассчитаться с обременительными долгами. Расчёт Зиновьева был прост — обвиняя Хабарова во всех смертных грехах и злоупотреблениях, завладеть его имуществом.

Перед отъездом Зиновьев отдал два распоряжения Онуфрию Степанову. Одно касалось заведения пашни в устье реки Урки. К следующей осени там надлежало засеять хлеб для обеспечения войска в пять-шесть тысяч человек, ожидаемых в Приамурье. Второе распоряжение касалось строительства острожков в устьях рек Урки и Зеи.

Распоряжения Зиновьева были далеки от реальности. Земля в устье Урки не была подготовлена для пашни, в наличии не имелось необходимого для сева количества зерна. Кажется, что эти чисто формальные распоряжения были отданы с одной лишь целью — отчитаться перед Сибирским приказом в своей работе. Исполнение их взваливалось на Онуфрия Степанова, который сразу же осознал, что выполнить такие распоряжения вряд ли возможно.

Онуфрий Степанов и Ерофей Павлович долго совещались наедине. Степанов решил написать с помощью Хабарова подробную челобитную в Сибирский приказ. В ней сообщалось о поведении Зиновьева, не вникавшего в дела, а стремившегося только к личному обогащению за счёт других.

— Напиши и ты челобитную, Ерофеюшка, — предложил Степанов, — тебе есть о чём написать.

— Вестимо. Только напишу не сейчас, а как доберусь до Москвы, — ответил Хабаров. — Коли напишу сейчас, аспид окаянный может выкрасть её и учинить мне расправу.

— Этот может.

Степанов выбрал себе помощником племянника Ерофея Павловича, Артемия Петриловского. Ставить об этом в известность отъезжающего Зиновьева он не стал. Да тот и сам не интересовался дальнейшей судьбой Приамурья.

Прощаясь с Хабаровым, Степанов жаловался ему:

— Митька Зиновьев, душегуб окаянный, начисто обобрал нас. Не оставил нам ни хлеба, ни пороха, ни свинца. Все запасы забрал с собой.

Хлеб-де добывайте сами, где знаете, а порох и свинец, так и быть, пришлю с Тугирского волока, коли самому не понадобится.

— Не отчаивайся, Онуфрий. Хлеб сможешь приобрести у дауров и дючеров.

— Хлеб-то приобрету... А как обойтись без свинца и пороха?

— Запрашивай Якутск.

— Как сам-то?

— Со скверным чувством покидаю Амурскую землю. Ведь почти четыре года провёл здесь. Всякое терпел: и голод, и всякие невзгоды. Весь Амур прошёл от истоков до устья. Сердце болит, как подумаю, приезд Зиновьева не облегчил положение войска, а только усугубил. Беспокоит меня и судьба Третьяка Чечигина.

Третьяка, снабдив его пятью сопровождающими, Зиновьев решил направить посланником к маньчжурскому императору. В своё время на этом настаивал и Францбеков, но Хабаров не спешил выполнять распоряжение воеводы, так как предвидел серьёзные осложнения. Сведения о маньчжурском императоре или предводителе носили самый неопределённый, расплывчатый характер, и можно было только гадать, как дружелюбно или враждебно встретит он русского посланника. Чечигин был одним из близких соратников и друзей Хабарова, беспокоившегося за его судьбу. Понимая, что поездка Чечигина к маньчжурам неизбежна, Третьяк стал подбирать надёжных проводников из числа местных жителей. Но таких охотников не находилось, под всякими предложениями они уклонялись от рискованной миссии.

Хабаров попытался предостеречь Зиновьева от опрометчивого решения, но тот не счёл нужным прислушаться к советам Ерофея Павловича и подобрал в спутники к Чечигину первых попавшихся людей, случайных и ненадёжных. Зиновьев во что бы то ни стало стремился выполнить распоряжение Сибирского приказа, не вникая в реальную расстановку сил на Дальнем Востоке. Дальнейшая судьба Чечигина его не интересовала.

Покидал Зиновьев Приамурье в сопровождении 150 стрельцов из Сибирского приказа. Он увозил с собой весь ясачный сбор, ясачные книги и даже их черновики, чем создавал затруднения для работы Онуфрия Степанова. Зиновьев также забрал принадлежавшую Ерофею Павловичу пушнину, многие его личные вещи и наличные деньги, полностью ограбив Хабарова. Иванову и Полякову было приказано присоединиться к отряду и сопровождать его до Москвы, дабы там дать свои показания против Ерофея Павловича. Ещё забрал с собой Зиновьев всех толмачей и нескольких

даурских женщин и подростков из числа пленных.

Перед выходом в обратный путь Зиновьев сказал своим людям лишь несколько слов:

— Осень в разгаре. Не за горами зима. Поспешим, чтобы до снега добраться к Тугирскому волоку. Там сделаем передышку и продолжим путь на лыжах и нартах.

В октябре 1653 года Зиновьев с отрядом был уже на Тугирском волоке. Здесь он переменил свои планы, позабыв о своём намерении продолжать путь на лыжах и нартах. Начальник зимовки успел построить для себя удобную избу. Это жильё вполне устроило Зиновьева, и хозяин был оттуда изгнан. В избе поселился Дмитрий Зиновьев с двумя охранниками. Своим приближённым он строго приказал:

— Следите за Хабаровым, чтоб не убег. Весной тронемся в дальнейший путь.

14. Вынужденная поездка в Москву

Итак, отряд Зиновьева на мелких дощаниках поднялся вверх по амурскому притоку Урке. Гребцы налегали на вёсла.

Хабаров испытывал неприятное чувство, ощущая постоянное внимание соглядатаев, следивших за каждым его шагом. Нетрудно было понять, что делали они это не по собственному почину, а по приказу Зиновьева.

На одной из стоянок Хабаров сошёл на берег и решил немного пройтись вдоль берега, чтобы поразмяться. Приставленные к нему казаки назойливо следовали за ним, а один из них даже не удержался и сказал Ерофею Павловичу угрюмо:

— Не увлекайся, мужик, не отдаляйся от дощаника. Как бы Зиновьев не повелел заковать тебя в кандалы, коли не угодишь ему. У нас это живо делается.

— Передай своему Зиновьеву, что такого удовольствия ему не доставлю, — сдержанно ответил Ерофей Павлович и повернул к судну.

Стоял октябрь. Деревья, росшие по берегам, сбрасывали листву, подхватываемую холодным ветром. Выше, на склонах холмов и гор, зеленели высокие ели.

Караван остановился в верховьях реки у опознавательного знака — врытого в землю бревна с перекладиной; люди высадились на берег у начинавшегося водораздела. По горным перевалам спускалась к Тугиру тропа, которую было принято называть Тугирским волоком. Она петляла по перевалам и уже была припорошена ранним снегом. Преодолев перевалы, спустились к Тугиру, а через некоторое время достигли Тугирского зимовья, состоявшего из двух избушек и амбара. В зимовье ютился небольшой отряд.

— Здесь зазимует до следующей весны, — объявил Зиновьев своим людям.

— Пошто здесь, а не в Илимске, как обещал? — дерзко спросил один из казаков.

— Так мне угодно, — резко ответил Зиновьев. — Силы ваши берегу. Да и не уверен, что нарт и лыж на весь отряд хватит.

Дерзкий казак удовлетворился ответом и умолк.

Зиновьев с приближёнными занял самую большую избу. В другой в

тесноте смогла разместиться лишь часть отряда, места всем не хватило. Пришлось наспех рубить ещё одну избу. В её строительстве принял участие и Ерофей Павлович. Плотницким делом он хорошо владел. Часть казаков, чтобы прокормиться, занялась охотничьим промыслом. Кроме того, Зиновьев наложил свою тяжёлую руку на припасы обитателей зимовья. Зимовщики роптали, протестовали, и в конце концов умолкли, так как были в меньшинстве. Однако их глава снарядил двух казаков и на собачьих упряжках направил их в Якутск к воеводе Акинфову с жалобой на Зиновьева и с просьбой о хлебной помощи. О цели поездки двух казаков стало известно и Ерофею Павловичу Хабарову.

Оба казака возвратились лишь к концу зимы. Жалобу на Зиновьева Акинфов переслал в Сибирский приказ с попутчиками-купцами, а в хлебной помощи отказал. Хабаров понял причину отказа: с какой стати якутский воевода должен кормить отряд пришлых людей Зиновьева, которые непременно воспользуются этой помощью, как уже воспользовались припасами хозяев зимовья? Воевода сообщил управляющему Тугирского острожка, что лишнего хлеба в Якутске нет, и посоветовал кормиться за счёт охотничьего промысла и рыбной ловли.

Казаки, побывавшие в Якутске, привезли для Хабарова неожиданную новость. В Якутске оказалась вся его семья, прибывшая из Сольвычегодска, где жена Хабарова Василиса долгое время жила, опираясь на своё хозяйство и помощь родных. С ней находились дочь Наталья, бывшая уже замужем, и два сына, Андрей и Максим. В 1643—1644 годах, в период заточения в Якутской тюрьме, Хабаров просил Сибирский приказ отпустить его к семье. Такое разрешение от главы приказа Николая Ивановича Одоевского пришло в Якутск в 1645 году, но тогда по каким-то причинам Ерофей Павлович не воспользовался этим разрешением. Очевидно, Хабаров, несмотря на все постигшие его невзгоды, считал себя крепко привязанным к Дальнему Востоку и надеялся, что судьба к нему здесь окажется благосклонной. Отъезд же на Вычегду мог быть чреват нежелательными для него последствиями — потерей всяких связей с Восточной Сибирью.

Пять лет спустя, в 1650 году, находясь уже на амурской службе, Хабаров посетил Якутск, чтобы выхлопотать там подкрепление для своего отряда. Во время этой поездки Ерофей Павлович подал челобитную с просьбой отпустить к нему жену Василису с другими членами своей семьи. Челобитную поддержал тогдашний воевода Францбеков, и Хабаров надеялся, что при его содействии он сумеет устроить семью либо на Киренге, либо в Якутске.

Челобитную Хабарова, заверенную Францбековым и дьяком Стеншиным, доставил в Сибирский приказ ленский пятидесятник Иван Кожин. Учитывая заслуги Хабарова в его амурском походе, Сибирский приказ оказал Ерофею Павловичу содействие в выполнении его просьбы. Жену Хабарова и членов его семьи отправили в Якутию в сопровождении Ивана Кожина, возвращавшегося к месту службы.

Когда получил известие о том, что его семья находится в Якутске, Ерофей Павлович направился к Зиновьеву, хотя всякое общение с этим высокомерным и заносчивым человеком было для него тяжким бременем.

— Дозволь, батюшка... — робко начал Хабаров, обращаясь к Зиновьеву.

— Чего тебе, Хабаров?

— Новость для меня великую привезли казаки из Якутска.

— Какую ещё новость?

— Жёнка моя Василиса с семейством прибыла из Соли Вычегодской. Забота мне. Все живы, здоровы — как судьбу благодарить...

— Сие твоя забота. Мне-то зачем говоришь об этом?

— Как зачем? Прошу твоей милости — отпусти меня до Якутска, чтоб уладить семейные дела.

— Это с какой же стати я должен тебя отпускать?

— Жена ведь с детками кровными. Сколько годков не виделись.

— Сие не моя забота, Ерофейка, — повторил холодно Зиновьев.

— Смилуйся, батюшка Митрий. Семья ведь кровная. Сколько лет не виделись.

Однако Зиновьев был неумолим. Спор Хабарова с ним был долгим и прекратился только тогда, когда Зиновьев пригрозил заковать Ерофея Павловича в железа и высечь за упрямство. Поверил Хабаров, что Зиновьев мог так поступить и поэтому решил пойти на уступку.

— Пусть будет по-твоему. Разреши тогда человека послать к семье в Якутск.

— Кого ты пошлешь?

— Кого-нибудь из здешних зимовщиков.

— Посылай, коли найдёшь согласного.

Люди, обосновавшиеся в Тугирском острожке, относились к Хабарову дружелюбно, и один из них, десятник Ферапонт, охотно согласился направиться в Якутск, чтоб повстречаться с семьёй Ерофея Павловича.

— Вовек не забуду твоей услуги, Ферапонтушка, — проникновенно сказал тот десятнику и незаметно вскрыл голенище сапога и извлёк оттуда полотняный мешочек с пригоршней серебряных монет.

— Передай жёнке моей, — сказал Хабаров протягивая их десятнику. — Это ей на первые нужды. И посодействуй тому, что воевода помог ей с семьёй определиться на Киренге. Сейчас там временно хозяйничает мой знакомец Панфил Яковлев. Пусть позаботится о восстановлении избы для моих чад. Считаю меня своим неоплатным должником, Ферাপонтушка.

Десятник охотно согласился выполнить поручение Хабарова.

Весной, когда реки вскрылись ото льда и снег на склонах сопок стаял, Зиновьев объявил:

— Собираемся в путь, казаки.

И снова между ним и Ерофеем Хабаровым состоялся тяжёлый разговор.

— Дозволь дать тебе совет... — начал неуверенно Хабаров.

— Все вы горазды давать советы, — резко оборвал его Зиновьев.

— Всё же выслушай.

— Ну, говори.

— Твой отряд везёт пороховую и свинцовую казну. Разве это не великое бремя для отряда? И понадобится ли оно в пути?

— Что ты предлагаешь?

— Не вези сей обременительный груз. Припрячь его в надёжном месте до надобности. В своё время я так припрятал здесь излишний запас кос, серпов и других орудий.

Зиновьев поначалу упрямылся, хотя понимал, что Хабаров был прав — к чему везти запасы пороха и свинца, которые вряд ли понадобятся в дороге, — но в конце концов после долгого и утомительного спора согласился с ним. Обременительные запасы припрятали в укромном месте невдалеке от Тугирского острожка.

Отряд Зиновьева тронулся в путь на речных судёнышках, преодолевая мели, пороги, стремнины.

Ерофей Павлович постоянно ощущал на себе всевидящее око соглядатаев. Когда на стоянке, вооружившись топором, он попытался отойти к лесной опушке, чтобы нарубить веток для костра, его тут же настиг один из надзиравших за ним казаков и произнёс:

— Не отлучался бы далече. Сие не угодно Митрию.

— В узника, что ли, превратил меня ваш Митрий? Чтоб ему было неладно.

— На то евоная воля, а не наша.

Казак всё же не препятствовал Хабарову, когда тот принялся рубить ветки, но стоял у него над душой, продолжая начатый разговор.

— А Митрия Зиновьева можно понять.

— Что ж его понимать? Первостатейная...

Хабаров хотел было произнести в сердцах «первостатейная гадина», да сдержался. Ещё донесёт казак Зиновьеву, и наживёшь неприятностей.

— Побаивается наш Митрий, как бы ты к семье не утёк, — продолжал казак. — Слушок дошёл до меня, что жёнушка твоя с детками проживает сейчас в Якутске. Небось ждёт тебя, не дожждётся.

— Всё верно, — согласился Хабаров.

— Вот и опасается Зиновьев, что ты попытаешься к семье податься. Он намерен привезти тебя в целостности в Первопрестольную и представить в Сибирский приказ.

— Ужо я сам поговорю с Митяйкой.

— Поможет ли? Упрям он, что старый бугай.

— В его упрямстве мы уже убедились.

Ерофей Павлович всё же улучшил момент и подошёл к Зиновьеву, когда тот вкушал похлёбку у костра.

— Дозволь, Митрий... — заговорил Хабаров.

— Чего тебе надо? — недружелюбно отозвался Зиновьев.

— Коль на то воля твоя, я не прошусь больше к семье, хотя зело и стосковался по чадам своим. Сколько лет жили врозь. Повинуюсь воле твоей.

— Давно бы так.

— А вот пошто меня как узника держишь? Шагу ступить не даёшь, чтоб люди твои за мной не надзирали, следом не ходили. За что после всех моих трудов такое унижение? В чём я провинился перед приказом, перед государем?

— Если не провинился — в Москве разберутся. Жалоб от твоих людишек поступило немало. Моё дело — доставить тебя в столицу для разбирательства. И должен я смотреть в оба, чтоб ты не утёк в пути. Понятно тебе?

Хабарову осталось только промолчать. Зиновьев выразил явное неудовольствие Ерофеем Павловичем и долго ворчал, не скрывая угроз. Всякий спор с Зиновьевым, вызывавший его гнев, мог закончиться для Хабарова плачевно: не только потоком брани, но и физической расправой.

В течение всего путешествия Зиновьев вызывал недовольство казаков своим откровенным вымогательством, если не сказать грабежом. Одной из первых его жертв стал Хабаров, которому всё же удалось сохранить кое-что из имущества, нажитого на Амуре, и взять с собой в дорогу. Вообще Зиновьев не скрывал своего постоянного раздражения Хабаровым, постоянно придирался к нему, занимался вымогательством. То отбирал у

него беличью шубу, то шапку, то соболиные пластины. У Ерофея Павловича не было возможности сопротивляться этим наглым поборам. Многие казаки видели это, возмущались в душе, но не решались его поддержать. Многие сами были жертвами корыстного Зиновьева. Перечень пострадавших от его поборов мог бы стать весьма внушительным. Отбирал он у казаков соболиные шкурки, меховую одежду, а иногда и наличные деньги. Там, где Зиновьев усматривал наиболее подходящее для предполагаемого побега Хабарова место, он приказывал надевать на него смыки, т.е. кандалы, и держать его отдельно от всех его спутников.

Широкое недовольство охватывало весь отряд Зиновьева, от алчности которого пострадали даже закоренелые недруги Хабарова Степан Поляков, Константин и Степан Ивановы. Эту троицу Зиновьев взял с собой в Москву, надеясь воспользоваться их распрями с Хабаровым и полученными показаниями для кляузных обвинений Ерофея Павловича.

Обиженные и обобранные Зиновьевым казаки вскоре пересмотрели свои взгляды на случившееся. Каждый из этих трёх в душе уже сожалел, что писал под диктовку Зиновьева кляузные челобитные на Хабарова и обещал главе отряда выступить в Сибирском приказе против Ерофея Павловича.

Константин Иванов, уловив момент, на одном из привалов ухитрился незаметно поговорить с Хабаровым.

— Не суди нас строго, Ерофеюшка... Шибко виноваты мы перед тобой. Были у нас с тобой споры, разнотолки, не без этого. Ты бывал мужиком жёстким, приходилось тебе держать нашу вольницу в крепкой узде — не без этого. Бог нас рассудит. А это, аспид окаянный, грабитель...

— Можешь не продолжать, Константин. Всё мне ведомо.

— Что же нам теперь делать? Посоветуй, ты человек бывалый.

— Коли совесть в каждом из вас пробудилась и обиду на Зиновьева в своём сердце вынашиваете...

— Вот-вот, Ерофеюшка. Ты подскажи, что нам делать.

— А вот что делать: как доплывём до Енисейского острога... Там, надо полагать, будет долгая остановка... Тамошний воевода Пашков, как ходят о нём слухи, толковый, к просителям внимательный и справедливый. Вот и подайте ему свои челобитные, в которых изложите все свои обиды на Митьку. Ежели воевода найдёт ваши челобитные убедительными, обязательно перешлёт в Москву.

— Непременно поступим так, как советуешь, батюшка.

— А что было меж нами неладного, забудем. Беда нас сближает и заставляет забыть о прежних обидах.

— Истинно рассуждаешь, Ерофеюшка.

Миновали Илимск, бурную Ангару с её порогами и вошли в широкий Енисей, вскоре на его левом низменном берегу показались стены и башни Енисейского острога.

Прибывших разместили на постоялом дворе. Зиновьев сразу же по прибытии в Енисейск куда-то сгинул. У него были какие-то дела с местными купцами. Оказалось, что он пытался сбывать купцам несправедливыми путями нажитую пушнину.

Хабаров воспользовался тем, что в Енисейске надзор за ним со стороны людей Зиновьева был ослаблен — его надзиратели отлучились побродить по лавкам, — отыскал воеводский особняк на высокой подклети. У входа стоял вооружённый бердышом казак. Хабаров представился и сказал ему, что хотел бы повидаться с воеводой Пашковым. Воевода в этот момент вышел на высокое крыльцо и, увидев Ерофея Павловича, воскликнул:

— Ужель Хабаров собственной персоной? Наслышан, наслышан.

Был воевода невысокого роста, поджарый, подтянутый и чем-то располагал к себе.

— Такому именитому гостю всегда рады. Прошу в палаты, — приветливо предложил он, приподняв бороду клинышком, тронутую ранней проседью.

— Не именитый гость. Вроде узник перед тобой, — неохотно ответил Хабаров воеводе, пропуская его в палаты.

Прошли в переднюю, где находилось несколько стражников, потом в просторную комнату Пашкова, служившую и приёмной. Посреди её стоял огромный стол, заваленный бумагами, вдоль стен тянулись широкие лавки, покрытые коврами и медвежьими шкурами. Воевода провёл Хабарова дальше, в небольшую горенку, находившуюся позади приёмной. Здесь одну из стен занимал целый иконостас из самых разных икон, некоторые из них были заключены в серебряные оклады. Перед ними теплились лампы. Из мебели здесь находились только резное кресло с высокой спинкой и большой сундук, покрытый стёганым одеялом.

Широким жестом Пашков указал Хабарову на кресло, а сам сел на сундук.

— Прошу.

— Неловко как-то, батюшка... Кресло-то воеводское, а я бы мог и на сундуке, — возразил воеводе Хабаров.

— В кресло обычно усаживают гостей, — ответил Пашков. — А сам предпочитаю сундук, Коль устану в делах праведных, бывает, и голову на

нём преклоню, посплю чуток. Ну, так жду твоего рассказа, покоритель Амура.

— Коли подробно рассказывать, долгим рассказ получится.

— Вот и хорошо. Нам спешить некуда. Сперва скажи мне по совести, не проголодался ли с дороги?

— Да как сказать...

— Вижу, изрядно проголодался. Это мы мигом исправим.

Пашков приоткрыл дверь во внутренние покои и зычным голосом позвал прислуживавшего ему казака:

— Николка, передай-ка, чтоб на стол накрыли. Мы с гостем трапезовать будем. И ещё... принеси-ка жбан холодного кваса из погреба.

— Слушаюсь, воевода, — ответил казак и поспешно удалился.

— К Амуру-реке, Амурскому краю пробудился великий интерес у наших людишек, — продолжал беседу воевода. — Многие казаки и промысловики из Енисейска и других городов желают отправиться для службы и промысла на Амур. Дошли до них добрые слухи о твоих деяниях. Они и всколыхнули народ.

— Отрадно сие слышать, — отозвался Хабаров.

— Ещё бы не отрадно. Понимаю тебя. А теперь расскажи, каковы дела на Амуре.

Ерофей Павлович принялся не спеша рассказывать о действиях своего отряда, об обращении в российское подданство приамурских народов, о столкновениях с маньчжурскими соседями, о природных богатствах края. Пашков внимательно слушал его, иногда прерывая вопросами.

— Я так понял из твоего рассказа, Ерофеюшка, что Приамурье суть край большого будущего. Край хлебный, с богатыми охотничьими промыслами, с великим добром, скрытым в его недрах и нам ещё малоизвестным. Речь может идти и о золотишке, и о серебряной руде.

— Знающие люди уверяют, что в недрах Приамурья немало скрыто сиих сокровищ.

— Не жалеешь, Ерофей, что связал свою судьбу с Амуром?

— Пошто жалеть?

— Давай, однако, прервём нашу беседу. Обед на столе нас ждёт. Перейдём в трапезную, — предложил Пашков.

За столом он прекратил свои расспросы и дал возможность гостю насытиться. Сам же воевода, как видно, уже успел отобедать и лишь не спеша потягивал из серебряной кружки холодный квас.

После обеда Пашков и Хабаров остались в трапезной. Воевода повернул русло разговора в иное направление.

— Об Амуре, Ерофеюшка, можешь больше не рассказывать. Зрею, что край зело богат, для Руси полезен. Будем содействовать, чтоб людской поток в Приамурье не прекращался, а возрастал.

— Разумно рассуждаешь, воевода.

— А теперь расскажи мне, что у тебя получилось с Зиновьевым? Кажется, был человек направлен Сибирским приказом на Амур не ради праздного любопытства, не для того, чтобы поглазеть, что за река, какие туземцы там обитают. А провёл он там всего месяц или даже без малого месяц. Что ж успел сделать за такое время? Нахапал соболей и в обратный путь?

— Это ты верно подметил, воевода. Нахапал. Людей обобрал. Я больше всех пострадал. Но я не единственный.

— Скажу откровенно, Ерофей Павлович... Сей Зиновьев, шибко не понравился мне. Уклонился от таможенного досмотра груза. Бумаг на грузы не представил. Это, мол, всё моё, личное. С чего бы это?

— Я объясню — с чего.

— Любопытно. Послушаем твои рассуждения.

— Зиновьев ограбил многих казаков. Я ведь не единственный пострадавший. Порасспросите других и убедитесь, что я прав. Никаких бумаг на награбленное у него нет и не может быть.

— А скажи, Ерофей Павлович, откровенно, пошто Зиновьев так взъелся на тебя, что, как ты говоришь, держит чуть ли не за узника?

— Неужели не понятно?

— Коли было бы понятно, не спрашивал.

— Тогда слушай мою правду. Люди подтвердят её. За время амурской службы кое-что сумел я поднакопить. Правда, оказался в долгу как в шёлку. Задолжал прежнему воеводе Францбекову изрядную сумму, взятую у него, когда принялся я снаряжать амурский отряд. Долги выплачивал, но кое-что оставлял и себе. Зиновьев проведал про то и обвинил меня во всех смертных грехах, чтоб опорочить, увезти с собой в качестве узника и ограбить безнаказанно. Поплатились и другие, ежели поговоришь с людьми, убедишься, что я не вру.

— Порасспрашиваю. А к имуществу Зиновьева придётся стражу приставить. Пусть Сибирский приказ разбирается, что там краденое, что благоприобретенное.

— Разумно поступишь, батюшка.

Беседа Хабарова с енисейским воеводой продолжалась ещё долго. На следующий день Пашкова осаждали жалобщики, приносившие свои челобитные. Воевода выслушивал взволнованные и горькие рассказы о

корыстолюбии и мздоимстве Зиновьева. Среди жалобщиков оказались бывшие недруги Хабарова Степан Поляков, Константин и Степан Ивановы.

Не спеша ознакомившись со всеми челобитными, Пашков удивлённо произнёс:

— Серdito!

— Как не быть сердитым, когда терпели от окаянного столько обид, поборов, грабежей, — сказал с нескрываемой ненавистью Степан Поляков. — Грабитель он с большой дороги. Пошли, батюшка, наши челобитные в Москву. Кровью сердца они написаны.

— Пошлём, не сомневайтесь, — обнадёживающе ответил воевода.

К вечеру, когда ходоки и жалобщики покинули воеводские палаты, Пашков вызвал рассыльного казака и приказал ему:

— Отыщи мне, хоть из-под земли достань этого Митяйку Зиновьева и пригласил в мои палаты.

— Где мне его найти? — робко спросил рассыльный.

— Это уж твоя забота.

Рассыльный убедился, что воевода не в духе и дальнейших расспросов или возражений не потерпит. Отыскать Зиновьева удалось не сразу. Тот бражничал в доме одного из купцов. Откликаться на приглашение воеводы он не спешил, выдерживал время.

Пашков до встречи ожидаемого гостя принял некоторые меры: усилил охрану воеводских палат, пригласил к себе двух помощников — казачьих сотников.

Наконец в сопровождении своих охранников прибыл Дмитрий Зиновьев. Подходил он к воеводским палатам не спеша, вразвалочку. У крыльца прибывшим преградили дорогу стражники воеводы.

— Велено пропустить тебя одного. А твои людишки пусть останутся на улице, — сказал Зиновьеву суровым тоном начальник стражи.

Зиновьев скверно выругался, но повиновался. Пашков встретил его словами, произнесёнными с ехидцей:

— Наконец-то осчастливил нас своим посещением, Митрий. Мог бы и пораньше наведаться, или государева власть для тебя не существует?

— Нет, отчего же... Собирался к тебе, воевода, да не шибко хорошо чувствовал себя с дороги. Какая-то хворь одолела.

— По тебе и видно. Небось с купчишками бражничал.

— Немошь моя внутри сидит, не увидишь, — дерзко ответил Зиновьев.

— Я не знахарь, чтоб разбираться в твоих немощах. Скажи мне, Зиновьев, почему уклонился от таможенного досмотра, не представил всех

бумаг на груз?

— Так ведь... Везу-то в основном собственное имущество.

— Откуда столь много пушнины?

— Что сам скупил у амурских казакишек, что дарили по щедрости душевной. Вот и набралось...

— В таможенных бумагах сие отмечено?

— Зачем же бумаги писать, волокиту разводить, коли то добро моё собственное, а не государево.

— Не много ли везёшь «собственного» добра?

— Так уж получилось.

— А люди твои говорят другое.

Зиновьев насторожился, а Пашков сделал паузу, пытливо вглядываясь в собеседника, и продолжал:

— Вот что я тебе скажу: весь твой груз, который не записан должным образом, своей воеводской властью задерживаю.

Почувствовал Зиновьев, что дело принимает нежелательный для него оборот, и с обидой воскликнул:

— Пошто обижаешь, воевода? Грабитель я какой, что ли?

— Помолчи, не перебивай. Твои люди утверждают, что ты первостатейный грабитель, вымогатель.

— Это всё Ерофейка Хабаров наябедничал. У самого-то пыльце в пушку.

— Не только он в обиде на тебя. Многие на тебя жаловались, писали челобитные, обобрал, мол.

— И ты поверил?

— Одному жалобщику мог и не поверить. А когда таких обиженных, обобранных тобой десятки, как не поверить?

— Как же ты с моим грузом поступишь?

— А вот как: направим его с надёжными людьми в Первопрестольную. Пусть Сибирский приказ разбирается с ним — что в этом грузе твоё, законное, что незаконное, то бишь награбленное.

— Зачем ты так, воевода? Я всё же государев человек, как и ты.

— Я говорю, приказные разберутся. А теперь, Никитич, слушай меня.

Пашков обратился к одному из сотников, рослому седобородому человеку, свидетелю разговора воеводы с Зиновьевым.

— Слушаю, батюшка, — угодливо отозвался тот.

— Возьмёшь десяток казаков. Нет, десяток мало для того дела. Как бы наш гость что-нибудь не выкинул. Два десятка возьми и непременно

вооружённых. Груз Зиновьева, не подписанный в бумагах, препроводите в казённые амбары и опечатайте.

— Побойся Бога, воевода. Господь всё видит, — причитал Зиновьев.

— В этом ты прав. Бог всё видит. Всевышний и подсказал мне, как я должен поступить с твоим добром.

За стол Пашков Зиновьева не пригласил. Лично сам проследил, чтоб отряд казаков во главе с сотником направился налагать арест на неправедными путями собранное имущество. Дал напутствие отряду.

Зиновьев тем временем лютовал, неистовствовал и вымещал злость на своих спутниках, которых считал жалобщиками. Больше всего нападал он на Хабарова, считая его главным среди таких жалобщиков. Потом, поостыв, собрал небольшую группу верных казаков (таких было немного), уединился с ними и долго что-то им внушал. На исходе следующего дня, когда его груз был опечатан и помещён в казённые амбары, Дмитрий посетил воеводские палаты и добился, чтобы Пашков принял его.

— Чего тебе? — недружелюбно спросил воевода, не ожидая от посетителя ничего хорошего.

— Виноват, воевода, — смиренно начал Зиновьев. — Малость растерялся, не сумел убедить тебя, толково объяснить... Да и у купцов хлебнул лишку.

— Это я заметил.

— Ты уж извини меня, не суди строго.

— Ладно, ладно. С чем пришёл?

— А вот с чем пришёл. Привёл к тебе моих людишек, свидетелей. Вот, например, Ефимка Стригольников... По семейным обстоятельствам понадобилось ему прервать службу на Амуре. Пришлось ему посодействовать. В знак благодарности Ефимка преподнёс мне два десятка соболиных шкурок. Разве сие противозаконно? Он здесь и может подтвердить, как дело было. А вот Сидорка Кругляков... ему понадобились деньги для семьи. Этот продал мне меховую шубу и десяток шкурок. Михаил Благодистин...

— Постой. Сколько же ты будешь перечислять твоих благодетелей?

— Не зело много. Всего восемь человек. Это не считая двух местных казаков, кои продавали мне в Илимске соболей. Илимских я не выставлю тебе в качестве свидетелей, но моих спутников можешь порасспросить.

— У меня нет времени разбираться с тобой, — прервал его Пашков. — Пусть мой сотник выслушает тебя и твоих людей.

Сотник выслушивал Зиновьева и его сторонников в течение целого дня. А после затянувшегося и не вполне убедительного разговора с ними

пришёл с докладом к воеводе.

— Ну что? — спросил его Пашков. — Лихо выкручивался?

— Зело лихо, — согласился сотник. — А ведь за руку не схватишь. Поднатаскал он своих сообщников либо запугал. Твердят своё: «Подарил начальнику отряда за услуги два десятка соболей». «Продал Зиновьеву шубу и десяток шкурок». Докажи, что не так.

Чтоб поскорее избавиться от неприятного постояльца, воевода пошёл на компромисс. Вернул Зиновьеву часть шкурок, меньше половины из числа тех, на которые был наложен арест. Ограничился тем, что сделал внушение Зиновьеву. Пошто, мол, поленился составить сопроводительную документацию. Однако основная часть груза, попавшая под арест, всё-таки должна была распоряжением воеводы отправиться в Сибирский приказ. Зиновьев вновь пытался наведаться к воеводе, чтоб потрясти его настойчивыми дальнейшими просьбами, но тот, сославшись на занятость, не принял его и стражникам строго-настрого наказал не пускать Зиновьева ни к себе в палаты, ни в воеводскую канцелярию.

С Хабаровым Пашков простился тепло и дружественно. Оба произвели друг на друга доброе впечатление. Воевода сказал Ерофею Павловичу напоследок:

— Держись, Ерофеюшка. Не поддавайся козням твоего великого недруга. Я со своей стороны поддерживу тебя. Напишу полезное письмо главе приказа Трубецкому.

Далее разговор коснулся амурской проблемы.

— Великое дело ты сделал со своим отрядом, Ерофей, — сказал Пашков. — Интерес пробудил в народе к Амурскому краю. Люди вынашивают намерение отправиться на Амур, чтоб заняться там промыслами и хлебопашеством. Находятся и такие, что, не имея разрешения властей, пускаются в дорогу самостийно.

— Я сталкивался с такими, — ответил воеводе Хабаров. — Дело было ещё в Тугирском острожке. Там задержали беглеца, отставшего от ватаги, которая пробиралась к Амуру. Звали этого злополучного мужичонку Давид Кайгородец. Он и его спутники понаслышались о богатствах Приамурья. Не знаю, какова была его дальнейшая судьба.

— Обычное дело. Мы все, воеводы, представители властей оказывались в сложном положении, теряем полезных, нужных нам людей, которых влечёт к себе Амур. Каждый воевода испытывает недостаток в людях и поэтому противится их уходу, пытается вернуть беглецов назад, да не всегда это удаётся.

Прощаясь с Хабаровым, Пашков поведал ему, что готовит караван,

который отправится в Москву с почтой и грузом. С караваном будут направлены челобитные Ерофея Павловича и его спутников. А с грузом направится конфискованная у Зиновьева пушнина для дотошного розыска в Сибирском приказе.

Тяжёлым было преодоление волока между мелководными речками Енисейского и Обского водоразделов. Нелёгким оказалось и плавание по притоку Оби, извилистой Кети, обмелевшей в то время года и захламлённой застрявшими на мелководье деревьями и корягами. Нередко приходилось расталкивать эти древесные заторы. Нередко дощаники садились на мель, и тогда надо было высаживаться, чтобы общими силами сдвинуть дощаники с места. И вот унылые болотистые берега Кети, поросшие багульником, остались позади. Дощаники вошли в Обь, минуя многочисленные обские протоки и острова, покрытые лесом и кустарником.

На привале Зиновьев демонстративно не замечал Хабарова, лишь однажды с нескрываемой злобой посмотрел в его сторону и буркнул:

— Дождёшься суда праведного, амурский герой.

Зиновьеву было известно, что многие казаки жаловались енисейскому воеводе Пашкову на бесчинства своего предводителя, постоянные вымогательства и подавали ему челобитные. Зиновьев знал, что Пашков, встретивший его недружелюбно, несомненно, направит те челобитные в Москву, в Сибирский приказ, там можно ожидать и жалобы на него от Ерофея Хабарова. Поэтому у Дмитрия Зиновьева созрело решение: во что бы то ни стало опередить Хабарова, отчитаться в Сибирском приказе о своей поездке на Амур, представить себя в самом выгодном свете и очернить противника. Ерофей Павлович видел, как Зиновьев собрал группу своих ближайших помощников и о чём-то доверительно толковал с ними.

С небольшой командой отобранных казаков, отличавшихся недюжинной силой, Зиновьев занял один из дощаников, готовых отправиться в путь. Перед отплытием он держал речь перед отрядом, высокопарную, напыщенную. Начиналась она такими словами:

— Важность порученного мне дела заставляет меня спешить...

Зиновьев говорил ещё долго и не по существу. Хабарову бросил грубо, язвительно:

— Смотри, Ерофейка, сбежишь, из-под земли тебя достану. Приставлю к тебе служилого человека Милослава Кольцова. Головой отвечаешь за Ерофейку. Слышишь, Кольцов?

С отплытием Зиновьева весь отряд вздохнул с облегчением. Даже приставленный к Хабарову Кольцов не досаждал ему придирами,

мелочным опекуном и иногда даже вступал с ним в дружеские беседы.

Во время стоянок в прибрежных населённых пунктах завязывался разговор с местными жителями и с направлявшимися на восток путниками. Имя Хабарова было известно многим. Его осаждали расспросами:

— Расскажи, мил человек, это правда, что Даурия — зело богатый край?

— Истинно, правда, — отвечал Хабаров и начинал свой рассказ о природных богатствах Приамурья, о благоприятных условиях для земледелия, о живности, что водится в том крае.

— А ты с охотой ехал на Амур-реку? — спрашивали его.

— Конечно, с превеликой охотой. Намереваюсь вернуться туда, как только отчитаюсь и улажу свои дела в Москве.

В Тобольске узнали, что Зиновьев покинул этот город неделю тому назад. Прошёл он по Оби и Иртышу без остановок. Гребцы, сменяясь, трудились в поле лица денно и ночью.

Выйдя из Тобольска, Хабаров и его спутники поднялись вверх по Тоболу, затем вошли в Тару — знакомый для Ерофея Павловича путь, который он когда-то уже проходил. Далее пришлось неоднократно преодолевать мелководные реки и речушки, волоки. Последний волок вывел путников в бассейн Вычегды. Вот показались уже купола и шпили храмов Соли Вычегодской, строгановской вотчины. Тем временем река у берегов стала покрываться тонкой и ломкой ледяной кромкой. Приближалась зима.

Отряд раздробился на две части. Кольцов с частью отряда решил продолжать путь, не задерживаясь в Соли Вычегодской, добраться, пока не наступил ледостав, до Великого Устюга и там дожидаться надёжного санного пути. Надзор за Хабаровым Кольцов передал Ивану Кузьмину, устюжскому приставу, оказавшемуся по своим делам в Соли Вычегодской и теперь направлявшемуся в Москву.

Хабаров отыскивал родственников жены Василисы, живших в городе на Вычегде: двух её тёток, двоюродных братьев и племянников. Все в один голос повторяли, как тосковала Василиса по мужу, с нетерпением ждала вызова в Восточную Сибирь и с какой радостью уехала туда со всеми своими чадами.

— А как жила Василисушка-то? Не шибко ли нуждалась? — спрашивал родню Хабаров.

— Держалась твоя жёнушка, — услышал он в ответ. — Баба она двужильная. Была у неё корова, овцы, гуси. В храме божьем прислуживала. Там её подкармливали. А как случился неурожайный год, засуха, так тогда

родня помогала.

— Сплоховал я, — с горечью сказал Хабаров, — надо было поранее о семье позаботиться. Увлёкся делами, о семье забыл.

В Великом Устюге Ерофей Павлович узнал, что отца его уже нет в живых. Скончался два года назад. Навестил Хабаров братьев, сестёр, племянников, побывал на могиле отца.

Дальше следовали в столицу по санному пути. В Вологде Хабаров зашёл в Софийский собор, выстоял службу. Вспомнил, что здесь когда-то давным-давно встретил знакомого по мангазейской службе воеводу Палицына, относившегося к нему доброжелательно и сочувственно. Это он помог Ерофею Павловичу выступить в роли ходатая обиженных промысловиков, претерпевших от жадности и корыстолюбия мангазейского воеводы. Сердечным, доброжелательным человеком оказался Андрей Фёдорович Палицын... Жив ли он? Ведь уже немало лет прошло с их последней встречи. Хабаров решил, что обязательно попытается отыскать прежнего своего знакомого, дай-то Бог, чтобы он был жив и помог ему сейчас добрым словом и советом. Помнится, жил он в Тропарях вблизи храма Василия Великого.

Ерофей Павлович добрался до Москвы в разгар зимы, в феврале 1655 года.

Прибывшие уверенно миновали ворота со стражниками, углубились в лабиринт узких извилистых улочек и вскоре добрались до палат Сибирского приказа.

Хабарова принял помощник главы приказа дьяк Григорий Протопопов, который произвёл на посетителя благоприятное впечатление. Он говорил с Ерофеем Павловичем учтиво, доброжелательно, как со старым добрым знакомым. От дьяка удалось узнать, что Зиновьев уже давно, ещё в декабре, прибыл в столицу и успел отчитаться о своей поездке на Амур. В отчёте он подтвердил факт присоединения Приамурского края, или Даурии, к России, но умолчал о роли Хабарова в этом присоединении и всячески поносил его, расписывая его действительные и мнимые злоупотребления. Протопопов сообщил Ерофею Павловичу, что в приказ поступили его челобитные и многочисленные жалобы на Зиновьева обиженных и обобранных им людей.

— Скажу тебе откровенно, наше суждение с суждением Зиновьева ни в коей мере не совпадает, — сказал весомо дьяк Протопопов. — Были, конечно, у тебя огрехи, не без этого. И люди в твоём отряде, надо полагать, попадались разные. Но главное-то не в этом. Поставил ты богатый Амурский край на благо Отечества. И за это низкий поклон тебе.

— Старался, как мог.

— А Митька Зиновьев мне зело не понравился.

— А кому он мог понравиться, — ответил дьяку Хабаров, намереваясь рассказать о неблаговидных поступках Зиновьева, но Протопопов прервал его:

— Не будем судить Дмитрия. Бог ему судья. Расскажи-ка лучше о своих трудах на Амуре, сколь много сделал полезного для Руси-матушки.

Дьяк выслушал пространный рассказ Ерофея Павловича с неподдельным интересом, часто прерывая его вопросами, а когда Хабаров закончил, Протопопов произнёс весомо:

— А Зиновьев не изволил вспомнить всё то полезное, что ты сделал для Амура. Лишь злословил на твой счёт и ссылался на всяких жалобщиков. А теперь, судя по челобитным, те же жалобщики ополчились против Митьки.

— Наверное, в чём-то был прав Зиновьев. Были и у меня недостатки и промахи. Всем людишкам угодить не мог. Требовал порядка в отряде, сие не всем нравилось.

— Вестимо. Ты ведь не святой угодник, чтобы всем нравиться. Но главное не в этом, не в твоих промахах. У кого их нет? Приамурье, или Даурия, стало русским владением, приносит нам великий доход. И в этом твоя заслуга. Низко кланяться тебе следует, Ерофей, а не сочинять против тебя всякие наветы и жалобы.

— Спасибо тебе за доброе слово, дьяче.

— Заслужил того. А теперь ступай на наш постоялый двор. Отдыхай после долгой дороги. Как глава приказа сможет тебя принять, сообщим.

— Дозволь, батюшка, вопрос тебе задать.

— Спрашивай.

— Жив ли Палицын?

— Это какой Палицын?

— Тот самый, что воеводой в Мангазее когда-то служил. Душевный человек. Много добра мне сделал. Андреем Фёдоровичем его зовут.

— Ах, этот? Одряхлел старче. К нам уже редко заглядывает. В основном живёт в своём подмосковном имении.

— Московский дом его был прежде возле храма Василия Великого в Тропарях.

— Дом этот стоит на прежнем месте. В нём, кажись, сынок Андрея Фёдоровича обитает.

Дьяк распорядился, чтоб мальчик-казачок проводил Хабарова до постоянного двора.

Ерофей Павлович не стал отдыхать, а сразу же отправился на поиски дома Палицына. Отыскать нужный дом стоило некоторого труда. В переулке произошли изменения. Появились новые строения, не похожие на прежние. Они были воздвигнуты на месте выгоревших во время очередного пожара. Такие пожары в скученной деревянной части города случались нередко. Поиски в конце концов принесли результат: дом Палицына отыскался. На продолжительный стук в тесовые ворота вышел слуга, седобородый старик в тёмном суконном кафтане.

— Хотел бы видеть Андрея Фёдоровича, — произнёс Хабаров.

— А почто, батюшка, Андрей Фёдорович тебе потребен? — пытливо спросил слуга.

— Мы с ним старые знакомые. Ещё по Мангазее.

— Вот оно что? Барина-то нашего нет в Москве. Неважно у него со здоровьем. Удалился в имение своё подмосковное.

— А когда будет в городе?

— Сие не могу знать. Заходи, мил человек, справляйся. Может, и повезёт тебе на встречу.

Так ни с чем и возвратился Хабаров на постоялый двор, хотя и не теряя надежду встретить когда-нибудь бывшего мангазейского воеводу.

Через пару дней тот же казачок из Сибирского приказа появился на постоялом дворе и сообщил Хабарову, что сам глава Сибирского приказа Трубецкой готов принять его. Ерофей Павлович сменил одежду на парадную и поспешил на встречу.

В ту пору Сибирский приказ возглавлял видный вельможа, князь Алексей Никитич Трубецкой, политический и военный деятель, дипломат, сыгравший во внутренней и внешней политике Российского государства заметную роль. Весь облик выдавал в нём высокого титулованного сановника — бархатный тёмно-синий кафтан, отороченный соболиным мехом, красные сафьяновые сапоги. Серебристая борода вилась затейливыми кольцами.

Несмотря на свой сановный вид, держался Трубецкой просто, открыто. Умел располагать к себе собеседника и вызвать на откровенность. Его беседа с Хабаровым завязалась легко и открыто. В палате главы Сибирского приказа, обставленной тяжёлой дубовой мебелью, присутствовал и дьяк Григорий Протопопов.

— Стало быть, Ерофей Хабаров собственной персоной? — такими словами встретил пришельца глава приказа.

— Так точно, — отчеканил Хабаров.

— Можешь не рассказывать мне о своих амурских делах. Дьяк, я

ведаю, беседовал с тобой и выслушал твой рассказ. А потом он пересказал тот рассказ во всех подробностях мне. Молодец ты, Хабаров. Велика твоя заслуга в присоединении к Отечеству нашему Приамурья или, как мы его называем, Даурии. Большое дело сделал ты со своими людьми. Немало пришлось выслушать от Зиновьева всяких жалоб на тебя. Но это всё мелочи в сравнении с твоими великими заслугами. Имеешь ли, Хабаров, ко мне какие просьбы, вопросы?

— Как не быть, Алексей Никитич. Зиновьев не по совести поступил со мной. Изобидел меня, издевался, вымогательствовал и мучительствовал. К тому же лишил меня имущества. Ограбил едва ли не до нитки.

— Обвинение серьёзное, Хабаров. Пиши на Зиновьева жалобу. Разберёмся, — сказал Трубецкой. — Посмотрим, в чём он прав, в чём не прав. Назначим следствие. Кого бы привлечь для такого дела?

— Вопрос был задан дьяку Григорию Протопопову. Дьяк, не раздумывая долго, произнёс:

— Расследование можно было бы поручить Григорию Семёновичу Куракину. Человек он дотошный, неторопливый. Я думаю, на него можно положиться. А мягкую рухлядь, которой лишился Хабаров по милости Зиновьева, пусть оценит купец гостиной сотни Афанасий Гусельников. Именитый купец. Его все знают. И у него великий опыт по оценке пушнины, особенно соболя. А ещё привлечь можно целовальника суконной сотни Нестора Парфёна Шапошникова.

— Пусть будет по-твоему, Григорий, — согласился глава приказа.

На этом беседа с Трубецким и закончилась. Алексей Никитич вышел из-за массивного дубового стола, украшенного резьбой, пожал Хабарову руку и сказал напоследок:

— Поразмыслим, Ерофей... Коли есть у тебя какие пожелания, вопросы, обращай к нам, не робей. Ко мне, пожалуй, тебе пробиться будет трудно, знаю. Я человек занятой, задавленный всякими заботами о Сибири. Тормоши моего дьяка. Он всегда к твоим услугам. Ты ему понравился.

— Алексей Никитич прав, — поддакнул Протопопов.

Покидал приказные палаты Ерофей Павлович, обнадеженный и обрадованный приёмом у Трубецкого. Глава приказа принял его вполне доброжелательно, сердечно, выслушал и пообещал, что его жалоба будет рассмотрена. Остаётся только написать подробную челобитную и передать её дьяку.

А в ближайшие дни Хабарова ожидала ещё одна приятная новость. На постоялом дворе появился слуга Андрея Фёдоровича Палицына и сообщил:

— Барин наш изволили прибыть в Москву. Желают тебя, батюшка, повидать.

Хабаров незамедлительно направился к Палицыну. Тот мало походил на прежнего мангазейского воеводу. Годы взяли своё. Ссутулился Андрей Фёдорович, заметно поредели волосы на голове — уж блестела лысина. И зрение сдало. Палицын долго вглядывался в лицо гостя и узнал-таки.

— И ты постарел, Ерофеюшка. Расскажи про свои дела.

— Долго рассказывать.

— А нам спешить некуда. Помнишь, старался увлечь тебя, тогда ещё молодого, рассказами о Сибири, о реке Лене. Что-то запало в твою душу, какое-то зёрнышко.

— Запало, Андрей Фёдорович. Судьба Приамурья стала делом всей моей жизни.

— Похвально.

— Сам глава приказа князь Трубецкой сказал мне доброе слово, оценил мои усилия. Понравился я ему, кажется.

— Ещё бы ты не понравился. Знаю я Трубецкого. Башковитый мужик, хотя и князь, и щёголь. К престолу близок. Дошли до меня слухи, что Митька Зиновьев подкапывается под тебя. Жалобы строчил на тебя Трубецкому.

— Слава Богу, Алексей Никитич не придал значения его наветам.

— Из-за чего сыр-бор разгорелся у тебя с Митькой.

Хабаров был вынужден рассказать Палицыну о своих злоключениях, обидах и притеснениях со стороны Зиновьева, о потерянном имуществе, о своём намерении искать справедливости.

— Буду требовать возвращения утраченного имущества. Доброе отношение ко мне Трубецкого обнадеживает, что я своего добьюсь, — такими словами Ерофей Павлович подытожил своё повествование.

— Ты рвёшься в бой за справедливость. Это похвально. А я вот... — Андрей Фёдорович не договорил, а только вздохнул тяжело.

— Знаешь, сколько мне лет, Ерофеюшка? — спросил он Хабарова.

— Какое это имеет значение — сколько лет? След на земле яркий оставил. Слыхивал я, что в молодости ты вместе с Козьмой Мининым и князем Пожарским поляков из Москвы изгонял. Михаила Романова на престол возводил.

— Было такое дело. А ты небось дослужился до атамана или хотя бы сотника? Глава амурского войска высоким чином должен обладать.

— Никакого чина у меня нет. Был мужик и остался мужиком. Прежний воевода Францбеков доверил мне амурскую экспедицию,

невзирая на чины.

— Подумай о чине. Без этого тебе трудновато будет.

— Что значит подумай о чине? Чины с неба не сваливаются. Что я должен сделать?

— Обратись к государю с челобитной и проси, чтоб поверстал тебя в службу в тот чин, какой он для тебя сочтёт нужным.

— Позволь сказать... Меня же Францбеков в своё время назначил приказным.

— То пустые словеса. Служебного чина такого нет. Пиши челобитную на имя государя нашего Алексея Михайловича и проси дать тебе высокий чин.

— А что, если останусь в прежнем мужицком звании?

— Тогда плохо тебе будет, Ерофеюшка. Ведь у тебя имущественная тяжба с Зиновьевым. Слыхивал я о таком — скверный мужичонка, но имеет сильную руку где-то в верхах. Представь себе... — Палицын умолк, что-то соображая или прикидывая, потом продолжал: — Вот представь себе. Приказные разбирают твою имущественную тяжбу с Зиновьевым. Трубецкой собрал суд, чтобы рассудить обе стороны, втянутые в тяжбу.

— Думаешь, дойдёт дело до суда?

— Редко такое случается, но бывает. Митьке ничего не стоит поклясться и приложиться к кресту, что спорное имущество принадлежит ему, а не тебе. Пусть на самом деле речь идёт о твоём кровно нажитом. Ты вправе тоже поклясться крестным целованием, что тоже считаешь имущество своим.

— Так я и поступлю, коли дойдёт до этого.

— погоди, не горячись. Вот ведь какое дело... Поскольку обе стороны на одно и то же притязают, суд вправе установить истину с помощью пытки.

— Как это понять — с помощью пытки?

— Пытки могут быть разные. Всё зависит от избирательности пыточного пристава. Чаще испытуемых жгут огнём или секут плетьюми. Учти, что Зиновьев-то дворянин, владелец крепостных душ. Он по своей сословной принадлежности может пытки избежать и выставить вместо себя крепостного человека. А ты сам мужик, крепостными душами не владеешь. Так стоит ли тебе на такое идти, ведь опасность есть быть изувеченным?

— Неужели мне такое грозит?

— Не берусь судить. Не знаю, как суд рассудит. Но готовься к худшему. Так что лучше позаботься о достойном чине. Обратись незамедлительно к государю, проси, чтоб дали тебе высокий чин.

Хабаров хотел бы продолжать беседу с Андреем Фёдоровичем, о многом расспросить его, попросить совета, но заметил, что долгая беседа утомила престарелого Палицына, который прервал разговор и сказал:

— Не взыщи, Ерофей, я что-то притомился, беседа с тобой. Должно, возраст сказывается. Последний мой тебе совет — держись за Гришку Протопопова. Справедливый мужик и, сам говоришь, к тебе расположен. К тому же он — правая рука Трубецкого, который считается с дьяком.

— Почему же тогда, не пойму, таким влиянием пользуется Митька Зиновьев?

— Не согласен. В приказе Митьку давно распознали и оценили по заслугам. Но, возможно, его поддерживает чья-то сильная рука, что и делает его таким самоуверенным.

На этом продолжительная беседа Ерофея Павловича с Палицыным и закончилась.

Через некоторое время Хабаров подготовил на Зиновьева жалобу и подал её на имя Трубецкого. Кроме всего прочего в своей пространной жалобе он написал, что Зиновьев постоянно вымогал у него и его соратников взятки, отбирал имущество. К челобитной прилагалась роспись на сумму 1500 рублей, которые Зиновьев разными путями отобрал у Ерофея Павловича.

Челобитная поступила дьяку Протопопову.

Суд продолжался недолго. Уж слишком очевидным было дело. Хабарову стоило больших усилий, чтобы не взорваться и не обрушиться на Зиновьева с градом резких попреков. Всё же Ерофей Павлович сдержался и не отпускал в адрес Зиновьева резких и бранных упрёков. А Зиновьев на суде хитрил, изворачивался, выдвигал всякие надуманные обвинения в адрес противника, отрицал всякие факты вымогательства и издевательств над Хабаровым.

— Значит, ты ни разу не поднял руку на Хабарова? — с иронией спросил Зиновьева Куракин.

— Один раз побил Ерофейку. Пришлось, — последовал ответ.

— Только один раз? Что молчишь, Зиновьев?

— Не припоминаю, чтоб приходилось ещё подымать руку на Ерофейку.

— А за что же бил тот раз?

— Имел на то основание. Хотел Ерофейка против меня бунтовать и подбивать на это других.

— Врёшь ведь, Зиновьев, — не удержавшись, выкрикнул Хабаров.

Куракин остановил его предупреждающим жестом и продолжал допрос Зиновьева.

— А почему ты вымогал взятки?

— Вовсе я этим не злоупотреблял. Хабаров по своей щедрости давал мне добровольные подарки, чтоб откупиться от поездки в Москву.

— Это правда, Хабаров? — спрашивал Куракин.

— Истинный крест, сие сплошная брехня, — отвечал Хабаров.

— А что скажешь ты, Зиновьев?

— Истинный крест, не вру, говорю святую правду.

— Кто же из вас прав?

13 июня 1655 года после непродолжительного разбирательства суд вынес свой приговор. Дело представлялось очевидным. Зиновьев систематически злоупотреблял служебным положением и старался обобрать Хабарова и других своих подчинённых. Зиновьеву суд вынес предупреждение: «Если он, Дмитрий, впредь будет у государственного дела и учинит такое, что быть ему в смертной казни». Своё решение суд мотивировал тем, что Зиновьев в своей службе допустил подобный проступок впервые.

Суд также принудил Зиновьева вернуть Хабарову отнятое у него имущество. Здесь тоже вскрылась нечестность подсудимого. По оценке суда отнятые у Хабарова меха оценивались в полторы тысячи рублей. Разбирая меховую казну, Ерофей Павлович обнаружил, что в наличии имеется его рухлядь только на значительно меньшую сумму — на 964 рубля. Остальную часть Зиновьев ухитрился сбыть по дороге. При этом возвращались Хабарову только поношенные, не полноценные вещи, в результате стоимость мехов и меховых изделий, возвращённых Хабарову по суду, составила всего 562 рубля, т.е. всего около одной трети от стоимости отнятого у него имущества. К тому же возвращаемое прежнему владельцу далеко не напоминало те вещи, какие в своё время отобрал Зиновьев. К примеру, из лисьего одеяла он ухитрился сшить шубу, а из соболиных хвостов — длинное мужское платье с длинными рукавами.

Хабаров сразу же воспользовался полученными по суду мехами и в тот же день передал их приказчику окольного Соковнина, должником которого он тогда был. Таким образом, Ерофей Павлович остался без нажитого имущества.

На этом тяжба между Хабаровым и Зиновьевым не завершилась. Предметом спора была и та мягкая рухлядь, что оказалась в составе опечатанной казны. На неё одновременно претендовали и Хабаров, и Зиновьев. А оценивалась она в 402 рубля.

— Как мне поступить далее? — спрашивал Ерофей Павлович Григория Куракина.

— По обстоятельствам, — отвечал немногословный Куракин.

— Поясни, пожалуйста, свои слова, князе.

— Претендующий на эту сумму приносит клятву на кресте, трижды целует крест. Дмитрию это ничего не стоит сделать. Если вы оба целуете крест, то возникает тяжба с неприятным исходом.

— Слышал уже про сей «неприятный» исход. Истина решается путём пытки. Зиновьев может выставить на пытку не себя, а своего крепостного, а у меня крепостных покудова нет.

— Значит, сам иди под пытку.

— То-то и оно. Дурной обычай живуч.

— Не пристало тебе быть изувеченным пыткой.

— Что же посоветуете?

— Воздержись от крестного целования и не продолжай спор с Митькой.

— Но тогда остаюсь разорённым Зиновьевым.

— Богатство — дело наживное.

После беседы с Куракиным Хабаров решил посоветоваться с дьяком Протопоповым. Тот выслушал Ерофея Павловича и сказал неожиданно:

— С Зиновьевым больше не связывайся. Тебе это будет не под силу. Митька — первостатейная каналья. А мы с тобой поступим иначе. Пиши челобитную на имя царя Алексея Михайловича, напomini о своей амурской службе, а заодно проси, чтоб тебя поверстали в тот чин, какой царь соизволит тебе пожаловать.

— Какой же это может быть чин?

— Полагаю — чин сына боярского. Он откроет тебе путь к высоким служебным должностям. Так что пиши челобитную.

Хабаров последовал совету приказного дьяка. Протопопов прочитал челобитную, внёс свои поправки.

— Вот в таком виде пойдёт, — сказал он, принимая бумагу.

Зиновьев тем временем совершил публичное крестное целование, которое рассматривалось как доказательство его правоты в непрерывных спорах с противником. Теперь была очередь за Хабаровым, который тоже считал себя правым и мог целовать крест. Однако он послушался советов Куракина и заявил, что готов примириться с Зиновьевым, отказываясь от каких-либо претензий к нему.

Подавая челобитную с подробным послужным списком, Хабаров напоминал обо всех этапах своей службы на Лене и на Амуре, упоминал о

снаряжении людей в Даурскую землю на свои деньги. В этой же челобитной он напоминал, что казна не рассчиталась с ним, оставаясь, по сути, его должником. Воевода Головин не рассчитался с ним за незаконно отнятые пашни и соляные варницы, хотя решение Сибирского приказа на этот счёт имелось. Не рассчитался с ним воевода и за три тысячи пудов хлеба, занятых у него в неурожайном 1641 году. Не вернув Хабарову прежние долги, казна требовала с него сумму, превышающую 4 тысячи рублей, потраченные на снаряжение амурской экспедиции. Эту огромную сумму Ерофей Павлович взял в казне в долг.

Челобитная Хабарова была удовлетворена лишь частично. Власти признали служебные заслуги Ерофея Павловича, и он был повёрстан в дети боярские.

Понятие «дети боярские» появилось на Руси в XV веке. Этим термином обозначался слой мелких феодалов, достигших этого положения службой в бюрократическом аппарате или за какие-либо особые заслуги. Сын боярский считался по своему рангу выше дворянина. Он нёс чиновную службу и мог стать мелким вотчинником. Чин сына боярского был наследственным. Он переходил от отца к сыну или другому ближайшему родственнику. В Восточной Сибири детьми боярскими становились лица, занимавшие здесь обычно командные должности в стрелецком или казачьем войске. Пример Хабарова, повёрстанного в дети боярские, минуя стрелецкую или казачью службу, представлял даже для Сибири редкое исключение.

Удовлетворив первую просьбу Хабарова о присвоении ему высокого чиновного звания, власти оставили без всякого внимания его другую просьбу — уменьшить его долг казне. Ерофей Павлович оставался должником, и над ним по-прежнему висел огромный долг казне.

Исследователи полагают, что Ерофей Павлович пробыл в Москве до осени 1655 года. К этому времени в Сибирском приказе был решён вопрос о создании Амурского воеводства. Во главе нового воеводства был поставлен Афанасий Пашков, занимавший до этого должность енисейского воеводы.

По случаю нового назначения Пашков был вызван в Москву, где имел беседы и наставления с руководителями Сибирского приказа. Трубецкой после продолжительной беседы с Пашковым сказал ему:

— Расспроси поподробнее Ерофея Хабарова. Знающий человек. Об Амурском крае накопил много полезных сведений. Пусть расскажет тебе о своём опыте, о приамурских обитателях, о природных богатствах края.

— Непременно это сделаю.

— Вот и хорошо.

— А мне ещё в голову пришла такая мысль... Назначили бы мне в помощники Ерофея Павловича. С таким знатоком было бы легче работать.

— Такая мысль и нам приходила в голову, да не встретила одобрения. Засиделся Ерофей на Амуре. Полезно ему сменить место да познакомиться с новыми землями.

— Пошто так?

— Так высказались в окружении государя. Не привело бы к местничеству долгое пребывание в крае.

— Не понимаю, при чём здесь местничество?

Беседа Афанасия Пашкова с Ерофеем Павловичем состоялась долгая и продолжалась не один день.

— Нам бы, батюшка воевода, вместе потрудиться, — сказал Пашкову Хабаров и услышал:

— Если бы это от меня зависело.

Хабаров понял, что на Амур его больше не отпустят. Закончилась его амурская служба. Дьяк Григорий Протопопов объяснил, что теперь Ерофею Павловичу будет уготована в Восточной Сибири другая достойная служба. А Приамурьем будет управлять Пашков.

Покидал Хабаров Москву с подавленным чувством. Похоже, что Амура ему больше не видать. Да и что ждёт его в Восточной Сибири, он отчётливо себе не представлял.

Вновь утомительно длинная дорога, которая не укладывалась в один год. Перед выездом из Москвы Протопопов снабдил его бумагой, которая предписывала всем государственным лицам, следовавшим в Сибирь, обеспечивать сына боярского Хабарова, отправлявшегося к месту службы, бесплатным транспортом и питанием. Эта бумага в какой-то мере выручала его, оставшегося почти без всяких денежных средств, которые могли понадобиться на дорожные расходы.

В Сергиевом Посаде все путники по обычаю делали продолжительную остановку, отстаивали службу в монастырском соборе, поклонялись праху Сергия Радонежского. Потом Ярославль, Вологда, Великий Устюг. Начинались осенние заморозки, желтела и опадала листва с деревьев.

В Соли Вычегодской Хабаров сделал продолжительную остановку. Пообщался с родственниками жены. Среди них он мало уже кого помнил. Старики поумирали. Молодёжь была незнакома.

Молодые парни подходили к нему, расспрашивали, какова жизнь в Сибири, узнавали, стоит ли поверстаться в казаки и отправиться служить в дальние края. Ерофей Павлович отвечал на вопросы:

— Видите, други мои, я прошёл долгую сибирскую службу. Достиг чина сына боярского. Повидал всякие края. Коли вас такая служба привлекает, верстайтесь в казаки и отправляйтесь за Каменный пояс.

Долго стоял Ерофей Павлович перед домом, в котором жила когда-то Василиса с детьми. Как-то ухитрилась она сводить концы с концами и кормить семью. Держала огород, скотину и ещё была за кухарку у местного священника. Теперь дом занимали чужие люди, семья какого-то человека, служившего у Строгановых. Хабаров сообразил, что это была семья Кожуховых, завладевших домом за прежние долги Ерофея Павловича. Старый Кожухов давно уже умер, и теперь дом принадлежал одному из его сыновей.

По дороге в Москву Ерофей Павлович ухитрился оставить в Великом Устюге часть своего имущества, которую он смог скрыть от всевидящего ока Зиновьева. Часть этого имущества пришлось отдать за долги Соковнину через его местного приказчика. Слава Богу, теперь Хабаров полностью рассчитался с Соковниным. Немалую сумму потребовал с него и Кожухов-младший, пришлось рассчитаться и с ним. На руках у Ерофея Павловича теперь осталось совсем немного денег. Основная их часть ушла в руки заимодавцам.

О жизни Василисы Хабаров не стал расспрашивать родных. Подумал, что узнает у неё самой, когда встретится с ней на Лене.

Уже начинались заморозки, когда Ерофей Павлович продолжил свой путь вверх по Вычегде. Потом перевалил через Уральский хребет. На извилистой горной тропе Хабаров, пристал к какому-то казачьему отряду, зазимовавшему в Тобольске.

15. В кругу семьи

Навигация на великих сибирских реках наступает поздно. Её открытию препятствует запоздалый ледоход. Поток льдин на исходе весны устремляется к низовьям и по пути медленно крошится и тает.

Выйдя из Тобольска, караван дощаников устремился вниз по течению Иртыша. У слияния Иртыша с могучей Обью пришлось браться за вёсла и поворачивать на юг, преодолевая встречное обское течение. Полноводная река ветвилась на рукава и протоки, образуя многочисленные острова, поросшие осокой, густым кустарником, а кое-где и лесом. Только опытный кормчий мог безошибочно находить нужный путь в речном лабиринте. Такой кормчий вёл головное судно каравана, входившее в обский приток Кеть, растекавшийся в своём устье на множество рукавов.

Унылые низменные берега неширокой Кети. Бесконечные болота с чахлой растительностью... Кеть обмелела рано, и плавание по ней было затруднительным. Неоднократно дощаники застревали на отмелях, однако все препятствия были преодолены, и, миновав волок, вошли в широкий Енисей.

Часть спутников Хабарова осталась в Енисейске. Этот город был конечной целью их маршрута. Место ушедших в караване заняли енисейские казаки и торговые люди, перемещавшиеся к новому месту службы, на Лену и на Амур. Узнав от словоохотливого Хабарова, что ему довелось продолжительное время прослужить на этих великих реках, спутники принялись допытывать его расспросами. Ерофей Павлович охотно удовлетворял любопытство собеседников и в глубине души сожалел, что не отправляется на Амур, к прежнему месту своей службы, и ждёт его впереди только захудалый городишко Илимск.

Далее плавание по стремительной порожистой Ангаре. На лесистых берегах редкие тунгусские поселения... Опытный кормчий провёл дощаники через пороги, и караван вошёл в ангарский приток Илимск, который в низовьях тоже порожист, капризен, но выше — более спокоен.

Вот и Илимский острог, обнесённый бревенчатым частоколом. Над ним возвышается купол небольшой церквушки, виднеются крыши воеводских палат, а у причала теснятся лодки и дощаники, прибывшие с Ленского волока и направляющиеся в обратном направлении, на Лену.

Илимский воевода Тимофей Васильевич Шушерин принял Хабарова

дружелюбно, усадил за стол, велел подать щедрое угощение.

— Наслышан, наслышан, Ерофей Павлович, о твоих амурских подвигах, — высокопарно произнёс воевода. — Много о тебе говорят и негодуют на Зиновьева. Дрянной оказался человечиска. На Амур-то тянет?

— Тянет, если говорить откровенно. Сколько сил отдано Амурскому краю...

— Понимаю тебя. А пока послужи в моём воеводстве. Ты ведь теперь в большом чине. Сын боярский. С семьёй-то виделся?

— Не удалось. Когда супружница с сынами прибыла на Лену, я находился на Амуре. А там появился этот аспид окаянный, Митька Зиновьев. Схватил меня словно ворога и поволок с собой. Как я ни просил его отпустить меня повидать семью, в ответ получал лишь брань да зуботычины.

— А известно ли тебе о теперешней судьбе семьи?

— Ничего толком о ней не знаю.

— Так узнай же. Жёнка твоя с сынами обитает на Киренге. В твоих владениях. Должно быть, новый якутский воевода спровадил их туда.

— Ишь как оно вышло.

— А ты будешь в Илимском воеводстве моей правой рукой. По чину твоему служба.

— Как же это... Семья на Киренге, а я — в Илимске при твоей милости...

— Разве я сказал это? Никто тебя разлучать с семьёй не намерен.

— Спасибо тебе, воевода, коли так.

— Возглавишь киренгский присуд в качестве приказчика и моего заместителя на этой земле.

— Рад тебя слышать, Тимофей Васильевич. Когда разрешишь отправляться на Киренгу к семье?

— Не спеши. Есть о чём нам с тобой потолковать. Через Илимский острог и верховья Лены в летнее время немало следует разного люда. Среди них служилые казаки, повёрстанные на государеву службу. Есть и торговые люди, и просто не определившиеся, неприкаянные людишки. Твоё дело, Ерофей Павлович, отыскивать в этом людском потоке тех, кто готов осесть в одном из селений на Киренге или верхней Лене. Ищи среди них истосковавшихся по земле, по труду земледельца.

— Добрый совет даёшь, Тимофей Васильевич.

Упорный труд земледельца даст восточным воеводствам хлеб, избавит от привоза съестных припасов издалека.

— Правильно рассуждаешь, Ерофей Павлович. Привоз хлеба с

запада — дорогая обуза казне.

— Велика ли будет та часть воеводства, которая поступит под моё управление?

— Зело велика. Сие обширный край. Убедишься сам. Твой присуд захватывает немалую часть Илимского воеводства, освоенные земли по верхней Лене от устья Куты до Чечуя. Здесь уже есть несколько десятков больших и малых деревень. Их жители занимаются земледелием и промышляют зверя. Твоё дело, Ерофей, прокормить Якутское воеводство, да и амурское воинство, пока на Амуре не осели в достаточном числе русские земледельцы.

Несколько дней продолжались оживлённые беседы воеводы Шушерина и его помощника Ерофея Павловича Хабарова. Иногда беседы переходили в ожесточённый спор, но воевода быстро умолкал и признавал правоту Хабарова, лучше изучившего за многие годы Восточную Сибирь и Приамурье. Говорили о том, как надёжнее привлечь в обжитой край новых поселенцев, расширять посевные площади, увеличивать поголовье домашнего скота, оживлять хозяйство.

Наконец настал день отплытия Хабарова на Киренгу. Он хотел было договориться с владельцем купеческого дощаника, но Тимофей Васильевич остановил его.

— Не пристало, Ерофеюшка. Ты же теперь сын боярский и второй человек в воеводстве.

— Ну и что?

— А вот что: ты должен вести себя сообразно высокому сану. Поплывёшь на собственном дощанике. Дам тебе в сопровождение отряд казаков. И внуши им, чтоб на волоке проявили усердие и слаженность. И Бог тебе в помощь.

На всём протяжении от Усть-Кута до впадения в неё первых значительных притоков Лена не была ещё широка. Ерофей Павлович теперь особым зорким взглядом всматривался в ленские берега. С тех давних пор, как он впервые оказался на этой великой реке, здесь произошли немалые изменения. Тогда на этих берегах можно было изредка встретить поселения тунгусов или якутов. Их жилища заметно отличались друг от друга, и, глядя на это жильё, заранее можно было определить, кто здесь обитает, тунгусская семья или якутская. Теперь же нередко встречались русские поселения, отдельные избы и большие скопления жилищ, с которыми соседствовали пашни и стада скота.

Плавание по Лене было непродолжительным. Вскоре показалось устье одного из верхних ленских притоков — Киренги. В своих низовьях эта река

была многоводна и широка — почти полверсты. Хабаров вспомнил, как в давние времена он пытался обследовать Киренгу и подняться на лодке до её верховьев. Намерение оказалось трудновыполнимым. Выше устья река стала извиистой, порожистой и мелководной, для плавания совсем неудобной. Речную долину стискивали горные склоны. От местных тунгусов удалось узнать, что Киренга начинается на склоне горного хребта, и если преодолеешь этот хребет, спустишься по его восточному склону, перед твоим взором откроется огромное озеро. Это озеро — Байкал.

Низовья Киренги были сравнительно обжиты. Берега её покрывали сочные луга и пашни с преобладанием ржаных полей. Среди них рассыпаны в беспорядке избы, хлева, амбары. А иногда они теснились и образовывали поселения. Одно из таких поселений показалось Хабарову знакомым. Не это ли его изба, выделявшаяся среди других высоким крыльцом с резными колоннами?

Ерофей Павлович подал сигнал гребцам, чтоб пристали к берегу. Появление дощаника с людьми привлекло внимание прибрежных жителей. Среди них Хабаров заметил Панфила Яковлева, пользовавшегося здешними землями и покосами в отсутствие Ерофея Павловича. От илимского воеводы Тимофея Шушерина Хабаров слышал лестный отзыв о Яковлеве.

— Хозяйственный мужик. В хорошие руки попала твоя земля, пока ты пребывал в Даурии.

— Рад это слышать, — ответил воеводе Ерофей Павлович.

Он легко, с несвойственной его возрасту прытью, спрыгнул с дощаника на берег и обнял Панфила.

— С приездом, Ерофеюшка, — приветствовал его Яковлев. — Семья тебя заждалась.

Панфил распорядился, чтобы один из его людей поспешил к семье Хабарова, сообщил радостную весть.

Жену Ерофей Павлович не сразу и узнал. Лишь пристально взглядевшись в лицо, воскресил в памяти изрядно потускневший образ. Трудно было узнать прежнюю статную красавицу в сгорбленной пожилой женщине с седыми прядями волос, выбивавшимися из-под платка. Резкие глубокие морщины прорезали щёки и лоб. Василиса остановилась в нескольких шагах от мужа в безмолвном оцепенении и никак не решалась подойти к нему ближе и что-либо произнести. Замешательством матери воспользовались сыновья, Андрей и Максим.

Старший Андрей, широкоплечий и рослый, с лицом, обрамленным светлой бородкой, обнял отца, заговорил проникновенно:

— Так вот ты каков, батюшка! Помню тебя совсем молодым, когда ты уезжал, я ведь совсем несмышлёнышем был. Наслышаны мы о твоих амурских делах. Намерены идти по твоим стопам.

Произнеся эти слова, Андрей уступил место брату, который тоже обнял отца. Максим ещё не успел раздаться в плечах, и его бородака ещё только пробивалась.

Ерофей Павлович, поздоровавшись с сыновьями, вспомнил о жене и отстранил их со словами:

— Однако же хочу постичь, как моя жёнушка и ваша матушка, поживает.

Он сам подошёл к Василисе, оглядел её и сказал укоризненно.

— А сдала ты, мать. Зело сдала. Рановато бы.

Василиса на это ничего не ответила, а не могла сдержать слёз, хлынувших обильно. Прижалась к мужу, обхватив его цепко.

— А почему не вижу мою доченьку Наталью и внучат, — спросил Хабаров, не увидев их среди встречавших.

— Сестрица в Якутске, — ответил Андрей. — Муженёк её получил службу под началом тамошнего воеводы.

Хабаров критически оглядел избу, которая когда-то строилась для него одного и с тех пор сильно обветшала.

— Развалюха, — произнёс он критически.

Строение покосилось, крыша просела. Везде проглядывали следы ветхости и упадка. Временный владелец селения Панфил не рискнул селиться в жилище Ерофея Павловича, и оно было надолго заброшено.

— Будем рубить новые хоромы, с размахом, — произнёс Хабаров. — А пока поживём здесь.

Он зашагал быстрым шагом к своей старой избе, увлекая за собой родных.

В ближайшие дни уделить много внимания семье Ерофей Павлович не смог. Первым делом он принимал принадлежавшее ему хозяйство у Панфила Яковлева, который распорядился деревней со всеми её угодьями в течение всего того времени, пока Хабаров был занят амурской службой. Передача деревни, которую теперь все называли Хабаровкой, была в своё время закреплена договором. Договор терял силу, когда Ерофей Павлович возвращался на прежнее место жительства и возвращал свои прежние владения. Он мог убедиться, что Панфил Яковлевич оказался рачительным хозяином, содержал в порядке всё обширное хозяйство, распахал большую часть пахотных земель. Кроме того, Панфил поддерживал деловые связи с Илимской воеводской администрацией и добился закрепления за

Хабаровкой дополнительных пастбищ и пашен.

— Вижу, оставлял я свои земли в надёжных руках, — похвалил Хабаров Яковлева, — коли согласен, Панфилушка, продолжим наше сотрудничество. Выхлопотал для тебя у воеводы новые земли по соседству с моими. Согласен?

— Почему бы нет.

— Значит, договорились.

Хозяйство Хабарова теперь охватывало 18 десятин пашни и окрестные луга, сенокосы и выпасы, по низинам и логом, густо заросшими высокими травами. Люди в хозяйстве занимались рыболовным промыслом и содержали две мельницы, на которые привозили зерно и окрестные соседи.

Будучи владельцем обширного хозяйства, Хабаров действовал с широким размахом. Прежде всего он привлёк опытных плотников, которые срубили ему новую просторную, украшенную наличниками и резными карнизами избу на подклети, с высоким гульбищем. Избу охватили полукольцом хозяйственные постройки: амбары, хлева, баня.

Кроме земледелия и выращивания домашнего скота Хабаров занимался скорняжным и кожевенным ремеслом. В его хозяйстве трудилось немало наёмных и зависимых людей. Среди них были половники. Так называли зависимых людей, которые трудились за часть собранного урожая. Зимой зависимые от Хабарова люди отправлялись артелями на соболиный промысел. Излюбленными местами промысла становились берега Олёкмы, Тугира и окрестности Тугирского волока. Сам Ерофей Павлович на такой промысел уже не ходил. Многоотраслевое хозяйство требовало полной отдачи сил и времени, поэтому охотой заниматься было некогда.

Как представитель воеводы, Хабаров располагал сильной властью над обширной территорией. Круг его обязанностей был широк и многообразен. Прежде всего, Хабаров был обязан контролировать государево хозяйство. Таковым считалась десятая часть урожая, снятая с надела собственника. Земля, дававшая эту долю урожая, считалась казённой пашней. Ерофей Павлович обязан был следить, чтобы она обрабатывалась усердно, чтоб государева пашня была надёжно огорожена и не потоптана скотиной, чтоб урожай с неё был собран вовремя, повязан в снопы и собран в скирды.

Как администратор Хабаров следил на этой территории за каждым из земледельцев и требовал от них старательной работы. Он был ответственен за распорядок и дисциплину среди подвластных ему хозяев, старался решительно пресекать пьянство, азартные игры, лень, крамольные настроения. Ему было дано право сурово наказывать нарушителей и

нерадивых работников, и этим правом Ерофей Павлович пользовался. Провинившегося он мог оштрафовать, наказать батогами и в исключительных случаях отправить в Илимск на воеводский суд.

Поскольку ежедневно контролировать и наблюдать за всеми своими подчинёнными Хабаров, которому надо было помимо этого решать множество иных задач, физически не был в состоянии, потребовалось создать аппарат помощников из выборных лиц. Среди них были сотские, десятники, целовальники. Они становились местными должностными лицами, отвечавшими за определённое количество людей. В соблюдении общего порядка Хабаров опирался на служилых людей из местного отряда. Среди них был и писец, или «пищик», помогавший вести делопроизводство и служебную переписку.

Занимали Ерофея Павловича и домашние дела. Однажды, глянув на Василису, он с горечью произнёс:

— Не пристало тебе в таком затрапезном обличи красоваться, Василисушка. Одежка твоя совсем износилась. А ведь мужик твой — правая рука воеводы.

— Если бы я... — начала Василиса и запнулась.

— Знаю, что ты хочешь сказать, — перебил её Хабаров. — Если, мол, была бы ты первостатейной богачкой... Только запомни, теперь мы не нищие. Оденешься как надо.

По приглашению Ерофея Павловича из Усть-Кута прибыл приказчик именитого купца. Привёз одежку для жены и сыновей Ерофея Павловича. Василисе достались два сарафана, разукрашенные вышивкой и бисером, и суконная кофта, отороченная мехом, а также сафьяновые сапожки. Когда Василиса всё это примерила, Хабаров строго произнёс:

— И не смей больше ходить в своих обносках. Сожги их.

Сыновьям достались кафтаны из лёгкого сукна и новые сапоги.

К Хабарову на Киренгу нередко наведывались служилые люди с Амура. У одних истёк срок службы в Даурии, и они искали для себя новое место поселения. Другие оказались людьми невезучими и влезали в неоплатные долги, надеясь на новом месте поправить свои дела и выкарабкаться из долговой кабалы. Кто-то, проникнувшись добрыми чувствами к Ерофею Павловичу, стремился посетить его, раскрыть ему свою душу. Разные люди наведывались в Хабаровку, с разными делами и исповедаями.

Каждый посетитель Хабаровки начинал свой рассказ с вопроса:

— Не хотелось бы тебе, Ерофеюшка, снова оказаться на Амуре и встать во главе амурского войска?

— Московское начальство решило, что я отслужил своё на Амуре-реке. Предложена была новая служба, — в который раз сдержанно отвечал Хабаров.

— И всё-таки... — не унимался собеседник. — Если бы представилась такая оказия...

— Если бы, если бы... — бессмысленно повторял Ерофей Павлович, передразнивая собеседника и уклоняясь от ответа.

Конечно, в душе он лелеял заветную мечту и о своей амурской службе вспоминал денно и нощно. Видел перед собой голубоватую ширь великой реки. Постоянно мечтал о возвращении в Даурию. Встречая своих прежних товарищей, Ерофей Павлович жадно расспрашивал их о службе на Амуре, о событиях, которые происходили на великой реке. Не мог он не возвращаться к воспоминаниям о былых походах, о своих сослуживцах. С грустью вспоминал тех, кто погиб в стычках с маньчжурами. Вспоминались славные подвиги, совершенные его войском. Таких подвигов было немало, и они хорошо запечатлелись в его памяти.

При первой возможности Ерофей Павлович жадно расспрашивал собеседников о том, что произошло с его товарищами, оставшимися на Амуре, после того как он, повинувшись Зиновьеву, был вынужден отбыть в Москву. И вот что довелось Хабарову узнать от посещавших его друзей.

После вынужденного отъезда Ерофея Павловича во главе русского войска на Амуре остался Онуфрий Степанов. Посоветовавшись с войсковым советом, он принял решение направиться в правый амурский приток, реку Сунгари. Здесь надеялись раздобыть хлеб и лес, необходимый для постройки нескольких дощаников, в которых можно было бы разместить до 180 служилых людей. Столько их осталось в отряде после отъезда Зиновьева. Эта задача была осуществлена успешно. Отряд Степанова не только раздобыл у дючеров хлеб, но и собрал ясак, заготовил лес, связал его в плоты, после чего двинулся вниз к Амуру.

На нижнем Амуре, не дойдя до расселения гиляков, отряд зазимовал. Зимой занимались пушным промыслом и рыболовством. Собрать ясак было затруднительно, поскольку Зиновьев увёз с собой все ясачные книги, и сборщикам приходилось верить ясачным людям на слово.

Весной, когда на Амуре прошёл ледоход, у отряда Степанова уже были построены новые дощаники и отремонтированы старые. В конце мая недалеко от сунгарийского устья люди Степанова встретились с отрядом служилого человека Михаила Артемьева Кашина — его отряд, состоявший из 52 человек, плыл навстречу. Это оказалось для него пополнением. Среди них были двое, которые сопровождали Зиновьева от Зеи до Тугирского

волока. Оттуда Зиновьев отпустил нескольких человек обратно на Амур, однако не снабдил ни порохом, ни свинцом, а ограничился отпиской Степанову. В пути произошло несчастье: их судёнышко, когда река ещё полностью не очистилась ото льда, попало в водоворот, многие утонули. Среди утонувших оказался и тот, у кого была отписка от Зиновьева. Спаслись двое — Телёнков и Юрьев. Страдая от голода и холода, они направились вниз по Амуру, пока их не заметили и не подобрала люди Кашина.

Весной амурский отряд пополнился ещё тридцатью енисейскими казаками, которые по заданию сына боярского Петра Бекетова строили Нерчинский острог. Исчерпав хлебные запасы и испытывая голод, эти казаки спустились вниз по Амуру в надежде пристать к отряду Степанова. Онуфрий Степанов охотно принял пополнение, поскольку был заинтересован в увеличении числа своих людей. Теперь весь амурский отряд достигал 502 человек.

В дальнейшем Степанов со своими людьми вошёл в Сунгари и там собирал ясак с жителей обоих берегов этого амурского притока. Здесь казаков встревожила весть, переданная местными жителями, о том, что с юга по Сунгари движется богдойское войско. Встречи с ним не удалось избежать.

— Слухи о приближении неприятеля насторожили нас, — делился своими воспоминаниями один из казаков, посетивших Хабарова. — Наше войско было наготове и зорко всматривалось в горизонт. От дючеров мы знали, что богдоевцы располагают «огненным боем» и их численность превосходит нашу.

— Как же произошло столкновение? Расскажи, — попросил Хабаров.

— Сеча произошла зело велика, — начал рассказ казак. Он обрисовал весьма наглядную картину боя и кое-что поведал о богдоевском войске. Оно делилось на отряды, каждый из которых шёл под своим знаменем. Яркие знамёна различались по своей расцветке. Часть вражеского войска двигалась берегом в конном строю, другая часть плыла навстречу русским в лёгких стругах. Нетрудно было увидеть, что общая численность богдоевцев намного превышала число русских. По их скоплениям вооружённые пушками и пищалями богдоевцы открыли огонь.

Отряд Онуфрия Степанова, видя превосходство в силе противника, всё же рискнул принять бой. Завязалась яростная перестрелка. Маньчжуры были вынуждены высадиться на берег и укрыться во рвах и за заграждениями из кольев, оплетённых хворостом. Ожесточённая

перестрелка продолжалась. Были раненые с обеих сторон. Казаки, несмотря на численное превосходство противника, ринулись в атаку, надеясь выбить маньчжур из их укреплений. Сходились и врукопашную. Но, убедившись, что перевес сил не на их стороне, казаки возвратились на дощаники и решили отойти на Амур. Степанов отдал приказ. Богдоевцы же, понёсшие потери, не рискнули преследовать русских.

Летом казаки Степанова собирали ясак с местного населения. В августе предводитель отряда намеревался снарядить посыльных с ясачной казной в Якутск. Никифор, брат Хабарова, сам напросился, чтобы Степанов отправил его с пушиной. У Никифора был свой интерес в таком походе: в течение нескольких лет он не получал жалованья и надеялся выхлопотать причитавшееся ему. И главное, его интересовала судьба брата. По возможности он надеялся помочь Ерофею.

Хабарова Никифор в Якутске не застал, зато встретился с его семьёй, прибывшей из Соли Вычегодской, и постарался как мог ей помочь.

А Онуфрий Степанов получил от местных жителей тревожное известие: в низовьях Сунгари вновь сосредоточивалось богдоево воинство. О его численности ходили противоречивые слухи. Говорили о трёх тысячах человек, предполагали, что эта цифра возрастет до пяти тысяч. Стало известно и о новой политике маньчжур, неблагоприятной для русских. Они принялись всячески запугивать местное приамурское население и насильственно направлять его в Маньчжурию. Мало-помалу переселяли даур, дючеров и гогол. Такое переселение преследовало вполне определённые цели: уменьшением числа местных жителей, с их уходом, русские лишались бы ясачных поступлений и продовольственной базы. Как считали в Маньчжурии, в таких условиях район Амура потеряет для русских своё хозяйственное значение и вынудит их покинуть край. Это был односторонний подход. Маньчжурская администрация не учитывала того факта, что Приамурье приобрело для русских землепроходцев более важное значение. Здесь открывались широкие возможности для хозяйствования, развития различных промыслов, ремёсел, торговли, добычи ценных полезных ископаемых. Этот процесс, невзирая на все трудности и угрозы маньчжурского вторжения, уже начался.

Трагический факт, имевший место в истории русско-маньчжурских отношений, остановил их возможное развитие. Онуфрий Степанов послал людей выяснить судьбу Третьяка Чечигина и его спутников, которые были направлены к маньчжурской администрации для переговоров. Отряд Третьяка сопровождали дючерские князьки. Запуганные маньчжурами, они решили угодить им и в дороге расправились с Чечигиным и его четырьмя

спутниками. Грамота, которую тот вёз с собой к императору Шамшакану, не была доставлена по назначению и, возможно, была уничтожена. В улусе, где дючеры умертвили Третьяка и его товарищей, были обнаружены останки убитых и следы их имущества.

А на Амуре назревала сложная напряжённая обстановка. Степанов принял решение не дробить силы своего отряда, а собрать их в единый кулак. Для этой цели было выбрано место для строительства острожка в устье реки Кумары, или Хумархэ. Отсюда и осада получила название кумарской. Располагался острог выше зейского устья на правом берегу Амура.

Возведение острога затянулось до глубокой зимы. Земля к тому времени уже промёрзла и выпал снег. Острог окружал бревенчатый тын. В стенах были пробиты бойницы для ведения пушечного боя. Внутри острога выкопали колодец на случай длительной осады. На тот случай, если противник подвергнет острог осаде и попытается поджечь стены, к ним подавалась вода из колодца для тушения поджогов. Заготовлены были котлы с кипятком и кипящей смолой и поставлены у стен. Противник мог попытаться преодолеть стены с помощью высоких переносных лестниц — для их сбрасывания были наготове длинные шесты. Укреплением острога ведал опытный градостроитель Пётр Бекетов. Готовясь к вражеской осаде, казаки принимали меры предосторожности.

К сожалению, отряд Степанова допустил оплошность и не заметил того, что противник находится уже в непосредственной близости к острогу, укрываясь в лесных зарослях, и ведёт за ним наблюдение. За это пришлось заплатить. В середине лета десятка два человек во главе с Иваном Телёнком отправились в ближайший лес, чтобы заготовить дрова. Однако никто из них не возвратился. Это встревожило начальника отряда, и он предпринял розыски пропавших.

Оказалось, что люди Телёнка попали в засаду и все перебиты противником. Посланных на их розыски казаков едва не постигла та же участь. Маньчжурское войско уже больше не скрывалось. Выйдя из укрытия, оно приблизилось к острогу, выкатило свои пушки. В рядах противника насчитывалось до десяти тысяч человек. Кроме самих маньчжур здесь были и дауры, принуждённые вступить в маньчжурское войско. Главари маньчжуров объявили членов их семей заложниками и грозились жестоко расправиться с ними, если даурские или дючерские воины посмеют дезертировать с поля боя. Однако эти драконовские предупреждения не возымели действия. Боевой дух дауров и дючеров был исключительно низким, и при первой же серьёзной неудаче на поле боя они

разбегались. Командовал маньчжурским войском Минаньдали, а помощником у него был Тугадай или Ежер.

Во вражеском войске, осаждавшем острог, можно было насчитать пятнадцать пушек и много пицалей. Осаждавшие волокли длинные лестницы с крючками и гвоздями на верхних концах, которые позволяли зацепиться за острожные стены. Деревянные щиты на колёсах давали возможность, прикрываясь ими, приближаться вплотную к стенам острога. На арбах подвозили баки со смолой, дрова и солому для поджигания стен, мешки с порохом, необходимые для того, чтобы подрывать стены и делать в них проломы.

О яростном сражении под стенами Кумарского острога Хабарову поведал навестивший его Герасим Стригин, бывший когда-то в его амурском отряде. Стригин был серьёзно изувечен в сражении за острог и из-за ранения не мог продолжать службу в отряде Степанова. Сославшись на свои ранения, он выхлопотал разрешение покинуть амурский отряд и добрался до Хабарова.

— Осталась одна тень от прежнего Герасима, — так приветствовал он Ерофея Павловича. — Возьмёшь ли хотя бы в пастухи?

— Посмотрим, на что ты способен, Герасим, — сдержанно ответил Хабаров и пристально взгляделся в Стригина. Гость заметно прихрамывал, глубокий рубец от сабельного удара остался на левой половине его лица.

— Сперва расскажи, что с тобой приключилось, — попросил Ерофей Павлович.

— Долго рассказывать.

— А я привык выслушивать долгие рассказы. Приступай.

— Тогда слушай. Обложили нас со всех сторон богдоевы люди. Пушки выдвинули на ближайшие сопки. Богдоевцев — тьма-тьмущая. Но сперва послали к нам в острог своих людишек с предложением сдаться на милость победителей.

— Ишь ты... И как же вы приняли сих людишек?

— Их было двое. Какой-то маньчжур в чине и с ним даур-толмач, который мало-мало разумел по-нашему.

— И с чем же они пожаловали к вам в острог?

— А предложили сдаться, пообещали, коли сложим оружие, ждёт всех нас в Маньчжурии сладкая и сытая житуха. Каждый сдавшийся будет иметь все жизненные блага, жёнок займёт лепообразных и пригожих.

— И что же вы ответили басурману?

— Ответили возмущёнными криками. Чем же ещё? Удалился басурманин, яко пёс побитый. А богдоевцы ринулись к острогу. Пушки с

окрестных холмов палили огнём по нему. У них-то было аж пятнадцать пушек, а у нас — только три! Силы неравные. Обстреляв нас из пушек, богдоевцы пошли на приступ. Потом всё это повторялось несколько дней: чередовали обстрелы из пушек и хождение на приступ.

Герасим умолк, собираясь с мыслями. Он, видимо, готовился поведать самое существенное, и Хабаров, почувствовав это, поторопил:

— Что же было дальше? Рассказывай.

— А дальше... Маньчжуры взяли нас в плотное кольцо и, как видно, готовились к решительному приступу. Они уже не только палили по острожку из пушек, но и стремились вызвать в нём пожар. Посылали на нас горящие стрелы. Уж так маньчжуры приблизились к стенам, что мы лица их стали различать, видели, как тащили они лестницы, по которым намеревались взобраться на стены.

— Лихо. И чем же закончился приступ?

— А он сорвался. Острог-то наш был окружён рвом и надолбами, а кроме того, там был скрытый ветками и травой чеснок или частокол. Мы воспользовались заминкой противника и внезапно совершили вылазку. Маньчжурам пришлось отойти с потерями. А мы отбили у них пару пушек и множество ядер, захватили пленных, в основном раненых.

— А как повели себя богдоевцы?

— В беспорядке отступили. Даже теряли при этом оружие. А ночью, когда стемнело, они собирали трупы и в своём лагере жгли их на кострах. Мы расспросили одного из пленных. Он признал, что для его войска под Кумарским острогом был получен великий урок. Видно, первый-то урок под Ачанским острогом усвоили они плохо.

— Помню это событие. Жаль, что не довелось мне стать участником кумарского сражения. Что же произошло далее?

— А далее... Маньчжуры приступили к затяжной осаде. Пожгли все наши дощаники. Перехватили все пути к нашему острогу. Денно и ночью обстреливали его ядрами и зажигательными снарядами. Намеривались богдойцы победить нас голодом и принудить к сдаче.

— И чем же завершилась эта история?

— Не токмо мы, но и маньчжуры исчерпали все съестные запасы. До нас доходили слухи, что в рядах противника ропщут недовольные. Сражался богдоевец уже не так охотно. Запасы маньчжуры хранили в отдалении. Чтоб достичь их, надо было бы преодолеть многие недели пути. Поэтому маньчжуры и ушли от нашего острога. Перед уходом они побросали в воду порох и снаряды, а тяжёлую защитную одежду сожгли.

— Что же вам досталось?

— Многое. Насобирали пушечные ядра — их оказалось более семисот — переплавляли, чтоб подобрать к нашим пушкам.

Израненный Герасим не мог знать, что Степанов отправил в Якутск воеводе подробное донесение о последних событиях. А вместе с донесением направлял образцы захваченного оружия, пищали, стрелы. Он просил также подкрепления и пополнения продовольственных припасов, которые были на исходе.

Когда богдоевцы покинули Приамурье, казаки принялись строить заново дощаники. Прежние суда были уничтожены, изрублены на куски и сожжены на кострах.

О дальнейших событиях, происходивших с отрядом Степанова, Хабаров узнал от других посещавших его казаков.

Отряд продолжал освоение Амура и заготовку пушнины. Разделив отряд на две части, Степанов одновременно собирал ясак на амурских притоках, реках Сунгари и Уссури. Маньчжуры первое время на такое соседство русских не покушались.

Казаки Степанова могли похвастать самым заметным ясаком, собранным летом 1655 — зимой 1656 годов. За этот период удалось собрать более 95 сороков соболей, и это не считая шуб и пластин соболиных, а также шкурок лисиц и других пушных зверей. Упаковав эту немалую добычу в тюки, Степанов отправил её в Москву, в Сибирский приказ. Среди сопровождавших этот большой груз лиц находились и два китайца. В своё время оба были пленены маньчжурами и проданы в рабство дючерам. Русские освободили китайцев, и те, видя в русских своих освободителей, охотно приняли крещение, перейдя в православную веру. Крещение было совершено в походной Спасской церкви, сопровождавшей экспедицию на одном из дощаников. Крещёных китайцев представили в Сибирском приказе, а потом они возвратились на Дальний Восток, где стали служить переводчиками в Нерчинском гарнизоне.

В своих донесениях, направляемых в Москву в Посольский приказ, Онуфрий Степанов писал о трудностях, с которыми приходится бороться отряду, о непосильном объёме работ, вызванном тем, что он должен управлять огромной территорией, и настаивал на посылке подкреплений, на непременно увеличении отряда.

Эта настойчивая просьба наткнулась на непреодолимое препятствие. Оно было вызвано сложной внешнеполитической обстановкой. Россия оказалась втянута в войну с Речью Посполитой, а позже и со Швецией. Войны требовали непредвиденных материальных затрат и людских ресурсов. При таких неблагоприятных внешнеполитических условиях

правительство оказалось не в силах выполнить настойчивые просьбы дальневосточников. Если сначала речь шла о посылке на Амур трёхтысячного войска, то затем от первоначального намерения решительно отказались. Теперь укреплять силы Приамурья предполагалось за счёт местных сибирских ресурсов.

После того как Сибирский приказ выслушал доклад Зиновьева, управление Забайкальем и Приамурьем было возложено на воеводу Афанасия Филипповича Пашкова, накопившего большой опыт администратора. За свою служебную карьеру ему приходилось быть воеводой в Мезени, Енисейске и, наконец, в новой Даурской земле, как называли объединённые Забайкалье и Приамурье.

Пашков не мог добиться в Москве пополнения для своего нового воеводства. Однако, отправляясь в Даурию, он сумел по разным сибирским городам, которые пришлось проезжать, набрать 460 добровольцев. К сожалению, в своём большинстве это были новички, тогда как Пашков нуждался в опытных людях, знатоках природных условий Дальнего Востока.

Степанов не успел встретиться с Пашковым, под начало которого должен был поступить. Его постигла трагичная судьба. В середине лета он разделил свой отряд на две части. Одну часть отряда во главе с Климом Ивановым отправил собирать ясак в дючерские улусы. А сам пошёл с другой частью отряда навстречу Пашкову, который уже был извещён о намерении Степанова встретиться с ним. Эта встреча могла бы иметь большое значение для дальнейшего освоения всего района, ведь Пашков получил бы в этом случае пополнение из казаков, уже прекрасно знавших Приамурье и накопивших большой практический опыт. Сам же Степанов вполне подходил на роль ближайшего помощника воеводы Пашкова.

Однако судьба обошлась с Онуфрием Степановым и его спутниками сурово. В конце июня 1658 года в районе устья Сунгари он наткнулся на скопление маньчжурских судов. Почти полсотни вражеских судов укрывались в засаде и не были замечены русскими. Началось жестокое побоище. Силы были неравны. Русские суда подверглись интенсивному обстрелу, некоторые из них сразу же получили пробоины и пошли ко дну. Уцелело только самое крупное судно, на котором располагалась походная церковь.

Покидая тонущие суда, казаки пытались добраться до берега, но и здесь они наткнулись на вражескую засаду, на них навалилась скопом ватага неприятелей, пускавших в ход холодное оружие и стрелы. Противник был явно сильнее. В ходе боя погибли и Онуфрий Степанов, и

270 человек, бывших с ним. Потери оказались самыми внушительными за всю амурскую кампанию. Расправившись с казаками, маньчжуры захватили и всю ясачную казну, собранную Степановым, 87 сороков соболей, достались им оружие и другое имущество погибших.

Спасти удалось немногим. Всего тридцать казаков оказалось на Спасском судне, где располагалась походная церковь, они и смогли уйти, а кроме них ещё 67 казаков добрались вплавь до берега и ушли в сопки. Избежали гибели те 180 человек, что не заходили в район сунгарийского устья и собирали ясак в иных местах, населённых дючерами.

О гибели большого числа амурских казаков воеводе Пашкову ещё ничего не было известно, и он, чтобы передать распоряжение всем пребывающим на Амуре казакам присоединиться к его силам, послал к тот край небольшой поисковый отряд во главе со служилым человеком Андреем Потаповым. Этот отряд встретился с уцелевшей частью отряда Онуфрия Степанова, собиравшего ясак в дючерских улусах.

О событиях, последовавших за трагедией, которая произошла в сунгарийском устье, Хабарову поведал Евстафий Крутой, покинувший позже амурский отряд и поселившийся в Хабаровке.

— Стало быть, отыскал наших людишек на Амуре Андрюха Потапов, всё, что осталось от нашего немалого отряда. Онуфрий Степанов к тому времени приказал долго жить, — так начал свой рассказ Евстафий.

— Что хотел от вас Потапов? Зачем ему понадобились? — спросил Хабаров.

— Стал настаивать, чтоб мы все, кто остался в живых из отряда Степанова, соединились с отрядом Пашкова.

— Вы согласились?

— Нет. Казаки ответили, что сперва отыщут тех товарищей, кто остался в живых после побоища на Сунгари-реке. А как отыщут, то все вместе и поступят под начало воеводы.

— И удалось отыскать уцелевших?

— Мало-помалу, собралось нас без малого три сотни мужиков. Я уже не помню, сколько точно. Решили избрать атамана. Рядились недолго. Выбор пал на Артемия Филиппова Петриловского, племяша твоего. Дельный мужик, башковитый. Зиму провели в Гиляцкой земле, где собирали ясак. А весной в отряде произошёл раскол. Нашлись такие, которым амурская служба показалась слишком беспокойной, рискованной. Захотели более спокойной житухи.

— Неужели нашлись такие?

— Таких оказалась малая часть отряда. Покинули нас всего человек

шестьдесят. Весной они ушли Охотским побережьем в Якутск.

— Ну, бог с ними. А что остальные?

— Мы были в большинстве. Более двухсот человек. Плыли вверх по Амуру. Готовы были служить под началом воеводы Пашкова. Однако же людей беспокоил хлебный голод. На этой почве отряд раскололся примерно на две равные доли. Одна пошла на Зею в поисках хлебных мест, готовая в случае неудачи вернуться в Якутск, на Лену.

— С кем же оказался мой племянник?

— Артемий решил быть с Пашковым, надеясь встретить его в Албазине.

— Встретились?

— Нет, не встретились. Заметили однажды, плывёт по Амуру лес, брёвна от разбитого плота и даже целые плоты. Видимо, заготовили лес для строительства острога с башнями, да попал тот лес в водоворот, и разметало его течением. Ну, думаем, погиб Пашков, утонул в водовороте. Царство ему небесное. И решили идти через Тугирский волок на Олёкму.

— Что же на самом деле случилось с воеводой?

— Да ничего с ним не случилось. Нарубил воевода леса для строительства острога. Решил сплавить его по Шилке к устью реки Нерчи. Там замыслили поставить острог. Во время сплава плоты водоворот разметал, распотрошил, и река унесла их в Амур. Это мы и увидели, а Пашков-то тем временем был жив и здоров. А теперь слушай, Ерофей Павлович, что с нами далее приключилось.

— Слушаю, рассказывай.

— Шли мы Тугирем, Олёкмой и Леной. В пути терпели голод и всякие лишения. Питались листьями, ягодами и кореньями. Так добрались до Илимского острога. Тамошний воевода велел заняться ясачной казной и приготовить к отправке в Москву. Мы везли с собой немалый запас пушнины. Сопроводить её поручили Артемию Петриловскому и с ним снарядили ещё пять казаков.

Рассказать о путешествии Петриловского в Москву и о его обратном пути Евстафий не мог. Об этом Хабарову рассказал один из сопровождавших Артемию казаков, который по пути в Якутск проведаль Ерофея Павловича.

В Сибирском приказе, говорил казак, Петриловского и его спутников дотошно расспрашивали о минувших делах на Амуре, о судьбе амурского войска. Как мог понять Петриловский, руководство приказом высказало своё удовлетворение и одобрение службой Хабарова и его преемника Степанова, выразило скорбь в связи с гибелью многих казаков, ставших

жертвами богдоевского нападения. Петриловский и его соратники обратились в Сибирский приказ с челобитной, прося заплатить им невыплаченное жалованье за многие годы службы. Просьбу удовлетворили. Жалованье ходатаям было выплачено сполна, и всех их зачислили на службу в гарнизон Якутска.

Петриловский и его товарищи от руководителей приказа слышали много положительных отзывов о деятельности Хабарова и его преемника Степанова, которые сделали для России большое и полезное дело, освоив по берегам Амура огромное пространство, приведя его жителей в русское подданство. Воинственная активность маньчжур в середине XVII века вносила временные осложнения, но не смогла помешать русским утвердиться в Приамурье. В 1655 году было учреждено Нерчинское воеводство, в состав которого включались и Приамурские земли. В начале восьмидесятых годов они были выделены в самостоятельный Албазинский уезд.

Хабаров всячески стремился привить сыновьям свою любовь к Приамурскому краю, Восточной Сибири. Когда у него оказывались участники амурских походов и начинали вспоминать о былом, Хабаров старался приглашать и обоих сыновей: пусть послушают бывалых людей, наберутся их опыта. Сыновья включались в беседу, удовлетворяя своё любопытство, задавали рассказчикам вопросы.

Особенное любопытство обычно проявлял старший, Андрей, просил поподробнее рассказать и о военных столкновениях с маньчжурами, и об их вооружении, и поведении на поле боя, и об осаде русского острога. Ерофей Павлович поощрял любознательность сына и думал про себя: «Из этого получится добрый казак. По моим стопам пойдёт».

Андрей увлёкся стрельбой из лука и самопала. Практиковался в стрельбе по мишени и так наловчился, что стал метким стрелком. В охотничий сезон он ходил со сворой собак на медведя, выкуривая его из берлоги. Охотился и на соболя, придумывая свои методы лова. Ерофей Павлович приглядывался к сыну и одобрял его рвение. «Добрый казак будет», — думал он.

Младший Максим ничем не походил на старшего брата, был сдержан, малоразговорчив. Рассказчиков слушал с интересом, но вопросы не задавал. Зато Максим был привержен к земле, пашне: и для своих лет косил умело, даже лихо, стараясь не уступать опытным косцам, брался и за соху, шёл за ней как ловкий пахарь. «Этот будет добрым земледельцем», — думал о Максиме отец.

А тем временем Василиса, жена Ерофея Павловича и мать его детей,

дряхла на глазах. Морщины, изрезавшие когда-то красивое лицо, теперь стали более глубокими и резкими. Ей уже было не под силу обслуживать семью и готовить пищу. Ерофей Павлович распорядился подобрать молодую стряпуху, выбор пал на полукровку Глафиру, дочь русского и якутки. Отец её служил приказчиком у местного мелкого купца.

Глафира оказалась бойкой и расторопной стряпухой, хотя и не сразу смогла усвоить все требования хозяина. А Василиса таяла на глазах, ела мало, мёрзла и куталась в тёплый шерстяной платок. Вечно занятый хозяйственными делами, Хабаров мог уделять больной жене совсем немного внимания, лишь иногда с тоской задумывался: «Неужели Василисушка угасает!» Когда Ерофей Павлович находил немного времени для жены, он старался пробудить в ней воспоминания о далёких днях молодости.

— А помнишь, Василисушка... — начинал он и замолкал, задавая себе вопрос, надо ли ворошить прошлое, заставлять что-то вспоминать эту старую женщину, жизнь которой подходит к завершению? И всё же он решился: — Помнишь твой Великий Устюг? Реку Вычегду? Палаты Строгановых? Как жилось тебе там?

Василиса смотрела на мужа безучастным взглядом и бормотала что-то невнятное.

В семье Хабаровых назревали события. Глафира приглянулась Максиму. Он заглядывался на стряпуху, хотя та и не блистала ни отменной девичьей красотой, ни весёлым характером. Но других подходящих девиц в Хабаровке не было, поэтому можно было заглядеться и на эту полукровку.

Максим постарался завладеть вниманием девушки. Один раз принёс ей туюсок с лесными ягодами, другой раз купил ей у лавочника недорогой пёстрый платок. А на третий раз прижал её в укромном месте и поцеловал в щёку.

— Ой, что ты... — вскрикнула Глафира.

— Пойдёшь за меня замуж, Глашенька? — спросил сдавленным шёпотом младший Хабаров.

— Как отцы наши... — ответила, застеснявшись, девушка.

— С отцами я переговорю, — ответил Максим, не очень-то веря в успех затеи. Ведь он был младшим братом в семье, а по традиции младший брат женился после старшего. У Андрея же никаких определённых намерений на этот счёт не было.

Андрей, когда Максим решил признаться брату в своих намерениях, ответил сразу:

— Женись на здоровье, братец. Я тебе не помеха.

— А как же твои намерения?

— Могу и повременить.

— Неужели никого не приглядел, ни одна не глянулась?

— Приглянулась одна девица. Лепообразна, пригожа.

— Кто такая? Открой тайну.

— Тебе, братец, раскрою: приглянулась мне попова дочка из Киренска, Серафима.

— Разве это плохо? Действуй, братец.

— Тебе легко говорить. Серафима — одна девка на выданье на всё поселение. А в Серафимку, кажется, втюрились все мужики неженатые.

— Сочувствую. Но как же мне поступить?

— Иди к отцу и проси разрешения на женитьбу.

— Боязно как-то. Пойдём вместе. Поддержишь меня перед батей.

— А я-то зачем тебе? Ты Глашку выбрал, тебе и речь о ней вести. Скажи, что я тебя поддерживаю.

Максим долго не решался начать разговор с Ерофеем Павловичем, наконец решился. К его удивлению, отец отнёсся к словам сына благосклонно.

— Коли душа твоя к Глашке тянется, женись, сынок. Хотелось бы, конечно, Андрюшку наперёд видеть ожившимся. Пора бы. Узрит твой пример, может и поторопится.

Максим поспешил поведать брату о разговоре с отцом.

— А у меня с поповной, видно, ничего не сладится. Десятник поповну обхаживает.

— А ты отбей. Там только десятник, не велик чин. А твой батюшка второе лицо в воеводстве.

— Не знаю, не знаю, что и сказать тебе.

Максим отправился в Киренск договариваться с батюшкой, отцом Мефодием о дне венчания. Киренск расположился на острове, образуемом двумя рукавами реки Киренги при впадении её в Лену. Поселение было основано в 1630 году десятским Ермилиным и называлось сначала Никольским погостом, позже переименовано в Киренгский острог. Воевода намеревался сделать его городом. Недавно в Киренске был основан Свято-Троицкий монастырь с десятком монахов и послушников. Ерофей Павлович изредка посещал его и не знал ещё, что в этом монастыре ему будет суждено закончить свою жизнь.

О венчании Максим договорился с отцом Мефодием. Священник киренгского храма был польщён тем, что ему придётся венчать сына столь именитого в этих краях человека. На венчание собрался весь небольшой

киренгский отряд, несколько местных торговых людей, а из родных кроме Ерофея Павловича были брат жениха Андрей и родители невесты, были также и многие жители Хабаровки. Маленький бревенчатый храм оказался переполненным. К сожалению, из-за хвори Василиса не смогла побывать на венчании в храме и осталась дома.

После венчания караван лодок направился по Киренге к Хабаровке. Свадьба вышла широкая, многолюдная и хлебосольная. Василиса несколько ожила. Расцеловала сына с невесткой и пригубила стакан с хмельным зельем, произнеся:

— Ваше здоровье, дети мои.

16. Беспокойное время на Киренге

По-прежнему Ерофей Павлович Хабаров охотно принимал и выслушивал своих бывших соратников. Они вместе вспоминали о былом, иногда он яростно спорил, в чём-то не соглашаясь с ними. Хабаров не скрывал, что мечтает о возвращении на Амур, сетовал на то, что приходится смириться с судьбой и заниматься хозяйством на Киренге.

Некоторые из прежних соратников Хабарова по амурской службе добрались до Якутска и служили там под началом его племянника, атамана Артемия Петриловского — теперь тот был именитым человеком в воеводстве, — другие стали служить в Илимске, в Нерчинске. Среди нерчинских служак оказался старый друг и соратник Хабарова Дружина Попов, человек уже немолодой, получивший, как и Ерофей Павлович, звание сына боярского. С ним в Нерчинске начинали свою службу его дети и внуки. Некоторые из старых знакомых Хабарова обосновались в его хозяйстве.

Служба Хабарова не проходила гладко и безмятежно. Ему пришлось перенести немало всяких придирок и приставаний со стороны местных — да и не только местных — властей.

Когда Ерофей Павлович вернулся из Москвы, якутским воеводой был Михаил Ладыженский, человек нерешительный и перед вышестоящим начальством угодливый. Воевода получил из Сибирского приказа, категоричное предписание задержать Хабарова и отправить с ним надёжных людей на Тугирский волок, на реке Урке, где Ерофеем Павловичем в своё время якобы были спрятаны запасы пороха и свинца.

Ладыженский командировал из Якутска на Киренгу сына боярского Фёдора Пущина с тридцатью казаками. Его отряд должен был в Киренге задержать Хабарова и сопроводить его под конвоем на Тугирский волок.

Когда Пущин со своим отрядом достиг Хабаровки и ознакомил Ерофея Павловича с предписанием якутского воеводы, тот возразил:

— Позволь, мил человек, слово молвить. Я пока что подчиняюсь илимскому воеводе. Меня называют его правой рукой. Почему же я должен слушаться якутского воеводу?

— Твоих прав как подчинённого Илимску никто не оспаривает, — сдержанно ответил Пущин, — речь идёт о том имуществе, порохе и свинце, которое ты попрятал, когда подчинялся якутскому воеводе. Посольский

приказ предписывает, чтобы ты отыскал это имущество. Его надлежит переправить в Нерчинск тамошнему воеводе Пашкову.

— Чтоб припрятать столько пороха и свинца, одних моих сил было недостаточно. Мне пришлось воспользоваться услугами помощников. Стало быть, определённый круг людей был осведомлён о судьбе спрятанного имущества. Уцелело ли оно — откуда мне известно.

— Вот и проверим. Коли свинец и порох на месте, отпустим тебя на все четыре стороны, а ежели его на месте не окажется, повезём тебя в Якутск для расследования.

— Как узника?

— Ну, зачем такие крайности.

— А пошто с таким отрядом явился ко мне? Ему как раз впору сопровождать узника.

— На сей счёт воевода указаний не давал. Коли решим приставить к тебе отряд для порядка, это ещё не значит, что ты стал узником.

— Так ли уж...

Визит Пущина с двумя десятками казаков раздражал Хабарова, отвлекал от массы всяких хозяйственных забот, и последние слова он произнёс с двусмысленной интонацией.

Всё же Хабаров был вынужден подчиниться распоряжению. Если бы оно исходило только от воеводы Ладыженского, ещё можно было бы его оспаривать, попытаться не подчиняться ему, но распоряжение шло из Сибирского приказа, которому обязаны были подчиняться люди всех воеводств Сибири.

И вот Хабаров, сопровождаемый Пущиным и его людьми, плыл вверх по Лене. Два дощаника вошли в Олёкму, после продолжительного плавания по этой реке, преодоления её мелей, перекатов и порогов вошли в её правый приток, быстрый и извилистый Тугир.

— Кажись, здесь, — произнёс Хабаров, указывая рукой на пригорок, поросший молодыми лиственницами.

— Причаливай, казаки, — скомандовал Пущин гребцам.

В пути Фёдор Пушин вёл себя в отношении Хабарова сдержанно, даже дружелюбно. Расспрашивал Ерофея Павловича об амурской службе, о его хозяйстве на Киренге и как-то невзначай бросил:

— Не взыщи, Ерофей, коли что не так, мы людишки подчинённые. Выполняем распоряжение воеводы. Да и он против тебя зла не держит. Человек он в своих решениях не самостоятельный, выполняет приказание Москвы.

— Бог нас разберёт, — сдержанно ответил Хабаров.

Отряд Пущина высадился на берегу, который за последние годы заметно изменился. Склоны холма поросли молодыми деревцами, а многие старые деревья были порублены проплывавшим мимо людом на топливо для костров. Хабаров пристально всматривался в холм.

— Кажись, здесь, — повторил Хабаров и зашагал к южному склону холма, туда, где среди молодых деревьев выделялись три старые лиственницы, показавшиеся ему знакомыми.

— Припоминаю старых знакомых, — произнёс он и уверенно направился к этим трём деревьям.

— А здесь кто-то до нас побывал, — сказал он с раздражением, увидев, что возле одной из старых лиственниц была вырыта глубокая яма, заваленная ветвями и сучьями. Такая же яма обнаружилась возле второй лиственницы.

— Посмотри, Фёдор, — обратился Хабаров к Пущину, показывая на ямы, — чьи-то следы.

— Думаешь, давнишние?

— Думаю, года полтора-два этим ямам. Не дала наша поездка на Тугирский волок результатов. Напрасные поиски. Так и доложим воеводе.

Всё же для успокоения души Хабаров с Пущиным и казаками тщательно осмотрели обе ямы, надеясь найти какие-нибудь следы того, что здесь хранилось. В одной яме был обнаружен кусок свинца, предназначенный для выплавки пушечного ядра.

— Кто же мог похитить припрятанные порох и свинец? — спросил Пущин Хабарова.

— Есть на этот счёт предположение, — ответил Хабаров.

— Поделись с нами.

Ерофей Павлович припомнил, что, когда отряд Зиновьева вышел с волока к верховьям Тугира и готовился к зимовке, Дмитрий Зиновьев явно заинтересовался местностью, а потом уединился с одним из казаков и долго о чём-то шептался с ним. Казак был старым соратником Хабарова и не ладил с ним. Придравшись из-за какой-то ерунды к Ерофею Павловичу, Зиновьев приказал ему удалиться в палатку, сидеть там и не высовываться. Этот своего рода домашний арест продолжался два дня. Потом, как заметил Хабаров, два дощаника были чем-то загружены, и караван двинулся к месту зимовки.

Люди, верные Зиновьеву, никого не подпускали к этим судам и к их таинственному грузу. Вспомнив об этом, Ерофей Павлович предположил, что Зиновьев, узнав от казака, с которым Хабаров был не в ладах, о припрятанных порохе и свинце, решил откопать ценное имущество.

Своими предположениями Хабаров поделился с Фёдором Пуциным.

— Ты уверен, что Зиновьев на такое способен? — спросил Пуцин и услышал ответ.

— Вполне уверен. Митька нечист на руку и великий корыстолюбец. В этом я смог убедиться.

— Не заблуждаешься?

— С чего бы мне заблуждаться?

— Зачем же Митьке понадобились порох и свинец?

— Ради личной корысти. Чтоб сбить промысловикам и казакам сию находку и получить за это немалую мзду.

— Расскажи об этом воеводе, тогда с тебя вина снимется.

— Не уверен, что снимется. А воеводе я всё расскажу.

Пуцин уже почти поверил Ерофею Павловичу, но сдержанно ответил ему, что сам он не правомочен судить, виноват Зиновьев или нет, и что он вынужден доставить Хабарова в Якутск для воеводского разбирательства.

— Вези меня к воеводе, коли на то твоё право, — ответил на это Хабаров. — Эх, Федя, немного ты меня не довёз до Амура-батюшки. Истосковался я по великой реке. Отдал бы тебе половину оставшейся мне жизни за одну возможность взглянуть на неё.

— Полжизни мне твоей не надо. Помнят тебя на Амуре добрым словом. Наслышан, от племянника твоего Петриловского. Моя бы воля...

Фёдор Пуцин не договорил, а только тяжело вздохнул. Ерофею Павловичу он сочувствовал, но в то же время был усердным служакой и подчинялся распоряжениям всесильного якутского воеводы.

— Собираемся в обратный путь, — сухо сказал он. — Передам тебя воеводе. Пусть сам решает, как с тобой поступить.

— Поплывём в Якутск, Федюшка. Стражу держи наготове. Чтоб не сбежал, если бы и захотел, — горько пошутил Хабаров.

— Зря ершишься, — одёрнул его Пуцин, — мужики тебе сочувствуют. Разве кто-нибудь тебя обидел?

— Да нет. Это я шучу.

Где-то посреди плавания по Олёкме на правом берегу заметили людей, устроившихся на отдых. Должно быть, купцы или казаки, возвращавшиеся с Амура, сделали привал и готовили пищу у костров. Пуцин дал команду пристать к берегу и тоже сделать привал. Как только высадился на берег Хабаров, к нему подбежал с радостными возгласами человек:

— Ерофей Павлович! Радость-то какая. Свиделись!

— Федька, Серебряник, — отозвался Хабаров, увидев человека, который служил в его амурском отряде.

— Верно, Серебряник. Так прозвали меня за мои труды праведные.
Ерофей Павлович представил Феодора Пущину:

— Тоже Феодор, тёзка твой. Рудознатец. Поручили ему искать серебро на Амуре.

— И нашёл? — спросил его с любопытством Пущин.

— А как же! Целый мешок находок везу.

— Показал бы.

Серебряник вынул из лодки увесистый мешок и извлёк из него шероховатый кусок серебряной руды.

— Глянь-ка! Сверкает, яко солнышко, — сказал с гордостью Серебряник, протягивая кусок руды сперва Хабарову, потом Пущину.

Оба разбирались в рудах и признали, что в их руках истинно руда серебряная. По поручению якутского воеводы Пущин в недавние годы искал серебро на Амуре и хорошо усвоил все внешние признаки серебряных руд.

— Куда же теперь, рудознатец, путь держишь? — спросил он нового знакомого.

— Известно, куда: посылали меня из Якутска, и путь буду держать туда же. Перед воеводой похвастаю.

— Тогда перебирайся к нам, в наш дощаник, — предложил тоном приказа Феодор Пущин. Серебряник не стал противиться. Казаки щедро накормили его.

Якутский воевода проявил большой интерес к Фedyке Серебрянику. Вызвал его к себе вместе с Пущиным, долго рассматривал образцы руды, поднимал их на ладони, приговаривая: «Знатно!»

Хабарову воевода наказал передать, чтоб ждал вызова и готовился. Ерофей Павлович поселился у племянника Петриловского. Невдалеке от его дома поселилась и дочь Ерофея Павловича Наталья с малыми детьми. Муж её пребывал в отъезде, его послали собирать ясак с вилюйских якутов. Семья Натальи пока не разжилась собственной избой и снимала часть дома у одного старого казака, где приходилось ютиться в тесноте. Хабаров решил не стеснять дочь и поэтому предпочёл остановиться у племянника. Воевода для порядка выставил перед домом Петриловского казака, вооружённого бердышом. Пусть Ерофей Павлович почувствует себя на положении узника.

Воевода принял Хабарова только на третий день, бросил коротко:

— Рассказывай!

— Что рассказывать? Выходит, что поездка наша на Тугирский волок была зряшной. Не смогли мы воспользоваться казной. Кто-то

воспользовался ею до нас.

— Подозреваешь кого-нибудь в хищении?

— Улики есть против одного человека, но верны ли они, сказать с точностью не смогу.

— Напиши об этом. Пошлём твоё письмо в Сибирский приказ. Пусть там разбираются и ищут виновных. Поговорим теперь о другом.

— Слушаю, воевода.

— Слушай и наматывай на ус. За тобой числится долг. Зело великий долг. Ты дважды снабжал свой отряд казённым имуществом.

— Было такое дело. Но частично я свои долги казне возместил.

— Вот именно, что только частично возместил! А ещё за тобой числится великая сумма — четыре тысячи восемьсот пятьдесят рублей и ещё два алтына.

— Откуда такой великий долг?

— А это у тебя надо спросить. В конторских книгах записаны все твои долги и расчёты с казной. Я распорядился в счёт погашения твоих долгов отнять у тебя чечуйскую мельницу. Её мы оценили в триста тридцать рублей.

— Пошто так мало? Мельница дороже стоит.

— Постой, не перебивай. Вычти эту сумму из общего твоего долга и увидишь, что за тобой ещё немалый долг останется. Пришлось мне распорядиться потормозить твою охотничью артель и отобрать у ней в казну пушнину — всего два сорока и двадцать восемь соболей.

— Пощади, батюшка воевода. Как мне после этого жить?

— Не знаю, как тебе жить, бедняга. При твоих зело великих долгах казне я вправе забрать у тебя всю деревню Хабаровку вместе с избами, амбарами, пашнями, скотиной.

— Это же разорение! Заставишь меня идти по миру!

Спор Хабарова с воеводой оказался долгим и напряжённым. В конце концов Ерофей Павлович прибег к последней хитрости.

— А зачем тебе пускать Ерофейку по миру? Какой тебе прок от нищего Ерофейки? Давай договоримся любовно, чтоб и тебе была выгода и мне.

— Что ты предлагаешь?

— А вот что. Я согласен выплачивать воеводству долги частями. Долги признаю сполна. Ежегодно будешь получать от меня по тысяче пудов хлеба, собранного с моих пашен. Ведь твои казаки нуждаются в прокорме.

Воевода задумался и не сразу ответил.

— Добро. Пусть будет по-твоему, Ерофейка.

— Это ещё не всё, воевода.

— Что ты ещё хочешь от меня?

— Ты беспрепятственно пропускаешь на олёкминские промыслы моих людей и не посягаешь на добытых ими соболей.

— Ишь ты.

— Мы же стараемся для государевой казны.

— Коли для государевой...

Воевода согласился и с этим условием, но выдвинул своё, жёсткое.

— Соглашусь с тобой, Хабаров, коли ты найдёшь поручителей, которые бы за тебя отвечали своим имуществом.

— Найду таких людей среди моих бывших соратников. Хотя бы в Илимске. Отпусти меня туда. Привезу тебе поручительства.

— Отпущу тебя, но в сопровождении Федьки Пущина и отряда казаков.

— Надзиратели мои. Опасаешься, как бы не сбежал?

— А понимай, как тебе угодно. А если говорить серьёзно... У меня нет полной уверенности, что такое поручительство тебе дадут. С какой бы стати? В таком случае Федька Пущин привезёт тебя обратно в Якутск. И ты станешь узником.

— Согласен с твоим условием, воевода, ибо верю, что в Илимске найдётся немало людей, кои питают ко мне доброе расположение.

Уверенность Ерофея Павловича подтвердилась. В Илимске среди казаков нашлось немало друзей и бывших соратников Хабарова. Они без колебаний написали ему поручительство.

Возвращался Хабаров из Илимска вольным человеком. Великий надзор с него был снят, о чём торжественно объявил Пущин. Ерофей Павлович вернулся в Хабаровку, где загрузил несколько дощаников хлебом и отправил в Якутск.

— Передай воеводе, Ерофейка держит слово, — сказал он Пущину. — Ждите будущей осенью новой партии хлеба.

Отгрузив хлеб в Якутск, Хабаров задумался. Его захватила другая серьёзная забота. Когда он спорил, рядился с воеводой, свидетель их беседы, дьяк воеводства, заметил:

— Ерофей в возрасте. Успеет ли со всеми долгами рассчитаться перед воеводством?

— А коли не успеет, уйдёт в мир иной, должок перейдёт к сыновьям, — ответил на это воевода.

Ерофей Павлович вспомнил об этом разговоре и сказал сам себе:

— Как бы не так! Не быть по-твоему, воевода.

— Послушайте, сыны мои... — начал он говорить, пригласив обоих сыновей для доверительной беседы. — Отец ваш человек старый, хворый. Сколько мне ещё отпущено годков, одному Всевышнему ведомо. После меня останется великий долг казне. Коли, не успею восполнить его при жизни, долг ляжет на вас, ежели мы с вами живём одним хозяйством. Для вас, сыны мои, этот долг может оказаться непосильным. Давайте вместе подумаем, как избежать такого, как нам поступить.

Хабаров выдержал паузу. Сыновья помалкивали, ожидая решения отца.

— Не догадываетесь, сыны, что я вам скажу?

— Нет, отец, — ответил старший Андрей.

— Не вижу из сего скверного дела выхода, кроме одного-единственного. Вы отделяетесь и ведёте самостоятельные хозяйства. Стало быть, перестанете считаться моими наследниками. Тогда моё долговое бремя вас никак не касается. Понятно?

— Понятно, — ответил Андрей.

— Тебя, Андрюха, как старшего сына, поверстаем в дети боярские по Илимску. Служи там усердно. А ты, Максимка, имеешь пристрастие к землепашеству.

— Имею, батюшка, — ответил младший сын.

— Дам тебе надел в Верхне-Киренской слободе. И обзаводись своим самостоятельным хозяйством. Меня проводывайте. Завсегда вам буду рад. Но наследниками моими уж не будете. Наследовать-то уже будет нечего...

Дальнейшая судьба сыновей Ерофея Павловича была такова. Андрей перебрался в Якутск и там при новом воеводе Большом Голенищеве-Кутузове начал свою казачью службу. Казаком стал впоследствии и сын Андрея, внук Ерофея Павловича, Михаил Хабаров, который от рядового казака дослужился до сотника. А Максим Хабаров оставался пахотным крестьянином слободы.

Вместе с Максимом уехала и его жена, которая вела хозяйство в семье Хабаровых, и Ерофей Павлович был вынужден подобрать себе новую стряпуху. В середине 60-х годов умерла его жена Василиса. Перед смертью она почти совсем не принимала пищу, ослабела сильно и словно высохла, а вскоре тихо отошла в мир иной. Похоронили её в Усть-Киренском монастыре. Ерофей Павлович часто посещал могилу Василисы и проводил долгие беседы с настоятелем, старцем Гермогеном. Настоятель заглядывался на обширные владения Хабарова и исподволь склонял его перед кончиной стать иноком монастыря, а всё своё хозяйство завещать монастырской братии, однако Ерофей Павлович пока не решался что-либо

ответить Гермогену.

После отделения сыновей и смерти жены Ерофей Павлович стал реже бывать в Хабаровке. Часть времени он проводил в монастыре, а часть — в Илимске, где встречался со старыми соратниками, возвращавшимися с Амура. По-прежнему живо интересовался обстановкой на Амуре и всё ещё мечтал вернуться туда.

А низовья Киренги тем временем окружили новые поселения, появлялись новые земледельцы. Из-за этого порой возникали земельные споры и раздоры. Подобный спор произошёл у Хабарова с пашенным крестьянином Кузьмой Ворониным, который самовольно занял и распахал пустошь, принадлежащую Ерофею Павловичу. Владелец был вынужден затеять судебную тяжбу с Ворониным и послал жалобу илимскому воеводе. Он написал, в частности, что Кузьма посеял рожь чуть ли не у него во дворе. Скандальное дело Хабаров выиграл и смог воспользоваться урожаем, выращенным на его земле.

В Илимске тем временем произошли заметные перемены. Для управления воеводством прибыл новый воевода, Лаврентий Обухов, представлявший по своему нраву полную противоположность прежнему воеводе, Тимофею Шушерину. Обухов отличался вздорным и вероломным характером, к тому же был невероятно корыстолюбивым и жадным. Многих людей в воеводстве он разорил и довёл до нищеты. Его жертвами становились как крестьяне, так и промышленники, и торговые люди. Многие из ближайшего окружения Обухова брали с него пример и тоже участвовали во всяких злоупотреблениях.

В Илимске зрело широкое недовольство воеводой, готовое перерасти в открытый бунт. В конце концов такой бунт произошёл, и жертвой его стал сам деспот-воевода.

Летом 1665 года в устье Киренги развернулась летняя ярмарка — в последние годы такие ярмарки становились традиционными, — съехались на неё многие торговые люди. Шла здесь бойкая торговля хлебом, разными промышленными товарами, умельцы из дальних и ближних посёлков и городков привезли свои поделки. Ярмарка привлекала множество посетителей из окрестных селений, как русских, так и якутов и тунгусов. Прибыл сюда и сам илимский воевода Обухов. Он вёл себя здесь как и везде, занимался вымогательством у людей, предлагавших на ярмарке свои товары, надеясь на свою полную безнаказанность. У одних он забирал товары за бесценок, у других и вовсе задаром. Люди хоть и роптали, но открыто связываться с воеводой не решались. Особенное возмущение всех съехавшихся на ярмарку вызвало то, как он вёл себя с женщинами.

Воевода, не стесняясь, говорил им всякие непристойности, буквально не давал прохода, плотоядно лапал, предлагал уединиться с ним где-нибудь в укромном месте.

Чашу терпения илимских людей переполнило приставание Лаврентия Обухова к жене Никифора Черниговского. Никифор был ссыльным поляком, умельцем, уважаемым среди жителей Илимска человеком. Он уже пообтёрся в русской среде и свободно болтал по-русски, и лишь лёгкий акцент выдавал его иностранное происхождение. Люди, не стовариваясь между собой, решили расправиться с ненавистным воеводой. Когда Обухов в сопровождении охраны возвращался по Лене на дощанике к себе в Илимск, на него напала толпа недовольных. Произошло ожесточённое столкновение. Люди, вооружённые чем попало, окружили на лодках воеводский дощаник. Охрана Обухова, не ожидавшая нападения, была без затруднений перебита превосходящими силами нападавших. Сам воевода, охваченный паническим страхом, бросился в воду и попытался плыть к берегу. Пловец он оказался плохой: бестолково размахивал руками, подымая сноп брызг. Бросившиеся вслед за ним несколько казаков быстро настигли воеводу и взяли в полукольцо. Передовой пловец-казак, вооружённый увесистой дубинкой, ударил ею Обухова по голове. Воевода, потеряв сознание, ушёл под воду, оставив на её поверхности кровавое пятно. С деспотом было покончено.

В дощанике воеводы оказалось имущество, награбленное Обуховым у участников ярмарки и жителей окрестных поселений. Это была большая партия соболиных шкурок, несколько чернобурых лисиц и триста рублей наличных денег. Черниговский, державшийся за атамана, разделил имущество убитого воеводы между всеми участниками бунта, а затем обратился к ним с такими словами:

— Провинились, братцы, перед законом. Не резон нам оставаться в Илимске. Подумаем все вместе, как нам далее поступить?

— Что скажешь, Никифорушка? — раздались голоса.

— Уходить на Амур и там начать новую жизнь. Вот так мы с вами должны поступить. На Амуре нас ждут воля и богатая пожива.

— Пусть будет по-твоему, — выкрикнул кто-то.

— Вот и веди нас на Амур, — воскликнул другой.

В Никифоре Черниговском все признали предводителя и готовы были ему повиноваться. Решили идти на Амур олёкминским путём. Всего сопровождать Черниговского вызвались восемьдесят четыре человека. Чтобы обеспечить себе дорогу до Амурского моря, сторонники Никифора отобрали у торговых людей дощаники и запасы продовольствия.

Ерофею Павловичу Хабарову не довелось участвовать в той ярмарке и быть свидетелем того, как потопили воеводу, ему в этот день нездоровилось, и он отлёживался дома. Известие о случившемся принесли ему два илимских казака — Венедикт и Гурий, служившие когда-то под началом Хабарова.

— Что скажете, казаки? — такими словами встретил гостей Ерофей Павлович.

— Воеводу нашего прикончили, — ответил Гурий. — Зело скверный мужичонка был. Житья нам не давал. Вот и решились...

Гости рассказали Хабарову и о последнем событии, и о намерении бунтовщиков последовать во главе с Черниговским на Амур.

— А мы на это не решились, — произнёс Гурий.

— Не решились, — подтвердил Венедикт, — что же нам теперь дальше делать? Никифор со своими людьми будет далече, на нас и отыграются власти.

— Послушайте, казаки, что я вам скажу... — начал Хабаров, — пока отсиживайтесь в моём доме. Никто не будет искать вас у меня. Потом скажете, что на ярмарке ввязались в драку. Вас зело побили. Вот вы и отлёживались у старого знакомого. Могло с вами случиться такое?

— Могло, — согласились оба гостя.

— Свидетелей стычки с воеводской охраной и потоплением воеводы ведь не было. Вы же всё время отлёживались у меня. Понятно?

— Ловко придумано, — произнёс Гурий.

— А как страсти улягутся, воротитесь в Илимск, коли не желаете последовать за ватагой Никифора.

— Боязно как-то, — произнёс Гурий.

— А я вот сам задумываюсь, не последовать ли примеру Черниговского, — стал рассуждать Хабаров. — Собрать отряд надёжных людей и уйти с ними туда же на свой риск. Но что этому мешает? У меня же большое крепкое хозяйство, дети. К тому же над моей головой висит словно меч огромный невыплаченный долг. Отправлюсь на Амур — воевода скажет, что утёк самовольно, дабы не платить долг. И окажусь я вне закона. Имение моё со всем моим имуществом отберут в казну. Пострадают и дети мои.

— Какой же выход? Что ты задумал, Ерофеюшка? — спросил его Гурий.

— Хочу отправиться в Москву и добиваться права стать жителем Приамурья от Сибирского приказа.

— А отпустит тебя в Москву воевода?

— Вот этого я не знаю. Якутский воевода, наверное, не отпустит. Значит, нужны какие-то другие обходные пути. А пока наберёмся терпения и будем ждать.

Надежды на помощь якутского воеводы Хабаров отбросил. Они казались ему нереальными. Новый воевода Голенищев-Кутузов был заинтересован в том, чтобы взыскивать с Ерофея Павловича долг. А должник не мог рассчитывать на то, что ему позволят отбыть далеко. Хотел Хабаров заручиться поддержкой нового илимского воеводы. Не все же оказываются такими извергами и негодьями, как утопленник Обухов. Через полгода из Тобольска прибыл временно исполняющий воеводские обязанности Расторгуев-Сандалов. Тобольским воеводой в те годы был Пётр Годунов, крупная историческая фигура, немало сделавший для своего воеводства. Он считался старшим над всеми сибирскими воеводами, однако назначенный им глава илимского воеводства становился лишь исполняющим обязанности воеводы. Полноценного воеводу могли назначить лишь московские власти, а именно Сибирский приказ.

Расторгуев-Сандалов оставил у Хабарова самое неприглядное впечатление. Делового разговора с ним не получилось. Расторгуев-Сандалов пускался в пространные и ничего не значащие рассуждения, и сам не принимал никаких дельных решений. Потом Ерофей Павлович узнал, что исполняющий обязанности воеводы окружил себя чиновными людьми, оказавшими на него своё влияние, к самостоятельным же действиям он оказался не способен.

Продолжительные ожидания закончились приездом к октябрю 1666 года нового воеводы, Силы Осиповича Аничкова. Его род происходил от ордынского выходца, поступившего на русскую службу и принявшего православие. Многие Аничковы занимали высокие должности в провинциальных центрах. Одним из них был и Сила Осипович.

Ерофей Павлович не стал долго откладывать встречу с новым воеводой и посетил его в Илимске.

— Наслышан, наслышан о тебе, Ерофей Павлович, — такими словами встретил его Аничков. — Хорошую славу по себе оставил и не зря заслужил звание сына боярского.

— Польщён добрыми словами, воевода, — начало предвещало хорошую беседу. И Хабаров сразу решил перейти к сути разговора. — Отпусти меня, Сила Осипович, на Амур. Хочу продолжать осваивать этот край, заводить пашни, промыслы, строить города, крепости.

— Хороший замысел, Ерофей Павлович. Зело хороший.

— А коли хороший, дай мне должность приказного человека на

Амуре.

— Всей душой поддерживаю тебя. И убеждён, что продолжишь на Амуре доброе дело. Но вот ведь какая заковыка... Амурский край не входит в моё воеводство. И посему амурскими делами я не распоряжаюсь.

— Понимаю. А посодействовать можешь?

— Посодействовал бы Пётр Годунов, тобольский воевода. Он над всеми сибирскими воеводами старший. Человек именитый. Имеет боярский чин. Все остальные воеводы на Сибирской земле обычно только дети боярские. Тобольский воевода может многое решить. Уверен, что сможет сделать тебя приказным Даурской земли. Ты на это имеешь право.

— Я же должен иметь какие-то полномочия, чтобы отправиться в Тобольск.

— Дам тебе такие полномочия. С ними поедешь не только до Тобольска, но, если потребно сие, то и до Первопрестольной.

— Ты не сказал, каковы будут мои полномочия.

— Будешь сопровождать ясачную казну и служебную почту илимского воеводства. Подберёшь небольшой отряд для охраны груза.

— Могу воспользоваться услугами старых знакомых? Это те, с кем довелось мне служить на Амуре.

— Не возражаю.

— Позволь, воевода, обратиться к тебе ещё с одним вопросом.

— Вопрошай.

— До тебя здешним воеводой был Лаврентий Обухов.

— Слышал о таком. Судя по всему, скверный был мужичонка и жизнь свою закончил скверно. Восстановил против себя народ и был утоплен.

— Стало быть, судьба его тебе известна?

— А то как же. А ты никак сочувствуешь, что ли, Лаврушке?

— Упаси господь. С какой это стати я должен ему сочувствовать? Получил он своё по заслугам. Хотел бы я поинтересоваться судьбой тех людей, кои подняли бунт против Лаврентия и утопили его. Грозит ли им всем судебная расправа?

— Скажу тебе откровенно... История занятная. В приказе постарались её замять, чтоб не выносить сор из избы. Бунтовщики, кои обосновались на Амуре, ведут себя тихо, спокойно, ясак выплачивают. Но и бог с ними. Насчёт же Никифора Черниговского в приказе идут споры, думают, как с ним поступить. Ведь он ссыльный, грешный перед государем, и такой вот взял на себя предводительство бунтом.

— Что же будет с ним?

— Этого я не знаю. Он ведь затерялся в Даурии как иголка в стоге сена. Поди ищи его.

Ерофею Павловичу ещё не доводилось встречаться с тобольским воеводой Годуновым, и он гадал, не из тех ли Годуновых этот воевода, что и царь Борис, который царствовал ещё до Смутного времени и нашествия поляков на Русь. Чтобы удовлетворить своё любопытство, Хабаров стал расспрашивать Силу Аничкова:

— Нынешний тобольский воевода из того же рода, что и царь Борис?

— Из того же самого рода, — услышал он слова воеводы, — хотя их и связывает дальнее-дальнее родство.

— А откуда пошли Годуновы?

— Говорят, что их предок Чета был татарским мурзой. Выходец из Орды, поступил на русскую службу, крестился, принял русское имя. После смерти царя Бориса Ивановича на род Годуновых обрушились всякие кары. Но при Романовых эта семья воспрянула. Среди них есть и бояре, и стольники, и окольные.

— А что тебе, Сила Осипович, известно о Петре Ивановиче?

— Доводилось с ним встречаться, когда путь держал сюда. Обходительный человек и зело башковитый. Слышал, что, когда он был помоложе, ходил с войском под Смоленск и бился с поляками. Воеводе в Тобольске, успел сделать для Сибири немало полезного.

— Расскажи об этом.

— Немало сделал. Войско по-новому устроил. Прежних рейтаров заменил конными драгунами. О рейтарах что-нибудь слышал?

— Конечно, слышал, так иноземных наёмников называли.

— Не совсем так. Рейтары у нас придерживались иностранного строя, находились под наблюдением иноземных начальников. Основную часть войска, по крайней мере его две трети, составляли русские, а иноземцы, хоть и было их не более трети, но считались важнее наших.

— Что же затеял Годунов?

— Отказаться от иноземной опеки. Передать руководство конным войском в руки умелых русских военачальников.

— Говорят, что воевода Годунов не ограничился делами воинскими?

— Ты прав, Ерофей. Он укрепил южные границы воеводства, откуда можно было ожидать набегов кочевников. Под его руководством был составлен большой чертёж Сибирской земли. Будешь в Тобольске, получишь возможность познакомиться с трудами Годунова. Он человек общительный, разговорчивый. Так когда сможешь отправиться в путь?

— Дай мне, воевода, неделю на сборы, чтоб я мог передать временно

дела по хозяйству своему помощнику и послать в Якутск зерно.

— Решай свои дела, Ерофей. И в путь-дорогу.

О предстоящей поездке Ерофея Павловича в Тобольск, а может быть, и в Москву прознали монахи Киренского монастыря. К нему зачастили нежданные гости, отрывая от хозяйственных дел. Среди посетителей были старцы Савватий и Иона и монастырский казначей Нехорош.

Монахи с пышными бородами, тронутыми сединой, в своих долгополых чёрных рясах казались тенями какого-то единого существа. Савватий держался за старшего. Он и начал разговор.

— Проведали, сын божий Ерофей, что отправляешься ты в дальний путь.

— Истину глаголешь, отец Савватий.

— Исповедаться бы не грех перед дорогой.

— Исповедовался на прошлой неделе. Зачем же ещё?

— Коли на прошлой неделе... Знамо, ты человек богомольный. Монастырь от тебя получает щедрые дары.

— Что ещё надо от меня монастырю?

— А вот что... Возраст-то твой почтенный. А дорога впереди долгая, нелёгкая. А коль не вернёшься...

— Надеюсь вернуться живым.

— Не зарывайся, сын божий. Какова воля Всевышнего, никто тебе заранее не скажет. Подумай об этом.

— Разве монастырь мало от меня щедрот получил?

— Богу богово, — вмешался в разговор инок Иона. — Грех бахвалиться щедротами своими в пользу Бога.

— А я и не собираюсь бахвалиться, отцы мри. А лишь напомним вам без бахвальства, что я часовенку поставил там, где Киренга в Лену впадает, пожертвовал вместе с односельчанами немалую сумму на возведение Троицкой церкви в вашем монастыре.

— Разве ты не слышал от братии нашей благодарственных слов? — произнёс Иона.

— А когда вы пожаловались, что монастырский хлеб молоть нечем, разве я не передал в собственность монастыря мельницу?

Ерофей Павлович помнил, что мельницу грозился отобрать у него за долги якутский воевода, но угрозу свою не выполнил после того, как обе стороны полюбовно договорились о поставке хлеба Якутску в счёт уплаты долга. Незадолго до этой встречи Хабаров, уступая настойчивости монахов, подарил мельницу монастырю. Но при этом ему удалось оговорить одно важное условие. Ерофей Павлович сохранял право молоть на своей бывшей

мельнице зерно из своего хозяйства. После его кончины мельница становилась собственностью монастыря, и дети и внуки Ерофея Павловича теряли на неё всякое право.

Старец Савватий вернул разговор в прежнее русло:

— Не зарывайся, раб божий Ерофей... Дорога предстоит тебе длинная, нелёгкая. Всё может в дороге с тобой случиться. А ты человек в возрасте.

— В солидном возрасте, — поддакнул Иона.

— Что же вы от меня хотите, отцы?

— Доброго поступка верующего человека, — высказался казначей Нехорош.

— Поясните, отцы.

— Напиши завещание, Ерофей Павлович, — произнёс Савватий, державшийся за старшего. — Коли уйдёшь в мир иной, пусть все твои владения с деревней Хабаровкой, с пашнями и лугами перейдут в собственность монастыря.

— А мы со своей стороны примем клятву с крестным целованием, — произнёс Иона, — поминать и тебя, и супружницу твою Василису.

— Позвольте подумать, отцы, — уклончиво ответил Хабаров.

— Подумай, сыне, — ответил Савватий, — наведемся к тебе через пару дней.

Монахи удалились, а Ерофей Павлович задумался над разговором. Он видел, что монахи действуют настойчиво, проявляя упрямую хватку. Монастырь увеличивал свои земельные владения за счёт соседей, постоянно расширял их. Они уже вплотную подступали к Хабаровке, охватывая её полукольцом. А теперь монастырские люди настаивали, чтобы Ерофей Павлович принёс в дар монастырю и всю деревню Хабаровку.

Монахи ещё несколько раз навещали Хабарова. Приплывали на монастырском дощанике, на вёслах были молодые послушники. Теперь монахов было не трое, а четверо. К прежним прибавился Варлаам, сгорбленный низкорослый старик с чахлой бородёнкой клинышком. Все четверо начинали разговор с пожелания пожертвовать в пользу монастыря всю деревню с угодьями. Напоминали настойчиво, въедливо.

— Добрую память в сердцах всех верующих оставишь, Ерофей, — торжественно вещал Савватий.

— Войдёшь в историю монастыря, — поддерживал его Иона.

— Подумай, сыне. Открывается тебе путь свершить благородное дело, — вторил ему Нехорош.

— Прислушайся к словам божьих людей, — возглашал тоненьким голосом Варлаам.

Монахи затаили разговор, говорили о перспективах развития монастыря, о том, какой добрый вклад мог бы внести Ерофей Хабаров в благородное дело подъёма монастыря.

Хабаров был вынужден выслушивать старцев, сожалея, что его отрывают от дела, и наконец набрался храбрости и сказал решительно:

— Вернусь, тогда и поговорим об этом. А пока я не готов решить, как я поступлю с моим хозяйством. Я ведь должник якутского воеводы.

— Воевода не станет ссориться с церковью, — сказал убеждённо Савватий. — Передашь нам своё хозяйство, и твой долг воеводе перейдёт к нам. А Голенищев-Кутузов, мы все убеждены, если он человек набожный, откажется от иска к церкви.

— Потом, потом, отцы. Сейчас я не готов вам что-то сказать.

С большим трудом Хабаров выпроваживал гостей.

Монахи выражали явное неудовольствие ответом Хабарова, но всё-таки сдержанно благословили его и пожелали доброго пути.

Проводив монахов, Ерофей Павлович дал пространные наставления своему управляющему. Вдвоём они осмотрели всё хозяйство.

— Когда станешь собирать урожай, не забудь пятьдесят пудов ржаной муки отдать монастырю на пропитание, — говорил он управляющему.

Потом они осмотрели поле, где прошёл весенний сев.

— Вон тот прибрежный луг оставь под выгоном, а далее к опушке леса скотину не паси. Там растёт сочная трава, можно накосить несколько стогов сена.

Сборы в дорогу заняли немного времени. Ерофей Павлович достал из сундука парадную пару тонкого сукна, чтоб не стыдно было показаться на глаза тобольскому воеводе, а возможно, и главе Сибирского приказа, коли доведётся отправиться из Тобольска в столицу. Вслед за парадной парой извлёк из того же сундука сафьяновые сапоги. Из другого сундука Хабаров вынул полушубок и валенки. Знал, что придётся переносить в дороге и зимние морозы.

Из всех родных Ерофей Павлович сумел попрощаться только с Максимом, получившим и освоившим земельный надел недалеко от Хабаровки и занимавшимся там хлебопашеством. Андрей служил в Якутске. Там же с семьёй, мужем и детьми находилась и дочь Наталья. Их оповестить о своём отъезде Хабаров не смог.

Перед тем как покинуть дом и направиться к реке, к тому месту, где

был причален его дощаник, Ерофей Павлович обошёл дом. Обошёл с тяжёлым чувством. А если он не осилит долгий путь и не вернётся в Хабаровку? Всё может быть. Кто будет тогда хозяйничать в его доме? Попадёт ли он в монастырскую собственность или в казну?

Дом был срублен ещё при жизни жены Василисы, стоял он на высокой подклети. В ней располагались кладовые и помещения для близкой челяди. Управляющий хозяйством располагал своей избой, поменьше, стоявшей на задворках усадьбы. Ещё была изба для челядинцев, которых Ерофей Павлович набирал на весенний сев, на летние полевые работы и уборку урожая. С наступлением охотничьего сезона Хабаров распускал челядинцев на охотничий промысел.

В основном этаже хозяйской избы находились жилые комнаты. Самым просторным помещением здесь была трапезная с большим обеденным столом посередине и лавками¹ вдоль стен. Рядом с ней находилась рабочая комната, она же молельня с целым иконостасом, перед которым всегда горели лампы. Вдоль стен здесь стояли сундуки с разным хозяйским добром. Ещё в доме были хозяйская спальня с широкой кроватью и комнаты детей, которые теперь пустовали. Высшим достижением строительства он считал большую кирпичную печь с лежанкой, какие можно было встретить разве только в жилищах богатых купцов, сановников или воевод. Обычно избы простолюдинов толпились по чёрному. В центре такой избы находился очаг — горящие дрова на земляном полу, от которых дым струился по избе и подымался вверх к дымоходному отверстию в потолке и кровле.

Осматривая свою избу, Ерофей Павлович заглядывал в сундуки и лари и ценных вещей в них не встречал или почти не встречал. Лишь перед иконой Божией Матери на цепочке из простого металла висела золотая лампада, да среди посуды, хранившейся в ларе, попались два серебряных блюда. Остальная посуда была медной либо оловянной.

— Посуду не уступлю монахам, отдам им только усадьбу без скотины и рухляди, — поделился он своими мыслями с сыном, — а посуду и скотину распродам. С тобой, сынок, поделюсь. Возьми-ка эти два блюда медные и дюжину оловянных кубков. Дарю тебе.

— Спасибо, батюшка.

— Это ещё не всё. Возьми корову-пеструху. Даст тебе молока вдоволь. Вижу, твоя молодуха на сносях. Скоро разродится. Вот и потребно ей хорошее питание.

Максим помог отцу перенести в дощаник поклажу — две больших корзины и ещё кожаный мешок — и потом долго стоял на берегу, провожая

взглядом отплывающего отца.

В Илимске Ерофей Павлович доложил воеводе о своём прибытии.

— Готов отправиться в путь.

— Вот и хорошо, что готов, — ответил Аничков. — Познакомься с твоими спутниками и принимай ясачную казну и деловые бумаги.

— Много ли даёшь мне людей для сопровождения?

— Нет, не много. За то Никифора Черниговского благодари, возбудил людей, а потом ушёл со своими сторонниками на Амур. Так что большого отряда по милости Никифора тебе не дам, но не нам судить Никифора и его жертву. Бог обоих рассудит.

Аничков представил Ерофею Павловичу казаков, которые отправлялись с ним в путь, потом собственноручно проверил ясачную казну и наложил печати на мешки с пушниной. Передал лично в руки Хабарова и большую кожаную сумку с письмами и отчётами, адресованными тобольскому воеводе и в Сибирский приказ.

— Когда я покидал Москву, получив назначение ехать воеводой в Илимск, в приказе шли разговоры о том, что боярин Трубецкой отслужил своё, — сообщил Хабарову Аничков. — Сибирский приказ, мол, возглавит кто-то другой. Кто будет сия персона — узнать мне не удалось, а возможно, ещё и не был определён преемник Трубецкого. С Трубецким, я полагаю, ты бы мог договориться. Человек он покладистый, к тому же сохранил о твоей амурской службе самое высокое мнение. Сам от него это слышал. Повторяю дословно его слова. Тебе, Аничков, повезло. Под твоим началом будет служить Ерофей Хабаров. Каково сказано? А каков будет преемник Трубецкого — не ведаю. Не торопись, не рвись к нему сгоряча. Сперва присмотришь к нему, разузнай, что он за человек, что за окружение у него.

— Возможно, Годунов осведомлён, что за человек возглавляет теперь Сибирский приказ и как подступиться к нему.

— Разумно рассуждаешь. Расспроси Годунова.

Перед самым отплытием воевода вновь пригласил Хабарова для напутствия.

— Учти, Ерофей, путь твой будет коварный, трудный, — говорил он. — Пойдёшь через пороги Илима и Ангары.

— Мне не впервой идти этим путём. Старые знакомые, — самонадеянно возразил Хабаров.

— Ты проходил этим путём раза два или три. А опытные кормчие проходили его десятки раз и всё равно спотыкались и попадали в беду.

— Кому какая судьба уготована.

— Судьба-то судьбой... Да сам не плошай. Не вздумай пускаться с

ценным грузом через ангарские пороги. Услышишь где пороги, пристань к берегу, разгрузи дощаники и перетаскай по бережку на руках груз, пушнину, почту. Потом снова грузись в дощаники, коли их не разбило о камни. Бывает и такое.

— Бывает, — согласился Хабаров. — Видел небось кресты на берегу? Целое кладбище. То жертвы проказ Ангары.

— Учти такое. Коли напорется порожний дощаник на камни — это не беда. Коли разобьётся с ценным грузом — беда непоправимая.

— Слушаю и наматываю на ус.

— Вот, вот... Это хорошо, коли наматываешь на ус. В Енисейске сделайте остановку, для отдыха да пополните припасы. А далее преодолите волок между Касом и Кетью. Кеть тоже речка скверная, для плавания неудобная. В летние месяцы мелеет. Можно и застрять на отмели надолго. Будь к этому готов.

Отряд, сопровождающий Ерофея Павловича, был невелик, поэтому ему было бы затруднительно управляться с большим гружёным дощаником. Это сообразил воевода Сила Осипович и присоединил его к каравану тобольского купца Тимофея Гвоздева, возвращающегося из сибирской поездки с большим грузом пушнины. Дощаник под вождением опытного кормчего шёл во главе каравана. Хабарова, поскольку он выполнял государственную миссию, воевода снабдил казённым судном. Он сам проверил снаряжение каравана и проследил за его отплытием.

Илимские пороги преодолели благополучно. Без происшествий миновали и первый ангарский порог. Досадное происшествие случилось на нижнем пороге Ангары. Дощаники разгрузили, груз перетаскали по берегу. Здесь уже образовалась протоптанная дорога, оставленная проезжими. В переднем дощанике остался один кормчий, человек бывалый. Он уверенно повёл разгруженное судно бурной извилистой протокой между отшлифованными волнами каменными валунами, но на этот раз кормчий не совладал с капризным течением, и его дощаник вдребезги разбился о каменные валуны. Кормчий, человек сильный и прекрасный пловец, уцелел и смог выплыть к берегу, хотя и отделался серьёзными ушибами, синяками и кровавыми ссадинами. Содержимое разбитого купеческого дощаника распределили по другим судам. Часть его груза взял себе и Хабаров.

Вздохнули облегчённо, когда коварная Ангара осталась позади, и караван вышел в Енисей. От устья Ангары продолжали недолгое плавание вниз по Енисею, когда показались крепостные стены и макушки церквей.

В Енисейске купец Гвоздев приобрёл у корабелов новый дощаник взамен разбитого в щепы ангарскими волнами, и после

непродолжительного отдыха и закупок дорожных запасов караван поплыл дальше.

Преодолев волок между реками Касом и Кетью по бревенчатому настилу, оказались в Обском притоке Кети. Плавание по этой реке, извилистой, стиснутой болотистыми берегами, путники не любили так же, как и по порожистой Ангаре.

Наконец кетский участок плавания был пройден. Корабли вошли в обский рукав. По традиции сибирские купцы отмечали вход после тяжёлых и изнурительных странствий в спокойную Обь чаркой водки. Гвоздев пригласил Хабарова на свой головной дощаник и провозгласил:

— Считаю, что теперь я дома. Все злоключения позади. Впереди Обь и Иртыш, дорога к дому без всяких помех. Выпьем по этому случаю, Ерофеюшка.

17. Встреча с сибирским воеводой Годуновым

Кажется, недавно побывал Ерофей Павлович в Тобольске. Это произошло, когда он вынужденно препровождался в Сибирский приказ в качестве не то узника, не то поднадзорного — не поймёшь. А потом обласканный руководителями приказа, возведённый властями в чин сына боярского был отпущен с почётом.

Не ахти какой срок миновал с тех пор. А заметные перемены произошли в городе, где обосновался главный сибирский воевода. На посаде появились два храма. Вытянулся гостиный двор новыми лавками. Должно быть, энергичный воевода затеял какое-то строительство и внутри кремля. Возможно, расширял или надстраивал воеводские палаты. На берегу Иртыша наблюдалось ещё большее оживление, строились новые дощаники, лодки, баржи.

Ерофей Павлович не спеша оглядел Тобольск и всюду заметил следы созидания, услышал перестук топоров, визг пил, выкрики рабочего люда. А ещё бросилось Хабарову в глаза, что обитают в городе самые разные народы. Один конец посада был заселён татарами. Об этом можно было судить по облику жилищ. А на базаре часто попадались люди в меховой одежде, коренные сибиряки, остяки и вогулы. Изредка можно было встретить выходцев из южных степей в длиннополых халатах и остроконечных головных уборах.

Остановился Хабаров со своими спутниками на постоялом дворе. В тот же день он послал своего человека к воеводе.

— Доложи, мол, прибыл нарочный от илимского воеводы. Везу государеву казну и письма.

Посланник вскоре вернулся с ответом.

— Воевода Годунов готов принять тебя завтра. Говорит, милости просим человека из дальних краёв.

Не скоро уснул Ерофей Павлович. Всё размышлял, как он поведёт речь с воеводой, как станет убеждать его, коли воевода заупрямится, как добьётся его согласия на дальнейшую поездку в Москву. С этими мыслями Хабаров наконец заснул тяжёлым беспокойным сном.

Ранним утром Ерофей Павлович уже был в воеводской канцелярии.

Оказалось, что он перестарался. Пётр Годунов ещё не выходил из дома и на службе не появлялся. Хабаров терпеливо ждал его. Годунов, войдя в помещение, сразу обратил внимание на незнакомого человека, оглядел его и спросил:

— Это ты, братец, Хабаров?

— Так точно, ваша милость.

— Что же ты так рано пожаловал? Мы не договаривались. У меня неотложные дела, кои надо решать незамедлительно. Приди попозже, тогда и побеседуем вдоволь.

— Как вам угодно, — сдержанно ответил Ерофей Павлович.

Он зашёл в главный собор Тобольска, находившийся недалеко от воеводской канцелярии. Поставил свечу перед одним из образов, помолился, потом разговорился с рослым белокурым служителем, оказавшимся соборным псаломщиком.

— Издалека? — спросил он Хабарова.

— С Киренги.

— Это что за край?

— Киренга — приток Лены, крупнейшей реки Восточной Сибири.

— Значит, приезжий. Смотрю, что ты не из наших постоянных богомольцев. В Тобольске уже года два-три проживает ссыльный басурманин, Юрий Крижанич. Слыхивал про такого?

— Не довелось.

— Он книги пишет, учёный. К нам попал в ссылку за какие-то неведомые грехи. Собирает рассказы о Сибири. Интересуется всеми приезжими из дальних краёв. Ты бы его заинтересовал.

— Как говоришь, зовут его?

— Крижанич Юрий. Хорват.

— Это кто же?

— Есть народ такой — хорваты. Говорят на своём языке, похож он совсем чуток на русский.

— Чем, ты говоришь, занимается этот... как его, Крижанич?

— Книги пишет.

— Любопытно. При возможности встречу с ним.

Прошло немного времени, и Хабаров решил, что уже пора отправляться к воеводе.

Годунов встретил Хабарова приветливо, вышел из-за стола, заваленного бумагами, протянул гостю руку, предложил сесть. Сам сел на своё место, за столом. Одет воевода был просто, в тёмный суконный сюртук, доходивший до колен и застёгнутый наглухо.

— Наслышан о тебе, Хабаров, — сказал Годунов, — в Сибирском приказе добрым словом вспоминают тебя.

— Рад это слышать.

— Хочу от тебя послушать про твою службу на Амуре.

— Это будет длинный рассказ.

— А нам спешить некуда. Рассказывай.

— Коли позволишь...

Ерофей Павлович обстоятельно рассказывал про амурскую службу. Годунов не прерывал его и слушал с явным интересом.

— Чувствую, что ты хотел бы вернуться на Амур, — произнёс воевода, когда Хабаров закончил свой рассказ.

— Ты меня насквозь увидел, Пётр Иванович.

— Значит, тянет Амурская земля.

— Ещё как тянет.

— Чем же я могу тебе помочь?

— Прояви воеводскую власть. Разреши вернуться на Амур. Хотел бы строить в Приамурье города, крепости, заводить хлебные пашни, разводить скот. Не зависеть бы от туземного населения.

— Похвально, Ерофей Павлович.

— Надеюсь, что хлебные запасы, собранные на Амуре, принесут нам великие прибыли и сократят казённые расходы. Я бы хотел снарядить отряд, который отправится со мной на Амур, за свой счёт. Казне это урона не нанесёт, а прибыль даст.

— Тоже похвальное желание.

— Отпускаешь меня на Амур, воевода?

— Какой ты скорый, Хабаров.

— Разве я прошу тебя о чём-то недостижимом?

— Подумать надо над твоей просьбой. Видишь ли... Приходится считаться мне с серьёзными доводами. Вот передо мной отписка якутского воеводы Большого Голенищева-Кутузова. Жалоба на Черниговского, который расправился с Обуховым и бежал на Амур, стал главарём беглой ватаги сообщников. Как я могу отправить тебя на Амур, когда там хозяйничает Никифор Черниговский со всякими воровскими людишками?

— Я ему не сообщник. Убийство воеводы Обухова на совести Никифора и его сообщников.

— Всё правильно. Но удовлетворить твою просьбу, не раздумывая, затрудняюсь. Подумаем. Давай сейчас поговорим о другом.

— Я ведь готов отправиться на Амур со своими людьми, на своих судах, со своими хлебными запасами. Разве моя служба на Амуре не

принесёт Московии прибыли?

— Заманчиво, Ерофей. Поэтому и ответить тебе с ходу непросто. Трудно даже. Зело трудно. Давай прервём эти разговоры, чтоб я мог подумать.

— Кай угодно, воевода.

— Я ведь, Ерофей, составил большой чертёж земли Сибирской, — Пётр Иванович встал из-за стола, подошёл к одному из сундуков, открыл и извлёк из его недр свёрнутый в трубку лист плотной бумаги. Развернул свёрток перед Хабаровым. — Смотри-ка сюда, Ерофей. Земля Сибирская с городами, реками... Вот Иртыш, Обь, Лена. Ты многое повидал, и ты должен мне помочь в составлении чертежа.

— Чем я могу помочь?

— Правдивым рассказом. Я часто полагался на рассказы людей. А люди могут ошибаться. Не всё, что ты видишь, надёжно запечатлено в твоей памяти. Поэтому всякий рассказ не вредно перепроверить рассказом другого человека. На это же уходит уйма времени. Вот твой Амур. По отзывам людей, это великая река. Начинается она в Забайкалье, течёт с запада на восток.

— Лучше сказать, на север она течёт. А если сказать точно, сперва течёт на восток, а после впадения Уссури круто поворачивает на север.

— Вот, вот... И впадает в море Охотское.

— Не совсем так. Амур впадает в пролив, за которым лежит продолговатый остров, населённый гиляками.

— Откуда ты знаешь, что это остров, а не полуостров, что перед тобой был пролив, а не залив Охотского моря?

— Стало быть, знаю. Гиляки рассказывали — коли долго плыть на юг, пролив расширится и перейдёт в море.

— Любопытно, любопытно. Вижу, ты знаешь много полезного и можешь внести в мой чертёж немало дельных поправок.

Ерофей Павлович всматривался в большой чертёж, перед ним была одна из первых попыток изобразить на карте Сибирские земли. На чертеже хотя и не точно, искажено, указаны были её реки и горы, посёлки и крепостцы.

Беседа над чертежом была долгой. Ерофей Павлович, много передвигавшийся по Восточной Сибири, вносил свои поправки, делал замечания. Иногда Годунов соглашался с Хабаровым, иногда спорил с ним.

В завершение разговора Хабаров спросил Годунова:

— Наслышан я, что у вас в Тобольске проживает ссыльный басурманин, Юрий Крижанич. Может, ведаете о нём?

— Как же не ведать! Знаю я о нём. Он происхождением хорват — живёт такой славянский народ на юге Европы, — а в Тобольск Крижанич был выслан по распоряжению московских властей.

— Натворил что-нибудь непотребное?

— Подробности я не знаю, но полагаю, что слишком выпячивал свою приверженность католической вере и перед московскими властями вызвал подозрение.

— А каково ваше мнение о нём?

— Человек серьёзный. Учёный, труженик. И зело любознательный. Пишет он о нашей Сибири занятно.

— Довелось ли встречаться с ним?

— Не раз. Поражает он своим глубоким умом, наблюдательностью. Всякая беседа с ним была интересна.

— Не совершу в ваших глазах дурного поступка, коли познакомлюсь с ним?

— Знакомься на здоровье. Только держись в рамках приличия. И учти, что это человек ненасытного любопытства. Наверняка станет тебя расспрашивать о твоём крае, о Приамурье, о жизни обитателей Киренги.

— Недозволенного басурманину не скажу.

— Славянин он, почитай что твой дальний родич. Только другого вероисповедания. И сан духовный имеет. Каноник он — по нашим меркам протоиерей, старший священник.

— Когда позволите навеститься снова? — спросил Хабаров, прощаясь с Годуновым. — От намерения отправиться на Амур я не отказался.

— Непросто ответить тебе. Подумаю. Посоветуюсь с помощниками. Коли понадобится мне для серьёзного разговора, приглашу, — сказал напоследок Годунов.

На том разговор закончился.

На следующий день приглашения не последовало, и Ерофей Павлович решил отправиться к ссыльному канонику Крижаничу. От соборного псаломщика Хабаров узнал, что тот проживает в посаде в доме купца средней руки. От воеводской канцелярии на своё содержание ссыльный получал небольшое денежное пособие. Псаломщик Тимофей вызвался проводить Хабарова до места.

Крижанич занимал узкую комнату со скромным убранством. Узкая кровать, рабочий стол, заваленный бумагами и книгами, книжная полка да два табурета — вот и вся аскетичная обстановка. К этому ещё следовало прибавить медное распятие на стене.

— Привёл к вам гостя, — сообщил Тимофей хозяину скромной

комнатки.

— Я Ерофей Хабаров, — назвался гость. — Наслышан о вас от воеводы. Не мог удержаться, чтоб не наведаться.

— Милости просим, — сказал с небольшим акцентом хорват на чистом русском языке. — Хабаров, Хабаров... Где-то я уже слышал это имя. Вероятно, в воеводской избе. Вы ведь возглавляли поход на Амуре?

— Было такое дело.

— Тогда вы для меня интересный собеседник. Присаживайтесь. Сожалею, что не могу предложить вам роскошного мягкого кресла и, я сам довольствуюсь таким же табуретом. А вам, Тимофей, не знаю, что и предложить. Разве что присесть на краешек моей убогой постели.

— Не извольте беспокоиться, — отозвался Тимофей, — я должен вас покинуть. Скоро начнётся отпевание в соборе, и мне надобно прислуживать отцу-настоятелю.

Тимофей ушёл, оставив Крижанича наедине с Хабаровым.

— Позвольте спросить вас... — начал беседу Хабаров. — Как я должен обращаться к вам, чтобы это не противоречило ни вашим, ни нашим обычаям. Ведь мы с вами люди разной веры, а на языках говорим родственных.

— Насчёт веры вы не правы, Ерофей. Мы с вами одной веры, христианской, и верим в единого Бога. А если вас занимает, как ко мне обращаться, называйте меня по имени — Юрий. Надеюсь, легко запомните моё имя, распространённое и у русских. Если бы я был вашим единоверцем, то мог бы быть для вас батюшкой.

Мой духовный сан — каноник или старший священник. У вас, русских, это называется — протоиерей.

— Благодарствую за разъяснение, Юрий.

— А теперь расскажите о вашем пребывании на Амуре, — попросил Крижанич. — Край, который мы ещё так мало знаем. Расскажите о природе, хозяйстве, промыслах, населении, о том, как живут местные жители, дружно ли.

— Придётся повторить свой прежний рассказ. Вчера я уже рассказывал обо всём воеводе. Он тоже человек любознательный и охотно слушал меня.

— Ия охотно буду вас слушать. Только не обращайтесь внимания на то, что я буду записывать ваш рассказ. Я имею обыкновение вести записи за рассказчиком, — заметив, как Хабаров посмотрел на перо и листы бумаги на столе, сказал хозяин.

Крижанич взял в руки гусиное перо из стоящего на столе стакана,

обмакнул перо в чернильницу, подготовившись слушать.

Прошло немало времени, прежде чем Крижанич остановил рассказчика и задумчиво проговорил:

— Уже не первый год живу я в России. Обширная страна, великая держава. На свете много стран, больших и малых, могучих и слабых. Одни приходят в упадок, даже гибнут под натиском более сильных соседей. Другие возвеличиваются, достигают расцвета и могущества, Разная судьба их постигает. Россия, Русь... она шагает семимильными шагами по пути расцвета. Поляки, шведы пытались ей навязать свою власть, захватить русские земли. Ничего не вышло. Под властью царей Романовых Русь укрепляет свою мощь, расширяет свои просторы, устремляется на восток. У меня своя точка зрения на развитие, на будущее России, но её не все принимают. Кому-то я не угодил и попал сюда, в Сибирь. Но Сибирь дала мне много интересных впечатлений.

— Вы упомянули о своей точке зрения, которую в России не все приемлют, — заметил Хабаров.

— Всё верно, — ответил Крижанич, уловив в замечании гостя искренний интерес, — но есть у меня немало противников, я продолжаю оставаться сторонником общеславянского единения. Сходные славянские языки когда-нибудь должны слиться в единый язык.

— Вы уверены, что такое возможно? С малороссами, скажем, у нас не только схожий язык, но и общая православная религия. Мы без больших затруднений понимаем друг друга. А поляки или ваши хорваты исповедуют католичество, ужели это ваше единение?

— Путь к единению непрост, но оно необходимо, чтобы мы могли успешно противостоять другим народам с иной культурой, иными обычаями, языками. Я имею в виду немцев, турок, французов.

.— Вы не прибавили — народам с иной религией. Французы — католики и поляки тоже католики. А вы их ставите по разные стороны границы, какую вы мечтаете возвести. Среди славян религиозная пестрота — православные, католики, евангелисты. И ваша точка зрения... это ж...

Хабаров хотел произнести резко слово — «вздор» или «бред», но не решился обидеть хорвата.

— А что вас удивило, Ерофей? — спросил Крижанич. — Вы перечислили не разные религии, а разные проявления одного и того же христианства. Пусть эти проявления и существуют бок о бок. Православные, католики, протестанты — мы все едины в нашей вере. А отличаемся мы друг от друга тем, как проводим обряды и как устраиваем храмы. Ну и что из этого? Стоит ли из-за этого поддерживать раскол?

— Так ли всё, как вы говорите, Юрий?

— Так, именно так подсказывает мне мой разум.

— Вы говорили так и в Москве?

— Вероятно.

— А если ваши рассуждения дошли до ушей высоких церковных иерархов? Не думаете ли вы, что это могло послужить причиной вашей ссылки в Сибирь?

— О причинах высылки мне ничего не было сказано. Возможно, что мои высказывания кому-то не понравились в царском и патриаршем окружении. Вижу, что они не понравились и вам.

— Позвольте, коли вас интересуют мои сибирские впечатления, я продолжу свой рассказ, — ушёл от неприятной темы Хабаров.

— Пожалуйста, ежели вы не слишком устали.

Крижанича заинтересовали сведения о маньчжурах, и он стал расспрашивать об их обычаях, о нападениях на Приамурье. Потом речь пошла о личной судьбе Ерофея Павловича, о причинах, заставивших его покинуть Амур.

Расстались собеседники затемно, забыв договориться о новой встрече.

Прошло ещё два дня, но воевода Годунов всё ещё не давал о себе знать. Надоедать своими визитами Крижаничу Хабаров не решился и отправился в город. Побродил по торговым рядам, изобилующим всякими товарами. Его заинтересовали два человека нерусского облика в пёстрых длинных халатах и конусообразных головных уборах. С ними был толмач, человек неопределённой национальной принадлежности, который толмачил с горем пополам, стараясь, чтобы продавец и покупатель поняли друг друга. Люди в пёстрых халатах торговали разными южными плодами.

— Кто такие? Откуда? — спросил у толмача Хабаров.

— С юга... Узбек... Самарканд... — ответил толмач, запинаясь.

Ерофей Павлович купил у узбеков, которые оказались отцом и сыном, несколько персиков и тут же на базаре стал лакомиться ими.

Здесь же кузнецы ковали сабли, кинжалы, копья. Оружие пользовалось спросом у людей, промышлявших охотой. У оружейника Ерофей Павлович встретил казака из воеводской избы, выбиравшего кинжал с широким лезвием и в узорчатых ножнах. Кинжал, судя по всему, предназначался не для практической надобности, а чтоб покрасоваться. Казак признал Хабарова и спросил:

— Небось заждались, когда Пётр Иванович принять изволит.

— Угадал. Жду этого.

— Не взыщи. У наших южных границ киргизы зашевелились.

Воевода готовит войско, чтоб послать туда. Даёт наставления.

— Чтоб припугнуть соседей?

— Вовсе нет. С киргизами будет дружелюбный разговор, замирение. Хан и его помощники получают подарки. А войско — напоминание о нашей силе.

— И, думаешь, замирятся?

— До сих пор мирный разговор срабатывал. Случается, отдельные ватаги бесчинствуют, но сами ханы стараются с ними покончить.

— Когда, думаешь, Годунов меня примет?

— Как только отправит отряд в степь, возьмётся и за твоё дело.

— Дай-то бог.

— Хотел бы порасспросить тебя, коли позволишь.

Казак явно напрашивался на разговор с Хабаровым, желая удовлетворить своё любопытство.

— Спрашивай, но для порядка давай всё же познакомимся. Ты меня, видно, знаешь, а я вот тебя, нет.

— Зовут меня Матвей, сын Никодимов, из рода Плетнёвых. Покуда рядовой казак.

— Что же тебя интересует, рядовой казак Плетнёв?

— Да многое. Коли я пожелаю, чтоб меня отправили в Якутское или Илимское воеводство либо на Амур, что это мне сулит?

— Всё будет зависеть от того, как себя проявишь. Будешь ли успешно продвигаться по службе. Сперва получишь чин десятника, полусотника или пятидесятника, далее сотника... Коли проявишь себя на каком-нибудь необычном деле, то можешь и перешагнуть один или даже два чина.

— А такое бывает?

— Бывает, казак Матвей. Вот я, например... Начинал службу на Амуре без всяких чинов. Говорят, немало сделал для подъёма края. В Москве сие учли. И я сразу получил чин сына боярского. Высокий чин.

— Советуете податься в Восточную Сибирь, на Амур или в Якутию?

— Затруднительно, братец, что-нибудь такое ответить. Спроси сам самого себя. К чему душа лежит? Тянется ли она к краям, названным тобою, новым открытиям. Готов ли ты стать землепроходцем, первооткрывателем. Ведь это великое звание. Не всё на твоём пути будет лёгким и выполнимым. Наверняка станешь страдать зимой от лютых морозов, а летом — от полчищ гнуса. А можешь столкнуться с воинственными людьми и стать жертвой их нападения на таёжной тропе.

— Ас тобой и твоими людьми такое бывало?

— Бывало и не раз. Приходилось схватываться с чужим народом, который приходил из-за Амура. Нападали на нас огромные вооружённые полчища с пушками, огнестрельным оружием. Однако ж мы при малых силах выходили победителями. Хотя и несли потери, и победа нам доставалась нелегко.

— Значит, не рай земной ожидает нас в Восточной Сибири?

— Вот это ты справедливо заметил. Никакой рай там тебя не ждёт. Зимние морозы, летний гнус, возможные голодания. Я тебя отговорил, Матвей?

— Нет, не отговорил. Раем земным не прельщаюсь. Но живут же там люди в зимнюю стужу, терпят солнцепёк и нашествия гнуса и находят общий язык с туземцами, даже женятся на туземных девицах. А чем я хуже других? Засиделся в холостяках. Женюсь на какой-нибудь якутке. С якутами, говорят, отношения сладились, они даже кое-где приобщаются к земледелию. Спасибо, Ерофей Павлович, ты мне дал обильную пищу для размышления. Поразмыслим.

— Размышляй, казак, да не переусердствуй. Не переоценивай свои силы. Не забывай о трудностях, которые будут тебя поджидать на каждом шагу.

— Коли надумаю податься на восток, для начала попрошусь в илимское воеводство. Там, люди говорят, воевода Сила Аничков неплохой мужик. Поработаю под его началом, привыкну к илимскому духу. Коли он придётся по душе, подамся далее на восток.

— Бог в помощь тебе, Матвей. Смотри, принимай решения с оглядкой. Не горячись. Сперва поразмысли, взвесь всё, потом и решай.

— Спасибо за добрый совет.

Матвей Плетнёв был не единственным тобольским казаком, досаждавшим Хабарову расспросами. Приходили к нему на постоянный двор, ловили на улице, в торговых рядах. И начинались расспросы въедливые, дотошные, пространные. Какова жизнь и служба в Восточной Сибири, на Амуре и Лене, в Илимске? Хорошо ли служилые люди обеспечены государевой казной, могут ли поддерживать себя промыслами?

Среди людей, проявлявших любопытство в общении с Хабаровым, выделялись два брата, Валериан и Диомид. Первый уже носил чин десятника, второй был ещё рядовым казаком. Говорил, задавая вопросы Валериан, а Диомид помалкивал и слушал.

— Семейный человек я. Имею жену и сына-малолетку. Братец ещё ходит в холостяках. Могу ли я направиться на восток с семейством? — спросил Валериан.

— Коли получишь на то разрешение начальства.

— А могу и не получить такого разрешения?

— Можешь и не получить.

— А пошто?

— Казак не привязан к одному определённом месту. Вечно в походах. А походы могут быть дальние, тысячевёрстные. И приходится преодолевать бездорожье по горам, лесам и болотам. Негоже по такой дороге таскать за собой супружницу с малыми детьми. Вот набродяжничаешься вдоволь, обоснуешься в каком-либо городе, например в Якутске, тогда и приглашай семью.

— Когда я уже стану стариком с разными старческими недугами.

— Возможно и такое. Братцу твоему будет легче.

— Почему же легче? — вступил в разговор Диомид.

— Ты ведь холост? Так?

— Пока холост.

— Пригляди себе пригожую якутку или даурку, уговори её принять нашу веру, креститься. И идите под венец. Плодите деток, коли детки рождаются от православной матери, они уже не могут считаться басурманами. И пусть твоё семейство разделяет с тобой скитания по Сибири. А если сие не угодно, пусть семья дожидается твоего возвращения у тестя твоего.

— И много таких казаков, женатых на туземных бабах?

— Да уж немало. Я однажды сам дал согласие на такую женитьбу.

— А на Амуре как?

— Там такое при мне случилось не так часто. Бывали отдельные случаи, когда наши мужики женились на даурских и дючерских девицах.

— Каковы из себя эти девицы? — заинтересовался Диомид.

— Да ничего девки. Посмотришь на иную — глаз не отведёшь. Телом складные. Только ликом на якуток смахивают. Широколицые, скуластые, узкоглазые. А русские обычаи усваивают легко.

Ещё долго братья расспрашивали Ерофея Павловича, интересовались обычаями народов Восточной Сибири, в каких избах живут, во что верят.

— Лучше всего усваивают наши обычаи якуты, — ответил Хабаров.

— Начинают строить избы на русский лад вместо своих балаганов с покатыми стенами. По-русски бегло балакают.

Ерофей Павлович, у которого было много друзей среди якутов, пустился в рассказы. Среди якутов бытовало поверье, возможно, и справедливое, что их предки когда-то обитали южнее, вокруг южной части Байкала и в Забайкалье. Там природные условия были не столь суровы, как

в бассейне средней Лены. И было широко развито земледелие. Но под натиском пришельцев, предков нынешних бурят, якуты были оттеснены на север. В свою очередь, они потеснили в горы, тайгу, верховья рек аборигенное население, тунгусов (нынешних эвенков). А якуты поселились на средней Лене и её основных притоках, где живут уже несколько их поколений, занимаясь разведением скота, коневодством и отчасти лесным промыслом и рыболовством, забросив земледелие, поскольку оно не отвечает местным природным условиям.

— Подберём тебе приличную невесту, брат, — сказал Вениамин Диомиду. — Пусть это будет саха или красавица с Амура.

— Вы и в самом деле решили податься на восток? — спросил Хабаров братьев.

— А почему бы и нет? — ответил один из братьев.

Беседу прервал гулкий удар соборного колокола, который чередовался с перезвоном малых колоколов. Хабаров распрощался с братьями, решив посетить богослужение. День был субботний, и во всех храмах города служили всенощную. Бревенчатый собор был уже заполнен богомольцами. Годунов, как знал из разговора с воеводой Хабаров, ещё только вынашивал план постройки монументального каменного собора и пока подыскивал опытного зодчего. Всенощную служил митрополит Тобольский и Сибирский Корнилий в служении всего соборного клира.

Но не успел Ерофей Павлович слиться с толпой молящихся, как к нему подошёл служка и произнёс вполголоса:

— Вы не востока? Случаем не Ерофей Хабаров?

— Угадал. Я Ерофей Хабаров. А откуда тебе это известно?

— Владыка был извещён о вашем приезде. Возможно, от воеводы узнал. Люди говорят, вы человек богомольный, храма нашего никак не минуете. Вижу, человек мне неведомый, значит, не здешний. Подумал — не вы ли это.

— Не ошибся. Зачем же я тебе понадобился?

— Да не мне. Я человек маленький. Понадобились самому владыке. Это у нас первый владыка в сане митрополита. После службы хотел бы поговорить с вами.

Ерофей Павлович отстоял всю службу. Церковный хор слаженно исполнял песнопения. Когда же владыка завершил службу громкими возгласами, обращёнными к молящимся, тот же самый служка подошёл к Хабарову.

— Владыка ждёт вас. Позвольте, провожу.

После службы митрополит Корнилий отдыхал в палатке,

примыкавшей к алтарной части храма. Он успел разоблачиться и оставался только в лёгкой рясе. Палатка представляла собой овальной формы пристройку. В ней хранились одеяния священнослужителей. На одной стене развешаны иконы с лампадами, а у другой стояли кресла, в которых могли отдыхать после службы владыка и настоятель храма.

Корнилий протянул Хабарову руку для поцелуя и указал на свободное кресло.

— Присаживайся, раб божий Ерофей.

— Благодарствую, владыка. Чем могу служить?

— Скажи мне, много ли на сегодняшний день храмов в твоём воеводстве?

— В центре воеводства Илимске один храм с двумя пастырями. В нашей Киренге ещё один храм по соседству с монастырём. Иногда нашему батюшке помогают монахи из монастыря. Ещё мне известны в нашем воеводстве две часовни, но без постоянных пастырей. Полагаю, нужен бы и свой храм в Хабаровке. Окрестные места заселяются.

— Подумаем. Пришлём тебе священника. А в соседних воеводствах каково положение?

— Трудно ответить, владыка. Я осведомлён только о Якутском воеводстве. В самом Якутске соборный храм и ещё два малых храма на посаде. В соборном храме служат два пастыря, в остальных по одному. У города возник не так давно монастырь. И во всём огромном воеводстве имеется ещё только три храма, не считая часовен.

— Четыре храма, — поправил Хабарова митрополит.

— Ошибаетесь, владыка. Три храма. А четвёртый, как мне сказывали, сгорел.

— Этого я не знал.

— Я это к тому говорю, что сам знаю, как в тех краях людям пастыри надобны. Вот, если бы построить по храму на каждой большой реке, впадающей в Студёное море. Ведь что получается: находит казак девицу, живёт с ней как с женой. Она рожает ему младенцев, одного за другим. А брак-то не освящён. Ближайшая церковь за тысячу вёрст от становища или острожка. Вот и приходится терпеть такое непотребство.

— Насчёт непотребства ты прав. А что ещё остаётся делать? Пусть в отряде среди людей достойных отыщется свой грамотей, способный произнести молитвы и прочесть Евангелие, да берёт на себя роль псаломщика или дьячка и временно заменяет пастыря. Скажешь, сие не по правилам? А всё же лучше это, чем мириться с блудом, с противными Господу поступками. А к словам твоим, Хабаров, непременно

прислушаемся. Ты ещё раз утвердил меня в мысли, что Восточная Сибирь нуждается в пастырях.

— Справедливо сказано, владыка.

— Ещё хочу тебя спросить. Ты ведь служил на Амуре.

— Служил.

— Была ли вам на Амуре помощь от церкви?

— В последнее время была. На одном из дощаников оборудовали походную церковь. Совершали требы. Бывало, крестили местных девиц, которые потом венчались с нашими мужичками.

— Доброе дело творили. Сам ты видишь, как тот край земли Русской остро нуждается в людях духовного звания. Хотел бы я, Ерофей, знать, есть ли среди твоих помощников, казаков, люди богомольные, набожные?

— Есть, конечно.

— А найдутся ли среди них такие, кто согласится посвятить свою жизнь духовному поприщу, стать священником?

— Сразу ответить трудно. Не всякому человеку в душу заглянешь. Подумать надо, людей поспрашивать.

— Вот и подумай, поспрашивай. Готовых посвятить себя служению Богу направляй ко мне в Тобольск на выучку. Их расходы на переезд к нам церковь берёт на себя. Уразумел, что мне от тебя нужно?

— Уразумел, владыка.

— А коли уразумел, попрощаемся. А я нуждаюсь в отдыхе. Утомила служба.

Митрополит перекрестил Хабарова и протянул ему руку для поцелуя.

Ерофей Павлович вышел из собора и заметил перед воеводскими палатами прогуливавшегося Годунова. Воевода увидел Хабарова и сказал вместо приветствия:

— Имею обыкновение прогуливаться перед сном. От вечерних прогулок сон становится крепче.

Воеводу Хабаров приметил ещё в храме, но не подошёл к нему, а держался в тени, недалеко от входа. А сейчас набрался смелости спросить:

— Что-нибудь решилось по моему делу? Когда позволите навеститься к вам?

— Завтра воскресный день. Собираюсь отдыхать. Последние дни были для меня зело трудные. А в понедельник потолкуем.

— Неужто дело сдвинулось с мёртвой точки?

— Не буду предвосхищать события. Встретимся, тогда всё и узнаешь.

Воевода направился к своим палатам, а Хабаров вышел из кремля,

миновал ворота, охраняемые вооружёнными казаками, и пошёл к постоялому двору. Улица почти погрузилась в кромешную тьму. Только в оконцах некоторых домов мерцали слабые огоньки. Лишь кое-где, прорвав плотную завесу облаков, появлялись в чёрном небе скупые пригоршни звёзд. По дороге Хабарову неожиданно встретился Крижанич. Ерофей Павлович не узнал его в темени, но хорват окликнул его и остановил...

— А я вас ждал, Ерофей, — проговорил он.

— Мы же о встрече не условились, а без приглашения беспокоить вас я почёл неприличным, — ответил Хабаров.

— Всегда вам рад. И не требуются никакие приглашения. Вы — кладёшь интереснейших сведений, и я жажду вашим кладёзем воспользоваться. Я много любопытного записал с ваших слов.

— В понедельник меня ждёт встреча с воеводой. Очень важная для меня. Возможно, она займёт весь день. А завтра воскресный день, и вы, надо полагать, отдыхаете.

— У меня, да будет вам известно, нет дней отдыха. Приходите завтра. О многом ещё я хотел бы вас порасспросить.

— Коли я вам так нужен, непременно приду, но только после заутрени.

После заутрени, легко позавтракав, Ерофей Павлович отправился к Крижаничу, который уже поджидал его. Хабаров вновь обратил внимание на то, как тщательно выбрито лицо Крижанича. Выглядел Крижанич явно моложе своих лет. Как потом узнал Хабаров, в момент их знакомства хорвату было пятьдесят лет. Ерофей Павлович был старше его лет на десять-двенадцать.

— Чему мы сегодня посвятим нашу беседу? — спросил Крижанич.

— Расскажите, Юрий, о себе. Не всё же мне выступать рассказчиком. Хотелось бы и вас послушать.

— Извольте. Родом я из хорватских земель. Они — часть Священной Римской империи и лежат между дунайскими притоками Саввой и Дравой. Хорваты, в отличие от соседей сербов, имеющих с ними схожий язык, исповедуют католичество. Вырос я в религиозной семье и давно решил посвятить свою жизнь служению Богу. Учился в Вене и Болонье, а позже в Риме. Эти города вам известны?

— О Риме слышал. Город Папы Римского.

— Потом я отправился в Константинополь, но очень быстро разочаровался в нём.

— Почему же?

— В этом городе кроме турок живёт много греков. Я понадеялся, что

греки-христиане могут стать нашей опорой. А они, узрев во мне католика, не скрывали своей враждебности, поэтому я и решил покинуть Османскую империю и перебраться в Италию. Там, во Флоренции, я встретился с русским посольством, и у меня родилась мысль: отправиться в Россию и проповедовать там идею славянского единения. Я пришёл к убеждению, что национальное единение разных славянских народов сильнее религиозной розни, разделяющей эти народы на православных и католиков. И с этим убеждением я остаюсь и сейчас.

— Значит, вы не признаете различий между этими религиями?

— Это несущественные различия, они внешние: в убранстве храмов, одеянии священнослужителей, обрядах. Ну и что из того? Суть христианского верования остаётся единой, едины основные догматы.

— И что же, Юрий, вы стали делать после встречи с русским посольством?

— А решил осуществить своё желание и отправился в Россию. В дороге смог познакомиться со многими странами, Венгрией, Польшей, Галицией. Наконец добрался до Малороссии. А там шла отчаянная борьба между двумя сторонниками Выговского и Юрия Хмельницкого, сына знаменитого Богдана Хмельницкого. Я принял сторону Выговского, но убедился в его недалёковидности, которая была причиной его поражения. Я стал убеждённым сторонником Хмельницкого, так как его идеи показались мне более здравыми, были близки мне, поскольку направлены на сближение с Россией. Сам ход событий подсказывал, необходимость тесного мира с Россией и поддержки её наступления на ляхов и крымчан. Из Малороссии, где провёл полтора года, я прибыл в Москву. Здесь мои слишком самостийные взгляды кое-кому пришлись не по нраву, сработали какие-то влиятельные скрытые силы... и я угодил в тобольскую ссылку. Кажется, я своим рассказом удовлетворил вашу просьбу. Что вас ещё интересует?

— Вы сами-то верите в возможность слияния всех славян в единый народ, с единой религией? — спросил Хабаров, который за время, прошедшее с первого разговора, размышлял над ответом на этот вопрос.

— Я думаю, что это произойдёт не скоро и придут люди к этому непростым путём. Скорее всего, мы с вами этого не успеем узреть. Не всё делается быстро.

Крижанич закончил свой рассказ, а Хабаров не стал его далее расспрашивать, оставшись при своих убеждениях и не считая хорвата своим единомышленником. Спорить с ним и переубеждать его у Ерофея Павловича не было желания. Человеку религиозному, идея хорвата казалась

Хабарову еретической, богохульной.

Без большого желания Ерофей Павлович продолжил беседу с Крижаничем.

— Я просмотрел свои записи нашей беседы и хотел от вас услышать подробности жизни на Амуре, — приступил к вопросам хорват. — Какие народы населяют его берега?

— На среднем Амуре обитают дауры и дючеры, а нижнем — гиляки.

— Есть ли между этими народами родство?

— Не могу вам этого сказать достоверно. Но вот язык гиляков, обитающих на нижнем Амуре, как мне кажется, ничего общего не имеет с языками дауров и дючеров. А между языками этих народов, пожалуй, какое-то малое сходство есть.

— Неужто вы освоили местные языки?

— Не сразу и с затруднениями. Но со временем дауров и дючеров научился понимать, и они меня неплохо разумели.

— А как же эти народы ведут своё хозяйство, это вам не довелось наблюдать?

— Все они живут небольшими селениями и тяготеют к реке. У дауров и дючеров есть князцы, главы родов и племён. Что ещё сказать? Столько уж раз всем рассказывал, но вам-то внове. Про гиляков знаю, что они занимаются охотой, ловят рыбу, а вот чтобы на земле кто из них трудился, я не замечал. Из живности у них только ездовые собаки да олени, их они и разводят.

— Интересно. А что же тогда у дауров и дючеров?

— Эти опередили гиляков: выращивают рожь, просо, овощи, разводят скот. Впрочем, я не видел, чтобы они пили коровье молоко или что-нибудь приготавливали из него.

— Просто ли вам было ужиться с местными жителями?

— С гиляками у нас отношения были хорошие, да и с даурами и дючерами поначалу тоже. Туземцы исправно выплачивали ясак. Всё осложнилось после вмешательства маньчжур. Те настраивали местных жителей против нас, запугивали и заставляли переселяться на юг, за Амур. Тем же, кто пытался уклоняться от переселения, маньчжуры грозили расправой.

— Ваше сообщение для меня очень существенное. Я всё это должен непременно записать.

Сделав записи, Юрий Крижанич продолжал свои расспросы. На все вопросы Хабаров пытался давать подробные ответы, кроме, пожалуй, верований, поскольку имел о них представление смутное. Ему бросилось в

глаза только почитание медведя у гиляков, устраивавших «медвежий праздник», для которого пойманного медвежонка выращивали в клетке, и когда он становился взрослым, его забивали под возгласы и пляски.

— Хотелось бы мне услышать о других народах, что живут в Восточной Сибири.

— Их много, обо всех я не смогу рассказать.

— Тогда расскажи о тех, с которыми общался.

— Пожалуй, лучше других народов я узнал саха, или якутов, а также тунгусов.

— Вот и начни свой рассказ с саха.

— Они живут в просторных бревенчатых избах, какие мы привыкли называть балаганами. У балаганов наклонные стены из брёвен и плах. Щели между ними замазаны глиной или навозом. Пол в таком жилище земляной. В центре балагана очаг, или камелёк, который служит и для приготовления пищи, и для обогрева. Дым от очага стелется по жилищу, подымается вверх к деревянной трубе в потолке. Кровля у балагана плоская и сверху присыпана землёй, она задерживает дождь.

— А что внутри такого балагана?

— Вдоль его стен тянутся нары из жердей, на них укладывают постели. Вещи хранят в сундуках. Иногда в жилище саха можно увидеть стол.

— Перенимают ли они русские обычаи?

— Те, которые роднятся с русскими, кое-что перенимают у них, даже веру нашу.

— И часто такое случается?

— Случается иногда. Многие молодые русские готовы жениться, а русских-то девиц в тех краях нет. Вот приглаждают себе девиц-саха или тунгусок. Правда, тунгусы — кочующий народ и трудно воспринимают наш образ жизни. А вот якутки легче усваивают русские обычаи, готовы принимать нашу веру, потому наши мужики отдают им предпочтение.

— Но ведь саха, как вы говорили, занимаются скотоводством, разведением коров и лошадей, а чужды земледелия.

— Это так, да и что можно вырастить на земле, не отмерзающей за короткое и холодное лето? Но вот на верхней Лене, где зимы не так суровы, несколько семей саха взялись выращивать рожь и овощи. И делают это успешно. В моей Хабаровке нашлись такие.

— Ладят ли саха с тунгусами?

— На первых порах бывали кровавые столкновения. Потом замирились. Бывали среди них и случаи смешанных браков. Тунгусы

искусные охотники. Саха многое переняли от них по части охоты. А живут тунгусы летом в лёгком чуме или юрте из бересты, покрывающей остов из жердей, в зимнее же время бересту заменяют звериными шкурами.

— Из сказанного вами следует, что саха более восприимчивы к русскому влиянию.

— Они готовы вернуться к земледелию там, где это возможно, где есть условия. Говорил ли я вам, что саха владеют гончарным ремеслом, ковкой металла? Тунгусам кузнечное дело пока незнакомо. Они разводят лишь оленей и ездовых собак, а у саха есть и коровы, и лошади. Они, правда, низкорослые и шерстистые, но зело выносливые.

Беседа о Якутском крае затягивалась надолго. Крижанич был дотошен и задавал множество вопросов. На некоторые Хабаров ответить не мог, не хватало знаний или наблюдений. Он смог убедиться, что хорват уже имел беседы с людьми, побывавшими в Восточной Сибири, и многое из того, о чём рассказывал Ерофей Павлович, было для него не ново. Иногда он прерывал Хабарова.

— Так-так. Слыхивал об этом.

— Может, тогда не надо повторять, Юрий?

— Нет-нет, рассказывайте, непременно рассказывайте. Ваш рассказ подтверждает то, что я слышал прежде от других. А подтверждение всегда полезно. Вот вам приходилось ли когда-нибудь слушать олонхо? Мне о них только рассказывали.

Ерофей Павлович сообразил, что речь идёт о якутском сказании, где больше сказочного вымысла, чем исторической правды. Такие сказания исполняются онхосутами, обычно людьми преклонного возраста. Одного такого сказителя Ерофею Павловичу довелось услышать в селении на Лене между Киренгой и Якутском, и Хабаров поделился с Крижаничем своими впечатлениями:

— Олонхосут, которого я однажды слушал в приленском селении, был старым человеком. И свой олонхо он рассказывал нараспев. Я к тому времени уже сносно понимал речь саха и мог даже изъясняться с ними, но язык олонхосута был для меня почти непонятен. Речь его была высокопарна, вычурна, в ней было много неизвестных мне выражений, и она заметно отличалась от обычного разговора.

Крижанич с интересом выслушал Хабарова и попросил подробнее рассказать о якутах.

— Саха, когда мы появились в Восточной Сибири, жили родами и племенами, — ответил Ерофей Павлович, удивляясь про себя настойчивости хорвата. — Обычно такое объединение состояло от

нескольких до нескольких десятков небольших поселений. Во главе его стоял племенной вождь. Мы называли их князцами. Князцы и их ближайшие родичи были богаты, владели большими стадами, имелись у них и рабы. Одним из таких богатых князцов был Тыгын. Его власть простиралась на большом участке Ленского побережья. Сначала он проявил неповиновение русским властям и даже отважился на вооружённое сопротивление, но потом вынужден был подчиниться и притихнуть. Столкновения между родами и племенами до нашего прихода происходили часто. Пленных победители обращали в рабство. Рабов заставляли пасти скот, заготавливать дрова, ловить рыбу, выполнять всякие тяжёлые домашние работы.

— По-вашему, приход на Лену русских изменил такое положение?

— Изменил, хотя далеко и не сразу. При власти воеводы прекратились межплеменные столкновения. Да и рабство почти сошло на нет, хотя искоренить его до конца всё-таки не удалось. Скрытое долговое рабство осталось. Обычно про долгового раба не скажут, что он раб, а говорят — это, мол, наш родственник, живёт в нашей семье. Обиженные князцами или богатеями, люди чаще стали искать защиты у русских, у людей воеводы. У них, как они верят, можно было найти больше справедливости, чем у своего князца, который был готов обобрать жалобщика до нитки.

Беседа Ерофея Павловича с Юрием Крижаничем продолжалась до глубоких сумерек. Хорвата интересовало всё: и чем питаются саха, и каковы их семейные устои, и каковы их верования и обряды. Задавал и такие вопросы, которые ставили Хабарова в затруднительное положение. Он не старался фантазировать и чётко говорил: «А этого я не знаю».

Хабаров, закончив свой рассказ, спросил Крижанича:

— Очевидно, вы не одного меня так дотошно расспрашивали?

— Истинно не одного. У меня накопилось много записанных рассказов разных людей.

— Я так и думал. А как вы поступите с вашими записями?

— Я собираю их для книги. Она обещает быть интересной.

— А название уже придумали?

— Пока именую сей труд «Русское государство в половине XVII века».

— По одному названию уж ясно, что охватить вы намерены многое, почитай, необъятное.

— Да, труд сей зело обширный. Пытаюсь я сравнивать жизнь русских с жизнью других народов, пищу об их потребностях и недостатках,

о торговле, ремесле, земледелии, добывании металлов. И о том, как строят русские отношения с соседними государствами, и как внутри России жизнь течёт, хочу в своей книге поведать.

— И когда же намерены завершить сей труд?

— Этого я не знаю. Работа затягивается. Но когда завершу свой труд, направлю его в Москву с посвящением наследнику престола. Надеюсь, что такое посвящение поможет мне добиться смягчения моей участи и вырваться из ссылки.

— Дай-то бог.

В понедельник состоялась долгожданная встреча Хабарова с воеводой Петром Годуновым. Во встрече участвовал и воеводский дьяк.

— Поразмыслил я над твоей просьбой, Ерофей, — начал свою речь воевода, — посоветовался с дьяком и другими близкими мне людьми. Просьба твоя пришлась мне по душе. Вижу, рвёшься к делу, которое целиком тебя захватило.

— Значит, одобряете мою поездку на Амур с охочими людьми?

— Я-то одобряю. Вернее, одобрил бы. Но этого мало, пойми, Хабаров. Ты предлагаешь снарядить большой отряд за свой счёт, не за счёт казны. Сие похвально. Казне от этого была бы зримая экономия и прибыль. Охотно бы дал своё согласие на твою поездку на Амур, если бы не одна загвоздка.

— Какая же?

— Я тебе говорил о ней. Отписка якутского воеводы Голенищева-Кутузова прошла через мои руки, где он пишет о расправе с прежним илимским воеводой Обуховым. Черниговский со своими сторонниками принимают под свою опеку всякий сброд; пашенных крестьян, служилых и воровских людишек. Возможно ли отпускать тебя на амурскую службу, не зная, сумеешь ли ты совладать с Никифором и подчинить его и его людишек?

— Непростой вопрос задаёшь, воевода.

— Вот видишь — непростой вопрос. И ответить тебе на него нелегко. А ватага Черниговского тем временем всё растёт. Могу ли я теперь рисковать, отправив тебя на амурскую службу с отрядом твоих людей и снаряжением?

— В своих людях я уверен.

— Допустим. Имя твоё зело значимо в Восточной Сибири. Уверен, что за тобой пошли бы многие, но это палка о двух концах.

— Почему? Я что-то не пойму. Поясни, воевода.

— Амур для многих — притягательный рай земной, и ты в глазах

этих людей вроде посланника божьего. Твой уход на Амур с отрядом может иметь и нежелательные последствия.

— С чего бы это? В чём они, эти последствия, нежелательны?

— А вот в чём. Амур манит своими богатствами. И за тобой пошли бы многие, что привело бы к запустению многих городков и посёлков на Лене, её притоках, Илиме. Подались бы оттуда людишки в Даурию. Видишь, Ерофей Павлович, как получается. Разве это не палка о двух концах?

— А не преувеличиваете ли, воевода, опасность?

— Предвижу неизбежную возможность. Мне ведь приходится думать не только о дальнейшем освоении Амура, но и благополучии всей Сибири.

— Значит, моей просьбе решительный отказ?

— Нет, почему же. У меня не хватает прав, чтоб самолично оказать тебе содействие, хотя я и приветствую твоё начинание. Решение твоего дела требует вмешательства более высоких властей.

— Сибирского приказа?

— Именно. Сибирского приказа. А в нём, по моим последним сведениям, должно смениться руководство. Боярин Трубецкой слишком засиделся в своём кресле. Вероятно, запросился на покой. Достойный был руководитель, дельный. Вникал во все мелочи и принимал смелые решения. Ни одного серьёзного дела, касающегося Сибири, не оставлял без внимания.

— Я это почувствовал на себе.

— Пока мы не знаем, каков будет новый глава приказа.

— Дай-то бог, чтобы он был не хуже своего предшественника.

— Разумное пожелание. Придётся тебе, Хабаров, иметь дело с новым главой приказа, коли он уже назначен и утверждён государем.

— Чтобы оказаться в приказе, потребны какие-то серьёзные доводы.

— А у тебя и есть они, эти доводы. Везёшь соболиную казну от твоего Илимского воеводства. Ты мог бы её передать человеку, который тоже едет в Москву с казной, но я тебя от этого избавлю. Вези сам. Это откроет тебе дорогу в Сибирский приказ. А там — действуй.

— Благодарствую, воевода. Великую услугу мне оказал.

— Поедешь вместе с моим человеком, Бурцевым. Он повезёт тобольскую почту и пушнину. Придётся тебе немного подождать, пока я осмотрю его груз.

С Бурцевым, не старым ещё человеком, пребывавшим в среднем казачьем чине, свёл Ерофея Павловича дяк, тот самый, что бессловесно

сидел во время его беседы с воеводой.

— Знакомьтесь. Будете спутниками до самой Москвы, — произнёс дьяк.

При осмотре тюков с пушниной сперва у Бурцева, а потом у Хабарова дьяк с двумя помощниками самым тщательным и дотошным образом проверял каждую шкурку, потом опечатал каждый мешок новыми печатями.

Почта и грузы, шедшие через Тобольск в Москву, были внушительны. Обычно в Тобольске они подвергались досмотру. Подмоченная или повреждённая в дороге пушнина служила предметом строгого разбирательства. К счастью для Хабарова, он довёз свой груз неповреждённым, неподмоченным, о чём дьяк не замедлил доложить воеводе.

Через несколько дней Годунов неожиданно пригласил к себе Хабарова.

— Есть новости, — такими словами встретил он Ерофея Павловича. — Теперь мы знаем, кто возглавил Сибирский приказ. Эту новость привезли из Москвы с купеческим караваном.

— Кто же пришёл на смену Трубецкому?

— Окольничий и боярин Родион Матвеевич Стрешнев. Это имя о чём-нибудь говорит?

— А о чём оно должно говорить? Бояр на Руси немало.

— Не проговорись кому-нибудь о своём незнании. Это же царские родичи! Родоначальник династии, Михаил Фёдорович, женат на Евдокии Лукьяновне Стрешневой. Она — мать нынешнего государя Алексея Михайловича. Род Стрешневых был не ахти каким заметным, но женитьба царя возвысила их, приблизила ко двору. Я бы тебе, Хабаров, мог многое порассказать о возвышении Стрешневых, занимавших влиятельные должности. Расскажу лишь одну занятную историю.

— Изволь, воевода.

— Наш царь-батюшка Алексей Михайлович с годами стал страдать излишней тучностью. Как-то он обратился к лекарю, выходцу из немецкой земли. Лекарь предложил пустить кровь, что вызвало у царя облегчение. А царь имеет обыкновение делиться с придворными всем тем, что занимает его мысли, что доставляет ему удовольствие. А представь, придворным тоже было предложено пустить кровь. Все согласились, не решившись пререкаться с государем. Не подчинился его советам только один старик Стрешнев, родственник царя по матери. Алексей Михайлович, человек характера добродушного и спокойного, но на этот раз проявил строптивость. Когда его родич наотрез отказался пускать кровь, чем вызвал

нескрываемое раздражение царя, Алексей Михайлович обрушился с бранью на старика и побил его. Но через некоторое время он почувствовал раскаяние, старался всячески задобрить старика щедрыми подарками. Вот такая вышла история.

— И наш Стрешнев из этих?

— Из того же возвысившегося рода.

— Что он за человек? Могу ли я рассчитывать на его внимание?

— Близкого моего знакомства с Родионом Матвеевичем не было. А своё высокое положение и родственные связи с царём он, как мне известно, всегда даёт почувствовать. В обращении с посетителями отменно вежлив, немногословен и, как бы это сказать... немного тугодум.

— Как это изволите понимать, воевода?

— Он не спешит принимать быстрые решения, даже если в них великая нужда. Боюсь, что тебе долго придётся убеждать его.

— А мне нужно решение. Хочу, чтобы власти направили меня на Амур как государева человека.

— Действуй. А чтоб добиться своего, постарайся убедить Стрешнева, что твоё назначение принесёт государству великую прибыль, а не расходы.

— Постараюсь следовать вашему доброму наставлению.

Когда воеводский дьяк завершил осмотр груза и почты, которые пришли из Илимска, и снабдил мешки и тюки печатями, Хабаров решил напоследок навестить Юрия Крижанича. Когда Ерофей Павлович вошёл в узкую и продолговатую, как пенал, комнату хорвата, тот сидел за столом и трудился. Рядом с его бумагами стояла кружка с клюквенным соком, подправленным мёдом.

— На днях воевода отправит меня с моими спутниками в Москву, — произнёс Хабаров вместо приветствия, — вот зашёл к вам попрощаться.

— Тронут вашей любезностью, — ответил Крижанич. — Не хотите ли угоститься? Люблю сие питьё, клюквенный сок с мёдом.

— Нет, благодарствую. Я уже трапезничал.

— Вы о чём-то хотели у меня спросить, Ерофей? — поинтересовался Крижанич, заметив, что гость не решается задать свой вопрос.

— Я всё думал о нашем разговоре. Вы, Юрий, меня о Сибири расспрашивали, а я вот очень плохо представляю, где расположена ваша родина Хорватия, откуда она взялась. Вот вы говорили, что западные славяне родственники восточным, русским, малороссам...

— Когда-то в давние времена земли, населённые нынешними хорватами, составляли часть великой Римской империи. Её малую часть.

Это были провинции Панновия и Далмация. Простирались они от Адриатического моря до Дуная.

— Мудрёные для меня названия и неведомые. Лишь о реке Дунае что-то приходилось слышать.

— Римская империя прекратила своё существование под натиском разных народов, которых принято называть варварами. Среди них были и славяне, предки теперешних хорватов, сербов. Они оттеснили древнее население этих мест и сами расселились по долинам рек Савве, Драве и среднего Дуная. Некоторое время этими землями владели франки.

— Франки?

— Это предки нынешних французов, — быстро пояснил Крижанич и увлечённо продолжал: — Славяне сбросили иго франков. И в результате освобождения образовалось государство хорватов. Их первый князь носил имя Трипира. А один из его ближайших преемников, Томислав, принял титул короля. Однако самостоятельным королевство было недолго. У Хорватии оказалось много внешних врагов. Угроза со стороны Венецианской республики, закрепившейся в ряде пунктов побережья Адриатического моря, заставила Хорватию стать вассалом Венгрии, а это лишило её королевской власти. Потом появился новый сильный и воинственный враг — Османская империя, возникшая на развалинах Византии. Османы завоевали большую часть Балканского полуострова, в том числе и южную часть хорватских земель, постоянно подвергали опустошительным набегам хорватские земли, которые оказались в руках Габсбургов.

— Кто они такие? — спросил Хабаров, который услышал много новых непонятных слов, но это труднопроизносимое слово заинтересовало его больше всего.

— Династия, правящая в Священной Римской империи. Империя к тому времени смогла отвоевать у осман значительную часть хорватских земель. Такова, если рассказывать кратко, история моей родины.

— Вы ничего не рассказали о самой земле, что родит она, чем богата?

— У нас вызревают виноград, абрикосы. Снег в долинах выпадает не каждую зиму. Держится только в верхней части горных склонов. А сами зимы, конечно, далеко не так суровы, как здесь или даже в окрестностях Москвы. А в лесах можно встретить и дуб, и каштан, и ясень, и кипарис, да и множество таких деревьев, что здесь не растут, так как любят тепло.

— Некоторые названия мне незнакомы.

— Если бы я никогда не бывал в Сибири, то в вашем рассказе о

сибирской тайге тоже слышал бы названия незнакомых мне деревьев, которые не растут на моей родине. Спрашивал бы вас а что такое «лиственница» или «кедр», деревья это или такая травка:

Посмеялись и помолчали. Потом Крижанич спросил Хабарова:

— Удовлетворил ли я ваше любопытство, Ерофей?

— Занятно, занятно... — неопределённо произнёс Хабаров, так и не ответив на вопрос хорвата. Сразу усвоить всё то, что он услышал о неведомом ему крае, было трудно.

За окном тем временем сгущались сумерки, со стороны собора донеслись гулкие удары колоколов.

— Пора нам и прощаться. Не смею вас задерживать более, — сказал Крижанич. — Жаль, что не хватило нам с вами времени побеседовать. Я намеревался ещё о многом порасспросить вас.

— Отложим эту беседу до следующего раза.

— Когда же будет этот «следующий» раз? Вы на днях с караваном отбываете в Москву. Сборы в дорогу, напутствия и наставления воеводы — всё это займёт время. Вряд ли мы сможем ещё встретиться до вашего отъезда.

— Встретимся и продолжим нашу беседу, когда я буду возвращаться из Москвы.

— До того времени пройдут месяцы. Вы думаете, что я всё ещё буду прежним ссыльным?

— Не мне сие доступно ведать. Кончится же когда-нибудь ваша ссылка.

— Когда-нибудь! А когда, то один Господь ведает.

Распрощались тепло, даже трогательно. Уже выйдя на улицу, Ерофей Павлович обратил внимание, что беседа с Крижаничем велась в непривычно вежливой форме. Оба собеседника обращались друг к другу на «вы», что тогда случалось редко. Лишь в тех случаях, когда один собеседник занимал несоизмеримо более высокое общественное положение, чем другой, последний обращался к нему на «вы». Даже в разговорах со своим илимским воеводой Хабаров почти не прибегал к сей сверхвежливой форме обращения. Все подчинённые привыкли обращаться к Ерофею Павловичу на «ты». И это было привычно и вовсе не свидетельствовало о каком-то неуважительном отношении.

Два последующих дня ушло на снаряжение обоза, упаковку грузов. Потом пришлось выслушивать наставления воеводы Годунова. Он несколько раз повторил:

— Берегите государев груз.

С Ерофеем Павловичем у воеводы был разговор с глазу на глаз.

— Не горячись, Хабаров. Не лезь на рожон. Мы ещё не ведаем, каков человек глава Сибирского приказа Родион Матвеевич Стрешнев. Мне он представляется осторожным, медлительным. Попытайся его заинтересовать амурскими делами. А впрочем, не мне тебя учить, ты и сам опытом не обделён. Учти только, Стрешнев — человек зело влиятельный!

18. Последняя поездка в Москву

Выехали ранним утром. Стояла поздняя осень, ветреная и холодная. Иртыш и его притоки успели покрыться коркой льда, выдерживавшей тяжелогружённый караван. Временами шёл лёгкий снежок.

Хабаров и его спутники, подняв воротники полушубков, дремали в санях. В Тюмени, а потом в Туринске меняли лошадей. Местные воеводы, подчинённые главному сибирскому воеводе, распорядились, чтоб лошадей на замену давали без задержки.

На перевалах Уральского хребта пришлось преодолевать снежные заносы. Если по соседству не оказывалось населённого пункта, жители которого обязаны были следить за дорогой, участники обоза сами брались за лопаты и разгребали снежные завалы. Хабаров и Бурцев, чтобы поразмяться и согреться, тоже брались за лопаты и не отставали от других. Преодолев Уральский хребет, спустились на лёд одного из камских притоков.

При Бурцеве оказался немолодой проводник, знающий дорогу и ходивший по ней не раз в зимнее время со служебными грузами и почтой. Зимний путь не был повторением летнего пути, идущего через волок из верховьев Камы в Вычегду, а из неё в Северную Двину, Сухону до Вологды, а из Вологды сухопутным трактом через Ярославль и Сергиев Посад до Москвы. Проводник выбрал короткий зимний путь, требовавший меньше времени и шедший по льду Камы до её впадения в Волгу, затем вниз по Волге до устья Оки у Нижнего Новгорода. А уж по Оке к реке Москве добрались до российской столицы.

В Москву караван пришёл 31 декабря 1667 года. В столице праздновали Рождество. Над городом стоял перезвон колоколов. Разносились гулкие удары больших колоколов кремлёвских звонниц. Им вторили малые колокола на бревенчатых церквушках, которые имелись в каждом квартале города. На базарах да и на всех улицах наблюдалось весёлое оживление. За порядком следили приставы с алебардами. Если подвыпившие горожане начинали шумно галдеть и задирать других, приставы замысловато ругались и угрожающе размахивали алебардами, но крикунов не хватало: пусть перебесятся — великий праздник всё-таки.

Караван остановился на постоялом дворе, уже знакомом Хабарову. Санные упряжки с грузом завели во двор. Возле саней поставили охрану.

Бурцев, никогда не бывавший в Москве, захотел посмотреть столицу и упросил Хабарова:

— Остался бы, Ерофей Павлович. Тебе столица не в новость. А я ещё не узрел её.

— Шагай, Бурцев, по Москве, любуйся на Красную площадь, Кремль, — отозвался Хабаров. — Мне всё это не в диковинку. Гуляй, а я присмотрю за обозом.

— Добрая ты душа, Ерофей Павлович. Помолюсь за твоё здоровье.

Договорились оставить для охраны саней с грузом по паре казаков, а остальных спутников отпустили посмотреть на праздничную Москву.

Несколько раз Хабаров наведывался к Сибирскому приказу узнать, не наведывался ли кто из приказных туда, хотел дать о себе знать. Но приказные палаты были безлюдны. Только на крыльце у входа стоял казак с мушкетом, охраняя здание.

На второй или на третий день на постоялом дворе появился человек, показавшийся Хабарову знакомым.

— Ерофей Павлович, — воскликнул он, — не узнаете старого знакомого?

— Кажется, узнаю. Никак дьяк Григорий Протопопов?

— Был когда-то дьяк, второй человек в Сибирском приказе. А теперь бывший дьяк.

— Пошто угодил в бывшие?

— Так было угодно новому хозяину приказа Родиону Матвеевичу Стрешневу. Как встал во главе приказа, избавился от меня и моего напарника Юдина. Наши места заняли другие дьяки, кои были переведены Стрешневым из приказа Большой казны. Это Порошин и Ермолаев. Его люди.

— Где же ты теперь трудишься, дьяче?

— А нигде. На покое я теперь, хотя бы мог ещё потрудиться.

— Сочувствую, батюшка Григорий. Мне бы тоже на покой пора, а я всё ещё тружусь, разъезжаю по России и хочу добиваться у нового главы приказа права возвратиться на Амур.

— А помнишь, мы с прежним-то приказным главой заступились за тебя, выхлопотали тебе чин сына боярского и Митьку Зиновьева одёрнули, чтоб ему было неладно?

— Где он теперь, ведомо тебе?

— Попритих. Наворовал деньжонок и купил под Москвой именье. Там и живёт.

— Ты-то как?

— Накопил трудами праведными небольшую сумму и также стал владельцем именища. С Митькой меня не равняй. Тот воришка, жулик. Я честно копил деньги. Кроме именища владею небольшим домишком невдалеке отсюда. Наведайся ко мне, хотя бы завтра. Отметим праздник. Рад, что встретил тебя, Ерофей.

Хабаров охотно принял приглашение отставного дьяка, и не потому, что надеялся на щедрое рождественское угощение. Он не был чревоугодником и мог довольствоваться малым. Его привлекала возможность откровенного разговора с Протопоповым. Обиженный Стрешневым, лишённый им прибыльной должности приказного дьяка, Протопопов мог откровенно говорить о своём обидчике. А Ерофей Павлович был заинтересован в том, чтобы заранее узнать, что за человек Родион Матвеевич, можно ли надеяться на его содействие в достижении заветной цели — поездки на Амур.

Поблагодарив Протопопова за приглашение, Хабаров сказал, что принимает его с великой благодарностью.

— Посидим за столом, потолкуем. Поделимся радостями и горестями, — сказал напоследок Григорий Протопопов.

— Объясни, дьяче, как отыщу твой дом.

— Не придётся тебе его отыскивать. Я зайду за тобой, как начнут сгущаться сумерки.

— Благодарствую.

Бурцев, возглавивший обоз с грузом тобольского воеводы, готов был оказать услугу Хабарову и согласился остаться на постоялом дворе, чтобы присматривать за охраной и грузом. Он уже успел побродить по праздничной Москве, потолкаться по Красной площади и прилегающим улицам, простоял праздничную службу в Покровском соборе у Василия Блаженного.

Под вечер следующего дня, когда празднование Рождества было ещё в самом разгаре, пришёл за Хабаровым Григорий Протопопов.

— Извини, Ерофей Павлович, я без коня и без саней, — сказал посетитель. — На каждой улице, в каждом переулке толпы зевак. На санях не протолкнёшься. Пешочком доберёмся до моего домишки быстрее.

Однако они долго пробирались через людскую толпу, запрудившую переулки, примыкавшие к постоялому двору, преодолели ворота в Китайгородской стене.

Протопопов явно приbedнялся, когда говорил Хабарову о своём «небольшом домишке». Скрытый от постороннего взгляда высокой оградой и глухими тесовыми воротами дом бывшего дьяка был двухэтажным, с

гульбищем, тянувшимся вдоль всего фасада, и высокой остроконечной крышей.

В просторной горнице первого этажа уже был накрыт праздничный стол, уставленный всякими яствами, графинами с медовухой, настойками и квасом. Вошедших встречали трое мужчин средних лет. Двое из них оказались хозяйскими сыновьями, третий — каким-то родственником. Григорий Протопопов каждого из них представил гостю.

Вошла в горницу моложавая и нарядно одетая женщина с дорогим ожерельем. Она осторожно несла поднос с чарками, наполненными вином. Женщина каждому поднесла чарки, начав с Хабарова, а когда поднос опустел, она всем низко поклонилась.

— Супружница моя и мать моих сынков, — представил жену Протопопов, не назвав её имени.

Женщина поклонилась ещё раз и удалилась. В застолье, как было принято в богатых российских домах, женщины участия не принимали.

Приступили к трапезе. Стол был обильным и разнообразным. Хабаров старался не злоупотреблять едой и тем более выпивкой. Съел кусок пирога с рыбой, немного зайчатины, попробовал белых грибов в сметане, запил квасом. За едой он всё думал, как приступить к расспросам хозяина, выяснить у него, каков нрав у Родиона Матвеевича Стрешнева, что от этого человека можно ожидать. Ерофей Павлович повёл речь издалека.

— Григорий, а не изволил ты быть знакомым с Палицыным? Когда-то в давние времена он служил воеводой в Мангазее, где и состоялось наше знакомство.

— Как же, знаком я Андреем Фёдоровичем. Мы с воеводой Трубецким иногда привлекали его для оценки пушнины, — услышал Хабаров. — А зачем он тебе понадобился?

— Всё же как-никак старый знакомый, хотел повидать его, коли он ещё жив.

— Жив-то жив, да зело плох, немощен. Федосушка, что ты можешь нам сказать? — обратился Григорий к старшему сыну и пояснил: — Сынок мой старший дружит с сыном Андрея Фёдоровича. Бывает у них в доме.

— Плох старый Палицын, — ответил Феодосий. — С постели не встаёт. Ноги у него отнялись, и рассудком тронулся. Не узнает даже близких.

— Полагаю, что не стоит тебе беспокоить больного и немощного, — заметил старший Протопопов.

— Наверное, не стоит, — согласился с ним Хабаров, и, вздохнув, сказал: — Да, было время, Трубецкой мне добром памятен, а вот каков

новый глава Сибирского приказа?

— Мне пришлось иметь с ним мало дел, — ответил Протопопов. — Не успел поработать под его началом. Кое-что знаю со слов приказных, с которыми не растерял связей и кои остались работать под его началом. Все глаголют в один голос: «Стрешнев, мол, высокомерен, кичлив, неразговорчив. Царский родственник всё же». А если разобраться — каков он родственник? Седьмая вода на киселе.

Хабаров рассказал Протопопову о своём деле, о стремлении получить назначение на Амур и вернуться туда если не воеводой, то хотя бы одним из его помощников, спросил, может ли рассчитывать на помощь и содействие Родиона Матвеевича.

— Не знаю, что и сказать тебе. Чужая душа — потёмки. Говорят, что Стрешнев — человек медлительный, осторожный, самостоятельных решений принимает мало. А показать себя умеет. Пойдёшь в Сибирский приказ, обрати внимание на новшества, кои ты прежде не мог видеть.

— О каких новшествах ты говоришь?

— Хотя бы новое крыльцо, свежевыкрашенные стены, наличники на окнах, которых прежде не было, тканые дорожки...

— Разве это плохо?

— Я не говорю, что плохо. А казну Родион попотрошил. Когда кончили подновлять здание, собрал Стрешнев всех дьяков, подьячих, писцов, охранников и сказал им, чтобы берегли помещение. У нас, мол, бывают люди из европейских стран, и негоже перед ними в грязь лицом пасть. Пусть, мол, басурмане видят Россию красивой. Так и сказал.

— Неплохо сказано.

Застолье продолжалось. Родственник Протопопова (он сказался братом его жены) скис и задремал за столом. Сыновья хозяина держались хорошо и вступили в оживлённый разговор. Ерофей Павлович узнал, что старший сын хозяина Феодосий, в просторечье Федос, служил подьячим в приказе Казанского двора, ведавшего управлением Казанью, нижней и средней Волгой и башкирскими землями. Он проявлял служебное рвение, стремясь дослужиться до дьяка. Его младший брат Иринарх управлял отцовским имением, где в основном и жил. Его увлечением была охота. К столу подали жареных куропаток и зайчатину — охотничьи трофеи младшего Протопопова.

Григорий ещё много о чём рассказывал и расспрашивал Хабарова, но всё это гостю уже не представлялось существенным.

Застолье закончилось, когда ночь вступила в свои права.

— Проводи гостя до дому, — приказал отец старшему сыну

Феодосию.

Закончилась праздничная неделя. Хабаров и Бурцев направились в Сибирский приказ. Там чувствовалось некоторое оживление. За столами сидели подьячие и писари, но обоих дьяков ещё не было, не показывался и Стрешнев.

— У нашего начальства ещё продолжается празднество, — вызывающе выкрикнул молодой подьячий. — Дня два их ещё не будет в приказе. Вот через пару дней и наведайтесь.

— Может быть, кто-нибудь из вас возьмётся принимать у нас ясачную казну? — спросил Бурцев. — Не теряли бы попусту время.

— Не наше это дело, — воскликнул тот же крикливый подьячий.

— Принимать ваш груз — дело ответственное. Этим займутся только дьяки. А коли возникнут какие затруднения, призовут самого Стрешнева, — проговорил подьячий постарше, потом он подумал и добавил: — Да ещё для совета призовут опытных купцов, торгующих пушниной.

— Чувствую, что это надолго, — вздохнул Бурцев.

— Ты прав, мил человек, это надолго, — сказал кто-то из подьячих. — Груз-то ваш велик. Его приёмка затянется на несколько недель. Так что наберитесь терпения.

— А сам Стрешнев изволит нас принять? — спросил Хабаров.

— Это уж как Родион Матвеевич расположен. Может принять, может и не принять. Коли вы заинтересованы, чтоб принял, добивайтесь через дьяков.

Два дня прошли в томительном ожидании. Наконец подьячие сообщили Хабарову и Бурцеву, что оба дьяка на месте. У дьяков был общий просторный кабинет, за которым размещались апартаменты главного лица в приказе — Стрешнева.

От подьячего посетители узнали, что дьяки готовы их принять. Беседовать с ними в основном будет Порошин как старший дьяк. Примет участие в беседе и Ермолаев, его напарник.

Оба дьяка вежливо поздоровались с гостями из Сибири. Порошин задал несколько общих вопросов — как доехали, как понравилась столица, впервые ли оба в Москве, хорошо ли ловится пушной зверь в их воеводстве, — а потом важно произнёс:

— Не пытайтесь нас торопить. Дело серьёзное и не терпит спешки. Нам помогут опытные знатоки мягкой рухляди. Проверяя её, знатоки выявят лучшие, превосходнейшие образцы. А для этого нужна самая тщательная проверка. Ведь лучшие шкурки будут предназначены для царской семьи, пойдут в качестве подарков иностранным государям, будут

раскуплены купцами Англии, Франции, Австрии и других стран. Ещё раз напоминаю вам — наберитесь терпения. Вопросы к нам имеются?

Нет, вопросов к дьякам не было. У Хабарова имелся, конечно, свой наболевший вопрос — когда же примет его Стрешнев, но напрашиваться на визит к Родиону Матвеевичу и обращаться к нему со своими делами было пока преждевременно. Сначала надо покончить с передачей почты и мягкой рухляди.

Дьяки распорядились, чтобы весь привезённый груз был доставлен с постоянного двора в амбары, находившиеся позади здания Сибирского приказа. Эта работа заняла несколько дней. Когда же с перемещением грузов было покончено, дьяки принялись знакомиться с почтой, доставленной из Тобольска и Илимска. Почтой из Тобольска занимался Порошин как главный дьяк. Разборку почты из Илимска он уступил Ермолаеву.

Почта была внушительной. Она заполняла несколько увесистых мешков. Здесь были отписки воевод, челобитные жалобщиков и ходатаев, хлебные и соляные списки, денежные отчёты, таможенные и ясачные книги. Некоторые из бумаг вызвали вопросы у одного и другого дьяка. Ермолаев принялся расспрашивать Хабарова:

— Почему так много челобитных?

— Люди просят на Амур, — объяснял Хабаров.

— С какой стати?

— Привлекают богатства края, возможность заниматься земледелием.

— Только ли этим вызваны челобитные?

— Не только. Некоторые просят разрешения выписать семью с Северной Двины или Вычегды.

— Понятно. Естественные просьбы. Твоя челобитная с просьбой дать тебе службу на Амуре прошла через наши руки, — сообщил Ермолаев.

— И каков результат её рассмотрения? — весь обратился в слух Хабаров.

— Этого я тебе не могу сказать. Не знаю. Начальство что-нибудь на этот счёт решит, — безучастно заметил дьяк.

И вот с рассмотрением почты было покончено. Наиболее важные документы были переданы главе приказа, по менее важным сделан краткий обзор.

Пришло время заняться наиболее трудоёмкой работой — тщательным досмотром пушнины, привезённой из Тобольска и Илимска. Первым делом надлежало выявить наиболее высококачественные соболиные шкурки,

которые передавались в руки царской семьи и других высокопоставленных лиц. Для этого, как и говорили дьяки, Стрешнев пригласил пятерых членов купеческой верхушки в качестве государевой комиссии по приёму пушнины. Среди её членов был и поставщик царского двора Капитон Карпов, один из самых богатых российских купцов, который считался большим знатоком мягкой рухляди.

Хабаров и Бурцев были заранее оповещены дьяками о том, что глава приказа собирает у себя именитых купцов, которым поручалось обследовать и реализовать привезённую из Сибири пушнину, и приглашает обоих сибиряков, доставивших груз в Москву. Они впервые оказались в кабинете Стрешнева и смогли увидеть его вблизи. Родион Матвеевич имел облик придворного щёголя. На нём был малиновый кафтан тонкого бархата, сафьяновые сапоги, на шее золотая цепь. Он завивал бороду, и от него исходил запах ароматных благовоний.

Когда купцы собрались у Стрешнева, Порошин вышел из кабинета и пригласил Хабарова и Бурцева. Когда те вошли, Стрешнев протянул руку для рукопожатия обоим сибирякам, а потом представил их купцам.

— Рекомендую купечеству гостей из Сибири. Они доставили нам в Первопрестольную мягкую рухлядь. Сделали такое доброе и полезное дело.

С Ерофеем Павловичем и его напарником купцы обменялись поклонами. Все расселись по лавкам, тянувшимся вдоль стен. Слово взял Стрешнев.

— Приветствую вас, господа. От сибирских воевод мы получили ценный груз — шкурки соболей, чернобурых лисиц и других пушных верей. Возблагодарим их и тех, кто доставил груз в Первопрестольную. Теперь настало время нам потрудиться и удостовериться в добротности прибывшего груза. Надеюсь на вашу помощь, господа купцы. Вы давно торгуете мягкой рухлядью, поставяете её великим мира сего. Люди вы опытные, справитесь с делом, которое вас ожидает. Надеюсь на вас...

— Надейся, батюшка Родион Матвеевич, — воскликнул Капитон Карпов.

— Если бы не надежда на вас, особенно на тебя, Капитон, не было бы тогда и этой нашей встречи, — ответил ему Стрешнев, — лучшие шкурки мы преподнесём в подарок царской семье, батюшке Алексею Михайловичу, царице, царевичам и царевнам. Капитон Карпов, возьми на себя труд выбрать для семьи государя самые лучшие шкурки.

— Постараемся, батюшка Родион Матвеевич. Высокая честь для меня потрудиться на царскую семью.

— Ты прав. Для каждого из нас это высочайшая честь. Вам, дорогие мои Иринарх Ларионов и Аполлос Евлампиев, надлежит выбрать шкурки, которые пойдут в подарок иностранным послам. А от них многое перепадёт их монархам. Наша пушнина пользуется большим спросом у иноземцев, даже у монархов. А что останется не раздаренным, господа торговые люди, распродайте, а выручка от продажи поступит в государеву казну.

— А по какой цене казна расплатится с нами? — спросил один из купцов.

— Выясним. Могу заранее сказать, что в обиде не останетесь.

Стрешнев сообщил, что предварительная проверка всей пушнины, доставленной из Тобольска и Илимска, возлагается на дьяков, и те в случае необходимости могут привлекать себе в помощь подьячих. При проверке непременно должны присутствовать и Хабаров с Бурцевым. К ним же дьяки вправе предъявлять претензии, если обнаружатся повреждённые шкурки, расхождения между количеством шкурок и описями. После предварительной проверки качества шкурок дальнейший отбор пушнины для высокопоставленных лиц продолжали купцы.

Проверка и сортировка пушнины заняла около полутора месяцев. Проверяющие были требовательны и придирчивы. Хабаров и Бурцев за это время почти не имели возможности отлучаться из помещения Сибирского приказа. Лишь в воскресные дни оба могли немного побродить по Москве. А однажды Ерофей Павлович побывал у Протопопова, поделился с ним своими наблюдениями, рассказал об обстановке в Сибирском приказе, пожаловался на мелочную придирчивость дьяков.

Несмотря на постоянные придирки со стороны дьяков, существенной оказалась лишь одна: в каком-то из мешков с пушниной нашли несколько подмоченных шкурок. Оба дьяка дали волю недовольству и долго и желчно ворчали. Ерофей Павлович совсем был подавлен, но Порошин неожиданно удивил его.

— Мы сознаем, что дорога из Сибири — это не прогулка по Красной площади. По нашим правилам мы допускаем в большом грузе малую долю повреждённых шкурок. Высушим их и продадим с некоторой скидкой. Хуже, если мешок прогрызут крысы и серьёзно попортят шкурки. А здесь, слава Богу, обошлись без этой напасти.

— А бывает, что крысы портят груз? — поинтересовался Хабаров.

— Бывает.

После того как дьяки завершили свою работу, за осмотр груза принялись купцы. Их работа затягивалась. Они тратили на осмотр

пушнины совсем мало времени и рано расходились по каким-то своим делам. Ерофей Павлович порывался поговорить с Капитоном Карповым, державшимся среди купцов с важностью человека наиболее влиятельного и авторитетного, и просить его ускорить осмотр пушнины, но Порошин и Ермолаев, узнав о намерении Хабарова, отговорили его.

— Карпов — человек из государева окружения. В милости у властей. Ты можешь испортить нам всё дело, — сказал старший дьяк.

Ерофей Павлович и Бурцев вздохнули с тоской и были вынуждены впредь мириться с медлительностью купцов.

Наконец соболиные шкурки, предназначенные для царской семьи, были переданы по назначению. Они понравились царю, царице и другим членам его семьи. Стрешнев был обласкан Алексеем Михайловичем, и Родион Матвеевич не замедлил среагировать на царскую милость. Он пригласил к себе Хабарова и Бурцева, вышел им навстречу из-за стола, пожал обоим руки и произнёс торжественно:

— Сибирский приказ принял решение повысить вам обоим оклады за безупречную службу и за доставку издалека казны.

Конечно, оба поощрённые должны были рассыпаться в благодарностях. Потом уже оба сообразили, что повышение их служебного оклада было незначительным и вряд ли могло серьёзно повлиять на улучшение их имущественного положения. Всё же это был добрый жест со стороны главы приказа, и Ерофей Павлович решил попросить у Стрешнева дать согласия на разговор о своём назначении на Амур.

Родион Матвеевич мог догадываться, о чём намеревался просить Хабарова, так как его челобитная находилась в столе главы приказа, но Стрешнев не был расположен вести разговор на эту тему и бесхитростно уклонился от него.

— Поговорим как-нибудь потом, Хабарова, — сказал он. — Завален делами, зело занят. Сейчас не имею времени на разговоры с тобой.

Несмотря на всю свою медлительность, купцы завершили работу. Иринарх Ларионов и Аполлос Евлампиев передали пушнину иностранным послам. Остальные торговые люди получили партию мехов для распространения среди имущих людей, придворных, бояр и богатых купцов. Простолюдинам такие покупки были не по карману.

Окончательный расчёт с сибиряками Стрешнев затягивал. Они не могли возвращаться домой в Тобольск и Илимск без официальной бумаги, свидетельствующей о том, что груз прибыл в целостности, принят Сибирским приказом, и администрация приказа к лицам, доставившим груз, претензий не имеет.

Когда Хабаров и Бурцев осмеливались напомнить дьякам о расчёте, те начинали отговариваться — пока нет надлежащих документов от покупателей пушнины. Впрочем, Хабаров надеялся не только на такой расчёт, но и на приём у Стрешнева, напоминал ему о себе через дьяка, но глава приказа увиливал от встречи. Однажды Хабарову всё же удалось остановить Стрешнева, проходившего через комнату дьяков, и сделать попытку спросить его напрямик:

— Разрешите поинтересоваться, Родион Матвеевич...

— Знаю, знаю, — прервал его Стрешнев, — тебя интересует, когда мы встретимся, и я бы мог заняться твоим делом. Непременно встретимся, как только немного освобожусь.

— Когда это будет?

— Скоро.

Стрешнев догадался, что дальше затягивать встречу с Хабаровым не совсем прилично, и спустя некоторое время через дьяка Порошина сам пригласил его к себе.

— Садись. Заждался? — обратился Стрешнев к посетителю.

— Вы человек занятой, пребываете под бременем забот. Я это сознаю. Спасибо вам, что нашли возможность уделить мне времечко. У вас кроме моего дела много всяких других дел и, наверное, более важных.

Хабаров немного льстил Стрешневу, считаясь с его барственным, высокомерным нравом, но Родион Матвеевич клюнул на эту лесть.

— Это хорошо, что ты сознаешь, насколько я занят. Так что тебе от меня надобно?

— О своём желании я написал в челобитной.

— Читал твою челобитную. Просишься на Амур.

— Прошусь. Много сил я отдал Амуру и сделал бы ещё много полезного, очутись я там снова. Считаю, что со мной поступили несправедливо, отозвав меня с Амура.

— Справедливо или нет — это не мне судить. Твоя история с Зиновьевым произошла не при мне. Что ты стал бы делать на Амуре, коли снова оказался там?

— Развивал хлебопашество, промыслы, строил города, укреплял бы охрану края. Препятствовал бы нашествиям басурман с юга.

— Похвальные намерения. Но ведь на Амуре обосновалась ватага беглых во главе с Никифором Черниговским. Все они повинны в убийстве прежнего илимского воеводы. Разве не так?

— Воевода Лаврентий Обухов вёл себя недостойно, проявлял жестокость, жадность, вот и восстановил против себя всех и вся. Его конец

— наказание божье. Этим я ничуть не оправдываю Никифора Черниговского и его дружков. С ним ушёл на Амур отряд его единомышленников. Из них подавляющее большинство никакого отношения к убийству Обухова не имели. Бессмысленно видеть в каждом из них государственного преступника.

— Ишь каких праведников отыскал.

— Праведниками их не считаю. Пусть несут покаяние и возвращаются к мирному труду.

— А как бы ты поступил с Никифором?

— Не знаю. Пожалуй, с Амурской земли я бы его изгнал.

— А если земли на Амуре вечно подвергаются нашествию басурман с юга?

— Пусть жители Приамурья обрабатывают землю, занимаются рыболовством и не выпускают из рук оружия. Другого им не дано.

— Послушать тебя, интересно рассуждаешь и иногда здраво. Что же я могу тебе ответить... — Стрешнев сделал продолжительную паузу и потом глухим голосом произнёс: — А наверное, ничего не могу тебе ответить. Обстановка вокруг Приамурья сложилась сложная, запутанная, мне до конца непонятная. Надо в ней разобраться. А я пока... — Родион Матвеевич снова сделал продолжительную паузу, прежде чем заговорить. — Недостаточно представляю обстановку на Амуре. Не могу сказать, настало ли время послать тебя на Амур и вообще твоё ли место там.

— Амур — это четыре года моей жизни, — возразил Хабаров. — Освоение тамошней земли, познание её населения с их обычаями и жизненным укладом... И всё это вмиг оторвало от меня появление Митьки Зиновьева. Лишил меня радости, которой я жил, ограбил, ошельмовал, сделал из меня узника. Зело признателен вашему приказу, его прежнему главе Трубецкому, дьяку Протопопову. Одёрнули Митьку, дали мне высокое звание сына боярского, сняли с меня нелепые обвинения.

— Не стоит об этом, Хабаров. Митьку Зиновьева я не изволил знать, разве только понаслышке. Видишь, какое дело... Ты получил назначение не на Амур, а в Илимск. Почему я должен ни с того ни с сего менять это назначение?

— Потому что Митька Зиновьев несправедливо со мной поступил, умыкнув с Амура, яко тать непотребный.

— Не тебе судить, Хабаров, тать Митька или нет.

— Истинный тать, — воскликнул Хабаров, потом спохватился, что негоже так говорить с главой приказа, человеком высокопоставленным, и сказал уже спокойно и просительно: — Батюшка Родион Матвеевич, коли

не веришь мне, спроси у прежнего дьяка Протопопова и других, что близко знавали Митьку. Все подтвердят вам слова мои.

— А хоть бы и так. Мне-то зачем это знать? Давай-ка завершим нашу беседу. Сколько времени я теряю с тобой.

— Позвольте, Родион Матвеевич, последний вопрос задать.

— Задавай. Чтоб только последний!

— Каков же ваш ответ на мою челобитную?

— Повторяю. Не знаю, что и сказать тебе. Надо бы посоветоваться со сведущими людьми. К тому же ты и сейчас не молод, а глядишь, когда я что-нибудь смогу решить, ты будешь и вовсе человеком в почтенном возрасте, — сказал Стрешнев как-то устало, но Хабарову почудилась в его словах издёвка. — Не поздно ли будет решать твою задачу? Вот какие наши дела Хабаров.

— Это окончательный ответ?

— И этого я не знаю. Зайди ко мне ещё через недельку, тогда и услышишь окончательный ответ.

Тем временем Бурцев со своими спутниками не стал дожидаться решения дела Хабарова и отбыл в Тобольск. Ерофей Павлович посетил Протопопова и рассказал о беседе с Родионом Матвеевичем, не принёсшей никаких результатов.

— Как понять его? — спросил Ерофей Павлович бывшего дьяка. — Хотелось бы узнать, что скажет человек опытный, сведущий. Что кроется в поведении Стрешнева, уловки, хитрость или беспомощность?

— Наверное, все вместе, — ответил собеседник, — хитрил он и ничего определённого не решал или не мог решить.

Через неделю Хабаров снова оказался у Стрешнева. Родион Матвеевич был спокоен, в меру любезен, пригласил гостя присесть и сказал коротко:

— Мы вынуждены ответить отрицательно на твою челобитную. Оставайся в Илимском воеводстве. Перевод тебя на Амур нецелесообразен. Вот что я могу тебе сказать.

— Это окончательно?

— Окончательно.

— А в будущем ваше решение не может измениться?

— За будущее ручаться не могу. Один Господь ведаёт, какая судьба выпадет в будущем тебе, Хабаров.

На этот раз Стрешнев не вышел из-за стола, не протянул руку Хабарову, а только сдержанно кивнул.

Хабаров после встречи со Стрешневым не торопился покидать Москву. Он отчётливо осознавал, что это его последняя поездка в

российскую столицу. Его визиты к главе приказа нужного результата не дали, а надежды на возвращение на Амур теперь не было. Он ощущал, что хозяйство на Киренге больше его не интересует. Оставалось одно: принять предложение монахов Киренгского монастыря и стать сперва монастырским послушником, а потом и монахом, а имущество своё передать в монастырскую собственность. Всё это давало пищу для грустных размышлений.

Убеждённый в том, что он никогда больше не увидит Москвы, Ерофей Павлович поспешил попрощаться с московскими знакомыми. Первым делом он распрощался с подьячими приказа, с которыми был знаком ещё с предыдущей поездки. Потом наведался к Григорию Протопопову.

— Пришёл к тебе прощаться, дьяче, — произнёс он.

— Решил ли ты своё дело? Чем закончился твой последний визит к Стрешневу?

— А ничем. Ты прав оказался, когда говорил мне, что Родион Матвеевич — человек медлительный, осторожный, самостоятельные решения принимает редко.

— Этого можно было ожидать. Сочувствую тебе, Хабаров. Что же ты собираешься дальше поделывать.

— Наверное, монашество приму, удалюсь в наш Усть-Киренгский монастырь.

— Ты это твёрдо решил? Ведь мог бы ещё...

— Наверное, ничего бы уже не мог. Руки опускаются. Тоска по великой Амур-реке гложет. Не суждено мне вернуться в Приамурский край. Скажи, Григорий, а мог бы принять меня прежний начальник приказа, чтоб я выразил ему своё уважение?

— Алексей Никитич Трубецкой — большой человек. Не токмо как боярин и князь. Он вёл переговоры с Богданом Хмельницким, возглавлял войска, воевавшие против шведов, против поляков. Я и не припоминаю, в каких ещё делах отличился, сей славный муж и зело богатый.

— Знаю, что зело богат он и знатен. Ты прав, не по плечу мне тревожить такого.

— Зря ты так о нём. Наверняка он с радостью бы тебя принял. Да только не в Москве он теперь, его владения располагаются в восьми уездах, и в каком именно он дальнем имении, я не ведаю.

Ерофей Павлович хотел было распрощаться с Протопоповым, да тот не отпустил его. Усадил за стол и повелел слугам подать медовухи и щедрое угощение. Распрощались тепло, сердечно, обнялись.

Хабаров решил возвращаться северным путём, через Вологду, Великий

Устюг и Соль Вычегодскую. Этот путь давал ему возможность повидать родных, проживающих в двух последних городах. Там же имелись родственники и у троих из его двенадцати спутников, в том числе и у десятника Кукаркина, который был его правой рукой в поездке в столицу.

Дьяки Сибирского приказа распорядились, чтобы большой купеческий обоз, направляющийся в северном направлении, взял сибиряков до Вологды.

Выехали из Москвы ранним утром, ещё до рассвета. Двухдневную остановку сделали в Троице-Сергиевой лавре. Отстояли службу в переполненном богомольцами главном храме лавры. Служил сам настоятель.

Потом сделали остановку в Ростове, городе с множеством старинных церквей, и здесь тоже отстояли службу в одном из храмов. Далее миновали Ярославль, переплавились на левый берег Волги. Здесь произошла задержка. Владелец каравана решал какие-то торговые дела с ярославскими купцами, к каравану присоединились ещё несколько саней, гружёных товарами.

Дорога за Волгой шла через леса. Реже стали встречаться населённые пункты с погостами. Ночёвки проводили у костров, выставляя вооружённую охрану. Бывало, что в этих краях пошаливали, нападая на одиночных путников и небольшие обозы, грабили их и, случалось, убивали тех, кто оказывал сопротивление. На большие обозы с сильной вооружённой охраной разбойники нападать не решались. Поэтому всякий владелец купеческого обоза был заинтересован в том, чтобы пополнить его надёжными людьми.

До Вологды добрались благополучно. В этом городе купец, владевший обозом, имел подворье. После остановки в Вологде он намеревался следовать на север, до Архангельска.

— Далее нам не по пути, — сказал купец. — Мы тронемся на север. Спасибо тебе, Ерофей, что прибавил нам силёнок. Ни один враг, видя такую охрану, не решился напасть на нас. Спасибо ещё раз. Располагайся, Ерофей, со своими людьми в моём подворье. Предлагаю из уважения к государевым людям. А насчёт дальнейшего пути решайте сами.

Хабаров и его спутники решили отдохнуть в Вологде несколько дней. Посетили большой собор, названный Софийским, увенчанный внушительным пятиглавием. Собор был построен ещё при Иване Грозном и повторял основные контуры Успенского собора Московского кремля.

Служба в соборе давно закончилась, когда Хабаров со спутниками вошёл под его своды. К посетителям подошёл худой долговязый причетник

с бородкой клинышком, в тёплой рясе на вате, что было как раз кстати в холодном, неотапливаемом соборе.

— Что-то не припомню вас, православные, — произнёс причетник.

— А мы нездешние. Издалека.

— Вижу это. Что ж, посмотрите пока. Наш храм расписывали знатные живописцы. А первым среди них был Дмитрий Григорьев сын Плеханов. Он с ватагой помощников выполнил эти росписи. Вон, поглядите, как он Страшный суд изобразил. Видите трубящих ангелов? На оглушительные трубные звуки ангелов откликаются и грешники, и праведники. Перед праведниками открываются ворота рая, а грешников ожидают страшные муки ада. — Причетник хотел было рассказать ещё что-то, но вовремя остановился и, перекрестившись, сообщил: — Завтра служит сам владыка Симон, архиепископ Вологодский и Белозерский, в услужении всего клира. Приходите.

Попутных обозов, направляющихся в сторону Великого Устюга, всё не было. Хабаров был вынужден обратиться к вологодскому воеводе. Тот, выслушав Ерофея Павловича, отдал приказ подьячему:

— Отыщи лошадей государевым людям. Моё распоряжение, чтоб без задержки были лошади. — Посмотрев в сторону удалившегося подьячего, воевода спросил у Хабарова: — Откуда и куда путь держите?

— Навещали Первопрестольную по делам службы. А возвращаемся к постоянному месту службы, в Илимск. А прежде довелось служить на Амуре, великой реке.

— Это где ж такие диковинные места?

— А считай, батюшка, что на краю света.

— А сам-то откуда родом?

— С Сухоны.

— Земляки, выходит. Я тоже с Сухоны.

Зима выдалась снежной и вьюжной, поэтому и путь по льду реки был трудный. Лошади вязли в сугробах. Кучера ругались и сквернословили, ругали и проклинали непогоду, себя за то, что не сумели отвертеться от этой злосчастной зимней поездки. Пока добрались до Великого Устюга, пришлось неоднократно расчищать путь от снежных завалов. Миновали селение, в котором родился и вырос Ерофей Павлович. Там никого из родных уже не осталось, а посему в нём не задержались.

В Великом Устюге отыскились два молодых племянника Хабарова по матери, Архип и Матвей, оба ещё холостяки. Нашлась в этом городе и родня у одного из его спутников. Племянники принялись настойчиво расспрашивать Ерофея Павловича и о житье в Сибири, о его службе на

Амуре, о хозяйстве на Киренге.

— А почему всё это вас так интересует? — спросил Хабаров.

— Да вот раздумываем, не податься ли по твоему примеру в Сибирь, — ответил старший из братьев, Архип.

— А почему вам такие мысли приходят?

— Житьё-то здесь неважное. Родители померли. Нам мало чего от них осталось. Лишь десяток курей да клочок земли под огород. Растим капусту, репу да ещё кое-что. У тебя небось немалое хозяйство.

— Держу всякую скотину, гусей. Под рожью около десятка десятин.

— Да ты, дядюшка, живёшь в достатке.

— Не сказал бы этого. Большой долг висит на мне. Чем сейчас занимаетесь, племяши?

— Трудимся на Лодейном дворе у купца. Трудимся зело изрядно, а получаем гроши. Взял бы ты нас с собой в Сибирь.

— Подумаю. Хотел бы сперва на погосте побывать, поклониться праху родителей.

— Непременно сводим к могилкам, — сказал младший из братьев, Матвей. — Один-то не отыщешь сейчас дорогу к ним. Весь погост покрыт сугробами.

— Коли так, найдёте ли могилки?

— Найдём, — уверенно произнёс Архип. — Ведь рядом с твоими родителями покоятся и наши.

Вооружившись лопатами, Ерофей Павлович и оба его племянника долго копались в сугробах, прокладывая тропу к родным могилам. Хабаров низко поклонился родительскому праху, покосившимся крестам. Постоял в раздумье. Подумал, что кресты следовало бы укрепить, но понимал, что сейчас это делать бессмысленно — промёрзлая земля не поддавалась бы лопате, — но знал он и то, что наведаться ещё раз на родину и привести в порядок родительские могилы он вряд ли сумеет. Жизнь его клонится к закату. После беседы со Стрешневым Хабаров, потеряв надежду вернуться когда-нибудь на Амур, вмиг почувствовал себя постаревшим, даже одряхлевшим. Не выпала ли ему доля закончить брэнное земное бытие в Усть-Киренгском монастыре, коли другие жизненные пути ему никак не светят?

Ерофей Павлович решил посодействовать племянникам в переезде в Сибирь и направился к воеводе. Воевода принял его уважительно — имя Хабарова было известно в Великом Устюге с доброй стороны, — однако не отважился принять скорое решение об отправке племянников Ерофея Павловича в Сибирь и поручил подьячему:

— Проверь насчёт обоих братьев... не были ли оба в розыске, в собственности землевладельца.

— Помилуй, воевода... Потомки вольных поморов по отцу, а бабка по матери была зырянка, — возразил Хабаров. — Поверь мне. Могу подтвердить это крестным целованием.

— Верю, конечно, тебе. Но проверка делу не мешает. Ты уж не обижайся.

После проверки устюжский воевода всё же отпустил племянников Хабарова, не найдя никаких причин, чтобы помешать их отъезду в Сибирь, и распорядился, чтобы подьячий выписал им путевые листы.

Тем временем возчики, доставившие Хабарова и его спутников из Вологды в Великий Устюг, стали настойчиво требовать, чтобы он отпустил их обратно. Ерофей Павлович успокоил их с помощью небольшой денежной подачки.

— Довезёте нас до Соли Вычегодской и можете отправляться на все четыре стороны, — сказал он возчикам.

Когда приближались к Соли Вычегодской, март уже был в разгаре. Снега начинали таять. Кое-где на поверхности ледяного покрова реки образовывались полыньи, которые по ночам затягивались тонким ледком.

Хабаров с племянниками остановился у сестёр покойной жены. Обе они были вдовы. Одна овдовела недавно, оставшись с кучей уже взрослых детей. Два её сына трудились на солеварнях у Строгановых, а дочери повыходили замуж. Вторая Василисина сестра рано овдовела и осталась бездетной. Вторично замуж она так и не вышла.

Ерофей Павлович сказал обеим золовкам:

— Поживу с племянниками у вас, покуда Вычегда не очистится ото льда, а спутники мои останутся у своих. Не считайте нас за дармоедов. Потрудимся на вас.

— Не печалься, батюшка. Ты — наш гость.

— Гость-то гость. А хочу, чтоб наше гостевание в вашем доме добрую память оставило. Вижу, у вас поленница неколотых дров. Переколем все. Небось и припасов у вас маловато. Я ведь хваткий рыболов. Прделаем прорубь и наловим вам всякой рыбёшки. Ещё вижу у вас плетень повалился. Починим непременно.

Уговорить кого-либо из родственников отправиться с ними в Сибирь Хабаров не сумел. Зато у двух его спутников нашлись родные, проживающие в Соли Вычегодской, которые выразили готовность ехать в Сибирь.

Полностью очистилась ото льда Вычегда только в середине апреля.

Тогда же отправился в Тобольск купеческий караван на дощаниках. Купец согласился взять Хабарова и его спутников при условии, что те будут подменять гребцов и потрудятся на волоках.

Этот путь Ерофей Павлович проходил не впервой. Мелководье речных верховий и бревенчатые настилы волоков, ведущие из одной речки к другой, были ему знакомы. За лето он добрался со своими спутниками до Тобольска.

Первый, кого встретил Хабаров в Тобольске, был сын боярский Давыд Бурцев.

— Прознал, что ты прибыл в столицу сибирскую, вот и решил проведать тебя, Ерофей Павлович, — приветствовал Бурцев Хабарова.

— Тронут зело. Небось интересуется, с чем приехал из Первопрестольной. Не могу ничем похвастать, — отозвался Ерофей Павлович.

— Не добился назначения на Амур?

— Не добился.

— Сочувствую. Что намерен дальше поделывать?

— Пока возвращаюсь к себе на Киренгу. А сейчас хотел бы навестить воеводу Петра Ивановича. Хотелось бы поделиться с ним своими невзгодами.

— Увы... Воевода серьёзно болен. Не встаёт с постели. Болезненный он человек и к тому же работающий. Переутомился. Но я всё же доложу ему о твоём прибытии. Меня он к себе допускает.

— Доложи воеводе, коли это не повредит его здоровью.

Годунов, несмотря на своё болезненное состояние, пожелал видеть Хабарова. Воевода полулежал на широком ложе, устроенном в его рабочем кабинете, рядом на табурете стоял жбан клюквенного кваса. Больной испытывал жажду и часто прикладывался к жбану.

— Видишь, Ерофей, нездоровится мне. Совсем сдал под старость, — такими словами встретил Годунов Хабарова.

— Какая же это старость? Как вспоминаю вас, вижу перед собой хваткого мужа, силой наполненного. Разве не так?

— Должно, перетрутился. Не рассчитал своих сил. Бурцев поведал мне, что своей цели ты в Москве не достиг.

— Увы, воевода... Не достиг. Амур-батюшка теперь мне только во сне видится. Всё, что я слышал ранее о Стрешневе, подтвердилось. Зело осторожный, нерешительный. С таким тяжело работать.

— Может быть, ещё осмотрится, наберётся опыта, самостоятельности и изменится.

— Если и изменится, мне от этого не легче. Что-то надломилось во мне. Уже не верю в благополучный исход моего дела.

— Ладно... Шагай к себе, Хабаров. Я что-то притомился, разговаривая с тобой. Ко сну клонит, и мысли путаются. Отлежусь, поправлюсь, тогда и поговорим обо всём.

Хабаров не решился продолжить путь по сибирским рекам. Наступила осень, дождливая, капризная. Порывы неистового ветра рвали паруса на дощаниках. На ангарских порогах можно было застрять из-за непогоды. Когда Ерофей Павлович встретился с воеводой в следующий раз, Годунов сказал ему:

— Советую перезимовать в Тобольске. Не следует в это время года пускаться в путь по сибирским рекам.

Своенравны они, коварны. Сам знаешь. Так что повремени с отплытием.

— Пожалуй, последую вашему совету, останусь в Тобольске до весны, — согласился Ерофей Павлович.

Через некоторое время между воеводой и Хабаровым состоялся откровенный разговор. Годунов спросил Ерофея Павловича о его дальнейших намерениях.

— Не знаю, что и ответить, — неуверенно ответил тот. — Вопрос-то для меня непростой. На Киренге у меня небольшое хозяйство, пашни, покосы, стадо домашнего скота. Вроде бы могу жить не тужить, но ведь я в долгах весь, до сих пор выплачиваю долги якутскому воеводе. Считал меня своим должником ещё один из прежних воевод Францбеков. Поверишь ли, детям нечего в наследство оставить.

— Неужели нет в твоей жизни доброго просвета?

— Божьи угодники возникают на моём пути со своим предложением.

— Какие ещё угодники? Что они тебе предлагают?

— Монахи Усть-Киренгского монастыря... Приглашают к себе и надеются, что я землю свою завещаю монастырю. Что посоветуешь, Пётр Иванович?

— Я тебе не отец духовный, чтоб такое советовать. Исповедуйся у нашего владыки и попроси у него совета. След ты на земле, Ерофей Павлович, оставил добрый. А далее вправе поступать так, как тебе подсказывает совесть.

Годунов отлежался и вернулся к повседневным делам. Он много работал, принимал своих помощников, иногда выезжал за пределы города, устраивал смотры войскам. Изредка он приглашал к себе Хабарова и расспрашивал его об амурской службе, об образе жизни и обычаях якутов,

тунгусов и приамурских народов.

— Расспрашиваю тебя, чтобы сравнить жизнь этих народов с жизнью здешних туземцев остяков, вогулов и конечно, татар, — пояснил воевода. — Татары вроде усваивают наши обычаи, пищу нашу приемлют, избы по-нашему ставят, а вот в нашу православную веру переходят редко, упрямо держатся за свою магометову веру.

Одним из первых мероприятий воеводы, оправившегося от болезни, стало решение судьбы новичков, прибывших с Хабаровым. Их набралось шесть человек, в числе которых были и два племянника Ерофея Павловича.

Годунов собрал всех в воеводской канцелярии и спросил:

— Желаете ли вы быть повёрстанными в казаки или заниматься торговлей и промыслами?

Ответом на вопрос воеводы было продолжительное молчание. Внятного ответа не нашлось.

— Поясню, — решил уточнить свой вопрос Годунов, — чтоб заниматься торговлей и промыслом, нужно состояние. А коли состояния у тебя нет, ты — зависимый человек. В лучшем случае станешь приказчиком у богатого купца или человеком на побегушках у владельца промысловой артели. А поверставшись в казаки, ты станешь служилым человеком на государственной службе. Станешь получать денежное и продовольственное довольствие. И кроме того, тебе не возбраняется заниматься охотой на пушного зверя, рыбной ловлей, сбором грибов и лесных орехов. Пушнину можешь сбывать купцам и промышленникам и получать от этого свою выгоду.

— Верстай нас, батюшка, в казаки, — раздались нестройные голоса.

— Считаюсь с вашим желанием, — подытожил Годунов, — станете казаками Тобольского воеводства.

— А можно на Лену или в Якутск, где служат мои родные? — воскликнул старший племянник Ерофея Павловича.

— Всею своё время, — спокойно ответил Годунов. — У нас такой порядок. Начинай казачью службу в Тобольской земле. Привыкай к краю, к окружению, осваивай обязанности казаков. Минует определённый срок, придёт к тебе и твоим товарищам на смену пополнение, вот тогда наиболее смышлёные, способные и выносливые, уступая своё место новичкам, отправятся далее на восток, на Енисей, Лену, Амур. Их ждут встречи с неведомыми краями, открытия. Уверен, что и вы когда-нибудь побываете в дальних краях, на востоке Сибири.

Новички не пререкались с воеводой. Его слова казались убедительными. Ерофей Павлович распрощался с племянниками. Обоих

направили служить в Тюмень, самый южный из городов в Западной Сибири.

К старости Ерофей Павлович стал религиозным человеком. Молился и посещал службы ревностно. В Тобольске старался не пропускать ни одного богослужения, которое вёл сам владыка, митрополит Корнилий. Усердно поминал за упокой и родителей, и супругу Василису. Рвение к исполнению церковных обрядов и набожность Ерофея Павловича привлекли внимание владыки. Он несколько раз приглашал Хабарова к себе в резиденцию для неторопливой беседы.

Владыка интересовался дальнейшими намерениями Ерофея Павловича. Тот высказался откровенно.

— Чувствую какое-то опустошение души. Были серьёзные мысли о будущем, хотелось вернуться на Амур, к прежней деятельности. Но всё рухнуло враз.

Хабаров рассказал и о беседе со Стрешневым, который, будучи явно нерасположен серьёзно вникать в дело Ерофея Павловича, отказал в его просьбе, поведал и о том, что отпала охота и заниматься своим хозяйством на Киренге. У детей своя жизнь. А ему осталось лишь выплачивать долг якутскому воеводству. Слава Богу, через несколько лет выплата долга подойдёт к концу. Что ещё остаётся?

Об этом Ерофей Павлович и рассказал без утайки владыке.

— Что же мне делать, вразуми раба божьего, — спросил Хабаров.

— А ты поразмысли о твоих деяниях, — ответил митрополит. — Ты сам того не сознаешь, какие добрые и великие деяния совершил. Вдохнул новую жизнь в Амурский край. Прожил интересные годы со своими радостями и печалью, успехами и огорчениями. Ты был среди дерзких людей, кои совершали подвиги и подымали людей на подвиги.

— О каких подвигах ты говоришь, владыка? Ты перехваливаешь меня.

— Подвиги могут быть разные: трудовые, подвиги на поле боя, подвиги первооткрывателя. Разве не все они были свойственны тебе?

— Не берусь ответить, владыка. Были ли в моей жизни подвиги? Научи меня, отчёт, как мне дальше поступать?

— У тебя-то самого есть какие-нибудь намерения, как полагаешь дальнейший жизненный путь пройти?

— Задумываюсь о том, не пойти ли на старости лет в монастырь. Святые отцы из нашего Киренгского монастыря готовы принять в свой круг. Что посоветуешь, владыка?

— Вопрос сложный задаёшь, Ерофей Павлович. И тебе самому на

него отвечать, как Господь подсказывает. А я лишь благословляю тебя на правильное решение.

— Благодарю тебя, отче, за наставления. Позволь ещё спросить тебя.

— Спрашивай, Ерофей.

— В Тобольске живёт ссыльный басурманин, Юрий Крижанич, славянин. Нам довелось встречаться перед моим отъездом в Москву.

— Ведом мне такой. Говоришь, встречался с ним?

— Встречался и не раз. Проявлял он настойчивое любопытство к жизни Сибири, сибирских народов.

— Он таков, этот хорват. Любопытен. Я слышал, что книгу о Сибири пишет.

— Пишет. И всякие сведения для своей книги собирает.

— Разве это плохо? Пусть люди на земле узнают о том, как мы живём, познают наши обычаи.

— Он же басурманин.

— Всё верно. Говори ему правду про Сибирь, сибиряков. Что знаешь, то и говори, от себя не добавляй, не домысливай. Пусть он знает, как расширяется русская земля на восток, как живут сибирские народы, каков образ жизни у них.

— Крижанич одержим нелепой мыслью. Он хотел бы слить все христианские религии в единую, чтобы и православные, и паписты, и все другие слились воедино, имели общие храмы, молились под одной крышей.

— Это бредовые намерения. Когда-нибудь сама жизнь убедит его в этом.

— Так знаться ли мне с ним, как поступить? Что подскажешь, владыка?

— А вот так и поступай, как поступал. Удовлетворяй его любопытство, рассказывай о своих сибирских и амурских впечатлениях. Только не перестарайся. Пусть он воссоздаст по твоим рассказам образ окраинной нашей земли.

Как ни пытался вернуться к прежнему образу жизни Хабаров, но бодрость и энергия покидали его. Он несколько раз в сопровождении своих спутников отправлялся в окрестные леса охотиться на соболя, но соболь вблизи города не попадался. Надо было забираться вглубь тайги, а Ерофей Павлович быстро уставал и, обессилев, возвращался на постоянный двор без добычи. Лишь иногда удавалось ему подстрелить из лука лисицу.

Когда наступила зима, и лёд накрепко сковал воды Иртыша, Хабаров стал заниматься рыбной ловлей. Ему удавалось прорубить в толще льда широкую лунку и забросить в неё сеть или сачок. Несмотря на зимний

сезон, рыба ловилась, ею Иртыш был богат в изобилии.

Несколько раз Ерофей Павлович ходил на куропаток, которые в зимнее время подходили к самым окрестностям города. Птицы собирались небольшими стаями и выходили на дорогу, по которой проезжали конные обозы. Куропатки копались в конском навозе, отыскивая непереваренные зёрна.

Однажды, когда Хабаров сидел на складном табурете перед прорубью на льду Иртыша, в стороне расположился у проруби другой рыбак. Увлечённый рыбной ловлей Ерофей Павлович не обратил на него никакого внимания, но потом, посмотрев в его сторону, заметил большой шрам, пересекавший наискось левую щеку рыбака.

Вспомнился Хабарову знакомый по Мангазее человек, который когда-то в давние годы был участником его промысловой ватаги. Зима подходила к концу, и промысловики возвращались с нижнего Енисея и Таймыра в Мангазею. В те годы эти края ещё были мало тронуты промышленными людьми.

Ватажники, вернувшиеся с промыслов, подвергались дотошным расспросам воеводы Кокорева. Если добыча того или иного промышленника была богата, воевода подвергал его безудержным поборам. В результате некоторые промышленники, как и тот, что ловил теперь рыбу на Иртыше, посчитав себя ограбленными, отказались от дальнейшего пребывания в Мангазее. Видно, этот предпочёл вернуться в Тобольск, откуда приехал.

Хабаров, который обладал ещё острым зрением, повнимательнее разглядел шрам на лице соседа-рыбака и убедился, что это один из его ватажников. Тот сам когда-то поведал товарищам о происхождении шрама, полученном, когда, охотясь в тайге, он встретил матерую россомаху. Ему удалось её убить, но в предсмертных судорогах хищный зверь успел броситься на охотника и оставил на его лице глубокий и кровавый след острых когтей. У Хабарова не было сомнения, что перед ним старый знакомый, имя которого вылетело из головы Ерофея Павловича.

— Никак мой ватажник, — окликнул его Хабаров. — Помнишь, голубчик, Мангазею, Енисей, Хету?

— Как не помнить, — отозвался тот. — Провались я на этом самом месте, коли это не Ерофей Павлович.

— Ты вспомнил, старик. А я вот имечко твоё запомнил. Напомни.

— Петруха Чибисов я. Птичка такая есть — чибис.

— Теперь вспомнил. Чем ныне занимаешься?

— Плотничал на лодейном дворе. А сейчас уже силёнок прежних

нет. Пришлось оставить эту работу. Детки кормят. Да и я, как видишь, рыбачу, охотой занимаюсь. Всё ж помощь семье.

— Семья-то большая?

— Мы со старухой да деток пятеро. Все чернявые, больше в мать. Она у меня татарочка крещёная. Некоторые из её родных, глядя на мою Дашеньку, крестились. Другие так в магометовой вере и остались. Вот ведь как получилось. Одни родные — в церковь, другие в мечеть идут. А потом за общим столом собираемся. А псаломщика из Мангазеи, у которого мы на постое недолго были, помнишь?

— Как не помнить. С чего это ты вдруг о псаломщике заговорил?

— Он теперь возведён в сан священника и служит в храме у нас на посаде. Перевели из Мангазеи. Хочешь, сведу к нему.

— Сведи.

Они ещё долго вспоминали старое. Бросили рыбную ловлю, когда оба совсем продрогли от усиливавшегося мороза и подувшего пронизывающего ветра. Это заставило рыболовов собирать свои пожитки.

— Не желаешь ли, Ерофей, навестить отца Порфирия? — спросил Хабарова Чибисов.

— Это кто такой?

— Забыл разве? Я тебе упоминал его. Прежний псаломщик из Мангазеи. Теперь он батюшка Порфирий. В летах уже.

— Сведи к нему, — согласился Хабаров. — Вот только сперва занесу на постоялый двор улов. Пусть мои ребята уху варят.

В большой избе постоялого двора было скученно и грязно. Часть избы, в которой обитали Ерофей Павлович и его люди, была отделена ветхой занавеской. В остальной части избы ютилось много других постояльцев.

Чибисов, сопровождавший Хабарова, оглядел помещение, неодобрительно покачал головой и произнёс осуждающе:

— Мог бы и лучше жильё найти, Ерофей Павлович.

— Жильё казённое, для проезжих, — возразил Хабаров. — Нам оно как государевым людям предоставлено за счёт казны.

— Не щедро о вас заботится казна. Советую тебе перебраться туда, куда мы сейчас шагаем.

— К отцу Порфирию, что ли? Разве пристало духовному лицу постоялый двор держать?

— Отец Порфирий постоялого двора не держит. Это сынок его, Евсей. У него просторная изба для приезжих. Сейчас она пустует. Евсей певчим у отца в храме служит.

В этот день храмовой службы не было, и отца Порфирия они застали

дома. Хабаров вряд ли узнал бы в располневшем и облысевшем священнике прежнего худощавого псаломщика из Мангазеи. Отец Порфирий же узнал Ерофея Павловича, хотя он тоже изменился, ссутулился, стал седым и многие его не узнавали, однако бывший псаломщик обладал отличной памятью на лица.

Обменялись несколькими фразами, вспоминая Мангазею.

— Что тебя заставило, батюшка, покинуть Мангазею? — спросил Хабаров священника.

— Великая беда, — ответил тот.

— Что за беда?

— Случился великий пожар, и наш городишко выгорел дотла. Правда, такое с Мангазеей случилось не впервой. От нашего храма одно пепелище осталось. Мало-помалу кое-что восстановили, но это было жалким напоминанием о прежнем городе. К тому времени и число пушных зверей в Тазовском крае заметно поубавилось и торговые да промышленные люди потеряли интерес к Мангазее. Можно сказать, совсем захирела она. Это и заставило меня покинуть сей город и перебраться в Тобольск. Здесь сперва был рукоположен в диаконы, а через два года — в священники.

Когда отец Порфирий прервал свой рассказ, в разговор вмешался Петруха Чибисов.

— У сынка твоего, кажись, гостевая изба пустует.

— Пустует, — степенно ответил Порфирий. — А кому она стала потребна?

— Да вот... Твой старый знакомый Ерофей Павлович и с ним его люди... Советую им перебраться к вам. На постоялом дворе, где они сейчас обитают, грязь, темнотища, общие нары.

Отец Порфирий приказал слуге отыскать сына Евсея, который был занят какими-то хозяйственными делами на задворках усадьбы.

— Покажи людям гостевую избу, — сказал священник сыну, когда тот вошёл в дом, — может, она подойдёт им. И о цене сговоритесь.

— Наша цена такая... — весомо начал Хабаров, — на постоялом дворе нас содержат за казённый счёт. Лишь подкармливаем прислугу. Когда принесём ей осётра, когда куропатку. А вам небось нужны деньги от сдачи избы внаём.

— Что ты можешь предложить нам? — спросил Евсей.

— Наколем дров для батюшкиной избы и для храма. На всю зиму. Дадим к вашему столу дичь и свежую рыбу. Это вас устроит?

— Какую ещё дичь? — спросил священник.

— Куропаток. Их у вас много водится. А деньгами мы не располагаем. Поистратились по дороге.

Человек прижимистый, отец Порфирий стал упрямо торговаться. Фактически он и был владельцем гостевой избы, а сын его, певчий в храме, хозяином только назывался, служа прикрытием для отца.

— Дрова, свежая рыба, куропатки — это хорошо, — сказал священник, — но ведь твои люди ходят на промысел. Могли бы принести нам соболей или лисиц.

— Я свои условия высказал, отче, — твёрдо ответил Хабаров, — коли мной предложенное тебя никак не устраивает, останемся на постоялом дворе — крыша над головой, тёплый очаг есть. Мы ко всему привычны. Приходилось нам в походах и у костров ночевать, и в дощаниках во время плавания по реке. Всякого навидались. Здешний постоялый двор — это ещё не самое худшее убежище.

— Значит, не согласен?

— Я предлагаю немалую выгоду для твоей семьи, отец Порфирий.

Священник задумался и потом обратился к сыну:

— Как, сынок?

— Коли изба будет пустовать, мы никакой пользы от неё не заимеем, — резонно заметил Евсей. — Надо договариваться, что обязуются постояльцы сделать.

— Давайте договариваться, коли так, — согласился Хабаров.

Спорили долго, рядились насчёт числа рыбин и куропаток, поленниц наколотых дров, но в конце концов кое-как пришли к согласию.

— Перебирайтесь завтра же утром, — сказал Порфирий, подытоживая затянувшийся спор.

Теперь вместо тесного и грязного угла, отделённого от постоялой избы ветхой занавеской, Хабарову и его людям досталось просторное помещение. Вместо сплошных нар — топчаны с мягкой подстилкой, каждый на двух человек. Для Хабарова отдельный топчан с мягкой периной. Перебравшись на новое место, Ерофей Павлович и его спутники первым делом воспользовались баней, находившейся на заднем дворе усадьбы священника. Долго и с остервенением парились, потом выходили на мороз, обтирались снегом, избавлялись от паразитов, накопившихся за дорогу в одежде.

Невдалеке от усадьбы отца Порфирия и его храма, на той же улице жил и Юрий Крижанич. Ещё издали он заметил Хабарова, подошёл к нему и заговорил.

— Давно ли в Тобольске, Ерофей Павлович?

— С конца осени.

— Что ж не заглядывал ко мне по старому знакомству? Или не захотел больше с басурманином знаться?

— Недосуг всё было. Приходилось думать о пропитании отряда. Я крепко сдал, уж не в силах отправляться далеко в тайгу. Решил рыбачить. Сиж у проруби на Иртыше.

— Так что скажешь мне, будем ли продолжать наши беседы?

— Разве я не всё рассказал, что знал о Сибири?

— Наверняка не всё. Приходи, побеседуем. Может, ты ещё что припомнишь. Мне хотелось бы поподробнее узнать о жизни сибирских народов, об их занятиях, верованиях.

Ерофей Павлович выбрался к канонику в один из ближайших дней под вечер. С утра рыбачил, поймал двух осётров и несколько стерлядей, потом присоединился к своим товарищам, коловшим дрова в усадьбе священника. К Крижаничу Хабаров пришёл усталый, его клонило ко сну, поэтому беседа шла очень вяло. По просьбе Юрия он рассказывал о гиляках, обитавших на нижнем Амуре, упомянул о том, что ещё гиляки жили на продолговатом острове, который тянулся вдоль материка напротив амурского устья.

— Припомни, как называется сей остров, — попросил Крижанич.

— Запомню. Гиляки называют его как-то на свой лад.

— А слышал ли ты о медвежьем празднике?

— Конечно. Доводилось дважды видеть его своими глазами.

— Тогда я слушаю.

— Медвежий праздник — он у гиляков главный и обычно приходится на середину зимы. Медвежонка ловят заранее, откармливают его, дают ему вырасти и, когда он превращается во взрослого зверя, привязывают к столбу и убивают стрелами. Медвежье мясо слегка поджаривают на костре и едят. На пир собираются жители соседних деревень, поют песни, бьют колотушками по бревну.

Рассказывая о медвежьем празднике, Ерофей Павлович несколько раз терял нить повествования и непроизвольно зевал.

— Виноват... Я что-то не в себе. Должно быть, притомился за день.

Крижанич заметил, что гость устал, и отпустил его с миром.

— Вам надо отдохнуть, отоспаться, Ерофей Павлович. Отложим нашу беседу до другого раза.

Большого желания идти к хорвату у Хабарова не было. Но где ещё можно предаться воспоминаниям о своих плаваниях по Амуре и где найти такого внимательного слушателя? Не то чтоб совсем неудержимо, но его

как-то неосознанно потянуло к Крижаничу, чтобы продолжать беседу с ним.

На этот раз Ерофей Павлович не пошёл с раннего утра рыбачить или стрелять куропаток — перепоручил это занятие своим помощникам, а сам отправился к хорвату.

— Так на чём мы остановились? — произнёс вместо приветствия Крижанич.

— Я рассказывал о медвежьем празднике.

— После вашего ухода я записал всё, что вы говорили. Послушайте. — Крижанич достал из стола толстую тетрадь в переплёте, прочёл записанное и спросил: — Я ничего не напутал?

— Всё так, — подтвердил Хабаров. — О чём же теперь поведём речь?

— Желал бы я знать о верованиях гиляков.

— Что можно об этом сказать... Они верят в разных духов, добрых и злых. Добрые помогают людям, злые приносят им всякие беды.

— У этих духов есть имена?

— Помнится, главный из идолов носил имя Кине. Гиляки вырезают изображения своих идолов из дерева. Я их не раз видел, иногда они были похожи на человека, а то и на человекоподобное существо, иногда имели облик какого-то зверя. Довелось мне слышать от гиляков о каком-то главном божестве, которого они называют Куш и считают, что он создал все существующее на земле.

— А что они думают о загробном мире?

— Умершего гиляки отвозят в лес и сжигают на костре. Пепел — это как будто и есть умерший. Его оставляют в небольшом домике недалеко от деревни, где жил покойный, здесь же кладут его вещи, одежду, оружие, курительную трубку.

Крижанич слушал Хабарова с нескрываемым интересом и, когда тот завершил свой рассказ, сказал удовлетворённо и с восхищением:

— Сколько же ты, Ерофей Павлович, всего важного знаешь! Какие ценные сведения я от тебя узнал. Спасибо тебе за то, что на беседу со мной время находишь.

Сибирская зима отступала медленно. Только к середине апреля реки полностью очистились ото льда, и можно было пускаться в дальнейший путь.

Из Тобольска на Лену направлялся большой купеческий караван. Годунов распорядился, чтобы глава этого каравана, известный на севере России купец взял к себе Хабарова с сопровождающими. Перед отплытием

каравана воевода принял в своих палатах Ерофея Павловича, чтобы попрощаться с ним и сказать напутственные слова.

Воеводе вновь нездоровилось. Он сидел в глубоком кресле, закутавшись в тёплый халат на меховой подкладке.

— Отбываешь, Хабаров? — спросил вместо приветствия Годунов. — Дальний ещё предстоит тебе путь — Обь, Кеть, Ангара, Илим и волоки. Жаль, что не добился ты своего назначения на Амур. Сочувствую.

— Знать не судьба попасть ещё раз на Амур.

— Не горюй. Хорошие дела можно творить и на твоей Киренге.

Воевода хотел сказать какие-то ободряющие слова, но не очень верил в их значимость.

— Доброго пути тебе, Хабаров. Сохраняй бодрость духа и не грусти. Не всё так плохо у тебя.

На этом прощание с воеводой и закончилось. Не мог предположить Ерофей Павлович, что через каких-то полтора года воеводы Петра Годунова не станет. Уйдёт в мир иной этот энергичный, деятельный человек, немало сделавший для Сибири.

Караван дощаников отбыл из Тобольска в один из первых майских дней, ему опять предстоял долгий и утомительный путь.

Хабаров со своим отрядом высадился в Илимске, а купеческий караван продолжал дальнейший путь на Лену. Сила Осипович Аничков, илимский воевода, тепло встретил Хабарова, пригласил остановиться у него на несколько дней на отдых. Заставил подробно рассказать о своей встрече с тобольским воеводой Годуновым и поездке в Москву. Посочувствовал, что поездка не дала желаемого результата и глава Сибирского приказа не оправдал надежд Хабарова.

— Что я могу сказать тебе, Ерофей? Зело сочувствую тебе, — проговорил искренне Аничков. — А может, оно и к лучшему? Стоит ли тебе в твоём почтенном возрасте сниматься с насиженного места? Я бы на твоём месте не стал этого делать. Займись хозяйством. Распахай новые пашни.

— Остыл я к этому, Сила Осипович.

— А вот это зря. С долгами Якутскому воеводству рассчитался?

— Нет пока. Ещё два года придётся долги выплачивать.

— Два года быстро пролетят. А ты тем временем подумай, как население твоей волости увеличить, создать новые поселения на верхней Лене и Киренге, расширить пашни, поголовье скота увеличить.

Полезные советы дал воевода, но Хабаров ничего на это не ответил. Им владела какая-то апатия, навалилась беспредельная усталость. Не было

желания подымать и расширять хозяйство, распахивать новые пашни, обзаводиться новым скотом. Он понимал, что жизнь его катится к закату, а начатое дело продолжать уже не ему, а его детям. Всё настойчивее одолевала его мысль об уходе в монастырь. Хабаров решил, что если бы он выплатил до конца долг Якутскому воеводству, то там, пожалуй, ему было бы самое место. Долг — большая забота, обуза, которая буквально давила его.

Из всех спутников Хабарова, сопровождавших его в столицу, только двое были из Хабаровки, все остальные из Илимска. Ерофей Павлович распрощался с каждым из них, поблагодарил за службу. Продолжительным оказалось прощание с воеводой.

Сила Осипович уловил настроение Хабарова. Не мог не обратить внимания и на его внешний вид. Прошло не больше года, как Ерофей Павлович покинул Илимск, направляясь в Тобольск и Москву, но он сильно изменился за это время. Стал стариком с обострившимися скулами, поседел и ссутулился. Воеводе хотелось, соблюдая нормы приличия, пожелать Ерофею Павловичу доброго здоровья, он и пожелал, подумав при этом, что пожелание получилось каким-то неуклюжим, неискренним — Хабаров выглядел измождённым стариком на закате жизни.

Аничков сделал всё что мог для Ерофея Павловича, чтобы тот благополучно добрался до своей Хабаровки. Воевода выделил в его распоряжение новый просторный дощаник с большой командой гребцов. Давыд Бурцев, хотя он и был в большом чине — он стал сыном боярским, — сам напросился сопровождать Хабарова до его селения. Аничков проводил Ерофея Павловича до причала, обнял и сказал ему только два слова: «Держись, Ерофей».

Путь от Илимска до Хабаровки был не слишком продолжительным. Чтоб попасть в Лену, приходилось преодолевать несколько малых рек и один волок. Он лежал между Индирмой и рекой Мукой, впадавшей в Кучу, которая, в свою очередь, впадала в ленский приток Куту. Путь этот был Хабарову хорошо знаком, так как он проходил им неоднократно в том и другом направлении. Реки ещё не обмелели настолько, чтобы сделаться недоступными для крупных дощаников. Садись на мели лишь два-три раза и без большого труда снимались с неё и плыли дальше. Наибольшее затруднение доставил волок, который проходил через скалы.

Путники разгрузили дощаник, вытащили его на берег и взялись перетаскивать по шероховатой неровной поверхности. Ерофей Павлович, не желая отставать от спутников, тоже ухватился руками за борт судна. Он поднатужился, но неожиданно почувствовал острую боль в пояснице, его

голова закружилась, и потемнело в глазах. От боли он даже вскрикнул, только выпустил из рук борт дощаника.

Находившийся рядом с Хабаровым Бурцев заметил его состояние, подхватил, помог ему сесть на какой-то бугор.

— Зачем ты берёшься, Ерофей, — неодобрительно сказал Бурцев, — при твоём-то возрасте... Вон сколько у нас здоровых, молодых мужиков.

— Эх, сдал я... — с горечью произнёс Ерофей Павлович. — Подкосила меня эта поездка в Первопрестольную, много сил отняла.

— Что поделаешь, возраст... — в тон ему сказал Бурцев. — Все когда-нибудь старятся и сдают.

Перетаскивали дощаник через волок и спустили его в речку Муку уже без помощи Хабарова. Ерофея Павловича подхватили под руки, доведя до места, усадили между гребцами. Бурцев достал из дорожной сумки флягу и протянул Хабарову.

— Глотни-ка, Ерофей, крепкого зелья. Полегчает, коли теряешь силы.

Ерофей Павлович взял горлышко фляги в рот, смочил язык, но пить не стал. Не было ни желания, ни сил. Ему показалось, что огненное зелье обжигает рот, и лишь запах его вызывает головокружение.

Считаясь с болезненным состоянием Хабарова, Бурцев распорядился почаще устраивать остановки и ночёвки на берегу и сам следил за тем, чтобы для Ерофея Павловича подкладывали у костра охапку веток и прикрывали его тёплыми накидками.

Наконец-то показались очертания Киренгского монастыря, его бревенчатые стены, возвышающиеся над ними купола монастырской церкви.

У стен монастыря располагалось небольшое поселение с казачьим отрядом. Оно было основано ещё в 1630 году десятником Ермолиным и сперва носило название Никольского погоста, переименованного через полтора десятка лет в Киренгский острог. Это название произошло от имени ленского притока Киренги, которая, впадая в Лену двумя рукавами, образовывала остров.

Ерофей Павлович выразил желание высадиться у стен монастыря.

— Свези моих спутников до Хабаровки, — попросил он Бурцева. — И давай, Давыдушка, распрощаемся. Свидимся ли когда-нибудь ещё...

— Свидимся, свидимся непременно... — настойчиво повторял Бурцев. — Тебе надобно отдохнуть с дороги, отоспаться вдоволь.

Двое поселенцев из Хабаровки решили не оставлять Ерофея Павловича одного и тоже высадились у монастыря со всеми нехитрыми вещами. Хабаров тепло распрощался с Бурцевым, уже не веря, что когда-

либо свидится с ним.

В монастыре заметили приближение дощаника. Из ворот вышло несколько монахов. Среди них оказались знакомые Ерофею Павловичу старцы Савватий и Иона, навещавшие его в Хабаровке.

Савватий, державшийся за старшего, осенил Ерофея Павловича крестным знамением и протянул руку для поцелуя, потом благословил и спутников Хабарова.

— С приездом, Ерофеюшка. Милости просим в нашу скромную обитель, — высокопарно проговорил монах.

Ерофея Павловича и оставшихся с ним спутников пригласили к столу, угостили постными щами и кашей. Потом настоятель монастыря выразил желание побеседовать с Хабаровым, спросил о поездке в Москву, а потом перешёл к главному.

— Не изменил ли своего намерения принять монашеский сан?

— О таком намерении я не говорил, — ответил Хабаров.

— Не говорил. Но ведь думал об этом. Служитель Божий умеет читать мысли.

— Ты прав, отче. Я думал о монастырском житье. И сие желание укрепилось.

— Доброе желание. А как решил распорядиться имуществом?

— Чувствую, что остался мне земной жизни малый срок. Всё моё имущество — пашни, покосы, строения — после моей кончины перейдёт в собственность монастыря.

— А почему после твоей кончины? Ворота обители остаются открыты для тебя. Принимай сан и передавай имущество в монастырскую собственность.

— И рад бы, владыко, поступить так, как ты советуешь, да вот...

— Что тебе мешает так поступить?

— Я ведь говорил, что остаюсь пока великим должником якутского воеводы.

— Ну и что? Станешь иноком, все твои долги наследует монастырь. Не станет же якутский воевода вести с ним тяжбу.

— С монастырём, может быть, и не станет тягаться, а вот дети мои могут пострадать.

— Ты же, насколько нам ведомо, исключил детей из числа наследников.

— Не уверен, что воевода на это посмотрит. Сынов моих могут взять под стражу да жестоко пытаться. Я ж не враг своим кровным деткам.

— Как же ты намерен поступить?

— Пишу завещание о передаче моего имения, земельных угодий и строений в собственность монастыря после моей кончины. А пока жив, попытаюсь рассчитаться с воеводством.

На том и закончилась беседа с настоятелем, который вполне удовлетворился решением Хабарова. Одряхлевший, расслабленный, болезненного вида, тот никак не выглядел долгожителем. «Может, протянет год-два», — подумал настоятель и напоследок сказал:

— Тебе потребно, раб божий Ерофей, занять из числа моих старцев духовника, перед которым ты всегда мог бы открыть свою душу.

— Кого посоветуешь, отче, взять в духовники?

— Выбери Савватия, человека достойного, богобоязненного.

— Пусть будет Савватий, — согласился Хабаров с рекомендацией настоятеля.

Он посетил могилу жены на монастырском кладбище, отстоял две службы в храме. Во время последней службы почувствовал себя плохо, опять закружилась голова, будто ослабли колени. Заметив его состояние, спутники подхватили Хабарова под руки и помогли добраться до скамьи у стены.

Монастырь предоставил Ерофею Павловичу лодку с двумя послушниками-гребцами, чтоб он мог добраться до Хабаровки. Там его встретил управляющий, готовый доложить о состоянии хозяйства, но Хабаров отмахнулся от него:

— Потом, потом, голубчик. Всё расскажешь. А сейчас помоги мне добраться до постели. Хвор я. Дорого обошлась мне эта поездка.

Ерофей Павлович беспробудно спал несколько суток. Просыпался только для того, чтобы выпить кружку горячего молока. Когда наконец он поднялся после долгого сна, то приказал истопить баню, а потом вызвал управляющего.

— Поведай, как там у нас расчёты с воеводой, — спросил его Хабаров.

— За этот год должок сполна выплачен.

— Какой ещё долг висит над нами?

— Не зело великий. Если вот так будем ежегодно его выплачивать, понадобится лет пять.

— Пять — это слишком. Не сумею расхлебаться до конца дней своих. А конец мой может наступить скоро.

— Полно, полно, батюшка. Не говори так.

— Не перебивай. Я правду говорю. Скажи-ка лучше, какие запасы зерна имеются в наших амбарах?

— Есть запасы. Это примерно половина той годовой нормы, какую мы выплачиваем в счёт долга.

— Оставь мне на пропитание малую толику, а остальное свезёшь в Якутск в счёт погашения долга. И повидай там сынка моего старшего. Он сейчас в Якутске?

— Не слыхал, чтоб он отправлялся куда-нибудь на дальнее зимовье.

— Свезёшь ему пятьсот рубликов, которые я сумел припрятать, и кое-что из вещей. Да передай ему, что жениться пора. Давно пора.

— Передам непременно.

— А кого-нибудь пошли за моим младшеньким, Максимкой.

— У него, кажись, молодуха на сносях.

— Похвально, коли так.

Максимка незамедлительно наведалься к отцу. Ерофей Павлович обнял сына, потом одарил, отдал ему новый полушубок, кое-что из посуды и триста рублей.

— Мне уже всё это не понадобится, — произнёс он с горечью, — а ты подымай хозяйство.

Пока управляющий плывал до Якутска с грузом зерна, Хабаров выискивал возможности, где бы можно было скупить зерно для дальнейшей выплаты долга.

В укромном месте у Ерофея Павловича было припрятано немного денег, которые он потратил на закупку зерна. Управляющий вернулся из Якутска с приветом Хабарову от тамошнего воеводы, который выражал своё удовлетворение и высказывал ему похвалы.

Ерофей Павлович тем временем неторопливо занимался составлением завещания, по которому вся нажитая им недвижимая собственность после его кончины переходила во владение Усть-Киренгского монастыря. Текст завещания был передан через Савватия, часто навещавшего Хабарова, настоятелю монастыря. Копию завещания Ерофей Павлович переслал в Илимск воеводе Аничкову. Воевода подтвердил получение завещания и сообщил в монастырь, что с его стороны данное завещание не встретило возражения.

В конце зимы Хабаров распродал стада коров, оставив себе лишь одну хорошую дойную корову. Так же он поступил с овцами, свиньями. Вырученные от продажи деньги отправил в Якутск в счёт погашения числившегося за ним долга.

К концу 1670 года весь долг Якутскому воеводству был погашен. Теперь можно было вздохнуть облегчённо. Однако сразу после того как управляющий сообщил Хабарову, что передал последнюю часть долга

воеводе в Якутск, у Ерофея Павловича случился приступ. Заколело сердце, дыхание стало прерывистым, отнялись ноги.

Незамедлительно послали за Максимом, который спешно приехал по санному пути.

— Узнаешь меня, сыночек? — с трудом спросил Ерофей Павлович. — Люди говорят, исхудал я, неузнаваемо изменился. Сделай доброе дело, свези меня в монастырь. Только закутай потеплее.

Максим выполнил просьбу отца. Монахи встретили его у ворот монастыря, перенесли во внутренние покои, где собрались все монахи и послушники. Над умирающим Ерофеем Павловичем, пребывавшем в забытии, был совершён обряд пострижения.

В течение нескольких дней умирающий не приходил в сознание, не узнавал никого, даже сына, не принимал пищу. Скончался он в начале февраля 1671 года.

Похороны были многолюдными. Собрались все жители Хабаровки и других окрестных селений. Похоронили Ерофея Павловича на монастырском кладбище рядом с могилой его жены Василисы. Мёрзлая земля не поддавалась лопате. Послушники долго долбили её ломами, совсем выбившись из сил. На помощь пришли казаки из гарнизона. Общими усилиями удалось вырыть не слишком глубокую могилу.

Монахи Усть-Киренгского Троицкого монастыря известили илимского воеводу Аничкова о смерти Ерофея Хабарова. Они писали воеводе «а ночью он, Ярафей, умер» и просили воеводу подтвердить право монастыря на владение всем недвижимым имуществом, которое было ему завещано Хабаровым, что воевода, очевидно, и сделал.

Мы не знаем точной даты рождения Ерофея Павловича и о дате его смерти можем говорить лишь приблизительно. Поэтому трудно судить о возрасте, до которого он дожил, но исследователи склоняются к тому, что к моменту кончины Хабарову было 64-66 лет.

19. Заключение

Итак, завершился земной путь Ерофея Павловича Хабарова. Путь, насыщенный бурными событиями, радостными и горькими. Можно ли выделить среди этих событий главное, которое определило роль Хабарова как исторического деятеля? Пожалуй, главным событием — а правильнее сказать, периодом в его беспокойной жизни — была амурская служба, освоение Приамурья.

Какова же оказалась дальнейшая судьба Приамурья, освоение которого ставится в заслугу Хабарову? Сложная оказалась судьба, связанная с бурными событиями, развивавшимися не слишком удачно для Российского государства. Понадобилось немалое время, чтобы на его дальневосточных рубежах воцарились мир и справедливость.

Чтобы дать этому логическое объяснение, и понадобилась эта заключительная глава.

Внешнеполитическая обстановка на Дальнем Востоке во второй половине XVII века складывалась для Российского государства неблагоприятно. Царствование Алексея Михайловича было насыщено столкновениями с соседями, военными событиями. Это оттягивало вооружённые силы страны и препятствовало усилению гарнизонов на Дальнем Востоке, которые могли бы противостоять воинственным соседям.

В 1654 году произошло историческое закономерное воссоединение Руси с Украиной, вызвавшее резкое осложнение отношений с Речью Посполитой. Дело дошло до военных действий между обоими государствами. Конец 50-х годов ознаменовался войной со шведами. Много сил потребовало подавление крестьянской войны под руководством Степана Разина (1670—1671 гг.). Имели место и столкновения с османами и крымскими татарами, тревожившими южные пределы Российского государства. На всех западных и юго-западных границах требовался серьёзный заслон из вооружённых сил.

Все эти события препятствовали усилению воинских формирований на Дальнем Востоке и созданию там сильного противовеса вооружённым силам маньчжур и монголов (мунгал). Воеводы восточно-сибирских воеводств настойчиво просили московские власти значительно увеличить вооружённые силы у восточных границ, но эти просьбы оставались без ответа либо выполнялись в малой мере. Такая судьба постигла и усилия

Ерофея Павловича Хабарова в тот период, когда он нёс службу на Амуре.

Всё же воинственное поведение южных соседей заставило московские власти обратить внимание на защиту дальневосточных рубежей. В 1682 году, одиннадцать лет спустя после кончины Хабарова, было создано Албазинское воеводство. В его состав входила долина реки Амур от слияния Шилки и Аргуни. Без применения военной силы Российское государство смогло значительно расширить свою территорию на востоке за счёт освоения огромных пространств.

Заселяя и осваивая Сибирь, русские столкнулись с серьёзной проблемой защиты её юго-восточных рубежей от воинственных джунгаров, государство которых возникло в начале XVII века и охватывало земли монгольских ханств между пустыней Гоби, Алтаем и Тянь-Шанем, а также земли нынешнего восточного Казахстана, Кашгарии и южной Монголии. Джунгарские феодалы не хотели мириться с продвижением русских на восток. Той же позиции придерживались и маньчжуры. Маньчжурская династия Цинь утвердилась на престоле китайских императоров и правила Китаем до 1911 года.

Появление русских на Амуре было встречено маньчжурскими феодалами крайне враждебно, хотя никогда никаких маньчжурских органов власти на Амуре не было. Маньчжуры ограничивались здесь лишь грабительскими набегами и уводом пленников из числа местных жителей.

Перед русскими властями вставала серьёзная задача, как организовать надлежащую оборону Приамурья и противостоять вторжению маньчжурских вооружённых отрядов. Эта задача осложнялась тем, что русские могли противопоставить маньчжурам гораздо меньшие силы. Хабаров, командуя русскими силами на Амуре, дважды сталкивался с нападением превосходящих сил маньчжур, которые в обоих случаях терпели поражение, понеся серьёзные потери.

При огромных просторах Сибири и при своих сравнительно малых силах русские были вынуждены возлагать серьёзные надежды на строительство острогов, крепостей, укреплённых поселений. Их возведению предшествовал тщательный выбор места, которое должно было отвечать целому ряду требований, быть стратегически выгодным, иметь по соседству плодородные земли, которые могли бы обеспечить гарнизон продуктами питания.

Главным материалом для возведения крепостных сооружений было дерево, преимущественно лиственница или ель. Характер сооружения зависел от численности гарнизона. Обычно крепость или острог представляли собой укреплённое поселение, которое окружалось стенами и

глубоким рвом. Стены дополнялись башнями с бойницами. Внутри стен возводились казармы, продовольственные склады, хранилища боеприпасов. Крупные поселения имели церковь или часовни.

Для строительства привлекались не только люди из гарнизона, но и местное население, занимавшееся земледелием и охотничьим промыслом и рыболовством. Оно принимало участие в заготовке материала, его доставке к месту строительства, выполнению плотницких и земляных работ. В случае нападения противника за стенами острога или другого оборонительного сооружения укрывались не только бойцы гарнизона, но и окрестные крестьяне, промысловые и посадские люди.

Поскольку с присылкой пополнения из Европейской России возникали сложности, воевода стремился воспользоваться внутренними резервами. На воеводскую службу охотно привлекались не только русские, обосновавшиеся в этих краях, но и представители местных, сибирских народностей. Вот характерный пример. В Забайкалье на русской службе оказался принявший в 1651 году русское подданство тунгусский предводитель Гантимур, а за ним и его сын, выставивший значительный конный отряд.

Во второй половине XVII века участились нападения маньчжур на русские поселения. Циньские власти стремились всеми мерами заставить русских покинуть берега Амура.

Российские власти рассматривали военное столкновение с маньчжурами лишь как крайнюю меру, стараясь найти возможность для мирного урегулирования отношений с противоположной стороной. Для этой цели были предприняты конкретные шаги. В 1654 году из Тобольска было направлено в Китай посольство «для присматривания в торгах и товарах и в прочих тамошних поведениях». В качестве главы посольства выбрали Фёдора Исаковича Байкова. До своего дипломатического назначения он был одним из стольников митрополита Филарета. Почти два года понадобилось посольству, чтоб добраться до Пекина. По-видимому, на последнем участке пути посольство встречало всяческие препятствия и задержки со стороны маньчжурских властей. Однако дипломатическое поручение Байков исполнить оказался не в состоянии. В продолжение всего своего шестимесячного пребывания в китайской столице русское посольство сидело взаперти и занималось лишь бесплодными препирательствами с маньчжурскими властями. Пекинские чиновники досаждали посольству мелочными требованиями и придирками, воспрепятствовав личной встрече посла с богдыханом. Миссия Байкова не дала никаких практических результатов, и он покинул Пекин ни с чем.

Возвратившись в Москву, Байков представил подробное описание своего путешествия, содержащее богатые и интересные сведения о Китае. Это описание при крайней недоступности этой страны в XVII веке вызвало большой интерес в Западной Европе, внося весомый вклад в географическую науку. Близкий к Петру I пытливый амстердамский бургомистр и учёный Витсен смог приобрести копию с донесением Байкова и использовал его в своих сочинениях.

В 1675 году русским правительством была предпринята новая попытка наладить мирные отношения с маньчжурским Китаем. На этот раз главой русского посольства в Китай был назначен Николай Гаврилович Спафарий-Милеску, получивший хорошее западноевропейское образование и служивший молдавскому и валашскому государям, а затем переехавший в Россию и поступивший на русскую дипломатическую службу. В 1675—1678 годах Спафарий, возглавляя русское посольство, пытался добиться той цели, какой не удалось достичь его предшественнику Байкову, т.е. установить с Китаем торговые и дипломатические отношения. Однако Спафарию этой цели достичь не удалось.

Спафарий-Милеску, человек наблюдательный и пытливый, оставил ценные записки о своём путешествии, которые впоследствии были изданы вместе с другими его трудами.

Так две попытки российских властей наладить мирные отношения с маньчжурами не увенчались успехом. Это можно было объяснить взглядами правителей маньчжурского Китая, которые рассматривали любое иностранное государство как страну низшего ранга, признавать её Пекин может лишь в качестве своего вассала.

Неудача в деле налаживания добрососедских отношений с маньчжурами заставила ожидать с их стороны новых враждебных действий. При пекинском дворе в это время находились два иезуита, Жербиньон и Перейра. Они выступали в роли советников богдыхана, а фактически подстрекали маньчжуро-китайское воинство против русских на Дальнем Востоке.

На протяжении 70-80-х годов XVII века русские города и поселения неоднократно подвергались нападению со стороны маньчжурских войск. Целью этих нападений было создание для русских на Амуре невыносимых условий, которые заставили бы их покинуть Приамурье.

Считаясь с крайне неблагоприятной обстановкой, Сибирский приказ предписывал нерчинскому и албазинскому воеводам укреплять охрану границы, ставить всё новые остроги в стратегически важных местах. Особенно сложной и тревожной обстановка в Забайкалье и Приамурье

сложилась к 90-м годам XVII века.

Нападающей стороной выступали отряды феодалов северной Монголии, подстрекаемых маньчжурами. Одним из них был Очира Саи-Хан, совершивший со своими отрядами несколько провокационных нападений на русские поселения. Эти постоянные нападения, продолжавшиеся в течение шести лет, в конце концов привели к тому, что русские вооружённые силы и местное население Забайкалья собрались с силами и дали отпор нападавшим. Несмотря на значительный перевес сил, противник почти не располагал огнестрельным оружием, вовсе не имел пушек. Монгольские феодалы по здравому размышлению и вынужденно пошли на переговоры и замирились с северными соседями.

Маньчжуры же не прекращали своих грабительских набегов всю вторую половину XVII века. Набеги сопровождались захватом местных жителей. Поля их опустошались, посевы уничтожались. Подобные разбойные действия преследовали свою цель: лишить русскую часть населения продовольственной базы, держать их в страхе перед возможными разбойными нападениями.

Маньчжурское население распространялось по территории нынешнего северо-западного Китая крайне неравномерно. Его основная масса обитала в центральной и южной Маньчжурии, где находились города, резиденции феодалов. Северная же часть страны, примыкавшая к Амуру, была почти безлюдна. Поэтому, когда император Канси, основоположник Циньской династии, распорядился начать военные действия против русских, его распоряжение натолкнулось на затруднения. Одно из них — отсутствие опорных баз в северных и северо-восточных районах Маньчжурии, на которые могли бы базироваться их вооружённые силы. Отдалённость от основных баз снабжения, находившихся в центральной части Маньчжурии, и раньше ограничивала продолжительность маньчжурских набегов: быстро исчерпав запасы продовольствия и боеприпасов, маньчжуры были вынуждены отойти к своим удалённым от Амура базам. Кроме того, к тому времени маньчжурское военное руководство ещё не располагало достаточными сведениями о Приамурье, его природе, всех русских опорных пунктах и укреплениях. Это заставило начать планомерные исследования местности на подступах к Амуру, строить суда для плавания по амурскому притоку Сунгари, на которых предполагалось завозить запасы продовольствия и боеприпасов. Маньчжурская сторона серьёзно готовилась к столкновению с русскими силами, вела тщательную разведку. К примеру, в начале осени 1652 года в верховья Амура был направлен видный маньчжурский военачальник Лантань. Император Китая поставил

перед ним задачу выяснить местоположение Албазина, главного опорного пункта русских в этом районе.

Не считаясь с тем, что русские фактически владели землями Приамурья более сорока лет, маньчжурские власти подготовили вымышленные документы, оправдывающие свои притязания на них. Циньские власти стремились представить дело так, что Приамурье исконно принадлежало им, а затем было отторгнуто «захватчиками», поэтому Циньская империя, осуждая такой «захват», считала «освобождение своих земель» своей справедливой «исторической миссией».

К осуществлению этой задачи маньчжуры приступили в 1653 году. В начале этого года маньчжуры построили свои опорные пункты Эсули между городами Айгунем и Курарой, а во второй половине года начали завоевательный поход по реке Зее и её притоку Селендже. К тому времени долины этих рек уже осваивались русскими, здесь были возведены остроги и поселения. Местное население, как русские, так и аборигены, подвергалось грабежам, разрушались их жилища, но завоеватели лицемерно заявляли, что они пришли защищать местные народы от русских захватчиков. На деле же представители малых народов бежали при приближении маньчжурских отрядов под защиту русских и вместе укрывались в горах и тайге.

Нападение маньчжур происходило почти в одно время с разбойными действиями монгольских феодалов в Забайкалье. Очевидно, действия этих сил были каким-то образом согласованы. Русские силы в Приамурье и Забайкалье оказались в затруднительном положении. Местные воеводы не могли противопоставить противнику достаточно сил, хотя и пытались принять меры, чтобы остановить агрессию маньчжур. Воеводы обращались с просьбами прислать подкрепление. Воеводства, не затронутые военными действиями, присылали людей и вооружение, поступала помощь и из европейской части страны, но приходила она с большим запозданием, а размеры её оставляли желать большего. Внешнеполитические осложнения, с которыми в то время сталкивалось государство, лишали его возможности посылать на Дальний Восток значительную помощь.

Этим пользовался противник. В середине 1688 года маньчжурский отряд полностью овладел бассейнами рек Зеи и Бурей, угрожая тем самым русским в Якутии и на Охотском побережье.

План маньчжур заключался в том, чтобы овладеть верховьями Амура и Забайкальем и оттеснить русских до верховьев Лены. На пути осуществления этого намерения стоял укрепленный город Албазин, важный опорный пункт русских в Приамурье.

Летом 1685 года маньчжурское войско, действуя по приказу императора Канси, начало наступление на Албазин. Превосходящие силы маньчжур, которыми командовал Лантань, окружили и осадили его. Лантань направил осаждённым предложение сдаться, те ответили ему решительным отказом.

Военные действия маньчжур совпали с наступлением монгольских феодалов, осадивших Селенгинск и Удинск. Монголы ограничились осадой этих городов, но от их штурма отказались, так как не располагали необходимым для этого вооружением и не имели наступательного опыта. Воевода Селенгинска заявил, что мунгалы (монголы) не являются серьёзной силой, гораздо большую опасность представляют богдоевцы, т.е. маньчжуры, так как в сравнении с их числом защитники города, у которых с «порохом и оружием скудно», испытывают «малолюдство».

Под Албазином сложилась тяжёлая обстановка. Его защитников возглавлял воевода Толбузин. Готовясь к нападению противника, он старался усилить крепостные сооружения, но не успел завершить эту работу. Многие участки крепостных сооружений оказались разрушенными, но албазинские служилые люди, к которым присоединились и окрестные поселенцы, героически отбивались от врага. По данным источников, только за один день штурма потери защитников превысили сотню человек, а нападавшие потеряли в полтора раза больше, но так и не смогли ворваться в крепость. Возможности защитников к концу первого дня боя оказались исчерпанными. В крепости кончились все запасы пороха и свинца. Маньчжуры тем временем обложили крепостные стены горами хвороста и дров и подожгли. В этой критической обстановке Толбузин вынужден был вступить в переговоры с маньчжурами и обговаривать условия сдачи. Маньчжуры предложили оставшимся в живых покинуть крепость и уйти в Нерчинск. Лантань пошёл на этот, казалось бы, гуманный шаг, так как стремился покончить с Албазином до прихода свежих русских подкреплений. Богдыхан Канси, получив от Лантаня донесение о взятии Албазина, восторженно написал: «Эту победу ещё мало считать заслугой первой степени. Её следует назвать первой среди военных заслуг первой степени».

Овладев Албазином, маньчжуры приняли решение разрушить его до основания. Его бревенчатые постройки были сожжены, земляные укрепления скрыты. После уничтожения занятой крепости маньчжуры вышли к устью Аргуни, но от своего первоначального намерения продолжать наступление на Нерчинск отказались. Одна из причин в том, что маньчжуры, надеявшиеся на поддержку монгольских феодалов и

тунгусов, такой поддержки не получили.

В это время командование маньчжурской армии получило из Пекина приказ вернуться в Китай, и Толбузин воспользовался её уходом и решил вернуться в августе 1685 года в Албазин, вернее, на его пепелище. Его отряду фактически пришлось строить крепость заново, несколько ниже прежнего Албазина. На подмогу гарнизону прибыл отряд казаков и служилых людей численностью в 669 человек под командованием А.И. Бейтона, немца на русской службе. Новая албазинская крепость была построена, а вблизи неё засеяли хлебными культурами почти пятьсот десятин. Около года продолжалось спокойное житьё.

Маньчжуры появились у стен нового Албазина в июле 1686 года. Они сосредоточили здесь примерно шесть с половиной тысяч человек и 56 орудий. Силы нападавших и оборонявшихся были неравны. Албазин защищали всего лишь 526 человек, располагавших только двенадцатью пушками, но на этот раз нападение не застало защитников крепости врасплох: о приближении противника сообщила русская разведка. Защитники поклялись оборонять крепость до конца и без приказа Албазина не покидать. Бои за Албазин продолжались десять месяцев и носили ожесточённый характер. Все попытки овладеть крепостью оказались безрезультатными. Толбузин во время одного из боев получил смертельное ранение. После его кончины оборону крепости возглавил Бейтон, проявивший смелость и решительность.

Попытка маньчжур взять Албазин штурмом не удалась, и тогда неприятель решил перейти к длительной осаде. Во время осады крепости обе стороны несли внушительные потери. К осени 1686 года маньчжуры, увеличив свою армию под Албазином до десяти тысяч человек, предприняли новый штурм, но и он не принёс результата. Русские к тому времени потеряли значительную часть гарнизона, а потери маньчжур достигли двух с половиной тысяч человек.

Героическая оборона Албазина сорвала захватнические планы противника. Император Канси вынужден был изменить политику и прибегнуть к дипломатическим манёврам. Правительство циньского Китая при посредничестве голландского посла сообщило в Москву о своём желании начать с российской стороной мирные переговоры. Осенью 1686 года в Пекин прибыли русские послы Н. Венюков и И. Фаворов. В итоге непродолжительных переговоров маньчжурская сторона дала обещание снять осаду Албазина и дожидаться официального русского посольства.

Между тем маньчжурская сторона лукавила, её войска не сокращали свою численность и оставались на месте, удалившись от Албазина всего на

четыре версты. Только в августе 1687 года они были отведены к своему укрепленному городку в устье Зеи.

Зимой того же года русские оказались в состоянии войны с Джунгарией, а в Забайкалье вторглись монгольские войска, которые возглавил Очира Саи-Хан. Их численность достигала двенадцать тысяч человек, тогда как все разбросанные по большой территории силы русских не превышали и двух тысяч.

Монгольские войска обзавелись с помощью циньского Китая огнестрельным оружием, пушками и пищалями. Монголы продвигались в сторону Иркутска, реально угрожая этому городу невядалеке от истоков Ангары. Чтобы усилить оборону Забайкалья сюда был направлен отряд московских стрельцов под командованием полковника Ф. Скрипицына. Командуя отрядом в пятьсот стрельцов, он провёл несколько удачных операций вблизи Удинска и у стен осаждённого Селенгинска, где монголам было нанесено сокрушительное поражение. А через некоторое время они потерпели также внушительное поражение от джунгар. Монгольские войска ушли в пределы северной Монголии и прекратили свои операции. Таким образом, обстановка на Дальнем Востоке существенно изменилась.

Это придавало русской стороне уверенность в попытках урегулирования отношений с Циньской империей мирным путём. Поэтому правители маньчжурского Китая также решили пойти на переговоры с Россией, надеясь добиться миром удовлетворения своих территориальных претензий.

Мирные переговоры начались 12 августа 1689 года вблизи Нерчинска. Обстановка переговоров была крайне неблагоприятна для русской стороны, испытывавшей военное давление со стороны маньчжур. С русской стороны вели переговоры дипломат, боярин Ф.А. Головин, нерчинский воевода И.Е. Власов и подьячий С. Корницкий. Маньчжурскую сторону представляли Сонготу, воевода войска, располагавшегося под Нерчинском, Тун Гоган, дядя богдыхана, и Лантань, военачальник, командовавший маньчжурскими силами под Албазином. При делегации маньчжуров находились в качестве советников два иезуита, француз Ф. Жербион и португалец Т. Перейра. Они занимали крайне недружелюбную позицию к русским послам, старались тормозить и осложнять переговоры.

Обе делегации руководствовались определёнными инструкциями правительств, которые существенно расходились.

Ф.А. Головин должен был отстаивать государственную границу между обоими государствами по Амуру. Предписание, данное в Москве Головину, гласило, что «кроме оной реки (т.е. Амура) никакая граница не будет

крепка, также чтобы подданные обоих государств с одной стороны к другу за реку Амур не переходили, с ясачных людей ясака не собирали и никаких обид им не чинили». Далее предлагалось пограничные ссоры урегулировать, разрушенные острожки восстановить и людьми заселить, как это имело место прежде.

Головин получил указание добиваться этой цели только мирными средствами. Известно, что ещё со времён Пояркова и Хабарова русские поселения и опорные пункты располагались по обоим берегам Амура; чтобы облегчить урегулирование спора, русская делегация предложила противоположной стороне установить границу по Амуру, не претендуя на его правый берег, хотя там никогда не было постоянного маньчжурского населения.

Предписание пекинских властей маньчжурской делегации включало требование передать циньскому Китаю Забайкалье и Приамурье. Претензии распространялись не только на правый, но и на левый берег реки, освоенный русскими людьми. Причём понятие «левый берег» истолковывалось неопределённо, включало земли и по левым амурским притокам, рекам Зее, Бурее и другим. Маньчжуры претендовали на обширные земли от Амура до Станового хребта. Северная граница этой территории была обозначена весьма неопределённо, поскольку, по существу, она была маньчжурам абсолютно неведомой.

Состоялись всего три встречи делегаций. Стороны изложили свои требования.

Причём требования маньчжурской стороны носили самый нелепый и абсурдный характер, поскольку маньчжурская делегация ссылалась на вымышленные источники. Одним из них было заявление, будто бы Амур протекает по территории, принадлежащей маньчжурам со времён Александра Македонского, основателя династии Цинь. Несомненно, такой аргумент не убедил русскую делегацию. Выдвигались маньчжурской стороной и другие территориальные требования, свидетельствовавшие о её полной географической неосведомлённости. Так, в сфере притязаний маньчжур оказались вся Чукотка, северо-восток Якутии. Вероятно, такое нелепое требование было подсказано маньчжурам иезуитами, более осведомлёнными в области географии.

Выдвигая свои нелепые требования, маньчжуры пытались воздействовать на русских, демонстрируя свою силу: крупное маньчжурское войско, развернув знамёна, окружило Нерчинск.

После долгих препирательств между делегациями Головин всё же добился заключения договора с Циньской империей. Договор был

подписан 27 августа 1689 года, получив название Нерчинского трактата, или договора. Это был первый договор между Китаем и европейским государством о границе, торговле и другим проблемам международных отношений.

Нерчинский договор дал чёткое определение границы только на её западном, сравнительно небольшом участке в бассейне реки Шилки — по рекам Горбице и Аргуни. Восточная же огромная территория осталась неразграниченной. В старой географической и исторической литературе, в частности в энциклопедии Брокгауза и Эфрона, мы находим упоминание, что восточный участок границы между Россией и Китаем проходил по Становому хребту. Следовательно, вся огромная территория к северу от Амура переходила к маньчжурскому Китаю. Нелепость и неопределённость формулировок договора дали основание сомневаться в их действительности. Как пишет Советская историческая энциклопедия «Граничная линия по Нерчинскому договору была крайне неопределённой (кроме участка по р. Аргунь), так как названия рек и гор, служивших географическими ориентирами к северу от Амура, не были точны и идентичны в русском, латинском и маньчжурском экземплярах договоров, размежевание земель близ Охотского побережья вообще откладывалось до более благоприятного времени...»

Восстановление исторической границы между Россией и Китаем на Дальнем Востоке было сложным историческим процессом, затянувшимся почти на два столетия. Эта проблема была решена в результате мирных дипломатических усилий Российского государства, восстановившего своё право на территории, составлявшие часть России ещё в первой половине XVII века.

Дальнейшую историческую судьбу Приамурского края решил Айгунский договор 16 (28) мая 1858 года, заключённый благодаря усилиям и инициативе талантливого государственного деятеля Николая Николаевича Муравьёва, вошедшего в историю как граф Муравьёв-Амурский. Совместно с маньчжурским главнокомандующим на Амуре И. Шамем граф подписал в городе Айгуни договор. В преамбуле к нему подчёркивалось, что он заключён «по общему согласию, ради большой, вечной взаимной дружбы двух государств для пользы их подданных и для охранения от иностранцев».

В отличие от Нерчинского, Айгунский договор чётко определил границу между Россией и Китаем. Левый берег Амура, образуемого от слияния Шилки и Аргуни, до самого устья признавался российской территорией. Ещё оставался открытым вопрос об Уссурийском крае от

амурского притока Уссури до Татарского пролива и Японского моря, «впредь до определения границ между двумя государствами».

Договор разрешил плавание по важнейшим рекам края, Амуру, Сунгари и Уссури, только судам России и Китая. Судам других иностранных государств такое плавание было запрещено.

Дополнением к Айгунскому договору стал подписанный в том же году русско-китайский Тяньцзинский договор. А через два года (в ноябре 1860 года) русский представитель Н.П. Игнатьев и китайский Гун подписали дополнение к предыдущим договорам о торговле между подданными обоих государств. Этот же договор завершил определение границы между Россией и Китаем на Дальнем Востоке. Речь шла об определении границы в Уссурийском крае. Теперь крайний восточный участок российско-китайской границы проходил по амурскому притоку Уссури, Сунгаче, озеру Ханко, реке Боленхэ, горным массивам до реки Тутындзян и далее на юг до пункта на побережье Японского моря.

Подписанные впоследствии новые соглашения с Китаем или пересмотренные старые не ставили вопроса об аннулировании или пересмотре соглашений, определяющих российско-китайскую границу. Ещё в 1969 году (30 марта) СССР выступил с заявлением: «Советско-китайская граница на Дальнем Востоке, как она существует сейчас, сложилась много поколений тому назад и пролегает по естественным рубежам, разделяющим территории Советского Союза и Китая. Эта граница юридически была оформлена Айгунским (1858 год), Тяньцзинским (1858 год) и Пекинским (1860 год) договорами...» Территориальные вопросы, зафиксированные в этих договорах, и поныне полностью сохраняют свою силу.

Путешественники и государственные деятели России, приложившие немало усилий к возвращению России территории Приамурья, часто вспоминали Ерофея Павловича Хабарова. Его имя мы находим в работах географа и историка XVIII века Герарда Фридриха (Фёдоровича) Миллера. Он первым из русских учёных составил описание походов землепроходца и использовал исторические документы, выступив с несколькими публикациями.

Историей Хабарова живо интересовался исследователь Дальнего Востока, учёный и путешественник Геннадий Иванович Невельской. В 1849—1855 годах он руководил Амурской экспедицией при поддержке генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва-Амурского. В результате исследований он доказал, что устье Амура доступно для морских судов, что Сахалин не полуостров, а остров и отделяется от

материка судоходным проливом. Летом 1850 года Невельской поднял русский флаг в основанном им порту Николаевске (нынче Николаевск-на-Амуре). Деятельность Невельского способствовала восстановлению российской власти на Амуре. Геннадий Иванович высоко ценил историческую роль Ерофея Павловича и считал себя продолжателем его дела.

Николай Николаевич Муравьев-Амурский также с большим уважением относился к памяти Хабарова, живо интересовался его деятельностью. Муравьеву принадлежит инициатива увековечения памяти Ерофея Павловича на географической карте Дальнего Востока.

Ещё в мае 1858 года военный пост, поставленный при слиянии Амура с его притоком Уссури, был назван Хабаровкой. Пост стал быстро расти и уже в 1880 году стал городом, получившим название Хабаровска. В 1897 году его население составляло 15 тысяч жителей. Быстрому росту города способствовало железнодорожное строительство. В 1897 году Хабаровск получил выход к морю. Железная дорога связала его с портом на Японском море, Владивостоком. В 1916 году завершилось строительство железной дороги, связавшей Хабаровск с Забайкальем.

Одна из главных достопримечательностей современного города — памятник Ерофею Хабарову на привокзальной площади. Он был сооружён по проекту местного скульптора Я.П. Мильчина, а его открытие приурочили к празднованию столетия города (1958 год).

Памятник стал украшением города и его символом.

Изваяние первопроходца, отлитое из бронзы, высится на гранитном постаменте, воспроизводящем шероховатый каменный утёс. Фигура Хабарова крепка, она словно передаёт богатырскую силу, бесшабашную удаль первопроходца. На голове его заломлена назад казацкая шапка, на мускулистые плечи наброшена соболиная шуба.

Памятник Хабарову в городе, носящем его имя, не единственное напоминание на Дальнем Востоке об этом славном историческом деятеле. Его имя носят железнодорожная станция и пристанционный посёлок на западе Амурской области, их название — Ерофей Павлович.

СЛОВАРЬ

Алебарда (бердыш) — старинное холодное оружие в виде изогнутой секиры или полумесяца на длинном древке. В XVII веке сохранились в основном в качестве церемониального оружия, вооружения дворцовой стражи.

Аманат — заложник, аманатов принято было брать для обеспечения точного выполнения договора или обязательств.

Бан — южнославянское произношение слова «пан», господин. В Хорватии этим словом называли начальников некоторых областей.

Башибузук — разбойник, хулиган. Иногда это слово употреблялось в переносном смысле — шумливый, дерзкий, невыдержанный человек.

Бердыш — см. алебарда.

Басурман, басурманин — иноверец, приверженец неправославной религии; *басурманство* — иноверчество, приверженность к неправославной религии.

Ватага — шумная толпа, сборище, людская орава; также название отряда.

Витин — воин.

Волок — участок суши между двумя водными путями, через который в старину перетаскивали суда.

Вор, ворье — изменник, злодей, нарушитель правопорядка в широком смысле.

Выкидник — плавучий лес, выброшенный течением реки на берег.

Гиляки — аборигенный народ, проживающий на нижнем Амуре и Северном Сахалине; современное Название — нивхи.

Гость — 1) посетитель; 2) купец, торгующий в разных городах и чужих странах, иноземный купец.

Гульбище — переход, галерея, высокое крыльцо с открытой галереей.

Дауры, дахуны — аборигенный народ, обитавший по среднему Амуре, в конце XVII—XVIII веках насильственно переселённый маньчжурами в северную Маньчжурию, главным образом на реки Сунгари и Нонни.

Даурия — территория, заселённая маньчжурами.

Дощаник — крупное речное судно, могло быть парусным.

Дьяк — правительственный чиновник высокого ранга.

Дючеры — приамурская народность, ответвление маньчжур, обитающих по Амуру от устья Зеи и ниже, а также в низовьях амурских притоков Сунгари и Уссури. В конце XVII века были насильственно переселены маньчжурами на реки Нонни и Мудадзьян.

Есаул — казачий командный чин.

Заимка — одинокая земледельческая усадьба, хутор.

Зело — очень, весьма.

Золовка — сестра мужа.

Кабала, кабальная запись — одна из форм феодальной зависимости и эксплуатации; уговор, письменное деловое обязательство, определяющие чью-либо зависимость от кого-либо. В XVII веке на Руси было распространено долговое рабство на основе такой записи.

Казачок — мальчик-слуга, мальчик на побегушках, рассыльный.

Каменный пояс — старинное название Уральского хребта.

Карабин — ручное огнестрельное оружие типа ружья.

Каюр — проводник, «кучер» при езде на собаках.

Кистень — старинное оружие в виде рукояти с набалдашником.

Клир — богослужебный персонал храма, включающий священников, дьяконов, псаломщиков.

Князёк — родовой или племенной предводитель у коренных народов Сибири.

Коч — старинное мореходное палубное судно с одной мачтой.

Кулёма — ловушка на пушных зверей и птиц давящего действия.

Куяк — доспехи.

Ладья, лодья — большая вёсельная лодка для речного и морского плавания.

Лобное место — городская площадь, где происходили разные общественные мероприятия, объявлялись царские указы, совершались казни.

Лодейный двор — место для судостроения и производства лодок.

Ляхи — поляки.

Московка — так называлась в XVII веке монета московской системы, соответствующая половине новгородки.

Мунгалы — монголы.

Мягкая рухлядь — пушнина.

Наказная память — инструкция, составлявшаяся в московских приказах и местных учреждениях России в XVII—XVIII веках. Предназначалась русским послам для ведения переговоров и лицам, выполняющие на местах правительственное поручение.

Натки — название, употребляемое русскими в XVII веке в отношении нанайцев и ульчей, жившим в нижнем течении Амура.

Новгородки — денежная единица, имевшая хождение в России в XVI веке. Одна новгородка была равна двум московкам.

Объясаченный — выплачивающий ясак.

Огненный бой — артиллерийский обстрел, огнестрельное оружие.

Одекуй — разноцветные стеклянные бусы.

Окольничий — один из высоких придворных чинов в феодальной иерархии.

Олонхо — жанр якутского фольклора, старинное произведение героического эпоса.

Отписка — письменное донесение, отчёт.

Охочие люди — люди, имеющие охоту, пристрастие к определённом занятию.

Петарда — взрывное устройство, старинный разрывной снаряд в виде металлического сосуда, наполненного порохом, дающий сильный взрыв.

Передовщик — идущий во главе каравана, его глава.

Пищаль — ручное огнестрельное оружие, ружьё.

Подклеть — нижний этаж жилого дома, обыкновенно предназначенный для прислуги, домашних нужд, кладовых помещений.

Подлаз — скрытый лаз под крепостной стеной.

Покрученик — несвободный зависимый человек, нанявшийся к богатому промышленнику и связанный с ним покрученой записью.

Покрученная запись — письменное соглашение, определяющее зависимое положение от богатого промышленника.

Половник — представитель крестьянства, арендатор пашенных земель и угодий. В XVI веке эта социальная категория была распространена на севере московской Руси.

Половничество — система землепользования, носящая разнообразный характер: обработка своими силами, сдача в аренду, использование наёмного труда и крепостных.

Поминки — подарки.

Правёж — в древнерусском судопроизводстве выяснение истины путём применения истязаний, насилия, пыток.

Примак — человек, принятый в чужую семью, обычно в семью жены.

Промышленник, промысловик — человек, занимающийся охотничьим промыслом или рыболовством, а также предприниматель, имеющий свои промыслы.

Распадок, падь — на востоке страны так называют глубокий овраг или низину с высокими берегами.

Ручница — ружьё, ручное огнестрельное оружие.

Самопал — усовершенствованная пицаль, ружьё с запалом и огнивом.

Саха — самоназвание якутов.

Своеуженник — независимый промышленник, входящий в артель в качестве пайщика.

Свояк — муж свояченицы, сестры жены.

Слобода — большое село, посёлок около города, пригород.

Слободчик — житель слободы.

Смыки — кандалы.

Стольник — один из высших придворных чинов.

Сын боярский — представитель низшего слоя господствующего класса, выслужившийся из чиновной среды служилых людей, по рангу считался выше дворян.

Таможенный целовальник — чиновник, собирающий таможенные пошлины в пользу государства.

Тать — человек, совершивший воровство, похищение или насильственный захват чего-либо.

Татьба — воровство или другое преступление, совершенное татем.

Тойон — то же, что и князец.

Толмач — переводчик.

Улус — племенная или родовая территория у народов Сибири, управляемая князцом, или тойоном.

Ушкуйник — вольный человек, промышляющий с ватагой сообщников

разбоем.

Ушкуйничать — разбойничать.

Целовальник — должностное лицо по сбору податей и по поступлению в казну денежных доходов.

Чеснок — то же, что и частокол.

Чертёж — схематическая карта, выполненная без соблюдения масштаба и без применения инструментальных съёмки.

Ясак — натуральный налог, обычно пушниной, которым облагались в пользу России коренные народы Сибири.

ХРОНОЛОГИЯ

1605—1607 (?) — Примерная дата рождения.

1625—1630 — Промыслы и служба в Мангазее и на Таймыре.

1631 — Находился в Москве по поручению промышленников Мангазеи, где подавал жалобу на воеводу Кокорева в Казанский приказ.

1632 — Вместе с братом Никифором и племянником Артемием Петриловским прибыл на Лену, где стал заниматься промыслом.

1639 — Обзавёлся своим хозяйством на участке земли в устье реки Куты. К весне 1641 года распахал около 30 десятин.

1641 — В Якутск прибыл воевода Головин. Конфликт между Головиным и Хабаровым. Воевода дважды лишал Хабарова земельных угодий и заключал его в тюрьму.

Середина 40-х — Хабаров освобождён из тюрьмы. Ему возвращены земельные владения и восстановлено хозяйство на Киренге.

1649, *март* — Хабаров встретил нового воеводу Францбекова и заинтересовал его экспедицией на Амур.

1649, *весна* — Выход экспедиции Хабарова из Илимска на Амур.

1652, *март* — Нападение маньчжур на Ачанский городок, где зимовал отряд Хабарова, который нанёс сокрушительное поражение нападавшим.

1652, *август* — Раскол в отряде Хабарова.

1653, *август* — Приезд на Амур Зиновьева, представителя Сибирского приказа. Отстранение Хабарова от его обязанностей.

1653, *осень* — Хабаров под давлением Зиновьева и фактически под арестом вынужденно покидает Амур.

1655, *начало декабря* — Прибытие Хабарова в Москву. Тяжба с Зиновьевым..

1656 — Хабаров за успешную службу удостоился звания сына боярского. Получил новое назначение в Илимск.

1658 — Возвращение на Лену.

1667 — С ясачной казной и почтой илимского воеводы Хабаров выехал из Илимска в Тобольск.

1667—1668 — Встречи в Москве с главой Сибирского приказа Р.М. Стрешневым, получение отказа на просьбу Хабарова, на его возвращение на Амур.

1668 — Возвращение на Киренгу.

1671, февраль — Ерофей Павлович Хабаров умер. Похоронен в Усть-Киренгском монастыре.